Т7 5/64
2-ое издание

Т7
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА О. Р. Т. З.
Т75 5/64
295

РОССІЯ
И
НАПОЛЕОНЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ МЕМУАРАХЪ, ДОКУМЕНТАХЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

СОСТАВИЛИ

Н. Л. БРОДСКІЙ, П. Е. МЕЛЬГУНОВА, К. В. СИВКОВЪ, и Н. П. СИДОРОВЪ.

2-Е ИЗДАНІЕ.

ЗАДРУГА.

МОСКВА. 1913 г.

РЕПРОДУКЦИЯ

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 3733
„2" VI 1935 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго,
Страстной бульваръ, собственный домъ.
1913.

Отъ составителей.

Показать настроеніе русскаго общества въ его различныхъ слояхъ за промежутокъ времени отъ 1807 г. до 1816 г. и преимущественно въ 1812 г.,—вотъ *главная* цѣль даннаго сборника. Въ немъ нѣтъ изложенія всего хода событій за указанное десятилѣтіе,—составители предполагаютъ, что читателямъ ихъ книги онъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, знакомъ, но тѣмъ не менѣе они сочли наиболѣе удобнымъ держаться по возможности хронологическаго порядка въ размѣщеніи статей, составляющихъ сборникъ, стараясь этимъ показать смѣну общественныхъ настроеній до Отечественной войны, за время этой войны и послѣ нея до 1816 г. Соотвѣтственно этому, вся книга распадается на 3 части; такъ какъ центромъ вниманія составителей былъ 1812 годъ, то вслѣдствіе этого 1-я и 3-я части книги не велики по объему и главное мѣсто въ ней занимаетъ 2-я часть, посвященная Отечественной войнѣ. Поставленные въ опредѣленныя рамки относительно размѣра книги, составители сознательно должны были отказаться отъ включенія въ нее многихъ цѣнныхъ отрывковъ; съ другой стороны, они насколько возможно избѣгали брать изъ мемуаровъ и беллетристическихъ произведеній отрывки, лишенные художественности; наконецъ, избѣгая пестроты, они старались не брать отрывковъ слишкомъ краткихъ, въ 10—15 строкъ, хотя бы и дающихъ новыя черты для характеристики общественныхъ настроеній, такъ какъ имѣли цѣлью составить книгу для чтенія, но не для справокъ. Вслѣдствіе всего этого, книга не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту. Въ частности, что касается художественныхъ произведеній, составители намѣренно не включили въ свою книгу такихъ, слишкомъ уже извѣстныхъ вещей, какъ, напр., „Бородино“ Лермонтова, „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковскаго и др. Съ другой стороны, составители не использовали нѣкоторыхъ французскихъ мемуаровъ, такъ какъ кн—вомъ „Задруга“ выпущенъ спеціальный сборникъ отрывковъ изъ иностранныхъ мемуаровъ, что дало возможность составителямъ даннаго сборника ограничиться въ этой области лишь самымъ необходимымъ, чтобы хотя отчасти характеризовать настроеніе и состояніе Наполеоновской арміи во время похода въ Россію.

Давая подборомъ отрывковъ изъ мемуаровъ, документовъ и художественныхъ произведеній картину смѣны общественныхъ настроеній за время 1807—1816 гг., составители стремились къ возможно большей объективности и безпристрастію: ими использованы сочиненія разныхъ авторовъ, принадлежащихъ по своимъ убѣжденіямъ къ различнымъ лагерямъ; свидѣтельствамъ русскихъ противопоставляются показанія французовъ.

Мемуары и документы, написанные на французскомъ языкѣ, взяты составителями въ имѣющихся переводахъ на русскій языкъ (съ необходимыми, однако, съ точки зрѣнія составителей, стилистическими поправками), но нѣкоторые изъ нихъ переведены спеціально для даннаго сборника. Это слѣдующіе очерки: „Балашевъ у Наполеона“, „Переходъ французовъ черезъ Нѣманъ“ Сегюра, „Французы въ Смоленскѣ“ Ц. Ложье, „Французская армія послѣ Бородинской битвы“—его же, „Въ виду Москвы“—его же, „Наполеонъ о московскомъ пожарѣ“ О'Мэара, „Графъ Мишо у Александра I“ гр. Мишо, „Катастрофа на мостахъ“ Ц. Ложье, „Письма вел. кн. Екатерины Павловны“ и „Искупленіе Виктора Гюго“,—переводъ этого стихотворенія любезно сдѣлалъ для даннаго сборника г. Сергѣй Кречетовъ.

Въ оглавленіи указано, откуда заимствованы соотвѣтствующіе отрывки книги, такъ что интересующіеся всегда могутъ обращаться къ первоисточнику, давшему матеріалъ для отрывка. Уважая права авторовъ сочиненій, использованныхъ для даннаго сборника, составители старались по возможности брать изъ нихъ цѣлыми частями, безъ пропусковъ внутри; гдѣ это пришлось по тѣмъ или инымъ соображеніямъ сдѣлать—въ виду обширности отрывка, отступленія автора отъ темы и т. п., тамъ вездѣ по возможности поставлено многоточіе; но во всякомъ случаѣ, дѣлая сокращенія, составители ставили себѣ первой цѣлью не исказить мысль автора, независимо отъ согласія или несогласія ихъ съ нею, и не измѣнить впечатлѣнія, которое имѣлъ въ виду произвести на читателей авторъ цитируемаго произведенія. Съ тою же цѣлью составители не считали возможнымъ исправлять слогъ цитируемыхъ авторовъ, какъ бы онъ ни казался тяжелымъ и устарѣвшимъ, равно какъ они сохраняли и орѳографію подлинниковъ.

ЧАСТЬ I.

Отъ Тильзита до вторженія Наполеона въ Россію.

1807—1812.

Императоръ Александръ I.

Наполеонъ.

I.

Тильзитъ.

13-го іюня французскій и русскій императоры съѣхались въ Тильзитѣ. Борисъ Друбецкой просилъ важное лицо, при которомъ онъ состоялъ, о томъ, чтобы быть причислену къ свитѣ, назначенной состоять въ Тильзитѣ.

— Je voudrais voir le grand homme [1], — сказалъ онъ, говоря про Наполеона, котораго онъ до сихъ поръ всегда, какъ и всѣ, называлъ Буонапарте.

— Vous parlez de Buonaparte? [2] — сказалъ ему, улыбаясь, генералъ.

Борисъ вопросительно посмотрѣлъ на своего генерала и тотчасъ же понялъ, что это было шуточное испытаніе.

— Mon prince, je parle de l'empereur Napoléon [3], — отвѣчалъ онъ. Генералъ съ улыбкой потрепалъ его по плечу.

— Ты далеко пойдешь, — сказалъ онъ ему и взялъ съ собою.

Борисъ въ числѣ немногихъ былъ на Нѣманѣ въ день свиданія императоровъ; онъ видѣлъ плоты съ вензелями, проѣздъ Наполеона по тому берегу мимо французской гвардіи, видѣлъ задумчивое лицо императора Александра въ то время, какъ онъ молча сидѣлъ въ корчмѣ на берегу Нѣмана, ожидая прибытія Наполеона; видѣлъ, какъ оба императора сѣли въ лодки, и какъ Наполеонъ, приставши прежде къ плоту, быстрыми шагами пошелъ впередъ и, встрѣчая Александра, подалъ ему руку, и какъ оба скрылись въ павильонѣ. Со времени своего вступленія въ высшіе міры, Борисъ сдѣлалъ себѣ привычку внимательно наблюдать то,

---

[1]) Я желалъ бы видѣть великаго человѣка.

[2]) Вы говорите про Буонапарта?

[3]) Князь, я говорю объ императорѣ Наполеонѣ.

что происходило вокругъ него, и записывать... Въ то самое время, какъ императоры вошли въ павильонъ, онъ посмотрѣлъ на часы и не забылъ посмотрѣть опять въ то время, когда Александръ вышелъ изъ павильона. Свиданіе продолжалось часъ и пятьдесятъ три минуты: онъ такъ и записалъ это въ тотъ вечеръ въ числѣ другихъ фактовъ, которые, онъ чувствовалъ, имѣли историческое значеніе...

24-го іюня вечеромъ, графъ Жилинскій, сожитель Бориса, устроилъ для своихъ знакомыхъ французовъ ужинъ. На ужинѣ этомъ былъ почетный гость, одинъ адъютантъ Наполеона, нѣсколько офицеровъ французской гвардіи и молодой мальчикъ старой аристократической французской фамиліи, пажъ Наполеона. Въ этотъ самый день Ростовъ, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнаннымъ, въ статскомъ платьѣ, пріѣхалъ въ Тильзитъ и вошелъ въ квартиру Жилинскаго и Бориса.

Въ Ростовѣ, также какъ и во всей арміи, изъ которой онъ пріѣхалъ, еще далеко не совершился въ отношеніи Наполеона и французовъ, изъ враговъ сдѣлавшихся друзьями, тотъ переворотъ, который произошелъ въ главной квартирѣ и въ Борисѣ. Все еще продолжали въ арміи испытывать прежнее смѣшанное чувство злобы, презрѣнія и страха къ Бонапарте и французамъ. Еще недавно Ростовъ, разговаривая съ Платовскимъ казачьимъ офицеромъ, спорилъ о томъ, что, ежели бы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ, съ нимъ обратились бы не какъ съ императоромъ, а какъ съ преступникомъ. Еще недавно на дорогѣ, встрѣтившись съ французскимъ раненымъ полковникомъ, Ростовъ разгорячился, доказывая ему, что не можетъ быть мира между законнымъ государемъ и преступникомъ-Бонапарте. Поэтому Ростова странно поразилъ въ квартирѣ Бориса видъ французскихъ офицеровъ, въ тѣхъ самыхъ мундирахъ, на которые онъ привыкъ иначе смотрѣть изъ фланкерской цѣпи. Какъ только онъ увидѣлъ высунувшагося изъ двери французскаго офицера, это чувство войны, враждебности, которое онъ всегда испытывалъ при видѣ непріятеля, вдругъ охватило его. Онъ остановился на порогѣ и по-русски спросилъ, тутъ ли живетъ Друбецкой. Борисъ, заслышавъ чужой голосъ въ передней, вышелъ къ нему навстрѣчу. Лицо его

въ первую минуту, когда онъ узналъ Ростова, выразило досаду.

— Ахъ, это ты, очень радъ, очень радъ тебя видѣть,— сказалъ онъ однако, улыбаясь и подвигаясь къ нему. Но Ростовъ замѣтилъ первое его движеніе.

— Я не во-время, кажется,—сказалъ онъ,—я бы не пріѣхалъ, но мнѣ дѣло есть,— сказалъ онъ холодно.

— Нѣтъ, я только удивляюсь, какъ ты изъ полка пріѣхалъ.— Dans un moment je suis à vous [1]),— обратился онъ на голосъ звавшаго его.

— Я вижу, что я не во-время,— повторилъ Ростовъ.....

Ростовъ пріѣхалъ въ Тильзитъ въ день, менѣе всего удобный для ходатайства за Денисова. Самому ему нельзя было идти къ дежурному генералу, такъ какъ онъ былъ во фракѣ и безъ разрѣшенія начальства пріѣхалъ въ Тильзитъ, а Борисъ, ежели даже и хотѣлъ, не могъ сдѣлать этого на другой день послѣ пріѣзда Ростова. Въ этотъ день, 27-го іюня, были подписаны первыя условія мира. Императоры помѣнялись орденами: Александръ получилъ Почетнаго Легіона, а Наполеонъ—Андрея 1-й степени, и въ этотъ день былъ назначенъ обѣдъ Преображенскому батальону, который давалъ ему батальонъ французской гвардіи. Государи должны были присутствовать на этомъ банкетѣ.

Ростову было такъ неловко и непріятно съ Борисомъ, что, когда послѣ ужина Борисъ заглянулъ къ нему, онъ притворился спящимъ и на другой день рано утромъ, стараясь не видать его, ушелъ изъ дома. Во фракѣ и круглой шляпѣ Николай бродилъ по городу, разглядывая французовъ и ихъ мундиры, разглядывая улицы и дома, гдѣ жили русскій и французскій императоры. На площади онъ видѣлъ разставляемые столы и приготовленія къ обѣду, на улицахъ видѣлъ перекинутыя драпировки съ знаменами, русскихъ и французскихъ цвѣтовъ, и огромные вензеля „A“ и „N“. Въ окнахъ домовъ были тоже знамена и вензеля...

„Я не уѣду отсюда, не сдѣлавъ всего, что могу для Денисова и главное не передавъ письма государю. Государю?!.

---

[1]) Сію минуту я къ твоимъ услугамъ.

Онъ тутъ!“ — думалъ Ростовъ, подходя невольно опять къ дому, занимаемому Александромъ.

У дома этого стояли верховыя лошади, и съѣзжалась свита, повидимому, приготовляясь къ выѣзду государя.

„Всякую минуту я могу увидать его“, — думалъ Ростовъ. — „Если бы только я могъ прямо передать ему письмо и сказать все, неужели бы меня арестовали за фракъ? Не можетъ быть! Онъ бы понялъ, на чьей сторонѣ справедливость. Онъ все понимаетъ, все знаетъ. Кто же можетъ быть справедливѣе и великодушнѣе его? Ну, да ежели бы меня и арестовали за то, что я здѣсь, что жъ за бѣда?“ — думалъ онъ, глядя на офицера, входившаго въ домъ, занимаемый государемъ. „„Вѣдь вотъ входятъ же. — Э! все вздоръ. Пойду и подамъ самъ письмо государю“.—И вдругъ, съ рѣшительностью, которой онъ самъ не ждалъ отъ себя, Ростовъ, ощупавъ письмо въ карманѣ, пошелъ прямо къ дому, занимаемому государемъ....

Проклиная свою смѣлость, замирая отъ мысли, что всякую минуту онъ можетъ встрѣтить государя и при немъ быть осрамленъ и высланъ подъ арестъ, понимая вполнѣ всю неприличность своего поступка и раскаиваясь въ немъ, Ростовъ, опустивъ глаза, пробирался вонъ изъ дома, окруженнаго толпой блестящей свиты, когда чей-то знакомый голосъ окликнулъ его, и чья-то рука остановила его.

— Вы, батюшка, что тутъ дѣлаете во фракѣ? — спросилъ его басистый голосъ.

Это былъ кавалерійскій генералъ, въ эту кампанію заслужившій особенную милость государя, бывшій начальникъ дивизіи, въ которой служилъ Ростовъ.

Ростовъ испуганно началъ оправдываться, но, увидавъ добродушно шутливое лицо генерала, отойдя къ сторонѣ, взволнованнымъ голосомъ передалъ ему все дѣло, прося заступиться за извѣстнаго генералу Денисова. Генералъ, выслушавъ Ростова, серьезно покачалъ головой.

— Жалко, жалко молодца; давай письмо.

Едва Ростовъ успѣлъ передать письмо и разсказать все дѣло Денисова, какъ съ лѣстницы застучали быстрые шаги

со шпорами, и генералъ, отойдя отъ него, подвинулся къ крыльцу. Господа свиты государя сбѣжали съ лѣстницы и пошли къ лошадямъ. Берейторъ Эне, тотъ самый, который былъ въ Аустерлицѣ, подвелъ лошадь государя, и по лѣстницѣ послышался легкій скрипъ шаговъ, которые сейчасъ узналъ Ростовъ. Забывъ опасность быть узнаннымъ, Ростовъ подвинулся съ нѣсколькими любопытными изъ жителей къ самому крыльцу и опять, послѣ двухъ лѣтъ, онъ увидалъ тѣ же обожаемыя имъ черты, то же лицо, тотъ же взглядъ, ту же походку, то же соединеніе величія и кротости... И чувство восторга и любви къ государю съ прежней силою воскресло въ душѣ Ростова. Государь въ преображенскомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ и высокихъ ботфортахъ, съ звѣздой, которую не зналъ Ростовъ (это была Légion d'honneur), вышелъ на крыльцо, держа шляпу подъ рукой и надѣвая перчатку. Онъ остановился, оглядывая и все освѣщая вокругъ себя своимъ взглядомъ. Кое-кому изъ генераловъ онъ сказалъ нѣсколько словъ. Онъ узналъ тоже бывшаго начальника дивизіи Ростова, улыбнулся ему и подозвалъ его къ себѣ.

Вся свита отступила, и Ростовъ видѣлъ, какъ генералъ этотъ что-то довольно долго говорилъ государю.

Государь сказалъ ему нѣсколько словъ и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ лошади.Опять толпа свиты и толпа улицы, въ которой былъ Ростовъ, придвинулись къ государю. Остановившись у лошади и взявшись рукой за сѣдло, государь обратился къ кавалерійскому генералу и сказалъ громко, очевидно съ желаніемъ, чтобы всѣ слышали его.

— Не могу, генералъ, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня, — сказалъ государь и занесъ ногу въ стремя.

Генералъ почтительно наклонилъ голову, государь сѣлъ и поѣхалъ галопомъ по улицѣ. Ростовъ, не помня себя отъ восторга, съ толпою побѣжалъ за нимъ.

На площади, куда поѣхалъ государь, стояли лицомъ къ лицу справа батальонъ Преображенцевъ, слѣва батальонъ французской гвардіи, въ медвѣжьихъ шапкахъ.

Въ то время, какъ государь подъѣзжалъ къ одному флангу батальоновъ, сдѣлавшихъ на караулъ, къ противоположному флангу подскакивала другая толпа всадниковъ, и впереди ихъ Ростовъ узналъ Наполеона. Это не могъ быть никто другой. Онъ ѣхалъ галопомъ, въ маленькой шляпѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо, въ раскрытомъ надъ бѣлымъ камзоломъ синемъ мундирѣ, на необыкновенно породистой арабской сѣрой лошади, на малиновомъ, золотомъ шитомъ, чепракѣ. Подъѣхавъ къ Александру, онъ приподнялъ шляпу, и при этомъ движеніи кавалерійскій глазъ Ростова не могъ не замѣтить, что Наполеонъ дурно и нетвердо сидѣлъ на лошади. Батальоны кричали: „ура“ и „vive l'Empereur!“ Наполеонъ что-то сказалъ Александру. Оба императора слѣзли съ лошадей и взяли другъ друга за руки. На лицѣ Наполеона была непріятно-притворная улыбка. Александръ съ ласковымъ выраженіемъ что-то говорилъ ему.

Ростовъ, не спуская глазъ, несмотря на топтаніе лошадьми французскихъ жандармовъ, осаживавшихъ толпу, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ императора Александра и Бонапарте. Его, какъ неожиданность, поразило то, что Александръ держалъ себя какъ равный съ Бонапарте, и что Бонапарте совершенно свободно, какъ-будто эта близость съ государемъ естественна и привычна ему, какъ равный обращался съ Русскимъ царемъ.

Александръ и Наполеонъ съ длиннымъ хвостомъ свиты подошли къ правому флангу Преображенскаго батальона, прямо на толпу, которая стояла тутъ. Толпа очутилась неожиданно такъ близко къ императорамъ, что Ростову, стоявшему въ переднихъ рядахъ ея, стало страшно, какъ бы его не узнали.

— Sire, je vous demande la permission de donner la Légion d'honneur au plus brave de vos soldats? [1]) — сказалъ рѣзкій, точный голосъ, договаривающій каждую букву.

Это говорилъ малый ростомъ Бонапарте, снизу прямо глядя въ глаза Александру. Александръ внимательно слушалъ то, что ему говорили, и, наклонивъ голову, пріятно улыбнулся.

---

[1]) Государь, я прошу у васъ позволенія дать орденъ Почетнаго Легіона храбрѣйшему изъ вашихъ солдатъ.

— A celui qui s'est le peus vaillament conduit dans cette dernière guerre [1]), — прибавилъ Наполеонъ, отчеканивая каждый слогъ, съ возмутительнымъ для Ростова спокойствіемъ и увѣренностью оглядывая ряды русскихъ, вытянувшихся передъ нимъ солдатъ, все державшихъ на караулъ и неподвижно глядящихъ въ лицо своего императора.

— Votre majesté me permettra-t-elle de demander l'avis du colonel? [2]) — сказалъ Александръ и сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ къ князю Козловскому, командиру батальона.

Бонапарте сталъ между тѣмъ снимать перчатку съ бѣлой, маленькой руки и, разорвавъ ее, бросилъ. Адъютантъ, сзади торопливо бросившись впередъ, поднялъ ее.

— Кому дать? — не громко, по-русски спросилъ императоръ Александръ у Козловскаго.

— Кому прикажете, Ваше Величество?

Государь недовольно поморщился и, оглянувшись, сказалъ:

— Да вѣдь надобно же отвѣчать ему.

Козловскій съ рѣшительнымъ видомъ оглянулся на ряды и въ этомъ взглядѣ захватилъ и Ростова.

„Ужъ не меня ли?“ — подумалъ Ростовъ.

— Лазаревъ! — нахмурившись, прокомандовалъ полковникъ и первый по ранжиру солдатъ, Лазаревъ, бойко вышелъ впередъ.

— Куда же ты? Тутъ стой! — зашептали голоса на Лазарева, не знавшаго куда ему идти. Лазаревъ остановился, испуганно покосившись на полковника, и лицо его дрогнуло, какъ это бываетъ съ солдатами, вызываемыми передъ фронтъ.

Наполеонъ чуть поворотилъ голову назадъ и отвелъ назадъ свою маленькую пухлую ручку, какъ-будто желая взять что-то. Лица его свиты, догадавшись въ ту же секунду, въ чемъ дѣло, засуетились, зашептались, передавая что-то одинъ другому, и пажъ, тотъ самый, котораго вчера видѣлъ Ростовъ у Бориса, выбѣжалъ впередъ и, почтительно накло-

---

[1]) Тому, кто храбрѣе всѣхъ показалъ себя во время послѣдней войны.

[2]) Ваше величество позволитъ ли мнѣ спросить мнѣніе полковника?

нившись надъ протянутой рукой и не заставивъ ее дожидаться ни одной секунды, вложилъ въ нее орденъ на красной лентѣ. Наполеонъ, не глядя, сжалъ два пальца; орденъ очутился между ними. Наполеонъ подошелъ къ Лазареву, который, выкатывая глаза, упорно продолжалъ смотрѣть только на своего государя, и оглянулся на императора Александра, показывая этимъ, что то, что онъ дѣлалъ теперь, онъ дѣлалъ для своего союзника. Маленькая бѣлая рука съ орденомъ дотронулась до пуговицы солдата Лазарева. Какъ-будто Наполеонъ зналъ, что для того, чтобы навсегда этотъ солдатъ былъ счастливъ, награжденъ и отличенъ отъ всѣхъ въ мірѣ, нужно было только, чтобы его, Наполеонова рука, удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеонъ только приложилъ крестъ къ груди Лазарева и, пустивъ руку, обратился къ Александру, какъ-будто онъ зналъ, что крестъ долженъ прилипнуть къ груди Лазарева. Крестъ дѣйствительно прилипъ.

Русскія и французскія услужливыя руки, мгновенно подхвативъ крестъ, прицѣпили его къ мундиру. Лазаревъ мрачно взглянулъ на маленькаго человѣчка, съ бѣлыми руками, который что-то сдѣлалъ надъ нимъ, и, продолжая неподвижно держать „на караулъ“, опять прямо сталъ глядѣть въ глаза Александру, какъ-будто онъ спрашивалъ Александра: все ли еще ему стоять, или не прикажутъ ли ему пройтись теперь, или можетъ быть еще что-нибудь сдѣлать? Но ему ничего не приказывали, и онъ довольно долго оставался въ этомъ неподвижномъ состояніи.

Государи сѣли верхами и уѣхали. Преображенцы, разстроивая ряды, перемѣшались съ французскими гвардейцами и сѣли за столы, приготовленные для нихъ.

Лазаревъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ; его обнимали, поздравляли и жали ему руки русскіе и французскіе офицеры. Толпы офицеровъ и народа подходили, чтобы только посмотрѣть на Лазарева. Гулъ говора русско-французскаго и хохота стоялъ на площади вокругъ столовъ. Два офицера, съ раскраснѣвшимися лицами, веселые и счастливые, прошли мимо Ростова.

— Каково, братъ, угощенье? Все на серебрѣ, — сказалъ одинъ. — Лазарева, видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Завтра, говорятъ, Преображенцы ихъ угощать будутъ.

— Нѣтъ, Лазареву-то какое счастье! 1.200 франковъ пожизненнаго пенсіона.

— Вотъ такъ шапка, ребята! — кричалъ Преображенецъ, надѣвая мохнатую шапку француза.

— Чудо какъ хорошо, прелесть!

— Ты слышалъ отзывъ? — сказалъ гвардейскій офицеръ другому. — Третьяго дня было—„Napoléon, France, bravoure“ [1]); вчера „Alexandre, Russie, grandeur“ [2]); одинъ день нашъ государь даетъ отзывъ, а другой день Наполеонъ. Завтра государь пошлетъ Георгія самому храброму изъ французскихъ гвардейцевъ. Нельзя же! Долженъ отвѣтить тѣмъ же...

Ростовъ долго стоялъ у угла, издалека глядя на пирующихъ. Въ умѣ его происходила мучительная работа, которую онъ никакъ не могъ довести до конца. Въ душѣ поднимались страшныя сомнѣнія. То ему вспоминался Денисовъ съ своимъ измѣнившимся выраженіемъ, съ своей покорностью и весь госпиталь съ этими оторванными руками и ногами, съ этой грязью и болѣзнями. Ему такъ живо казалось, что онъ теперь чувствуетъ этотъ больничный запахъ мертваго тѣла, что онъ оглядывался, чтобы понять, откуда могъ происходить этотъ запахъ. То ему вспоминался этотъ самодовольный Бонапарте съ своей бѣлой ручкой, который былъ теперь императоръ, котораго любитъ и уважаетъ императоръ Александръ. Для чего же оторванныя руки, ноги, убитые люди? То вспоминался ему награжденный Лазаревъ и Денисовъ—наказанный и непрощенный. Онъ заставалъ себя на такихъ страшныхъ мысляхъ, что пугался ихъ.

Запахъ ѣды Преображенцевъ и голодъ вызвали его изъ этого состоянія: надо было поѣсть что-нибудь, прежде чѣмъ уѣхать. Онъ пошелъ къ гостинницѣ, которую видѣлъ утромъ. Въ гостинницѣ онъ засталъ такъ много народу, офицеровъ, такъ же какъ и онъ, пріѣхавшихъ въ статскихъ платьяхъ, что онъ на-силу добился обѣда. Два офицера одной съ нимъ дивизіи присоединились къ нему. Разговоръ

---

[1]) Наполеонъ, Франція, храбрость.

[2]) Александръ, Россія, величіе.

естественно зашелъ о мирѣ. Офицеры, товарищи Ростова, какъ и большая часть арміи, были недовольны миромъ, заключеннымъ послѣ Фридланда. Говорили, что еще бы подержаться, Наполеонъ бы пропалъ, что у него въ войскахъ ни сухарей, ни зарядовъ уже не было. Николай молчалъ и преимущественно пилъ. Онъ выпилъ одинъ двѣ бутылки вина. Внутренняя, поднявшаяся въ немъ работа, не разрѣшаясь, все также томила его. Онъ боялся предаваться своимъ мыслямъ и не могъ отстать отъ нихъ. Вдругъ на слова одного изъ офицеровъ, что обидно смотрѣть на французовъ, — Ростовъ началъ кричать съ горячностью, ничѣмъ не оправданною, и потому очень удивившею офицеровъ.

— И какъ вы можете судить, что было бы лучше! — закричалъ онъ, съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью.—Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать?! Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя!

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ, — оправдывался офицеръ, иначе какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ, не могшій объяснить себѣ его вспыльчивости.

Но Ростовъ не слушалъ.

— Мы не чиновники дипломатическіе, а мы солдаты, — и больше ничего, — продолжалъ онъ. — Умирать велятъ намъ — такъ умирать, а коли наказываютъ, такъ, значитъ, виноватъ; не намъ судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ — значитъ, такъ надо. А то, коли бы мы стали обо всемъ судить да разсуждать, такъ этакъ ничего святого не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ!—ударяя по столу, кричалъ Николай, весьма некстати, по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей.

— Наше дѣло исполнить свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все, — заключилъ онъ.

— И пить, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не желавшій ссориться.

— Да, и пить, — подхватилъ Николай. — Эй ты! Еще бутылку! — крикнулъ онъ.

Л. Толстой.

Свиданіе въ Тильзитѣ. (Совр. грав.).

II.

Въ арміи.

Послѣ свиданія двухъ императоровъ, было рѣшено ими, что Тильзитъ будетъ мѣсто ихъ жительства и переговоровъ ихъ уполномоченныхъ. По ходатайству императора Александра, въ этотъ городъ былъ приглашенъ и король прусскій, котораго всѣ владѣнія были уже въ рукахъ непріятеля, кромѣ мѣстности между Тильзитомъ и Мемелемъ. Вмѣстѣ съ переѣздомъ императора Александра въ Тильзитъ переправлены были въ видѣ почета ему, вслѣдствіе дружелюбныхъ сношеній съ Наполеономъ, первый батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-эскадронъ гвардейскаго гусарскаго.

Кн. С. Волконскій.

Опять повторяю, что, какъ велись переговоры, не могло быть мнѣ извѣстно, и разсказъ мой будетъ обнимать только эпизоды частныхъ обстоятельствъ. Французамъ дозволено было безъ всякихъ препятствій изъ любопытства переѣзжать

на нашъ берегъ, но не вдаваться внутрь занимаемаго нами края. Намъ-же, русскимъ, не дозволено было нашимъ начальствомъ, посѣщать французскій берегъ иначе, какъ по билетамъ, выдаваемымъ весьма разборчиво и затруднительно съ дозволенія государя; странное обстоятельство, какъ бы означающее, что нами царь стыдится, хотя, кажется, нами нечего было стыдиться, и мы могли пользоваться тѣмъ правомъ, которое предоставлено было французамъ.

На берегу Нѣмана, противъ Тильзита, былъ расположенъ лагерь вновь пришедшихъ башкирскихъ казачьихъ полковъ. Странность наружности и обычаевъ ихъ весьма занимала посѣщающихъ французовъ и, какъ эти башкирцы были вооружены, кромѣ обыкновеннаго огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія, луками и стрѣлами, французовъ весьма занимали игрища ихъ этимъ незнакомымъ для нихъ оружіемъ.

Наполеону желательно было увидѣть Платова, и его императоръ Александръ призвалъ въ Тильзитъ и представилъ Наполеону; въ числѣ свиты Платова былъ переодѣтый въ казачій мундиръ—англійскій полковникъ Вильсонъ, желавшій подъ этимъ маскарадомъ увидѣть Наполеона безъ огласки его личности.

Многимъ изъ насъ желательно было удовлетворить подобное любопытство, и, какъ затруднительно было получить гласное на это позволеніе, то помню, что я и товарищъ мой, князь Лопухинъ, надѣвъ платье прусскихъ крестьянъ, успѣли переѣхать на французскій берегъ, въ видѣ торгующихъ съѣстными припасами, и имѣли случай видѣть Наполеона, который ежедневно, въ сопровожденіи императора Александра и съ обѣими ихъ свитами, дѣлали прогулки то въ лагерь вышеозначеннаго русскаго конвоя, то по лагерямъ французскихъ войскъ. Были обоюдные смотры, и на одномъ изъ нихъ, въ память событія свиданія, Наполеонъ украсилъ грудь фланговаго гренадера Преображенскаго полка солдатскимъ знакомъ почетнаго Легіона.

Въ числѣ эпизодовъ этого времени было угощеніе русскаго конвоя, какъ высшихъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ лагерѣ французской гвардіи и потомъ угощеніе французской гвардіи въ лагерѣ, занимаемомъ Преображенскимъ батальономъ и лейбъ-гусарскимъ эскадрономъ. При обоихъ этихъ празднествахъ присутствовали сами вѣнценосцы.

Въ скоромъ времени мы узнали, что миръ заключенъ, и нашей арміи дано было распоряженіе о возвращеніи въ россійскіе предѣлы. Эта вѣсть такъ не была по сердцу любящимъ славу Россіи [1]), что вспоминаю, что я, живши на бивуакѣ, пригласилъ къ себѣ знакомаго мнѣ товарища изъ свиты Бенигсена, молодого барона Шпрингпортена, и съ горя (по русской привычкѣ), не имѣя другихъ питій, какъ водка, мы выпили вдвоемъ три полуштофа Гданской сладкой водки, и такъ мы опьянѣли, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что онъ отъ этого не гаснулъ.

Кн. С. Волконскій.

III.

„Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ“ [2]).

Господи помилуй! Да будетъ-ли этому конецъ? Долго-ли намъ быть обезьянами? Не пора-ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты, дьявольское навожденіе! Ступай въ адъ, или въ свояси, все равно, только не будь на Руси.

---

[1]) На Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ наиболѣе коснулось просвѣщеніе, Тильзитъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе. Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ не оскорбили народной чести; это были неудачи, какъ выразился современникъ, но не пятно; а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя. Когда же послѣдовалъ въ томъ же 1807 году разрывъ съ Англіею, вызвавшій остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, то союзъ съ Франціею сдѣлался предметомъ единодушнаго осужденія всѣхъ сословій государства. Неудовольствіе поддерживалось и укрѣплялось также англійскими интригами и преобладающимъ вліяніемъ, которымъ пользовались въ высшемъ русскомъ обществѣ эмигранты и нѣмецкіе недоброжелатели Наполеона. „Вообще неудовольствіе противъ императора болѣе и болѣе возрастаетъ“, доносилъ графъ Стединтъ королю Густаву IV, „и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать“.

[2]) Французское вліяніе въ Россіи еще въ XVIII в. вызывало недовольство сторонниковъ старины, и осмѣивалось въ литературѣ. Сближеніе съ Франціей въ началѣ царствованія Александра I, а въ частности—Тильзитское соглашеніе вызывало въ этихъ кругахъ особенный ропотъ. Однимъ изъ выразителей этого недовольства сближеніемъ съ Франціей явился гр. Растопчинъ, назначенный передъ самой войной 1812 г. московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Прости Господи! Ужъ-ли Богъ Русь на то создалъ, чтобы она кормила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ. Ее же бранятъ всѣ не на животъ, а на смерть. Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы, всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ, а онъ собака холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ-разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитаніе, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

Боже мой! Да какъ же предки наши жили безъ французскаго языка: а служили вѣрой и правдой Государю и

Гр. Ѳ. Растопчинъ.

Отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное!

Спаси Господи! Чему дѣтей нынче учатъ! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего

брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь, Bon jour; отецъ, Monsieur; старуха мать, Maman; холопъ, Mon ami; Москва, Ridicule; Россія, Fi donc.

Сущія дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! Только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по-французски; и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ, и бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты, какъ мать наша въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мясного ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти нѣмцами. Охъ тяжело! Дай Боже сто лѣтъ здравствовать Государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго, взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунсткамеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшной.

Прости Господи! Все по-французски, все на ихъ манеръ; пора уняться; чего лучше быть Русскимъ, не стыдно нигдѣ показаться, хоть носъ ьверхъ; есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вишь что за люди къ намъ ѣздятъ и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери, ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну! не смѣшно-ли нашему дворянину покажется, есть ли бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій; чтобъ писарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка, и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ съ позволенія сказать это-

то у насъ лѣтъ уже тридцать какъ завелось, и по несчастью не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды.

Владыко мой! Да чего отцамъ и матерямъ хочется? Чего у насъ нѣтъ, все есть, или быть можетъ. Государь милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Всѣ они знали и знаютъ французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго....

Царь небесный! Мало этова, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двѣнадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите, шестьсотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружежена; а кто начальники? кто чиновники? Русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукой сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавою, подъ каменной Москвой; милліоны посыпались; всѣ вооружились, и отъ Ледяного моря до Чернова, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти французы! Копейки не стоитъ! Смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху, ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго не примись,— либо философъ, либо римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; трусливъ какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ-то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что во французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: „все хорошо, лишь бы удалось“. „Что можно взять, то должно прибрать“. Хоть немного по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вить что проклятые надѣлали въ эти двѣнадцать лѣтъ! Все истребили, пожгли и раззорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой

злодѣй. Думали, что это будетъ равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и начали грабить и душить нѣмцевъ и венгерцевъ, итальянцевъ, и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрегъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать, а ему-то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то-есть: плакать и кряхтѣть, а онъ какъ угорѣлая кошка и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ тово-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ. Цесарцевъ обдулъ. Прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало, весь міръ захотѣлъ покорить, что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья, разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубновова короля катать, подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать, подъ Эйлау—по другой, и свѣту Божьева не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскія такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ. Слава тебѣ, россійское побѣдоносное христіанское воинство! Честь Государю нашему и матушкѣ Россіи! Слава вамъ, герои россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Докторовъ, Волконской, Долгорукой! Вѣчная память, юноша храбрый, Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики вздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ

твоей. Радуйся, царство русское! Всемірный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силой истребляется! Онъ пришелъ какъ свирѣпой левъ, хотѣлъ все пожрать; теперь бѣжитъ, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютова, тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, русскіе! Вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

Графъ Ѳ. Растопчинъ.

IV.

Среди военной молодежи.

Во время перваго года моего служенія самая отличительная и похвальная сторона въ убѣжденіяхъ молодежи — это всеобщее желаніе отмстить Франціи за нашу военную неудачу въ Аустерлицѣ. Это чувство преобладало у всѣхъ и каждаго и было столь сильно, что въ этомъ чувствѣ мы полагали единственно нашъ гражданскій долгъ, и не понимали, что къ отечеству любовь не въ одной военной славѣ, а должна бы имѣть цѣлью поставить Россію въ гражданственности на уровень съ Европой, и содѣйствовать къ перерожденію ея сходно съ великими истинами, выказанными въ началѣ французской революціи, но безъ увлеченій, ввергнувшихъ Францію въ бездну безначалій. Честь и слава многимъ падшимъ жертвамъ за святое дѣло свободы. Но строгій приговоръ тѣмъ, которые исказили великія истины той эпохи...

Мой бытъ служебный, общественный, былъ подобенъ быту моихъ сослуживцевъ, однолѣтокъ: много пустого, ничего дѣльнаго. Кичились быть хорошими фронтовиками, хотя по опыту видѣли во время войны, что не въ этомъ дѣло въ военномъ ремеслѣ. Книги, забытыя, не сходили съ полокъ; однимъ я теперь горжусь былымъ временемъ—это общій порывъ молодежи всѣхъ слоевъ, желаніе отмстить французамъ за стыдное пораженіе наше подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ.

Это чувство такъ было сильно въ насъ, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство свѣтскими учтивостями. Многіе изъ насъ прекратили посѣщенія въ тѣ дома, куда онъ былъ вхожъ. На зовъ его на балъ мы не ѣздили, хотя насъ сажали подъ арестъ и, между прочими нашими выходками негодованія, было слѣдующее.

Мы знали, что въ угловой гостиной занимаемаго имъ дома былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности.

Что же мы сдѣлали? Зимней порой, въ темную ночь, нѣсколько изъ насъ, сѣвъ въ пошевни, поѣхали по Дворцовой набережной, взявъ съ собой удобно-метательные каменья, и, поровнявшись съ этой комнатой, пустили въ окна эти метательныя вещества.

Зеркальныя стекла были повреждены, а мы, какъ говорится французами, „fouette cocher“ [1]). На другой день—жалоба, розыски, но донынѣ врядъ-ли кто знаетъ, и то по моему разсказу—кто былъ въ санкахъ, и я въ томъ числѣ...

Пораженіе Аустерлицкое, пораженіе Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона 1-го, — были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого, — и весьма мало ихъ было, — почитался отверженнымъ, презирался.

Ни славныя дѣла финляндской кампаніи, ни славныя побѣды надъ турками, ни миръ Абовскій, ни предстоящій миръ съ Турціей, готовой къ уступкамъ намъ, не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Дружное желаніе отмстить объяло всѣ сердца, и хотя были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе.

---

[1]) А насъ и слѣдъ простылъ.

Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывали при каждомъ случаѣ.

Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ. Живо помню я, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ громомъ рукоплесканій принимались нѣкоторыя мѣста озеровской трагедіи „Дмитрій Донской“. Стихи:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прошедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнувъ, наконецъ, насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?

или

Ахъ! Лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

или

Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному,

бывали покрыты рукоплесканіями, подобными грому; театръ, можно сказать, трещалъ отъ нихъ. А при послѣднихъ сценахъ этой трагедіи, когда Дмитрій говоритъ:

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню.
Россіи миру нѣтъ, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превратятъ,
Иль къ рабству пріучивъ, сердецъ не развратятъ,
И не введутъ межъ насъ свои злочестны нравы.
Отъ нашей храбрости намъ должно ждать управы;
Въ крови враговъ омыть прошедшихъ лѣтъ позоръ,
И начертать мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истинѣ достойными отцами
Мы будемъ россіянъ, освобожденныхъ нами.

или

Пойдемъ, веселье ихъ щедротами прибавимъ,
Спокоимъ раненыхъ, къ умершимъ долгъ отправимъ.
Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей;
Прославь и утверди, и возвеличь Россію;
Какъ прахъ земный, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте, великъ Россійскій Богъ!

слушатели, наполняющіе залу, при представленіи этой пьесы, какъ часто ее ни давали, преисполненные чувствомъ этой сцены, въ глубокомъ молчаніи слѣдили за словами актера, а съ опущеніемъ занавѣса, начиналось фурорное хлопанье, выражающее симпатію къ сказанному и надежду на предстоящія событія. Во всѣхъ слояхъ общества одинъ разговоръ, въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружеской, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ—одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежды на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго.

Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому.

Уже съ начала 12-го года явно начали говорить о предстоящей войнѣ.

Рекрутскій значительный наборъ, формированіе резервовъ, дѣятельность въ приготовленіяхъ военныхъ, сосредоточеніе войскъ при европейскихъ границахъ, вызовъ регулярныхъ войскъ изъ Сибири, формированіе 27-й дивизіи въ Москвѣ кадрами изъ гарнизонныхъ полковъ, наполненныхъ рекрутами, формированіе двухъ кирасирскихъ полковъ, укомплектованіе всѣхъ частей войска, кадровые составы резервовъ, формированіе депо, въ которыхъ впослѣдствіи оказалась такая смертность (по нерадѣнію и злоупотребленіямъ начальствующихъ, при чемъ, грустно сказать, что тогда, какъ и въ Крымскую послѣднюю войну, для иныхъ долгъ къ отечеству заглушенъ былъ поискомъ собственныхъ выгодъ, и какихъ?—денежныхъ), всѣ эти приготовленія уже ясно предвѣщали войну.

Съ начатія весны гвардейскіе полки начали выходить изъ Питера, черезъ день по одному, провожаемые и ободряемые Царемъ; выступали не въ парадной формѣ, а въ боевой, не съ Царицына луга, не съ Дворцовой площади,—школъ шагистики, — но отъ Нарвской или Царскосельской заставъ, прямо въ направленіе границъ.

Громкое „ура“ встрѣчало Царя и то же „ура“ отвѣчало ему на слова: „добрый путь“. Многое не высказывалось, но

все чуялось, какъ это и должно быть въ великія минуты гражданской жизни народовъ. Родина была близка сердцу Цареву и та же родина чутко говорила, хоть не гласно, войску.

Тутъ не было ничего приготовленнаго, все чистосердечное. Слова царскія: „добрый путь“ много говорили, а общее „ура“ войска выражало то, что Россія ожидала отъ своихъ сыновъ.

Вслѣдъ за стройными батальонами, тянулись экипажи, городскіе, провожающихъ матерей, женъ, дѣтей; хоть и были видны слезинки на ихъ глазахъ, но то не были слезинки отчаянія, а порука въ чистотѣ того благословенія, которымъ посвящали близкихъ ихъ сердцу на святое дѣло пользы отечественной. Отцы же, въ рядахъ народа, толкались вблизи сыновей, и послѣдній поцѣлуй, послѣднее сжатіе руки и посланный вслѣдъ сыновьямъ перстовый крестъ, — выражали любовь къ дѣтищу и любовь къ родинѣ.

Прошло нѣкоторое время по выходѣ гвардейскихъ полковъ изъ Петербурга, и начали уже гласно говорить о выѣздѣ Государя въ Вильну. Отправлены были походные экипажи, походныя конюшни, и, наконецъ, уже явно приказано было всей военной свитѣ Царя отправиться въ Вильну.

Кн. С. Волконскій.

V.

Комета 1811 года.

Въ 1811 году случилось событіе, которое привлекло общее вниманіе и принято всѣми было за предвозвѣстника 1812 года.

Разъ я шелъ съ дядькою въ церковь Женъ Мироносицъ ко всенощной. Это было въ августѣ и, слѣдовательно, когда шли въ церковь, то было свѣтло. Но вотъ къ концу всенощной, но ранѣе еще того времени, какъ народъ обыкновенно расходится, сдѣлалось на паперти, у дверей церкви

необычайное движеніе. Люди что-то выходили и опять входили, и, входя, какъ-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло, наконецъ, время выходить изъ церкви, но первые выходившіе остановились, и толпа сгустилась такъ, что нельзя было протискаться чрезъ нея. И вотъ, стоявшіе позади, потерявъ терпѣніе, стали громко спрашивать: „Да что тамъ такое? Отчего не идутъ?“ И вотъ, послышалось: „Звѣзда“.— Мало-по-малу, толпа, однако, разсѣялась такъ, что и мы могли выйти чуть не позади всѣхъ, и прямо противъ себя увидѣли знаменитую комету 1811 года.

На другой день, еще до захожденія солнца, люди стали выходить на улицу и смотрѣть на то мѣсто, гдѣ вчера видѣли восхожденіе „звѣзды“. Въ сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народомъ, такъ что не только экипажамъ проѣзжать, но и пѣшкомъ проталкиваться было очень трудно. На мѣстѣ вчерашняго появленія звѣзды было, однако же, черное облако. При всемъ томъ, народъ не уходилъ, а упорствовалъ въ ожиданіи. Въ другихъ частяхъ неба было ясно и появились уже небольшія звѣзды. Но вотъ едва пробило 9 часовъ, какъ облако какъ-бы осѣло подъ горизонтъ, и вчерашняя звѣзда появилась еще въ болѣе грозномъ видѣ.

Какъ бы по сигналу, всѣ сняли шапки и перекрестились. Послышались тяжелые, гдѣ подавленные, гдѣ громкіе вздохи. Долго стояли въ молчаніи, но вотъ одна женщина впала въ истерику, другія зарыдали, начался говоръ, затѣмъ громкія восклицанія. „Вѣрно прогнѣвался Господь на Россію“.— „Согрѣшили не путемъ, ну, вотъ и дождались“, и т. п. Начались сравненія: кто говорилъ, что хвостъ кометы—это пучекъ розогъ, кто уподоблялъ метлѣ, чтобы вымести всю неправду изъ Россіи и т. п.

Съ тѣхъ поръ народъ постоянно толпился на улицахъ каждый вечеръ, а звѣзда становилась все грознѣе и грознѣе. Начались толки о преставленіи свѣта, о томъ, что Наполеонъ есть предреченный антихристъ, указанный прямо въ Апокалипсисѣ подъ именемъ Апполіона. Съ этимъ совпадали и грозныя политическія вѣсти: туча все сильнѣй и сильнѣй надвигалась съ запада. Все это коснулось органическихъ основъ общественныхъ. Дѣло шло не о временныхъ уже

выгодахъ, а о самомъ существованіи вѣры, отечества, общества. Слухи одни страннѣе другихъ разносились повсюду,—стали разсказывать о видѣніяхъ, знаменіяхъ, но болѣе всего наводила страхъ какая-то предполагаемая измѣна, это слово было у всѣхъ на языкѣ.

Довѣріе къ высшимъ лицамъ, къ правительству, совершенно потерялось.

Все это производило необычайное впечатлѣніе на меня и возводило изъ тѣснаго круга обыденной жизни къ міровымъ событіямъ. Во все это я жадно вслушивался, разспрашивалъ у всѣхъ, даже сталъ читать газеты, усиливаясь постигнуть ходъ событій.

Д. Завалишинъ.

VI.

Московское общество передъ войной.

1.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 г. съ французами въ Тильзитѣ; однако-же, ничего не было примѣтно и все оставалось спокойно; напротивъ, еще въ „С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ“ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и, хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что „что-то неладное между нами и французами“, но все это большого вѣроятія не заслуживало, потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что-нибудь печатать; но когда многіе листы иностранныхъ вѣдомостей были задержаны, то стали догадываться, что „что-нибудь да есть“, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отовсюду стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными. Въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ французами будетъ война, и война жестокая; однако-жъ, 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже объ нихъ.

А. Бестужевъ-Рюминъ.

2.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна *** (Г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною [1]), оставляю ей это имя). Мы скоро подружились, вотъ по какому случаю. Братъ мой, двадцати двухъ-лѣтній малый, принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину, и упросилъ меня сблизить наши домы. Братъ былъ идолъ нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ. Сблизясь съ Полиною изъ уженія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями...

Полина чрезвычайно много читала, и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у ней. Библіотека большею частью состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность, отъ Монтескье до романовъ Кребильона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и, вѣроятно, ничего по-русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны, даже въ эпоху историческую. Однако-жъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница— m-me de Staël. Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣды. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю, толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались

---

[1]) Имѣется въ виду романъ Загоскина „Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.“

слишкомъ длинны, а рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій m-me de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу „Коринны“. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ, нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою m-me de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во время обѣда Полина сидѣла, какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и m-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ, вырвалось у ней двусмыслiе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину. Лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ m-me de Staël; она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

„Что съ тобою сдѣлалось, ma chére? —спросила я Полину,—неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?“ „Ахъ, милая, — отвѣчала Полина, — я въ отчаяніи!“

Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны: она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже, мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность—и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились! Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать... „Но, пускай, — съ жаромъ продол-

жала Полина,—пускай, она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? „Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову“. Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ я ненавижу ея гонителя!“

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проницательные глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой m-me de Staël. Не знаю, что подумала она, но она подошла послѣ обѣда къ моей подругѣ и съ нею разговорилась.

Черезъ нѣсколько дней m-me de Staël написала ей слѣдующую записку: Ma chére enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de m-me votre mère et veuillez lui presenter les respects de votre amie de S. („Милое дитя мое, я совсѣмъ расхворалась. Съ вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы пріѣхали оживить меня. Постарайтесь получить на то позволеніе вашей матери и будьте такъ добры, засвидѣтельствуйте ей почтеніе подруги вашей de S.“). Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ m-me de Staël, несмотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доходитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ обществѣ. „Можетъ быть,—замѣтили мнѣ, m-me de Staël была не что иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а княжна *** доставляла ей нужныя свѣдѣнія“.

— Помилуйте,—сказала я, — m-me de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая m-me de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство русскаго императора, m-me de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, m-me de Staël будетъ шпіономъ у Наполеона!...—„Очень, очень можетъ статься“,—возразила мнѣ востроносая княгиня Б.—„Наполеонъ былъ такая бестія, а m-me de Staël претонкая штука!“

А. Пушкинъ.

3.

Наступилъ ужасный 1812 годъ, и нашъ домъ, новый и еще не отдѣланный внутри, сгорѣлъ. Удивительная тогда напала на всѣхъ слѣпота: никто и не замѣтилъ, что что-то подготовляется, и только когда французъ въ Москвѣ побывалъ, стали припоминать то-то и то-то, почему бы можно было догадаться о замыслахъ Бонапарта.

Въ 1811 году (это послѣ уже стало извѣстно), открыли одно тайное общество, въ которомъ находились молодые люди, очень хорошихъ семействъ, и дознано было, что занимаются они рисованіемъ подробныхъ картъ Россіи и въ особенности Москвы, для отправки въ чужіе края. Доискались ли до правды—не знаю, а потомъ открылось, что это все дѣлалось для Бонапарта. Одинъ изъ чертившихъ карты умѣлъ въ то время выпутаться изъ бѣды, но потомъ, попавшись по 14 декабрю, посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ и ослѣпъ, и хоть поздно, но былъ все-таки отъ Бога наказанъ, что умышлялъ зло на свою родину.

Была въ Москвѣ одна французская торговка модньмъ товаромъ, на Кузнецкомъ мосту,—мадамъ Оберъ-Шальме, препронырливая и превкрадчивая, къ которой ѣздила вся Москва покупать шляпы и головные уборы, и такъ какъ она очень дорого брала, то и прозвали ее оберъ-шельма. Потомъ оказалось, что она была измѣнница, которая радѣла Бонапарту. Открыли, говорятъ, ея какую-то тайную переписку, схватили ее и куда-то сослали, но тогда этого никому извѣстно не было, а распустили слухъ, что у нея нашли фальшивую монету, и будто-бы за то ее и сослали. А потомъ стали болтать, будто бы въ 1811 году самъ Бонапартъ, разумѣется, переодѣтый, пріѣзжалъ въ Москву и все осматривалъ, такъ что, когда въ 1812 году былъ въ Москвѣ, нѣсколько разъ проговаривался-де своимъ: „Это мѣсто мнѣ знакомо, я его помню“. Ходили какія-то прокламаціи Бонапарта по Москвѣ, но я ихъ не видала... Было намъ и небесное предвѣщаніе: въ 1811 году явилась на небѣ большая и блестящая звѣзда съ хвостомъ, яркая комета...

Тяжелъ былъ для всѣхъ 1811 годъ; мы всѣ смутно предчувствовали, что готовится что-то ужасное и собирается

гроза надъ нами, но чтобы постигло насъ такое бѣдствіе, какое мы испытали, этого никто и представить себѣ не могъ.

Отъ всѣхъ до послѣдней минуты все скрывали и всѣхъ насъ обманывали: съ умысломъ ли или потому, что и сами не вѣрили возможности, чтобы до Москвы дошелъ дерзкій врагъ—это трудно теперь рѣшить.

Наступила весна. Стали ходить смутные слухи, что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не было войны. Ну, что-жъ? Развѣ мы прежде не воевали? То съ нѣмцами, то съ Турціей или со шведами: отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ?... Тогда толковали, что тильзитскій миръ, очень невыгодный для Россіи, оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ государемъ, что имѣлось въ виду его нарушить при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозитъ — повоюемъ. До 1812 года главнокомандующимъ Москвы былъ графъ Гудовичъ, фельдмаршалъ Иванъ Васильевичъ, недолго,—я думаю, года три,—а тутъ вдругъ назначили графа Растопчина...

Вотъ, когда въ 1812 году стали распространяться слухи, что Бонапартъ идетъ на Россію, Растопчинъ все увѣрялъ, что это невозможно. „Помилуйте,—говорилъ онъ,—да ему и черезъ границу переступить не дадутъ, не допустятъ вступить въ Россію“. И говорилъ такъ онъ утвердительно, что нельзя было не вѣрить.

Пріѣдешь, бывало, къ сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой или къ княгинѣ Авдотьѣ Николаевнѣ Мещерской, толкуютъ, что французъ въ Москву придетъ. „Ну, что собираешься ли въ путь?—спрашиваетъ Неклюдова,—не теряй времени, а то французъ насъ врасплохъ застанетъ, всѣхъ переколетъ“.

— Полно, Анна Николаевна, смущать, Растопчинъ увѣряетъ...

— Ахъ, какая же ты легковѣрная, охота тебѣ его слушать, этого краснобая, онъ только людей морочитъ; говорю тебѣ, собирайся, а то поздно будетъ, все изъ Москвы выбирай...

Пріѣдешь къ Апраксинымъ или къ Архаровымъ, тамъ Растопчинъ и совсѣмъ другіе толки.

— Кто это выдумалъ, что у насъ разрывъ съ Франціей? А ежели бы и была война, развѣ допустятъ до Москвы? Это все барыни выдумываютъ, это кумушки и вѣстовщицы разносятъ по городу; никогда этого и быть не можетъ.

Мещерская говоритъ: „Не сьюшай, сесья, собияйся, фьянцузъ идетъ“ [1]).

Бывало и придешь въ тупикъ, не знаешь, чему вѣрить, кого слушать.

Д. Благово.

4.

Вѣсть о призывѣ офицеровъ къ арміи сильно смутила Перовскаго. Онъ объяснился съ главнокомандующимъ и, для устройства своихъ дѣлъ, выпросилъ у него на нѣсколько дней отсрочку. За недѣлю передъ тѣмъ, онъ заѣхалъ на Никитскій бульваръ, къ Тропинину. Пріятели, посидѣвъ въ комнатѣ, вышли на бульваръ. Между ними тогда произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Итакъ, Наполеонъ противъ насъ? — спросилъ Тропининъ.

— Да, другъ мой; но надѣюсь, войны, все-таки не будетъ, — отвѣтилъ нѣсколько нерѣшительно Перовскій.

— Какъ такъ?

— Очень просто. О ней болтаютъ только наши вѣчные шаркуны, эти „неглиже съ отвагой“, какъ ихъ зоветъ здѣшній главнокомандующій. Но не пройдетъ и мѣсяца, всѣ эти слухи, увидишь, замолкнутъ.

— Изъ-за чего, однако, эта тревога, сборъ у границы такой массы войскъ?

— Мѣры предосторожности, вотъ и все.

— Нѣтъ, милый! — возразилъ Тропининъ: — твой кумиръ разгаданъ, наконецъ; его, очевидно, ждутъ у насъ... Поневолѣ вспомнишь о немъ стихъ Дмитріева: „Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ!“. Сегодня въ Дрезденѣ,

---

[1]) Она была косноязычна и р не могла выговарить.

завтра, того и гляди, очутится на Нѣманѣ или Двинѣ, а то и ближе...

— Не вѣрю я этому, воля твоя, — возразилъ Перовскій, ходя съ пріятелемъ по бульвару. — Наполеонъ—не предатель. Не надо было его дразнить и посылать къ нему въ наши представители такихъ пошлыхъ, а подчасъ и тупыхъ людей. Ну, можно-ли? Выбрали въ послы подозрительнаго, желчнаго Куракина! А главное, эти мелкіе уколы, постоянные вызовы, это заигрыванье съ его врагомъ, Англіей... Дошли, наконецъ, до того, что удалили отъ трона и сослали, какъ преступника, какъ измѣнника, единственнаго государственнаго человѣка, Сперанскаго, а за что? За его открытое предпочтеніе судебникамъ Ярослава и царя Алексѣя,—геніальнаго кодекса того, кто разогналъ кровавый конвентъ и далъ Европѣ истинную свободу и мудрый новый строй.

— Старая пѣсня! Хороша свобода!—убійство, безъ суда, своего соперника, Ангіенскаго герцога! — возразилъ Тропининъ. — Ты дождешься съ своимъ божествомъ того, что оно, побывавъ вездѣ, кромѣ насъ, и въ Римѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, явится, наконецъ, и въ наши столицы и отдастъ на поруганіе своимъ солдатамъ мою жену, твою невѣсту, — если бы такая была у тебя, — нашихъ сестеръ.

— Послушай, Илья,—вспыхнувъ, рѣзко перебилъ Перовскій,—все простительно дамской болтовнѣ и трусости; но ты, извини меня, — умный, образованный и слѣдящій за жизнью человѣкъ. Какъ не стыдно тебѣ? Ну, зачѣмъ Наполеону нужны мы, мы — дикая и, — увы! — полускифская орда?

— Однакоже, дружище, въ этой ордѣ твое міровое свѣтило усиленно искало чести быть родичемъ царей.

— Да послушай, наконецъ, обсуди! — Спокойнѣе, точно прощая другу и какъ бы у него же прося помощи въ сомнѣніяхъ, продолжалъ Базиль, — дѣло ясное, какъ день. Великій человѣкъ ходилъ къ пирамидамъ и іероглифамъ Египта, къ мраморамъ и Рафаэлямъ Италіи, это совершенно понятно... А у насъ? Чего ему нужно?.. Вяземскихъ пряниковъ, что-ли, смоленской морошки, да ярославскихъ лыкъ? Или нашихъ балетчицъ? Нѣтъ, Илья, можешь быть вполнѣ спокоенъ за твоихъ танцовщицъ. Не намъ жалкою рогатиной грозить архистратигу королей и вождю народовъ поло-

вины Европы. Недаромъ онъ предлагалъ Александру раздѣлить съ нимъ міръ пополамъ! И онъ, геній-творецъ, скажу открыто, имѣлъ на это право...

— О, да! И не одного Александра онъ этимъ манилъ,— возразилъ Тропининъ,—онъ тоже великодушно уступалъ и Богу, въ надписи на предположенной медали: „Le ciel á toi, la terre á moi“ (небо для тебя, земля—моя). Стыдись, стыдись!...

Перовскій колебался, нить воображеній ускользала отъ него.

— Ты повторяешь о немъ басни наемныхъ нѣмецкихъ памфлетистовъ,—сказалъ онъ, замедлясь на бульварной дорожкѣ, залитой полнымъ мѣсяцемъ:—Наполеонъ... да ты знаешь-ли? — Пройдутъ вѣка, тысячелѣтія, его слава не умретъ. Это — олицетвореніе чести, правды и добра. Его сердце—сердце ребенка. Виноватъ-ли онъ, что его толкаютъ на битвы, въ адъ сраженій? Онъ — поклонникъ тишины, сумерекъ, такихъ же лунныхъ ночей, какъ вотъ эта; любитъ поэмы Оссіана, меланхолическую музыку Паэзіелло, съ ея медлительными, сладкими, таинственными звуками. Знаешь-ли, — и я не разъ тебѣ это говорилъ, — онъ въ школѣ еще забивался въ углы, читалъ тайкомъ рыцарскіе романы, плакалъ надъ „Матильдой“ крестовыхъ походовъ и мечталъ о дарованіи міру вѣчнаго покоя и тишины.

— Такъ что же твой кумиръ мечется съ тѣхъ поръ, какъ онъ у власти? — спросилъ Тропининъ: — обѣщалъ французамъ счастье за Альпами, новую какую-то вѣру и чуть не земной рай на пути къ пирамидамъ, потомъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ,— и всего сму мало; онъ, какъ жадный, слѣпой безумецъ, все стремится впередъ и впередъ... Нѣтъ, я съ тобой не согласенъ.

— Ты хочешь знать, почему Наполеонъ не успокоился и все еще полонъ такой лихорадочной дѣятельности? — спросилъ, опять останавливаясь, Перовскій: — неужели не понимаешь?

— Объясни.

— Потому, что это — избранникъ Провидѣнія, а не простой смертный.

Тропининъ пожалъ плечами.

— Пустая отговорка, — сказалъ онъ, — громкая газетная фраза, не болѣе. Этимъ можно объяснить и извинить всякое насиліе и неправду.

— Нѣтъ, ты послушай, — вскрикнулъ, опять напирая на друга, Базиль, — надо быть на его мѣстѣ, чтобы все это понять. Давъ постоянный покой и порядокъ такому подвижному и пылкому народу, какъ французы, онъ отнялъ бы у страны всякую энергію, огонь предпріятій, великихъ замысловъ. У царей и королей — тысячелѣтнее прошлое, блескъ родовыхъ воспоминаній и заслугъ; его же начало, его династія — онъ самъ.

— Спасибо за такое оправданіе звѣрскихъ насилій новѣйшаго Аттилы, — возразилъ Тропининъ, — я же тебѣ вотъ что скажу: восхваляй его, какъ хочешь, а если онъ дерзнетъ явиться въ Россію, тутъ, братецъ, твою философію оставятъ а вздуютъ его, какъ всякаго простого разбойника и грабителя, въ родѣ хоть бы тушинскаго вора и другихъ самозванцевъ.

— Полно такъ выражаться... Воевалъ онъ съ нами и прежде, и воромъ его не звали. Въ Россію онъ къ намъ не явится, повторяю тебѣ, незачѣмъ! — отвѣтилъ, тише и тише идя по бульвару, Перовскій, — онъ воевать съ нами не будетъ.

— Ну, твоими бы устами медъ пить! Посмотримъ,— заключилъ Тропининъ, — а если явится, я первый, предупреждаю тебя, возьму жалкую рогатину и, вслѣдъ за другими, пойду на этого архистратига вождей и королей. И мы его поколотимъ, предсказываю тебѣ, потому что, въ концѣ-концовъ, Наполеонъ все-таки — одинъ человѣкъ, одно лицо, а Россія — цѣлый народъ...

Г. Данилевскій.

5.

Письмо М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

7-го іюня.

Вообрази, Растопчинъ нашъ московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо вы-

ступать теперь! Куріозно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высокое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого въ свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія [1]).

VII.

Разрывъ съ Франціей.

Довольно было причинъ къ разрыву: Наполеонъ жаловался, что Россія не исполняетъ условій Тильзитскаго трактата, въ отношеніи континентальной системы—допускаетъ въ свои порты ввозъ англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ произведеній подъ американскимъ флагомъ,—что въ войну съ Австріей русскій вспомогательный корпусъ не дѣйствовалъ, какъ войско, искренно союзное, и даже дружилъ австрійцамъ. Наполеонъ оскорблялся, что предложеніе его руки сперва великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а послѣ Аннѣ Павловнѣ, не было принято: Александръ, давъ сначала свое согласіе, отозвался послѣ, что на этотъ бракъ не было соизволенія императрицы Маріи Ѳеодоровны. Со стороны Александра причины къ войнѣ: общая непріязнь къ Франціи русскихъ, которыхъ народное чувство страдало, оскорбляясь утратой военной славы въ неудачные походы противъ Наполеона, разстройство финансовъ, вслѣдствіе этихъ войнъ, упадокъ и почти банкротство нашихъ ассигнацій при невозможности исправить это, оставаясь вѣрнымъ

---

[1]) Вѣроятно, его „Мысли вслухъ“ (см. выше).

континентальной системѣ Наполеона, которая, уничтожая нашу заграничную торговлю съ Англіей, наносила очевидный вредъ и государственному, и частному благосостоянію. Дипломатическія сношенія обоихъ кабинетовъ становились день ото дня холоднѣе и недружелюбнѣе. Дерзкій и презрительный тонъ французскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ вызывалъ русскихъ на подобныя же оскорбленія, и наши гвардейскіе офицеры не оставались у французовъ въ долгу.

Все предвѣщало скорую, неизбѣжную войну съ Франціей —наступилъ незабвенный 1812 годъ!

М. Фонъ-Визинъ.

VIII.

Князь Багратіонъ — Императору Александру

(собственноручно).

8-го іюня 1812 г. Волковискъ. [1]).

Государь! Отъ преданности доношу: не отнимайте у воиновъ твоихъ духъ; прикажите намъ собраться у Гродно и нанесть ударъ врагамъ. Всякое отступленіе ободряетъ непріятеля и даетъ ему великіе способы въ краю здѣшнемъ, а у насъ отнимаетъ духъ. Жаль истинно, и послѣдствія будутъ самыя пагубныя. Чего намъ бояться и маневрами методическими изнурять армію? Непріятель, собранный на разныхъ пунктахъ, есть сущая сволочь, а мы твои Великій Государь! Чего опасаться? Ты съ нами, а Россія за нами. Прикажи, помолясь Богу, наступать, а ежели отступать станемъ, они во многихъ пунктахъ войдутъ и возмутятъ; тогда больше возстанутъ и австрійцы и миръ турецкій не будетъ прочный. Хлѣба достанетъ, въ томъ васъ увѣряю, а до новаго не далеко. Иначе онъ всѣмъ воспользуется, а мы потеряемъ и славу, и честь, для того, что всякое отступленіе въ своемъ краю есть ослабленіе души и сердца всѣхъ твоихъ вѣрныхъ дѣтей. Мы тебя любимъ, ты намъ дорогъ, Государь! Прошу, яко Бога моего, не щадить насъ и двинуться на враговъ. Я присягалъ тебѣ служить вѣрно, и мы твои. Иновѣрцы не могутъ такъ усердно судить, ибо они ничего не рискуютъ,

---

[1]) Это письмо любопытно, какъ протестъ Багратіона противъ оборонительнаго плана веденія войны.

а мы все. Военная система по моему та: кто рано всталъ и палку въ руки взялъ, тотъ и капралъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Я дерзаю писать то, что чувства мои и вѣра къ вамъ диктуетъ.

Подвергаясь подножію вашему величеству есть вѣрноподданный.

П. Багратіонъ.

ЧАСТЬ II.

Отечественная война.

(Іюнь-декабрь 1812 г.).

Глава I.

Начало военныхъ дѣйствій.

I.

Воззваніе Наполеона къ арміи 10 іюня 1812 года.

„Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась въ Фридландѣ и въ Тильзитѣ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась быть въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и въ войнѣ съ Англіею; нынѣ она нарушаетъ свои клятвы! Она не желаетъ дать никакого объясненія въ странныхъ своихъ поступкахъ, покуда французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, и тѣмъ не покинутъ своихъ союзниковъ на ея произволъ. Россія увлечена рокомъ. Судьбы ея должны свершиться. Не думаетъ ли она, что мы переродились? Или мы болѣе уже не солдаты Аустерлица? Она постановляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ. Идемъ же впередъ, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война будетъ для французскаго оружія столь же славна, какъ и первая; но миръ, который мы заключили, принесетъ съ собою и ручательство за себя и положитъ конецъ гибельному вліянію Россіи, которое она въ теченіе пятидесяти лѣтъ оказывала на дѣла Европы. Въ нашей императорской квартирѣ, въ Вилковишкахъ, 22-го (10-го) іюня 1812 года. (Подписано): Наполеонъ“.

II.

Приказъ Александра I.

Въ одинъ день (іюня, 13-го числа), проведя вечеръ съ пріятностью, пришелъ я [1]) домой и, ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать, какъ вдругъ въ два часа пополуночи будятъ меня

---

[1]) А. С. Шишковъ, государственный секретарь при Александрѣ I.

и говорятъ, что Государь прислалъ за мною. Удивясь сему необычайному зову, вскочилъ я съ торопливостью, одѣлся и побѣжалъ къ Нему. Онъ былъ одѣтъ и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ, сказалъ Онъ мнѣ: «Надобно теперь же написать приказъ нашимъ войскамъ, и въ Петербургъ, къ фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы, и между прочимъ сказать, что я не помирюсь, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ». Я ту жъ минуту бросился домой, и какъ ни встревоженъ былъ симъ неожиданно полученнымъ извѣстіемъ, однако-жъ сѣлъ и написалъ обѣ вышеупомянутыя бумаги, принесъ къ Государю, прочиталъ Ему, и Онъ тутъ же подписалъ ихъ. Бумаги сіи были слѣдующаго содержанія: [1]):

А. С. Шишковъ.

Приказъ нашимъ арміямъ.

„Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину,

[1]) Опускаемъ приказъ фельдмаршалу графу Салтыкову, въ который вошли приведенныя выше слова Императора Александра.

принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ Вами. „На зачинающаго Богъ“. Въ Вильнѣ. Іюня 13-го. 1812. (На подлинномъ подписано): Александръ.

III.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

Великая армія приближалась къ Нѣману тремя отдѣльными частями... 23-го іюня [1]), до разсвѣта, императорская колонна достигла Нѣмана, не видя его. Опушка большого прусскаго Пильвицкаго лѣса и холмы, тянущіеся по берегу рѣки, скрывали готовую къ переправѣ великую армію.

Наполеонъ, ѣхавшій до тѣхъ поръ въ экипажѣ, сѣлъ на лошадь въ два часа утра. Онъ обозрѣвалъ русскую рѣку, не маскируясь другимъ костюмомъ, какъ говорили, но прикрываясь ночною тьмой, чтобы перейти эту границу, которую, пять мѣсяцевъ спустя, онъ могъ перейти только благодаря той же темнотѣ. Когда Наполеонъ подъѣзжалъ къ берегу, его лошадь вдругъ упала и сбросила его на песокъ. Кто-то воскликнулъ: „Плохое предзнаменованіе; римлянинъ отступилъ бы!“ Неизвѣстно, самъ онъ или кто-то изъ свиты произнесъ эти слова.

Осмотрѣвъ все, онъ приказалъ въ сумерки на слѣдующій день перекинуть черезъ рѣку, у деревни Понѣмунь, три моста; потомъ удалился въ свою стоянку, гдѣ провелъ весь

---

1) По новому стилю.

день, то въ своей палаткѣ, то въ одномъ польскомъ домѣ, неподвижно и безсильно простертый, ища напрасно отдыха среди удушливаго зноя.

Съ наступленіемъ ночи Наполеонъ приблизился къ рѣкѣ. Первыми переправились нѣсколько саперовъ въ челнокѣ. Они пристали и высадились на русскій берегъ безъ препятствій, къ ихъ удивленію. Тамъ—миръ; война—съ ихъ стороны: все спокойно въ этой чуждой странѣ, которая была имъ представлена такой угрожающей. Между тѣмъ къ нимъ скоро явился простой казацкій офицеръ, командующій патрулемъ. Онъ одинъ; кажется, что онъ увѣренъ въ мирѣ и не подозрѣваетъ, что передъ нимъ—вся вооруженная Европа. Онъ спрашиваетъ иностранцевъ, кто они. — „Французы“, — было отвѣтомъ. — „Что нужно вамъ и зачѣмъ пришли вы въ Россію?“ — продолжалъ онъ. — „Воевать съ вами! Взять Вильну! Освободить Польшу!“ — рѣзко отвѣтилъ одинъ изъ саперовъ. Казакъ ускакалъ; онъ исчезъ въ лѣсу. Вдогонку ему выстрѣлили три разгоряченные солдата.

Итакъ, три слабыхъ выстрѣла, оставшихся безъ отвѣта, оповѣстили насъ о новой кампаніи и о началѣ большого нашествія. Этотъ первый сигналъ войны сильно разсердилъ императора, — изъ предосторожности, или изъ предчувствія. Сейчасъ же триста стрѣлковъ переправились на другой берегъ для охраны постройки мостовъ.

Тогда всѣ французскія колонны вышли изъ долинъ и лѣса. Молча, подъ прикрытіемъ темноты, онѣ приближались къ рѣкѣ. Надо было натолкнуться на нихъ, чтобы узнать о ихъ присутствіи. Всякіе огни были запрещены. Отдыхали подъ ружьемъ, какъ-будто въ виду непріятеля. Зеленая рожь, покрытая сильной росою, послужила людямъ постелью и кормомъ лошадямъ.

Ночь, съ ея свѣжестью, прерывавшей сонъ, темнота, удлиняющая часы и усиливающая лишенія, наконецъ, завтрашнія опасности,—все это дѣлало положеніе серьезнымъ. Поддерживало ожиданіе большого дня. Прочитано было воззваніе Наполеона; шепотомъ повторялись самыя замѣчательныя мѣста, и геній побѣдъ воспламенялъ наше воображеніе. Передъ нами была русская граница. Наши жадные взоры уже

Переходъ черезъ Нѣманъ. (Совр. грав).

старались сквозь мракъ поглотить эту страну, обѣщанную нашей славѣ. Намъ чудились радостные крики литовцевъ при приближеніи освободителей. Намъ казалось, что рѣка окружена ихъ умоляющими руками. Здѣсь мы во всемъ нуждались, тамъ у насъ будетъ все. Они будутъ угадывать наши нужды: мы будемъ окружены любовью и признательностью. Что значитъ плохая ночь? День скоро начнется, а съ нимъ тепло и мечты! День наступилъ! Онъ освѣтилъ только горячій пустынный песокъ и угрюмые темные лѣса! Мы грустно посмотрѣли другъ на друга и почувствовали, что охвачены гордостью и надеждой при внушительномъ видѣ нашей соединенной арміи.

Въ трехстахъ шагахъ отъ рѣки, на самомъ высокомъ холмѣ, виднѣлась палатка императора. Вокругъ нея всѣ холмы, ихъ склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми.

Какъ только солнце освѣтило движущуюся массу, покрытую блестящимъ оружіемъ, данъ былъ сигналъ, и сейчасъ же вся эта масса двинулась тремя колоннами къ тремъ мостамъ. Видно было, какъ онѣ извиваются, спускаясь по небольшой полянѣ, отдѣлявшей ихъ отъ Нѣмана, приближаются къ нему, доходятъ до трехъ переходовъ, вытягиваются, суживаются, чтобы перейти ихъ и, наконецъ, попасть на эту чуждую землю, которую они шли опустошать и которую они должны были покрыть своими трупами.

Стремленіе было такъ велико, что двѣ дивизіи авангарда готовы были броситься въ рукопашную изъ-за чести перейти первыми; трудно было ихъ успокоить. Наполеонъ поспѣшилъ ступить на русскую землю. Онъ сдѣлалъ безъ колебаній этотъ первый шагъ къ своей гибели. Сначала онъ стоялъ около моста, взорами поощряя солдатъ. Они привѣтствовали его обычными криками. Они казались болѣе воодушевленными, чѣмъ онъ; можетъ-быть, у него было тяжело на сердцѣ отъ предстоящаго нашествія, или его ослабѣвшее тѣло не переносило необычайнаго зноя, или, наконецъ, онъ уже изумлялся, не видя врага.

Имъ овладѣло, наконецъ, нетерпѣніе. Онъ вдругъ углубился въ прибрежный лѣсъ. Онъ скакалъ во всю прыть. Казалось, что онъ въ своей поспѣшности хочетъ одинъ на-

стигнуть врага. Онъ одиноко проскакалъ больше мили въ этомъ направленіи, но затѣмъ пришлось возвращаться къ мостамъ, откуда онъ съ своей гвардіей поѣхалъ по теченію рѣки, направляясь въ Ковно.

Графъ де-Сегюръ.

IV.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: «Vivat!»
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ—
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ...

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!»
И мнится ему въ то же время,—сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!» говорятъ ему слава и геній—
«Впередъ, императоръ! Впередъ!»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Я. Полонскій.

V.

Народная пѣсня.

Не въ лузьяхъ-то вода полая разливается:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.
Французскій король царю Бѣлому отсылается:
«Припаси-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ, ровно сорокъ тысячъ,
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки».
На это нашъ православный царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилась.
Передъ ними стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ [1]).
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
«Не пужайся ты, нашъ батюшка, православный царь!
«А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
«Середи пути, на своей землѣ,
«А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,
«А мы скатерти ему постелимъ—каленыхъ картечъ;
«Угощать его будутъ—канонерушки,
«Провожать его будутъ—все казачушки».

VI.

Балашевъ у Наполеона.

Уже послѣ перехода французскими войсками Нѣмана императоръ Александръ I рѣшилъ послать къ нему ген.-адъютанта Балашева для переговоровъ съ собственноручнымъ письмомъ, поручивъ ему подтвердить Наполеону словесно, что переговоры возможны лишь при одномъ непремѣнномъ условіи — чтобы арміи Наполеона отошли за границу; въ противномъ случаѣ онъ давалъ слово, что пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ находиться въ Россіи, онъ не скажетъ и не выслушаетъ ни одного слова о мирѣ. Свое наставленіе императоръ заключилъ такими словами: „Хотя, впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей присылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы“. Наполеонъ принялъ Балашева уже въ Вильнѣ 16-го іюня.

Я пришелъ къ обѣду въ назначенное время; черезъ четверть часа вышелъ и Наполеонъ, окончивъ смотръ какому-то пришедшему полку. Примѣтить надо, что тонъ, который Наполеонъ принялъ на себя во время обѣда, былъ уже не

---

[1]) Обычный анахронизмъ народной поэзіи.

тотъ, который онъ имѣлъ въ кабинетѣ, а гораздо надменнѣе, и часто приходило мнѣ на мысль остановить неприличность сего тона какимъ-нибудь отвѣтомъ не по его вкусу, чтобъ онъ сіе замѣтилъ и воздержался, иначе мнѣ, бывъ одному посреди непріятелей, нечѣмъ было другимъ поддержать достоинство наложенной на меня должности.

За столомъ было пять человѣкъ: Наполеонъ, Бертье, Бесіеръ, Коленкуръ и я. Въ другой комнатѣ за обѣдомъ было человѣкъ 40 генераловъ...

Разговоръ во время обѣда.

Наполеонъ спросилъ меня:

— Есть ли у васъ киргизскіе полки?

— Нѣтъ, Ваше Величество, киргизскихъ у насъ нѣтъ, но для образца у насъ есть одинъ или два полка башкиръ и татаръ, которые похожи на киргизовъ.

— Я знаю объ этомъ, такъ какъ ко мнѣ являются изъ нихъ дезертиры... Скажите, у васъ другой губернаторъ въ Москвѣ?

— Да, Ваше Величество. Маршалъ графъ Гудовичъ попросилъ отставки по причинѣ своихъ пожилыхъ лѣтъ.

— Не правда ли, Императоръ Александръ перемѣняетъ всѣхъ, кто хорошо расположенъ къ французамъ?

— Ваше Величество, беру на себя смѣлость увѣрить васъ, что графъ Гудовичъ признаетъ только русскихъ.

— Вамъ нуженъ англоманъ, а кто-либо другой не оттолкивалъ бы такимъ образомъ другихъ иностранцевъ. Скажите, Штейнъ обѣдалъ съ Императоромъ Александромъ? [1])

— Ваше Величество! Всѣ знатныя особы приглашаются къ столу Его Величества.

— Какъ можно Штейна посадить за столъ русскаго Императора? Если даже Императоръ Александръ рѣшилъ слушать его совѣты, онъ никогда не долженъ былъ имѣть его у себя за столомъ. Развѣ можно представить себѣ, чтобы Штейнъ могъ быть преданъ ему; ангелъ и діаволъ никогда не должны быть вмѣстѣ.

— Коленкуръ! Вы были въ Москвѣ?

---

[1]) Бывшій прусскій министръ, получившій отставку по настоянію Наполеона и переѣхавшій въ 1812 г., по приглашенію Александра I, въ Россію.

Онъ отвѣчалъ:

— Да, Ваше Величество.

— Что она собой представляетъ? Большую деревню?

Онъ отвѣчалъ:

— Ваше Величество! Это скопленіе большихъ и прекрасныхъ домовъ на-ряду съ маленькими лачужками.

Оборотясь ко мнѣ:

— Генералъ, сколько насчитываете вы жителей въ Москвѣ?

— 300 тысячъ, Ваше Величество.

— А домовъ?

— 10 тысячъ, Ваше Величество.

— А церквей?

— Больше 240.

— Почему столько?

— Нашъ народъ ихъ много посѣщаетъ.

— Отчего это происходитъ?

— Нашъ народъ набоженъ, религіозенъ.

— Ба! Въ наши дни ужъ нѣтъ религіозныхъ.

— Простите, Ваше Величество, не вездѣ одно и то же. Можетъ-быть, нѣтъ больше религіозныхъ въ Германіи и Италіи, но есть въ Испаніи и въ Россіи.

Помолчавъ немного, Наполеонъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ:

— Какая дорога въ Москву?

Я отвѣчалъ ему:

— Ваше Величество, этотъ вопросъ меня немного затрудняетъ: русскіе говорятъ такъ же, какъ и французы, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Дорогу на Москву избираютъ по желанію: Карлъ XII шелъ черезъ Полтаву.

Тутъ мы встали изъ-за стола и пошли въ кабинетъ, но уже не двое, а всѣ пятеро, бывшіе за обѣдомъ.

Наполеонъ начинаетъ опять рѣчь:

— Императоръ Александръ испортилъ прекраснѣйшее царствованіе, бывшее когда-либо въ Россіи. Боже мой! Чего же хотятъ люди? Бывши побѣжденнымъ подъ Аустерлицемъ, подъ Фридландомъ,—словомъ, послѣ двухъ несчастливыхъ войнъ, онъ получаетъ Финляндію, Молдавію, Валахію, Бѣлостокъ и Тирасполь,—и послѣ всего этого быть еще недовольнымъ! Могла ли когда-нибудь Екатерина надѣяться на это? Онъ началъ

эту войну на свою бѣду,—или слушаясь плохого совѣта, или подчиняясь злому року. Но послѣ всего этого я не сержусь на него за эту войну. Одной войной больше—это значитъ однимъ тріумфомъ больше для меня. Впрочемъ, это—право коронованныхъ особъ. Но это нужно дѣлать надлежащимъ образомъ, благороднымъ, возвышеннымъ. Какъ принимать въ свое общество Штейна, Армфельда, Винценгероде! Скажите Императору Александру, что, окружая себя моими личными врагами, онъ подчеркиваетъ, что хочетъ мнѣ лично нанести обиду. И что я, вслѣдствіе этого, долженъ ему сдѣлать то же самое. Я изгоню изъ Германіи всѣхъ его родственниковъ изъ Вюртемберга, Бадена, Веймара; пусть онъ имъ готовитъ убѣжище въ Россіи. Развѣ у васъ мало русскихъ дворянъ, которые, навѣрно, были бы болѣе преданы Императору Александру, чѣмъ эти корыстолюбцы; развѣ онъ вѣритъ, что они влюблены въ его образъ? Пусть онъ дастъ управленіе Финляндіей Армфельду—я ничего не стану говорить, но приблизить его къ себѣ—фу!

Помолчавши нѣсколько, онъ продолжалъ:

— На кого же вы разсчитываете? Англичане ничего не могутъ вамъ дать; денегъ у нихъ нѣтъ у самихъ, и вы разорите совершенно свои финансы, которые уже разстроены. Шведы! Если ихъ судьба всегда такова, чтобы быть управляемыми сумасшедшимъ, то они ни на что не могутъ быть вамъ полезны. Шведскій король сошелъ съ ума; позаботились послать другого, чтобы ими управлять, не теряетъ ли Понтекорво тоже разсудокъ. Но подождите немного, посмотримъ еще, что сдѣлаютъ шведы, когда вы будете въ плохихъ условіяхъ!.. Турки—то же. Обѣ эти державы не преминутъ ринуться на васъ, лишь только представится для этого удобный случай. Вамъ не достаетъ хорошихъ генераловъ. Багратіонъ еще лучшій, это—небольшого ума человѣкъ, но хорошій генералъ. Что касается Бенигсена, увѣряю васъ, что я никогда не замѣчалъ въ немъ никакихъ достоинствъ; какимъ образомъ онъ велъ себя въ Эйлау, во Фридландѣ! И вотъ онъ, постарѣвшій на пять лѣтъ (онъ всегда былъ слабъ и дѣлалъ ошибку за ошибкой), что же будетъ теперь? И зачѣмъ Императоръ Александръ далъ ему почувствовать, что знаетъ его преступленіе... Какъ назначать его послѣ этого! Онъ не долженъ

былъ дѣлать ни того, ни другого. Я знаю, что Императоръ Александръ сталъ самъ во главѣ командованія арміей. Почему это? Стало-быть, онъ беретъ на себя отвѣтственность за пораженіе? Война, это—мое ремесло, я къ этому привыкъ. Для него это не то же самое, онъ—Императоръ по рожденію; онъ долженъ управлять и назначить генерала для командованія: если онъ дѣлаетъ хорошо, наградить его, если плохо—отстранить, наказать его. Пусть лучше генералъ будетъ отвѣтственнымъ передъ нимъ, чѣмъ онъ передъ народомъ, такъ какъ монархи имѣютъ тоже отвѣтственность. Этого не слѣдуетъ забывать.

Потомъ, походивъ немного, подошелъ онъ къ Коленкуру и, ударивъ его легонько по щекѣ, сказалъ:

— Ну! Что же вы ничего не говорите, старый куртизанъ петербургскаго двора? Что, лошади генерала готовы? Дайте ему моихъ, ему предстоитъ длинный переѣздъ.

Потомъ, оборотясь къ Бертье:

— Александръ, вы можете дать генералу прокламацію,— это не секретъ.

Этимъ кончилась моя поѣздка.

А. Балашевъ.

Глава II.

Настроеніе до взятія Смоленска.

I.

Деревня въ началѣ войны.

1.

Въ одно утро, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, заговорили, что явился изъ Москвы къ батюшкѣ нарочный отъ дяди моего Обрескова,—вещь никогда небывалая. Испуганный чѣмъ-то, В. Н. Никольскій позвалъ меня къ отцу въ кабинетъ, и самъ вошелъ со мной. Отецъ, молча, далъ мнѣ въ руки рескриптъ Императора Александра къ президенту Государственнаго Совѣта, князю Салтыкову, и приказъ по ар-

міямъ. Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и вступилъ въ Россію. Я отъ слезъ не могъ кончить чтеніе и убѣжалъ къ себѣ.

Роковая вѣсть меня переродила. Дѣтство мое кончилось; я выросъ въ одинъ день нравственно и умственно разомъ нѣсколькими годами; съ тѣхъ поръ я началъ понимать, мыслить и выражать мои мысли безъ обычной дѣтской застѣнчивости. Отецъ допускалъ меня къ участію въ разговорахъ, и меня снисходительно слушали; однимъ словомъ, я началъ другую жизнь.

Удалившись въ горькихъ слезахъ въ свою комнату, какъ я уже сказалъ, въ какой-то молитвѣ выразилъ я всю мою скорбь, въ ней просилъ я Бога допустить и меня, 12-лѣтняго отрока, стать въ ряды защитниковъ отечества. Никольскій, увидѣвъ этотъ плачъ о родинѣ на моемъ письменномъ столѣ, показалъ его моему отцу. Меня приласкали съ необыкновенною нѣжностью, но о желаніи моемъ сразиться съ врагомъ не было говорено ни слова. Вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ итти спать, отецъ объявилъ, что мы черезъ три или четыре дня ѣдемъ въ Солнышково, и дорожные сборы начались съ ранняго утра. Въ домѣ нашемъ все становилось тише и унылѣе. Батюшка послалъ верстъ за 15 за какимъ-то извѣстнымъ ему священникомъ, и старичка привезли. Въ субботу, вечеромъ, въ тотъ же самый день, отецъ, не говѣя, какъ это обыкновенно водится, и не говоря никому ни слова о своемъ намѣреніи, удалился со священникомъ въ свой кабинетъ, гдѣ пробылъ около часа; возвратясь оттуда въ гостиную къ вечернему чаю, сказалъ, что онъ сейчасъ исповѣдался и что завтра будетъ пріобщаться Св. Таинъ. Тутъ же позванъ былъ управляющій Илья Шиловъ, и ему было приказано съ вечера повѣстить нашихъ крестьянъ всѣхъ деревень, чтобы они пришли утромъ въ воскресенье къ обѣднѣ, а потомъ сходились бы на барскій дворъ.... Въ церкви, тогда еще деревянной и не обширной, ранѣе обыкновеннаго собралось великое множество народа, какое въ нашемъ селеніи собиралось только въ самые большіе праздники. Подходя къ Царскимъ Вратамъ для принятія Св. Таинъ, отецъ мой три раза преклонилъ свою сѣдую голову предъ предстоящими, лицо его сіяло какимъ-то торжественнымъ умиленіемъ и въ то же время рѣшимостью на какой-то таинственный подвигъ.

Такимъ я никогда, ни прежде, ни послѣ, его не видалъ. Когда послѣ обѣдни на обширномъ нашемъ дворѣ собралась вся сходка (на ней было человѣкъ до 200, не считая дворовыхъ, стоявшихъ особо), онъ, взявъ меня за руку, вышелъ къ крестьянамъ и прочелъ имъ весьма трогательное воззваніе, приглашая каждаго по возможности пособить православному нашему Царю въ общемъ бѣдствіи деньгами и вызывалъ охотниковъ итти противъ врага, замыслившаго въ сатанинской своей гордости разорить нашу вѣру и покорить себѣ нашу милую родину. „Самъ я,—говорилъ онъ имъ,—семидесятитрехлѣтній старецъ, пойду передъ вами и возьму съ собой на битву этого отрока, моего единственнаго сына. Братцы! Подумайте, переговорите между собой,—время не терпитъ. Черезъ полчаса или часъ я приду узнать ваше рѣшеніе. Знайте, однако, что въ моихъ словахъ нѣтъ никакого вамъ принужденія; вы вольны дѣлать, что хотите и какъ знаете“. Крестьяне всей гурьбой низко поклонились отцу; старики были въ слезахъ. Варѳоломеевичъ, во главѣ дворовыхъ, чуть не ревѣлъ и первый вызвался быть охотникомъ: онъ бывалъ въ сраженіяхъ, и въ немъ заговорила старая его военная косточка. Когда мы удалились, крестьяне зашумѣли, какъ пчелиный рой; мы черезъ часъ воротились. Управляющій съ конторщикомъ записали длинный рядъ именъ тѣхъ, которые объявили себя жертвователями. Денегъ насчиталось до 500 руб., но охотниковъ, кромѣ Варѳоломеевича, никого не вызвалось. Отецъ мой, сильно огорченный такимъ неожиданнымъ равнодушіемъ своихъ, Богомъ и Государемъ дарованныхъ ему подданныхъ, поблагодарилъ ихъ за пожертвованія, объявилъ имъ, что онъ ѣдетъ въ Москву и чтобы они готовились къ неизбѣжному большому набору или почти къ поголовному ополченію. На другой день вотчинные начальники собрали добровольныя пожертвованія и вручили деньги батюшкѣ...

Рѣшеніе простого, здраваго смысла нашихъ крестьянъ отказаться всѣмъ до единаго итти въ охотники было разумнѣе. Они еще до объявленія имъ моимъ отцомъ предугадали, что будетъ большой наборъ, и тутъ же заговорили: „Изъ чего же намъ итти въ охотники? Кто похочетъ, тотъ и пойдетъ, когда будутъ набирать, а то, пожалуй, охочіе пойдутъ, а

положенныхъ возьмутъ безъ замѣну". Вести небольшое число ихъ самому моему отцу, въ 73 года, равно, было немыслимо, и если бы подобное его предложеніе было принято военнымъ начальствомъ, то, позволю себѣ спросить, къ какимъ рядамъ примкнули бы насъ, стараго и малаго, съ горстью охотниковъ изъ челядинцевъ?

Д. Свербеевъ.

2.

Многіе изъ здѣшнихъ [1]) крестьянъ во время нашествія вели себя необузданно, какъ разбойники. Мнѣ было тогда лѣтъ 8—9. Батюшка мой былъ здѣсь священникомъ, при дѣдушкѣ вашемъ Петрѣ Матвѣевичѣ. Дѣдушка, какъ вы знаете, жилъ не здѣсь, въ Спасскомъ, а въ Соколовѣ. Однако, и здѣсь была господская усадьба. Какъ только, предъ вступленіемъ непріятеля, Петръ Матвѣевичъ уѣхалъ служить въ ополченіе, а бабушка ваша—въ костромское свое имѣніе, сейчасъ же и начали мужики шалить: то тащатъ, то берутъ, другое ломаютъ. Батюшка покойный сокрушался и негодовалъ, но и самъ опасался крестьянъ. Одинъ разъ идетъ онъ и видитъ: стоитъ барская карета наружи, изъ сарая вывезена, и около нея мужикъ съ топоромъ.

— Ты что это съ топоромъ?—спросилъ батюшка.

— Вотъ хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и еще кой-что выберу изъ нея.

А лѣсъ близко. Нѣтъ, ужъ ему и до лѣса дойти не хочется. Барская карета ближе!

Стало батюшкѣ жаль господской кареты, онъ и говоритъ мужику:

— Образумься! Безсовѣстный ты человѣкъ! Тутъ непріятель подходитъ, а ты, христіанинъ, православный, грабительствомъ занимаешься. А если вернется благополучно Петръ Матвѣевичъ и узнаетъ,—что тебѣ тогда будетъ?

А мужикъ ничуть не испугался, погрозился на батюшку топоромъ и говоритъ:

— Ну, ты, смотри, я тебя на мѣстѣ уложу тутъ. И

---

[1]) Смоленской губ.

Петра Матвѣевича теперь не боюсь; пусть онъ покажется, я и ему брюхо балахономъ распущу!..

Вотъ какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушелъ отъ него.

И такъ разореніе отъ своихъ продолжалось. Входили въ домъ крестьяне и дѣлали, что хотѣли. Была, напримѣръ, у дѣдушки вашего одна комната,—кабинетъ, что ли, не знаю; обита вся по стѣнамъ и по потолку клеенкой на зиму, для тепла. Клеенка эта была прибита цѣльными полосами отъ пола сверхъ черезъ потолокъ и на другую сторону внизъ, опять до самаго пола. Кругомъ около потолка небольшимъ карнизомъ было обведено. Такъ вотъ это я самъ своими глазами видѣлъ. Знаете, дѣтство, любопытствуешь, вездѣ бѣгали съ братьями. Обломали мужики верхній карнизъ; подрѣжутъ снизу клеенку, да такъ возьмутъ руками за одинъ конецъ и отдерутъ все до другого конца безжалостно. И чего только они ни дѣлали! Наконецъ, посягнули на жизнь и батюшки моего, но Господь его спасъ.

Вотъ какъ это было. Сидѣли мы всѣ дѣти съ батюшкой и съ матушкой поздно вечеромъ и собирались уже спать, какъ вдругъ, слышимъ—стучатся въ ворота.

— Отопри, хуже убьемъ!

Матушка перепугалась, и мы всѣ обезумѣли отъ страха, а мужики ломятся. Ужъ не помню я, вломились ли они, или самъ батюшка имъ рѣшился отпереть, — только помню, какъ вошелъ народъ съ топорами и ножами и всѣхъ насъ мигомъ перевязали, матушку на печкѣ оставили, насъ по лавкамъ, а батюшку взяли за ноги, да о перекладину, что потолокъ поддерживаетъ, головой бьютъ. Изба наша, конечно, была низенькая, простая. Вотъ они бьютъ отца моего головой о бревно и приговариваютъ:

— А гдѣ у тебя, батька, деньги спрятаны; давай деньги!

— Какія деньги! Была самая малость...

Они все бьютъ его головой съ расчетомъ, чтобы сразу не убить, а узнать, гдѣ деньги. Постучатъ, постучатъ головой, и дадутъ ему отдохнуть; видятъ, что онъ въ памяти,— опять колотить.

Мы видимъ все это и плачемъ... Однако, Господь спасъ насъ!.. Жила у насъ дѣвочка крестьянская, сиротка, лѣтъ десяти.

Дѣвочка умная, смѣлая. Никто и не замѣтилъ, какъ она выскочила изъ избы. Она выскочила въ ту самую минуту, какъ мужики вломились, и побѣжала къ одной сосѣдкѣ-помѣщицѣ. Эта помѣщица была дама небогатая, только пресмѣлая, и дворовые люди были ей преданы. Она рѣшилась никуда отъ французовъ не ѣхать, а осталась въ своемъ имѣніи, очень близко отъ насъ. Но такъ какъ грабежа и грубостей отъ своего народа опасалась она больше, чѣмъ самого непріятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала изъ слугъ своихъ небольшой отрядъ тѣлохранителей, молодецъ къ молодцу! Сиротка наша—прямо къ ней и объясняетъ, что батюшку мужики убить хотятъ. Мигомъ помѣщица снарядилась, пріѣхала съ вооруженными людьми... Взошли, накрыли разбойниковъ, одолѣли ихъ какъ-разъ; барыня сама скомандовала: „Перевязать ихъ такихъ-сякихъ!“ И къ ближайшему начальству отвели.

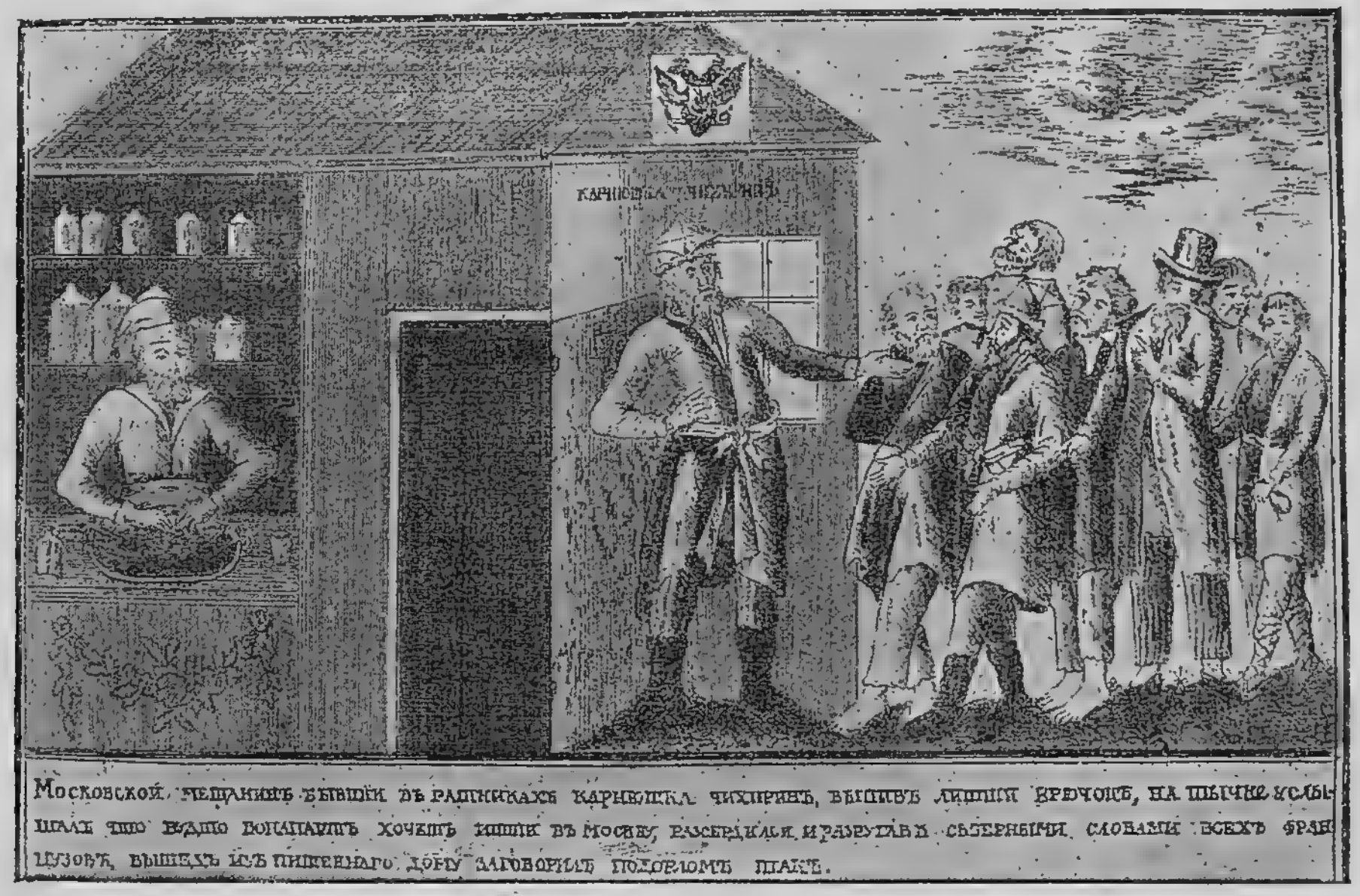
Такъ Богъ спасъ намъ батюшку. Къ счастью, барыня такъ поспѣшила, что большого вреда разбойники не успѣли ему сдѣлать. Не долго поболѣлъ онъ и рѣшился покинуть послѣ этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ѣхать въ Калужскую губернію, въ Медынскій уѣздъ. Тамъ у насъ были родные. Французовъ еще мы не видали, хотя, по слухамъ, они были уже близко.

Поѣхали мы не одни. Хорошихъ людей собрался цѣлый обозъ. Не всѣ крестьяне были одного духа; были между ними и очень хорошіе люди. Многіе изъ бунтовщиковъ продолжали повторять: „Пусть Петръ Матвѣевичъ вернется—мы ему брюхо балахономъ распустимъ!“ Но другіе дворовые и крестьяне удалялись отъ подобной дерзости и не желали даже и оставаться въ Смоленской губерніи при видѣ такихъ безпорядковъ и въ ожиданіи непріятеля. Такимъ образомъ тронулись мы большимъ обозомъ въ путь къ Медынскому уѣзду.

Разсказъ смоленскаго дьякона.

II.

Афиша Растопчина 1 іюля. „Карнюшка Чихиринъ“ [1]).



Московской мещанинъ бывши въ ратникахъ Карнюшка Чихиринъ, выпивъ лишній крючокъ, на тычке услышалъ что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и разругавъ сквернымі словами всехъ французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подорломъ такъ.

Московской мещанинъ бывши въ ратникахъ Карнюшка Чихиринъ выпивъ лишній крючокъ на тычке услышалъ что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и разругавъ скверными словами французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подорломъ такъ.

Какъ къ намъ милости просимъ хоть на святки, хоть и намаслиницу да и тутъ жгутами девки такъ припопонятъ что спина вздуется горой полно демономъ та наряжатся молитву сотворимъ такъ до петуховъ згинишъ сидика лучше дома да играй вжмурки либо въ кулючки, толно тебѣ фиглярить вить салдаты та твои карлеки да щеголки не тулупа не руковицъ, нимолохая, ни онучь не наденутъ ну где имъ руское житье бытье вынести отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся а которыя взиму та и останутся такъ крещенскія морозы поморятъ, права такъ всіо бѣда у воротъ замерзать, на дворе аколе-

---

[1]) Сохраняемъ орѳографію подлинника.

вать всеняхъ зазебать, въ избе задыхатся, на печи обжигаться, да что и говорить повадился кушинъ по воду ходить, тутъ ему и голову положить Карлъ та шведской пожилистей тебя былъ да и чистой царской крові дауходился подъ Полтавой ушолъ безъ возврату да и притибе будущихъ та мало будетъ побоичей французовъ твоихъ были поляки, татары и шведы, да и техъ старики наши такъ откачали что и посю пору кругъ Москвы курганы какъ грибы, аподъ грибами та ихъ кости ну и твоей силе, быть въ могиле, да знаешли что такое наша матушка Москва вить ето не городъ, а царство у тебя домата слепой, да храмой старухи да ребятишки остались а на немцахъ не выедишъ они тебя смаху сами оседлаютъ а на руси што знаешли ты забубенная голова выведено 600,000 да забритыхъ 300.000 да старыхъ рекрутъ 200.000 а всіо молодцы одному Богу веруютъ одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, все братья родные да коли понадобится скажи намъ батюшка Александръ Павловичь сила християнская выходи и высыпитъ бесчотная и свету божьева неувидишъ ну переднихъ бей пожалуй тебе ето по сердцу зато остальные та тебя доканаютъ навеки вековъ ну какъ же тебе кнамъ забрατся, нетокма што Ивана Великова да и поклонной во сне не увидишь белорусцевъ возмемъ да тебя вполше и погребемъ ну поминай какъ звали посему и протче разумевай не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай, изнай изъ роду въ родъ каковъ русской народъ.

Потомъ чихиринъ пошолъ бодро, изапелъ вополе береза стояла, а народъ смотря на него говорилъ откуда берется, а что говорить дело, то ужъ дело.

III.

Пріѣздъ Александра въ Москву.

1.

Народъ за Драгомиловскою заставою. 3 часа пополудни, 11 іюля 1812 года.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсняться сквозь

безчисленныя сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ „Русскій Вѣстникъ“ [1]).

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла навстрѣчу Государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блестѣло веселье. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ русскій подрастаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

С. Глинка.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ-будто бы исчезла подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ-другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь исчезаетъ личность, и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изрѣченіямъ духа русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ Государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля.

---

[1]) Журналъ, издававшійся Глинкою.

Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и, какъ будто бы смолвясь душами и мыслію, воскликнули:

— Не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ, мы на себѣ понесемъ коляску Государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ!

Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали:

— А вы, ваше благородіе, ведите насъ!

Я провозгласилъ: „ура! впередъ!“—и тысячи голосовъ повторили „ура! впередъ!“. Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ возвращался изъ Подмосковной. Увидѣвъ меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться колескѣ и спросилъ:

— Сергѣй Николаевичъ! Куда идешь?

— Веду къ Государю народъ,—отвѣчалъ я.

1812 годъ іюля 11-го, порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура не умолкали. На закатѣ солнца мы были на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ:

— Скоро ли будетъ Государь? Наконецъ, около десяти часовъ услышали, что Государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ.

Повѣстка моя въ московскую полицію.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву душъ своихъ, двинулся навстрѣчу Государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ, а потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать. Но это не обезпокоило меня. Не отставая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и не заботился о слухахъ. Идите наряду съ необычайными обстоятельствами: они сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкіе происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложен-

ной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и правительствомъ.

Полночь на 12-е іюля 1812 г.

„Не цѣлый день свѣтитъ солнце утреннее“. Солнце утреннее, блеснувшее надъ башнями Кремля и златыми главами церквей, увидѣло Москву въ полнотѣ жизни и движенія. Заходившее солнце проводило сонмы народные, безмолвно возвращавшіеся въ стѣны города. Какой переходъ отъ „утра“ до „вечера“! Переходъ цѣлой жизни человѣческой, „исторической“ и „нравственной“.

С. Глинка.

2.

Ночью въ ожиданіи Государя.

Вечеромъ весь городъ собрался въ Кремлѣ. Толпились на площади и душили другъ друга на лѣстницѣ. Болѣе свободно было намъ въ малой галлереѣ и въ сосѣднихъ съ нею залахъ, открытыхъ по распоряженію П. С. Валуева. Съ приторною вѣжливостью, гнусливымъ голосомъ онъ старался разсѣять мою тревогу; между тѣмъ Демидовъ, котораго пробиралъ ознобъ, усиливалъ ее своимъ мрачнымъ видомъ. Обресковъ, прозванный Иваномъ Быстрымъ, бѣгалъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ, объявляя направо и налѣво: „Французы въ Оршѣ“. Тарара [1])—одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ уже нѣтъ въ нынѣшнее время,—Тарара, этотъ длинный, сухощавый мастеръ на пустыя дѣла, расточалъ свои вздоры во всѣхъ углахъ. Между тѣмъ приближалась ночь. Государя все не было. Стали тревожиться, громкій разговоръ превратился въ шепотъ, шепотъ—въ молчаніе. Едва слышнымъ голосомъ стали говорить: „Государь погибъ!“ Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ,—всему готовы были вѣрить или всего бояться. На Спасской башнѣ пробило десять часовъ; народъ на площади заволновался. Демидовъ притронулся къ моему локтю похолодѣлою рукой и сказалъ: „Бунтъ!“ Тарара, прерванный на какой-то

---

[1]) Князь Трубецкой, прозванный такъ потому, что „тарара“ было его любимою поговоркою.

шуткѣ, тоже пробормоталъ: „Бунтъ!“ И это слово, переходя изъ устъ въ уста, слилось въ глухой гулъ. Онъ затихъ только передъ прекрасною, покойною фигурой Обрескова, который, сидя у окна, смотрѣлъ на освѣщенныя луной толпы волновавшагося народа. Вскорѣ стала извѣстна причина этого волненія: прибылъ курьеръ отъ государя съ извѣстіемъ, что самъ онъ пріѣдетъ лишь завтра.

А. Хомутова.

3.

Въ семьѣ Ростовыхъ.

Пьеръ пріѣхалъ къ Ростовымъ раньше, чтобы застать ихъ однихъ.

Онъ, пыхтя и что-то бормоча про себя, взошелъ на лѣстницу.

Изъ гостиной выбѣжалъ Петя.

Петя былъ теперь красивый, румяный пятнадцатилѣтній мальчикъ съ толстыми, красными губами, похожій на Наташу. Онъ готовился въ университетъ, но въ послѣднее время, съ товарищемъ своимъ Оболенскимъ, тайно рѣшилъ, что пойдетъ въ гусары.

Петя выскочилъ къ своему тезкѣ, чтобы переговорить о дѣлѣ.

Онъ просилъ его узнать, примутъ ли его въ гусары.

Пьеръ шелъ по гостиной, не слушая Петю.

Петя дернулъ его за руку, чтобы обратить на себя его вниманіе.

— Ну, что мое дѣло, Петръ Кириллычъ, ради Бога! Одна надежда на васъ, — говорилъ Петя.

— Ахъ, да, твое дѣло. Въ гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

— Ну, что, mon cher, ну, что, достали манифестъ? — спросилъ старый графъ. — А графинюшка была у обѣдни у Разумовскихъ, молитву новую слышала. Очень хорошая, говоритъ.

— Досталъ, — отвѣчалъ Пьеръ. — Завтра государь будетъ... Необычайное дворянское собраніе и, говорятъ, по десяти съ тысячи наборъ. Да, поздравляю васъ.

— Да, да, слава Богу. Ну, а изъ арміи что?

— Наши опять отступили. Подъ Смоленскомъ уже, говорятъ,—отвѣчалъ Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой! — сказалъ графъ. — Гдѣ же манифестъ?

— Воззваніе! Ахъ, да!

Пьеръ сталъ въ карманахъ искать бумагъ и не могъ найти ихъ. Продолжая охлопывать карманы, онъ поцѣловалъ руку у вошедшей графини и безпокойно оглядывался, очевидно, ожидая Наташу, которая не пѣла больше, но и не приходила въ гостиную.

— Ma parole, je ne sais plus ou je l'ai fourré [1]), — сказалъ онъ.

— Ну, ужъ вѣчно растеряетъ все, — сказала графиня.

Наташа вошла съ размягченнымъ, взволнованнымъ лицомъ и сѣла, молча глядя на Пьера. Какъ только она вошла въ комнату, лицо Пьера, до этого пасмурное, просіяло, и онъ, продолжая отыскивать бумаги, нѣсколько разъ взглядывалъ на нее.

— Ей-Богу, я съѣзжу, я дома забылъ. Непремѣнно...

— Ну, къ обѣду опоздаете?

— Ахъ, и кучеръ уѣхалъ.

Но Соня, пошедшая въ переднюю искать бумаги, нашла ихъ въ шляпѣ Пьера, куда онъ ихъ старательно заложилъ за подкладку. Пьеръ было хотѣлъ читать.

— Нѣтъ, послѣ обѣда,—сказалъ старый графъ, видимо, въ этомъ чтеніи предвидѣвшій большое удовольствіе.

За обѣдомъ, за которымъ пили шампанское за здоровье новаго георгіевскаго кавалера [2]), Шиншинъ разсказывалъ городскія новости: о болѣзни старой грузинской княгини, о томъ, что Метивье исчезъ изъ Москвы и о томъ, что къ Растопчину привели какого-то нѣмца и объявили ему, что это шампиньонъ (такъ разсказывалъ самъ графъ Растопчинъ), и какъ графъ Растопчинъ велѣлъ шампиньона отпустить, сказавъ народу, что это не шампиньонъ, а просто старый грибъ нѣмецъ.

— Хватаютъ, хватаютъ, — сказалъ графъ,—я графинѣ и то

---

[1]) Ей-Богу, не знаю, куда я его дѣлъ.

[2]) Николая Ростова.

говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

— А слышали?—сказалъ Шиншинъ.—Князь Голицынъ русскаго учителя взялъ—по-русски учиться,—il commence à devenir dangereux de parler français dans les rues [1]).

— Ну, что жъ, графъ Петръ Кириллычъ, какъ ополченье-то сбирать будутъ, и вамъ придется на коня?—сказалъ старый графъ, обращаясь къ Пьеру.

Пьеръ былъ молчаливъ и задумчивъ во все время этого обѣда. Онъ, какъ бы не понимая, посмотрѣлъ на графа при этомъ обращеніи.

— Да, да, на войну,—сказалъ онъ.—Нѣтъ! Какой я воинъ! А, впрочемъ, все такъ странно, такъ странно! Да я и самъ не понимаю. Я не знаю, я такъ далекъ отъ военныхъ вкусовъ; но въ теперешнія времена никто за себя отвѣчать не можетъ.

Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню, славившуюся мастерствомъ чтенія, читать.

„Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

„Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое наше отечество“,—старательно читала Соня своимъ тоненькимъ голоскомъ. Графъ, закрывъ глаза, слушалъ, порывисто вздыхая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Наташа сидѣла, вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера.

Пьеръ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и старался не оглядываться. Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой противъ каждаго торжественнаго выраженія манифеста. Она во всѣхъ этихъ словахъ видѣла только то, что опасности, угрожающія ея сыну, еще не скоро прекратятся. Шиншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился насмѣхаться надъ тѣмъ, что первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ, что скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучше предлога.

Прочтя объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, о надеж-

---

[1]) Становится опаснымъ говорить по-французски на улицахъ.

дахъ, возлагаемыхъ государемъ на Москву, и, въ особенности, на знаменитое дворянство, Соня съ дрожаніемъ голоса, происходившимъ преимущественно отъ вниманія, съ которымъ ее слушали, прочла послѣднія слова: „Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую онъ мнитъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!"

— Вотъ это такъ!—воскликнулъ графъ, открывая мокрые глаза, и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнія, какъ будто къ носу его подносили склянку съ крѣпкой уксусной солью, онъ проговорилъ:—Только скажи государь, мы всѣмъ пожертвуемъ и ничего не пожалѣемъ.

Шиншинъ еще не успѣлъ сказать приготовленную имъ шутку на патріотизмъ графа, какъ Наташа вскочила съ своего мѣста и подбѣжала къ отцу.

— Что за прелесть этотъ папа!—проговорила она, цѣлуя его; и она опять взглянула на Пьера съ тѣмъ безсознательнымъ кокетствомъ, которое вернулось къ ней вмѣстѣ съ ея оживленіемъ.

— Вотъ такъ патріотка,—сказалъ Шиншинъ.

— Совсѣмъ не патріотка, а просто...—обиженно отвѣчала Наташа.—Вамъ все смѣшно, а это совсѣмъ не шутка...

— Какія шутки!—повторилъ графъ.—Только скажи онъ слово, мы всѣ пойдемъ... Мы не нѣмцы какіе-нибудь...

— А замѣтили вы,—сказалъ Пьеръ,—что сказано: „для совѣщанія".

— Ну, ужъ тамъ для чего бы ни было...

Въ это время Петя, на котораго никто не обращалъ вниманія, подошелъ къ отцу и, весь красный, ломающимся, то грубымъ, то тонкимъ голосомъ, сказалъ:

— Ну, теперь, папенька, я рѣшительно скажу—и маменька тоже, какъ хотите,—я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

Графиня съ ужасомъ подняла глаза къ небу, всплеснула руками и сердито обратилась къ мужу.

— Вотъ и договорился!—сказала она.

Но графъ въ ту же минуту оправился отъ волненія.

— Ну, ну,—сказалъ онъ.—Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупости, папенька. Оболенскій Ѳедя моложе меня и тоже идетъ, а главное, все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... — Петя остановился, покраснѣлъ до поту и проговорилъ-таки:—когда отечество въ опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да вѣдь вы сами сказали, что всѣмъ жертвуемъ.

— Петя! Я тебѣ говорю, замолчи,—крикнулъ графъ, оглядываясь на жену, которая, поблѣднѣвъ, смотрѣла остановившимися глазами на меньшаго сына.

— А я вамъ говорю. Вотъ и Петръ Кирилловичъ скажетъ...

— Я тебѣ говорю—вздоръ, еще молоко не обсохло, а въ военную службу хочетъ! Ну, ну, я тебѣ говорю,—и графъ, взявъ съ собой бумаги, вѣроятно, чтобы еще разъ прочесть въ кабинетѣ передъ отдыхомъ, пошелъ изъ комнаты.—Петръ Кирилловичъ, что-жъ, пойдемъ покурить...

Петя, послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали видъ, какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ съ заплаканными глазами.

Л. Толстой.

4.

Пріемъ въ Слободскомъ дворцѣ.

Слѣдующій день (15 іюля) былъ назначенъ государемъ для сообщенія своихъ намѣреній дворянству и купечеству, которые собраны были къ полудню въ залахъ Слободскаго дворца. Ночью я узналъ (и это было подтверждено мнѣ на другой день утромъ), что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ обществу мартинистовъ, сговорились между собою, чтобы, когда государь предложитъ собранію наборъ ратниковъ,—поставить ему (государю) вопросы: каковы силы нашей арміи? какъ сильна армія непріятеля? Какія имѣются средства для защиты?

и т. п. Намѣреніе было дерзкое, неумѣстное и опасное при (тогдашнихъ) обстоятельствахъ; но на счетъ исполненія его я вовсе не испугался, зная, что (указанные) господа столь же храбры у себя дома, сколько трусливы внѣ его. Я преднамѣренно и неоднократно говорилъ при всѣхъ, что надѣюсь представить (государю) зрѣлище собранія дворянства вѣрнаго, и что я буду въ отчаяніи, если кто-либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи своего государя,—потому что такой человѣкъ, прежде окончанія того, что захотѣлъ бы сказать, начнетъ весьма далекое путешествіе. Дабы сообщить болѣе вѣроятія такимъ (моимъ) рѣчамъ, я приказалъ поставить недалеко отъ дворца двѣ повозки, запряженныя почтовыми лошадьми, и подлѣ нихъ прохаживаться двумъ полицейскимъ офицерамъ, одѣтымъ по курьерски. Если кто изъ любопытныхъ освѣдомлялся: для кого назначены эти повозки? они отвѣчали: „а для тѣхъ, кому прикажутъ ѣхать“. Эти отвѣты и вѣсть о появленіи повозокъ дошли до собранія, и фанфароны, во все продолженіе онаго, не промолвили слова и вели себя, какъ подобаетъ благонравнымъ дѣтямъ.

До прибытія государя, я, въ сопровожденіи Шишкова, пошелъ сначала въ ту галлерею, гдѣ собралось дворянство, а потомъ въ ту, гдѣ находилось купечество. Въ первой галлереѣ было около 1,000 человѣкъ, поспѣшившихъ со всѣхъ сторонъ, при извѣстіи о прибытіи государя. Тамъ все происходило въ порядкѣ и спокойствіи. Но во второй галлереѣ, гдѣ собрались купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала обнаружился гнѣвъ; но когда Шишковъ дошелъ до того мѣста, гдѣ говорится, что врагъ идетъ съ лестью на устахъ, но съ цѣпями въ рукахъ—тогда негодованіе прорвалось наружу и достигло своего апогея; присутствующіе ударяли себя по головѣ, рвали на себѣ волосы, ломали руки; видно было, какъ слезы ярости текли по этимъ лицамъ, напоминающимъ лица древнихъ. Я видѣлъ человѣка, скрежетавшаго зубами. За шумомъ не слышно было, что говорили (эти люди), но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное, въ своемъ родѣ, зрѣлище, потому что русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно и, забывая, что онъ рабъ, приходилъ въ негодова-

ніе, когда ему угрожали цѣпями, которыя готовилъ чужеземецъ, и предпочиталъ смерть позору быть побѣжденнымъ. При подобныхъ-то обстоятельствахъ вновь выказывали себя прежніе русскіе. Они (купцы) сохранили ихъ одѣяніе, ихъ характеръ; бороды придавали имъ видъ почтенный и внушительный. Подобно предкамъ своимъ, они не имѣли другихъ указаній, другихъ правилъ, кромѣ 4-хъ пословицъ, въ которыхъ заключались побужденія къ ихъ хорошимъ и дурнымъ дѣламъ:

Великъ русскій Богъ.
Служи царю вѣрой и правдой.
Двумъ смертямъ не бывать,—одной не миновать.
Чему быть, того не миновать.

Вотъ что дѣлаетъ настоящаго русскаго человѣка надѣющимся на Бога, вѣрнымъ своему государю, равнодушнымъ къ смерти и безгранично предпріимчивымъ. Его усердіе, мужество и вѣрность обнаружились во всемъ блескѣ въ продолженіе 1812 года. Онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію, руководясь собственнымъ инстинктомъ. Древняя исторія представляетъ мало примѣровъ подобной преданности и подобныхъ жертвъ; а исторія нашего времени вовсе ихъ не представляетъ.

Государь, по прибытіи (въ Слободской дворецъ), оставался нѣсколько минутъ въ своихъ апартаментахъ, куда и я пришелъ, чтобы доложить ему обо всемъ, что происходило. Мы говорили объ ополченіи; но между тѣмъ, какъ онъ разсчитывалъ только на 10,000 человѣкъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что наберется больше. Послѣ этого государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ служили молебствіе, а по выходѣ оттуда направился въ залу дворянства. При входѣ туда, онъ имѣлъ видъ озабоченный, (такъ какъ) шагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствію электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все. Фельдм. Гудовичъ, какъ старѣйшій по своему званію, заговорилъ первый,

и тономъ стараго, вѣрнаго слуги, отвѣчалъ, что государь отнюдь не долженъ отчаиваться въ успѣхѣ своего дѣла, священнаго для всей Россіи; что всѣ они (дворяне) готовы пожертвовать всѣмъ имуществомъ, пролить послѣднюю каплю крови, и въ концѣ предложилъ государю одного человѣка съ 25-ти, снабженнаго одеждою и мѣсячнымъ продовольствіемъ. Только что успѣлъ фельдмаршалъ окончить свою рѣчь, какъ нѣсколько голосовъ закричало: „Нѣтъ, не съ 25-ти, а съ 10-ти по одному человѣку, одѣтому и снабженному провіантомъ на три мѣсяца“. Крикъ этотъ подхваченъ былъ большею частью собранія, которое государь благодарилъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, восхваляя щедрость дворянства, а затѣмъ, обратясь ко мнѣ, приказалъ прочесть положеніе объ организаціи ополченія. Я замѣтилъ Его Величеству, что помянутое положеніе составлено было при иныхъ условіяхъ,—что тамъ шла рѣчь о сформированіи отряда лишь изъ людей, добровольно представленныхъ; но что теперь, когда дворянство само опредѣлило численность ратниковъ, которыхъ оно поставитъ, прежнее положеніе являлось уже неподходящимъ. Государь согласился съ моимъ замѣчаніемъ, раскланялся съ собравшимися дворянами и, пройдя въ залу, гдѣ находились купцы, сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ, сообщивъ имъ о предложеніи дворянства и, приказавъ мнѣ прочитать имъ правила, выработанныя второю комиссіею, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Кремль. Я не далъ купечеству времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столѣ, подписка началась, и, менѣе, чѣмъ въ полчаса времени, дала 2.400,000 рублей. Городской голова, имѣвшій всего 100,000 капитала, первый подписалъ 50,000 рублей, при чемъ перекрестился и сказалъ: „Получилъ я ихъ (деньги) отъ Бога, а отдаю родинѣ“.

Я возвратился въ Кремль съ извѣстіемъ (о сборѣ) 2.400,000 рублей и засталъ государя въ его кабинетѣ съ гр. Аракчеевымъ и съ Балашовымъ. Десятый человѣкъ съ населенія представлялъ итогъ въ 32,000 чел., снабженныхъ продовольствіемъ на 3 мѣсяца; да сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь заявилъ мнѣ, что онъ весьма счастливъ, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву, и что назначилъ меня ген.-губернаторомъ. Затѣмъ, когда я уже уходилъ, онъ ласково поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

По выходѣ въ другую комнату, Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія, т.-е. поцѣлуя отъ государя. „Я,—прибавилъ онъ,—я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ,—никогда этого не получалъ“.

Балашовъ просилъ меня быть увѣреннымъ, что гр. Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ мнѣ этого поцѣлуя. Тогда я посмѣялся этому, но впослѣдствіи получилъ вѣрное доказательство тому, что министръ полиціи говорилъ правду и что онъ лучше меня зналъ гр. Аракчеева.

Теперь надо объяснить, почему собраніе явилось столь щедрымъ и столь благороднымъ. Предложеніе фальдмаршала было правильнымъ и разумнымъ; но два первые голоса, усилившіе это предложеніе до десятаго человѣка, исходили изъ двухъ головъ, весьма одна отъ другой отличныхъ. Одинъ изъ этихъ господъ, человѣкъ чрезвычайно умный, предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что онъ не имѣлъ помѣстій въ Московской губерніи,—и пустилъ въ ходъ свое предложеніе, какъ пускаютъ какую-нибудь шутку. Другой же господинъ, обладавшій сильными легкими, былъ человѣкъ низкій, глупый, на дурномъ счету при Дворѣ; онъ предложилъ мнѣ свой голосъ изъ-за чести быть приглашеннымъ къ высочайшему столу. И вотъ, чѣмъ столь часто руководятся собранія,—вотъ какъ дѣйствуютъ они, подавая голоса по увлеченію и необдуманно! Газетчики, біографы, сочинители историческихъ романовъ превозносили иного человѣка до небесъ за какой-либо его поступокъ или за слово; а между тѣмъ, онъ, можетъ-быть, совершивъ этотъ поступокъ или сказавъ это слово, тотчасъ же въ томъ раскаялся.

Гр. Ѳ. Растопчинъ.

5.

Откликъ дворянства и купечества на призывъ Александра.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія, невольно дѣлаю нѣкоторое замѣчаніе, совершенно однако-жъ справедливое. Оно можетъ показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія въ Первопрестольной Столицѣ Москвѣ

государемъ императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 руб., и дешевле; пара пистолетъ Тульскаго мастерства—8 и 7 р., ружье, карабинъ того же мастерства—11, 12 и 15 р., дороже не продавали; но когда прочтено было воззваніе императора и учреждено ополченіе противу врага, то та же самая сабля, или шпага, стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетъ—35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то: портные, сапожники и другіе утроили или учетверили цѣну работы своей; словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы, высоко вздорожали; и графъ Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, могъ бы легко такое беззаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновныхъ суду, но онъ смотрѣлъ на это зло равнодушно, и за недѣлю только до входа непріятеля въ Москву опубликовалъ въ Вѣдомостяхъ слѣдующее: „Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ московскихъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхгаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною“.

Дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхгауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоилъ 2 и 3 рубля; сабля—1 руб., кортикъ, палка и проч. все очень дешево; но, къ сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось, ибо ружья и карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измятые, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что было въ цейхаузѣ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналъ или цейхаузъ былъ полонъ народу.

Пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ, мастеровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дѣтьми своими, нѣсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнью для отраженія

врага; брали съ собою еще дружину изъ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ десяти душъ одного или двухъ; а вторые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цѣны не имѣли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получали отъ дѣйствительныхъ защитниковъ отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повѣренными, приказчиками и сидѣльцами удалились заблаговременно изъ Москвы на нѣсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобы не быть свидѣтелями ужасовъ нашествія непріятеля, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти не могли.

Повторяю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдѣлалъ сіе замѣчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвѣ, и о которомъ умолчать я почелъ бы преступленіемъ:

Дворянство Рязанской губерніи, въ которой имѣлъ я небольшую деревню, узнавъ о воззваніи императора къ Первопрестольной Столицѣ Москвѣ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоящихъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобы они, по пріѣздѣ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что рязанское дворянство готово поставить на защиту отечества шестьдесятъ тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернскій предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числѣ депутатовъ по болѣзни своей не былъ.

Депутаты, частью мнѣ знакомые люди, по пріѣздѣ въ Москву остановились въ домѣ губернскаго своего предводителя Измайлова, что у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генералъ-адъютанту Балашову, прося его, чтобы онъ доложилъ объ нихъ Государю Императору.

Генералъ Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и, когда депутаты отвѣчали, что они сдѣлали это по общему приговору дворянства и съ личнаго

дозволенія г-на рязанскаго гражданскаго губернатора Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя.

Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однако-жъ не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень вѣжливо и ласково. Они объяснили ему причину своего пріѣзда въ Москву, не умолчали о поступкѣ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, обѣщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору; на другой день рано черезъ московскую полицію приказано имъ было выѣхать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ, преисполненнымъ горести, что не видѣли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія рязанскимъ дворянствомъ, возвратились во-свояси. Что должно думать о генералъ-адъютантѣ, министрѣ полиціи, Балашовѣ? Искренно ли онъ любилъ благодѣтеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ отечества? По поступку его можно усумниться.

Іюля, 18-го дня. Обнародованъ составъ военной московской силы, и Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Съ отъѣздомъ Государя Императора движеніе народа было необыкновенное, множество пріѣзжихъ изъ деревень пополняло вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать русскихъ городовъ; но мало-по-малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли.

Графъ Растопчинъ по отъѣздѣ Государя Императора, рѣдкій день не выдавалъ печатныхъ афишекъ, какъ о дѣйствіи арміи нашей, такъ особенно и отъ себя въ народное извѣстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нѣкоторые находили соотвѣтствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болѣлъ, а теперь глядитъ въ оба; что французъ не тяжелѣе хлѣбнаго снопа, и мы его на вилы-де подымемъ; чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушный, и

на немъ 50 человѣкъ; этотъ шаръ истребитъ армію непріятельскую, и проч., и проч. Однако-жъ, смѣясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что многіе этому вѣрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ однимъ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честью своею, что уже сдѣлана проба, и собрано было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено!

А. Бестужевъ-Рюминъ.

На другой день Высочайшаго пріѣзда собрано было въ одной изъ залъ дворца, подъ предсѣдательствомъ новаго главнокомандующаго Москвы, графа Растопчина, дворянство, и въ то же время въ другой собралось все купечество, встрѣченное тамъ гражданскимъ губернаторомъ Обресковымъ. Тому и другому собранію прочитали Высочайшій манифестъ, которымъ Императоръ Александръ обращался ко всѣмъ сословіямъ съ твердымъ довѣріемъ и надеждою узрѣть во дни великаго подвига на спасеніе отечества въ каждомъ духовномъ лицѣ Авраамія Палицына, въ каждомъ дворянинѣ — князя Пожарскаго и въ каждомъ гражданинѣ — Козьму Минина. Восторженность дворянства при этомъ чтеніи была уже заранѣе подготовлена графомъ Растопчинымъ, и многіе голоса, послѣ приличнаго этому случаю „ура“, закричали: „десятаго! десятаго!“ Это значило, что московское дворянство вызывалось поставить одного ратника съ каждыхъ 10 ревизскихъ душъ. Скоро оказалось, что крикуны были дворяне, не имѣвшіе за собой ни одной ревизской души, масса, servum pecus, постановила свое опредѣленіе—дать десятаго.—Въ залѣ, гдѣ собралось купечество, происходило слѣдующее: Обресковъ, говорившій красно, успѣлъ возбудить пламенную любовь къ отечеству въ нашихъ капиталистахъ и каждаго изъ нихъ, смотря по ихъ богатству, приглашалъ сѣсть за столъ, на которомъ лежалъ листъ бумаги для записыванія пожертвованій на алтарь отечества. Для разрѣшенія ихъ колебаній и простительной мѣшкотности въ такомъ небываломъ дѣлѣ, Обресковъ, сидя надъ ухомъ каж-

даго, подсказывалъ подписчику тѣ сотни, десятки и единицы тысячъ рублей, какія, по его умозаключенію, жертвователь могъ приносить на этотъ алтарь. Сумма составилась огромная. Государь былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями собраній. Изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ составился комитетъ для устройства собираемаго ополченія; но тутъ, видно, открылись въ самомъ началѣ обыкновенныя у насъ бюрократическія замашки съ примѣсью военной дисциплины и формальности; болѣе подробностей никакихъ мнѣ сообщено не было.

Отецъ мой возвратился въ деревню скорѣе, чѣмъ его ожидали, недовольный, разочарованный. Военный его жаръ простылъ, о моемъ походѣ на войну не было и помину, и мы остались въ Солнышковѣ сидѣть на рѣкѣ Лопаснѣ и ждать погоды. Я совсѣмъ было забылъ сказать о замѣчательномъ самопожертвованіи трехъ богачей того времени. Николай Никитичъ Демидовъ, графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала и бывшаго московскаго градоначальника, и графъ Мамоновъ, сынъ одного изъ фаворитовъ Екатерины II (двоюродный братъ моей жены), юный оберъ-прокуроръ сената, вызвались выставить и содержать на свой счетъ полки. Что сталось съ двумя первыми, Демидовскимъ и Салтыковскимъ, покрыто для меня, да чуть ли и не для всѣхъ, мракомъ неизвѣстности. Гусарскій Мамоновскій, подъ названіемъ безсмертнаго, началъ формироваться; командиромъ его назначили 23-лѣтняго графа Мамонова, съ переименованіемъ въ генералъ-майоры. Самъ ли онъ набиралъ въ офицеры полка отчаянныхъ гулякъ или всевозможные оборвыши и пройдохи и купеческіе сынки такого же рода сами ворвались къ нему въ офицеры, вышло только, что вся эта молодежь во время формированія полка забуянила, загуляла, самоуправничала, требовала всего, не платя ни за что, рубила, пожалуй хоть и плашмя, своими саблями своихъ, а не чужихъ, и довела весь полкъ до того, что его вынуждены были черезъ нѣсколько мѣсяцевъ раскассировать, старшихъ офицеровъ отдать подъ военный судъ, а самого Мамонова заставить выйти въ отставку и снять генеральскій мундиръ и эполеты, которые такъ шли къ его красивой наружности.

Д. Свербеевъ.

IV.

Изъ переживаній русской дѣвушки.

Всѣ говорили о близкой войнѣ и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастью, заступники отечества были немного простоваты,—они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста и т. п. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе Государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски: всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть своего презрѣнія, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновскихъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. „Дай Богъ,—говорила она,—чтобы всѣ русскіе лю-

били свое отечество, какъ я его люблю". Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. „Помилуй,—сказала я однажды,—охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть себѣ мужчины дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта". Глаза ея засверкали.—„Стыдись,—сказала она,—развѣ женщины не имѣютъ отечества? Развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? Развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное! Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотрите на m-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силою... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостью при приближеніи французской арміи: „будьте покойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ"... Да! Если-бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его пустили бы гулять по Пале-Роялю; но m-me de Staël въ такомъ случаѣ умерла бы въ государственной темницѣ. А Шарлота Корде? А наша Марѳа Посадница? А княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостью души и рѣшительностью". Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы, къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума! Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes (счастье только на путяхъ обыкновенныхъ).

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ, наконецъ, и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя маменьки послѣ того замѣтили, что графъ уже не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. „Вы чѣмъ пожертвуете?"—спросила она разъ у моего брата.—„Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ,—отвѣчалъ мой повѣса.—

У меня всего-на-всего 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества". Полина разсердилась. „Для нѣкоторыхъ людей,—сказала она,—и честь, и отечество—все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобы позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви". Братъ мой вспыхнулъ.—„Вы слишкомъ взыскательны, княжна,—возразилъ онъ.—Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ m-me de Staël и говорили бы вамъ тирады изъ „Коринны". Знайте, что, кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ". Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ черезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобы я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ***скую деревню.

А. Пушкинъ.

V.

Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

22-го іюля. Москва.

Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ Богъ знаетъ гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побила камнями одного нѣмца, принявъ его за француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Все въ рукахъ Божіихъ, слѣдовательно, пока зло не совер·

шилось, мы не должны отчаиваться и сомнѣваться въ Божіемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ....

VI.

Спектакль 30 іюля въ Москвѣ.

Іюля 30, во вторникъ, на здѣшнемъ публичномъ театрѣ, вмѣсто обѣщанной комедіи „Модной лавки“ [1]) представлена была опера „Старинныя святки“. Въ первой увидѣли бы мы ежедневно видимыя на большомъ театрѣ свѣта бездѣльничества француженки мадамы Каре и плутни француза мусье Трише; во второй напротивъ того неожиданно показали намъ любезную старину Москвы бѣлокаменной, житье-бытье славныхъ бояръ русскихъ и святошныя забавы цѣломудренныхъ дочерей ихъ и родственницъ. Сія неожиданная перемѣна сдѣлана по случаю полученныхъ извѣстій объ одержанныхъ надъ злѣйшимъ сопостатомъ важныхъ побѣдъ при Кобринѣ и при Клястицахъ. Послѣ горячайшаго благодаренія, по утру въ тотъ же день Господу Богу принесеннаго съ колѣнопреклоненіемъ во святомъ его храмѣ, пріятно было ввечеру въ училищѣ нравовъ и мѣстѣ невинной забавы пролить радостныя слезы въ честь знаменитыхъ защитниковъ Отечества. Воспѣто величаніе Царю Александру при полномъ хорѣ музыки съ трубами и литаврами; потомъ г-жа Сандунова продолжала: Слава храброму генералу Тормасову, поразившему силы вражескія! Слава храброму графу Витгенштейну, поразившему силы вражескія! Слава храброму Кульневу, умершему за Отечество! По требованію восхищенной публики актриса повторяла величанье при всеобщемъ плескѣ. Незабвенныя имена Героевъ отзываются въ благородномъ сердцѣ каждаго Россіянина.

К.

---

[1]) И. А. Крылова; кромѣ того предполагалась ком. опера въ 1 д. „Три Горбуна“ муз. Кавоса (уч. Сандуновой). Отмѣтимъ, что въ Московскомъ (Арбатскомъ) театрѣ спектакли шли до 30 августа, когда была назначена къ исполненію др. въ 4 д. Глинки „Наталья, боярская дочь“, а послѣ нея маскарадъ.

Глава III.

Смоленскъ.

I.

Въ Смоленскѣ.

Къ вечеру 4-го августа Алпатычъ пріѣхалъ въ Смоленскъ. По дорогѣ Алпатычъ встрѣчалъ и обгонялъ обозы и войска. Подъѣзжая къ Смоленску, онъ слышалъ дальніе выстрѣлы, но звуки эти не поразили его. Сильнѣе всего поразило его то, что, приближаясь къ Смоленску, онъ видѣлъ прекрасное поле овса, которое какіе-то солдаты косили, очевидно, на кормъ и по которому стояли лагеремъ; это обстоятельство поразило Алпатыча, но онъ скоро забылъ его, думая о своемъ дѣлѣ.

Алпатычъ, пріѣхавъ вечеромъ 4-го августа въ Смоленскъ, остановился за Днѣпромъ въ Гаченскомъ предмѣстьи на постояломъ дворѣ, у дворника Ѳерапонтова, у котораго онъ уже тридцать лѣтъ имѣлъ привычку останавливаться. Ѳерапонтовъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, съ легкой руки Алпатыча, купивъ рощу у князя, началъ торговать, и теперь имѣлъ домъ, постоялый дворъ и мучную лавку въ губерніи. Ѳерапонтовъ былъ толстый, черный, красный, сорокалѣтній мужикъ, съ толстыми губами, съ толстымъ шишкой-носомъ, такими же шишками надъ черными нахмуренными бровями и толстымъ брюхомъ.

Ѳерапонтовъ, въ жилетѣ, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у лавки, выходившей на улицу. Увидавъ Алпатыча, онъ подошелъ къ нему.

— Добро пожаловать, Яковъ Алпатычъ. Народъ изъ города, а ты въ городъ,—сказалъ хозяинъ.

— Что жъ такъ изъ города?—сказалъ Алпатычъ.

— И я говорю — народъ глупъ. Все француза боятся.

— Бабьи толки, бабьи толки!—проговорилъ Алпатычъ.

— Такъ-то и я сужу, Яковъ Алпатычъ. Я говорю приказъ есть, что не пустятъ его, значитъ—вѣрно. Да и мужики по три рубля съ подводы просятъ—креста на нихъ нѣтъ!

Яковъ Алпатычъ невнимательно слушалъ. Онъ потребовалъ самоваръ и сѣна лошадямъ и, напившись чаю, легъ спать.

Всю ночь мимо постоялаго двора двигались на улицѣ войска. На другой день Алпатычъ надѣлъ камзолъ, который онъ надѣвалъ только въ городѣ, и пошелъ по дѣламъ. Утро было солнечное, и съ восьми часовъ было уже жарко. „Дорогой день для уборки хлѣба“, думалъ Алпатычъ. За городомъ съ ранняго утра слышались выстрѣлы.

Съ восьми часовъ къ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась пушечная пальба. На улицахъ было много народу, куда-то спѣшащаго, много солдатъ, но такъ же, какъ и всегда, ѣздили извозчики, купцы стояли у лавокъ, и въ церквахъ шла служба. Алпатычъ прошелъ въ лавки, въ присутственныя мѣста, на почту и къ губернатору. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ, на почтѣ всѣ говорили о войскѣ, о непріятелѣ, который уже напалъ на городъ; всѣ спрашивали другъ друга, что дѣлать, и всѣ старались успокаивать другъ друга.

У дома губернатора Алпатычъ нашелъ большое количество народа, казаковъ и дорожный экипажъ, принадлежавшій губернатору. На крыльцѣ Яковъ Алпатычъ встрѣтилъ двухъ господъ-дворянъ, изъ которыхъ одного онъ зналъ. Знакомый ему дворянинъ, бывшій исправникъ, говорилъ съ жаромъ:

— Вѣдь это не шутки шутить, — говорилъ онъ. — Хорошо, кто одинъ. Одна голова и бѣдна—такъ одна, а то вѣдь 13-ть человѣкъ семьи, да все имущество... Довели, что пропадать всѣмъ; что жъ это за начальство послѣ этого?.. Эхъ, перевѣшалъ бы разбойниковъ...

— Да ну, будетъ, — говорилъ другой.

— А мнѣ что за дѣло, пускай слышитъ! Что жъ, мы—не собаки, — сказалъ бывшій исправникъ и, оглянувшись, увидалъ Алпатыча.

— А, Яковъ Алпатычъ, ты зачѣмъ?

— По приказанію его сіятельства къ господину губернатору,—отвѣчалъ Алпатычъ, гордо поднимая голову и закладывая руку за пазуху, что онъ дѣлалъ всегда, когда упоминалъ о князѣ...—Изволили приказать освѣдомиться о положеніи дѣлъ,—сказалъ онъ.

— Да вотъ и узнавай, — прокричалъ помѣщикъ, — довели, что ни подводъ, ничего!.. Вотъ она, слышишь? — сказалъ онъ, указывая на ту сторону, откуда слышались выстрѣлы.

— Довели, что погибать всѣмъ... разбойники! — опять проговорилъ онъ и сошелъ съ крыльца.

Алпатычъ покачалъ головой и пошелъ на лѣстницу. Въ пріемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшіеся между собой. Дверь кабинета отворилась; всѣ встали съ мѣстъ и подвинулись впередъ. Изъ двери выбѣжалъ чиновникъ, поговорилъ что-то съ купцомъ, кликнулъ за собой толстаго чиновника съ крестомъ на шеѣ и скрылся опять въ дверь, видимо избѣгая всѣхъ обращенныхъ къ нему взглядовъ и вопросовъ. Алпатычъ продвинулся впередъ и при слѣдующемъ выходѣ чиновника, заложивъ руку за застегнутый сюртукъ, обратился къ чиновнику, подавая ему два письма.

— Господину барону Ашу отъ генерала-аншефа князя Болконскаго,—провозгласилъ онъ такъ торжественно и значительно, что чиновникъ обратился къ нему и взялъ его письма.

Черезъ нѣсколько минутъ губернаторъ принялъ Алпатыча и поспѣшно сказалъ ему:

— Доложи князю и княжнѣ, что мнѣ ничего неизвѣстно было: я поступалъ по высшимъ приказаніямъ—вотъ...—Онъ далъ бумагу Алпатычу.—А, впрочемъ, такъ какъ князь нездоровъ, мой совѣтъ имъ ѣхать въ Москву. Я самъ сейчасъ ѣду. Доложи...

Но губернаторъ не договорилъ: въ дверь вбѣжалъ запыленный и запотѣлый офицеръ и началъ что-то говорить по-французски. На лицѣ губернатора изобразился ужасъ.

— Иди,—сказалъ онъ, кивнувъ головой Алпатычу, и сталъ что-то спрашивать у офицера.

Жадные, испуганные, безпомощные взгляды обратились на Алпатыча, когда онъ вышелъ изъ кабинета губернатора. Невольно прислушиваясь теперь къ близкимъ и все усиливавшимся выстрѣламъ, Алпатычъ поспѣшилъ на постоялый дворъ. Бумага, которую далъ губернаторъ Алпатычу, была слѣдующая:

„Увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобы оный ею угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ другой стороны идемъ на соединеніе передъ Смоленскомъ, которое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными силами станутъ оборо-

нять соотечественниковъ своихъ ввѣренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ враговъ отечества или пока не истребится въ храбрыхъ ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смоленска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ". (Предписаніе Барклая-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу, 1812 года.)

Народъ безпокойно сновалъ по улицамъ.

Наложенные верхомъ воза съ домашней посудой, стульями, шкапчиками то и дѣло выѣзжали изъ воротъ домовъ и ѣхали по улицамъ. Въ сосѣднемъ домѣ Ѳерапонтова стояли повозки и, прощаясь, выли и приговаривали бабы. Дворняжка-собака, лая, вертѣлась передъ заложенными лошадьми.

Алпатычъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, чѣмъ онъ ходилъ обыкновенно, вошелъ во дворъ и прямо пошелъ подъ сарай къ своимъ лошадямъ и повозкѣ. Кучеръ спалъ; онъ разбудилъ его, велѣлъ закладывать и вошелъ въ сѣни. Въ хозяйской горницѣ слышался дѣтскій плачъ, надрывающіяся рыданія женщины и гнѣвный, хриплый крикъ Ѳерапонтова. Кухарка, какъ испуганная курица, встрепыхалась въ сѣняхъ, какъ только вошелъ Алпатычъ.

— До смерти убилъ — хозяйку убилъ!.. Такъ билъ, такъ волочилъ!..

— За что? — спросилъ Алпатычъ.

— Ѣхать просилась. Дѣло женское! Увези ты, говоритъ, меня, не погуби ты меня съ малыми дѣтьми; народъ, говоритъ, весь уѣхалъ; что, говоритъ, мы-то? Какъ зачалъ бить. Такъ билъ, такъ волочилъ!

Алпатычъ какъ бы одобрительно кивнулъ головой на эти слова и, не желая болѣе ничего знать, подошелъ къ противоположной хозяйской двери горницы, въ которой оставались его покупки.

— Злодѣй ты, губитель! — прокричала въ это время худая, блѣдная женщина, съ ребенкомъ на рукахъ и съ сорваннымъ съ головы платкомъ, вырываясь изъ дверей и сбѣгая по лѣстницѣ на дворъ.

Ѳерапонтовъ вышелъ за ней и, увидавъ Алпатыча, оправилъ жилетъ, волосы, зѣвнулъ и вошелъ въ горницу за Алпатычемъ.

— Аль ужъ ѣхать хочешь? — спросилъ онъ.

Не отвѣчая на вопросъ и не оглядываясь на хозяина, перебирая свои покупки, Алпатычъ спросилъ, сколько за постой слѣдовало хозяину.

— Сочтемъ! Что жъ, у губернатора былъ? — спросилъ Ѳерапонтовъ. — Какое рѣшеніе вышло?

Алпатычъ отвѣчалъ, что губернаторъ ничего рѣшительно не сказалъ ему.

— По нашему дѣлу развѣ увеземся? — сказалъ Ѳерапонтовъ. — Дай до Дорогобужа по 7 рублей за подводу. И я говорю: креста на нихъ нѣтъ! — сказалъ онъ. — Селивановъ, тотъ угодилъ въ четвергъ, продалъ муку въ армію по девяти рублей за куль. Что же, чай пить будете? — прибавилъ онъ.

Пока закладывали лошадей, Алпатычъ съ Ѳерапонтовымъ напились чаю и разговорились о цѣнѣ хлѣбовъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ для уборки.

— Однако, затихать стала, — сказалъ Ѳерапонтовъ, выпивъ три чашки чая и поднимаясь: — должно наша взяла. Сказано, не пустятъ. Значитъ,—сила... А намесь, сказывали, Матвѣй Ивановичъ Платовъ ихъ въ рѣку Марину загналъ, тысячъ восемнадцать, что ли, въ одинъ день потопилъ.

Алпатычъ собралъ свои покупки, передалъ ихъ вошедшему кучеру, расчелся съ хозяиномъ. Въ воротахъ прозвучалъ звукъ колесъ, копытъ и бубенчиковъ выѣзжавшей кибиточки.

Было уже далеко за полдень; половина улицы была въ тѣни, другая была ярко освѣщена солнцемъ. Алпатычъ взглянулъ въ окно и пошелъ къ двери. Вдругъ — послышался странный звукъ дальняго свиста и удара, и вслѣдъ затѣмъ раздался сливающійся гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла.

Алпатычъ вышелъ на улицу: по улицѣ пробѣжали два человѣка къ мосту. Съ разныхъ сторонъ слышались свисты, удары ядеръ и лопанье гранатъ, падавшихъ въ городѣ. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали вниманія жителей въ сравненіи съ звуками пальбы, слышными за городомъ. Это было бомбардированіе, которое въ 5-мъ часу приказалъ открыть Наполеонъ по городу, изъ 130-ти орудій. Народъ первое время не понималъ значенія этого бомбардированія.

Звуки падавшихъ гранатъ и ядеръ возбуждали сначала только любопытство. Жена Ѳерапонтова, не перестававшая до этого выть подъ сараемъ, умолкла и съ ребенкомъ на рукахъ вышла къ воротамъ, молча приглядываясь къ народу и прислушиваясь къ звукамъ.

Къ воротамъ вышли кухарка и лавочникъ. Всѣ съ веселымъ любопытствомъ старались увидать проносившіеся надъ ихъ головами снаряды. Изъ-за угла вышло нѣсколько человѣкъ людей, оживленно разговаривая.

— То-то сила!—говорилъ одинъ,—и крышку и потолокъ такъ въ щепки и разбило.

— Какъ свинья и землю-то взрыло, — сказалъ другой. — Вотъ такъ важно, вотъ такъ подбодрилъ!—смѣясь сказалъ онъ.—Спасибо отскочилъ, а то бы она тебя смазала.

Народъ обратился къ этимъ людямъ. Они пріостановились и разсказывали, какъ подлѣ самихъ ихъ ядра попали въ домъ. Между тѣмъ другіе снаряды то съ быстрымъ, мрачнымъ свистомъ—ядра, то съ пріятнымъ посвистываніемъ—гранаты, не переставали перелетать черезъ головы народа; но ни одинъ снарядъ не падалъ близко, всѣ переносило. Алпатычъ садился въ кибиточку. Хозяинъ стоялъ въ воротахъ.

— Чего не видали!—крикнулъ онъ на кухарку, которая съ засученными рукавами, въ красной юбкѣ, раскачиваясь голыми локтями, подошла къ углу послушать то, что разсказывали.

— Вотъ чуда-то,—приговаривала она, но, услыхавъ голосъ хозяина, она вернулась, обдергивая подоткнутую юбку.

Опять, но очень близко на этотъ разъ, засвистѣло что-то, какъ сверху внизъ летящая птичка, блеснулъ огонь посрединѣ улицы, выстрѣлило что-то и застлало дымомъ улицу.

— Злодѣй, что жъ ты это дѣлаешь? — прокричалъ хозяинъ, подбѣгая къ кухаркѣ.

Въ то же мгновеніе съ разныхъ сторонъ жалобно завыли женщины, испуганно заплакалъ ребенокъ, и молча столпился народъ съ блѣдными лицами около кухарки. Изъ этой толпы слышнѣе всѣхъ слышались стоны и приговоры кухарки.

— Ой-о-охъ, голубчики мои! Голубчики мои бѣлые! Не дайте умереть! Голубчики мои бѣлые!..

Черезъ пять минутъ никого не оставалось на улицѣ. Кухарку съ бедромъ, разбитымъ гранатнымъ осколкомъ, снесли въ кух-

ню. Алпатычъ, его кучеръ, Ѳерапонтова жена съ дѣтьми, дворникъ, сидѣли въ подвалѣ, прислушиваясь. Гулъ орудій, свистъ снарядовъ и жалостный стонъ кухарки, преобладавшій надъ всѣми звуками, не умолкали ни на мгновеніе. Хозяйка то укачивала и уговаривала ребенка, то жалостнымъ шепотомъ спрашивала у всѣхъ, входившихъ въ подвалъ, гдѣ былъ ея хозяинъ, оставшійся на улицѣ. Вошедшій въ подвалъ лавочникъ сказалъ ей, что хозяинъ пошелъ съ народомъ въ соборъ, гдѣ поднимали Смоленскую чудотворную икону.

Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и остановился въ дверяхъ. Прежде ясное вечернее небо все было застлано дымомъ. И сквозь этотъ дымъ странно свѣтилъ молодой, высоко стоящій серпъ мѣсяца. Послѣ замолкшаго прежняго страшнаго гула орудій, надъ городомъ казалась тишина, прерываемая только какъ бы распространеннымъ по всему городу шелестомъ шаговъ, стоновъ, дальнихъ криковъ и треска пожаровъ. Стоны кухарки теперь затихли. Съ двухъ сторонъ поднимались и расходились черные клубы дыма отъ пожаровъ. На улицѣ не рядами, а какъ муравьи изъ разоренной кочки, въ разныхъ мундирахъ и въ разныхъ направленіяхъ проходили и пробѣгали солдаты. Въ глазахъ Алпатыча нѣсколько изъ нихъ забѣжали на дворъ Ѳерапонтова. Алпатычъ вышелъ къ воротамъ. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу, идя назадъ.

— Сдаютъ городъ, уѣзжайте, уѣзжайте, — сказалъ ему замѣтившій его фигуру офицеръ, и тутъ же обратился съ крикомъ къ солдатамъ:

— Я вамъ дамъ по дворамъ бѣгать!—крикнулъ онъ.

Алпатычъ вернулся въ избу и, кликнувъ кучера, велѣлъ ему выѣзжать. Вслѣдъ за Алпатычемъ и за кучеромъ вышли и всѣ домочадцы Ѳерапонтова. Увидавъ дымъ и даже огни пожаровъ, виднѣвшіеся теперь въ начинавшихся сумеркахъ, бабы, до тѣхъ поръ молчавшія, вдругъ заголосили, глядя на пожары. Какъ бы вторя имъ, послышались такіе же плачи на другихъ концахъ улицы. Алпатычъ съ кучеромъ трясущимися руками расправлялъ запутавшіяся вожжи и постромки лошадей подъ навѣсомъ.

Когда Алпатычъ выѣзжалъ изъ воротъ, онъ увидалъ, какъ въ отпертой лавкѣ Ѳерапонтова человѣкъ десять солдатъ, съ

громкимъ говоромъ, насыпали мѣшки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. Въ то же время, возвращаясь съ улицы въ лавку, вошелъ Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но вдругъ остановился и, схватившись за волоса, захохоталъ рыдающимъ хохотомъ.

— Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволамъ,—закричалъ онъ, самъ хватая мѣшки и выкидывая ихъ на улицу.

Нѣкоторые солдаты, испугавшись, выбѣжали, нѣкоторые продолжали насыпать. Увидавъ Алпатыча, Ѳерапонтовъ обратился къ нему.

— Рѣшилась Рассея!—крикнулъ онъ.—Алпатычъ! Рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась...—Ѳерапонтовъ побѣжалъ на дворъ.

По улицѣ, запружая ее всю, непрерывно шли солдаты, такъ что Алпатычъ не могъ проѣхать и долженъ былъ дожидаться. Хозяйка Ѳерапонтова съ дѣтьми сидѣла также на телѣгѣ, ожидая того, чтобы можно было выѣхать.

Была уже совсѣмъ ночь. На небѣ были звѣзды, и свѣтился изрѣдка застилаемый дымомъ молодой мѣсяцъ. На спускѣ къ Днѣпру повозки Алпатыча и хозяйки, медленно двигавшіяся въ рядахъ солдатъ и другихъ экипажей, должны были остановиться. Недалеко отъ перекрестка, у котораго остановились повозки, въ переулкѣ горѣли домъ и лавки. Пожаръ уже догоралъ. Пламя то замирало и терялось въ черномъ дымѣ, то вдругъ вспыхивало ярко, до странности отчетливо освѣщая лица столпившихся людей, стоявшихъ на перекресткѣ. Передъ пожаромъ мелькали черныя фигуры людей, и изъ-за неумолкаемаго треска огня слышались говоръ и крики. Алпатычъ, слѣзшій съ повозки, видя, что повозку его еще не скоро пропустятъ, повернулся въ переулокъ посмотрѣть пожаръ. Солдаты шныряли безпрестанно взадъ и впередъ мимо пожара, и Алпатычъ видѣлъ, какъ два солдата и съ ними какой-то человѣкъ во фризовой шинели тащили изъ пожара черезъ улицу на сосѣдній дворъ горѣвшія бревна; другіе несли охапки сѣна.

Алпатычъ подошелъ къ большой толпѣ людей, стоявшихъ противъ горѣвшаго полнымъ огнемъ высокаго амбара. Стѣны были всѣ въ огнѣ, задняя завалилась, крыша тесовая обруши-

лась, балки пылали. Очевидно, толпа ожидала той минуты, когда завалится крыша. Этого же ожидалъ Алпатычъ.

— Алпатычъ!—вдругъ окликнулъ старика чей-то знакомый голосъ.

— Батюшка, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Алпатычъ, мгновенно узнавъ голосъ своего молодого князя.

Князь Андрей, въ плащѣ, верхомъ на вороной лошади стоялъ за толпой и смотрѣлъ на Алпатыча.

— Ты какъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Ваше... ваше сіятельство,—проговорилъ Алпатычъ, и зарыдалъ...—Ваше, ваше... или ужъ пропали мы? Отецъ...

— Какъ ты здѣсь?—повторилъ князь Андрей.

Пламя ярко вспыхнуло въ эту минуту и освѣтило Алпатычу блѣдное и изнуренное лицо его молодого барина. Алпатычъ разсказалъ, какъ онъ былъ посланъ и какъ насилу могъ уѣхать.

— Что же, ваше сіятельство, или мы пропали? — спросилъ онъ опять....

Что-то затрещало въ огнѣ. Огонь притихъ на мгновенье; черные клубы дыма повалили изъ-подъ крыши. Еще страшно затрещало что-то въ огнѣ, и завалилось что-то огромное.

— Урруру!—вторя завалившемуся потолку амбара, изъ котораго несло запахомъ лепешекъ отъ сгорѣвшаго хлѣба, заревѣла толпа. Пламя вспыхнуло и освѣтило оживленно-радостныя и измученныя лица людей, стоявшихъ вокругъ пожара.

Человѣкъ во фризовой шинели, поднявъ кверху руки, кричалъ:

— Важно! Пошла драть! Ребята, важно!..

— Это самъ хозяинъ,—послышались голоса...

Л. Толстой.

II.

Подъ Смоленскомъ.

5 числа августа во весь день были мы свидѣтелями весьма жаркаго сраженія подъ стѣнами Смоленска. Непріятель отчаянно нападалъ и старался овладѣть укрѣпленіями то съ одной, то съ другой стороны города; самое же большое его стре-

Подъ Смоленскомъ. (Ланглуа).

мленіе было на такъ называемыя Малаховскія городскія ворота; во весь день артиллерія его не переставала стрѣлять по городу и кидать въ оный гранаты. Къ вечеру весь городъ пылалъ (строеніе большею частію было деревянное); даже окружавшія городъ старинныя каменныя башни—все было въ огнѣ, все пылало. Вечеръ былъ прекраснѣйшій, не было ни малѣйшаго вѣтра; огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилался подъ самыми облаками. Несмотря однако на громъ пушекъ, ружейную пальбу, шумъ и крикъ сражающихся, благочестіе русскаго народа нашло себѣ утѣшеніе въ храмѣ Предвѣчнаго. Въ восемь часовъ вечера въ соборной церкви и во всѣхъ приходскихъ раздавался колокольный звонъ. Это было наканунѣ праздника Преображенія Господня. Уже колокольни и даже самыя церкви пылали, но всенощное молебствіе продолжалось. Никогда столь усердныхъ молитвъ передъ престоломъ Всевышняго не совершалось, какъ въ сей роковой часъ города. Всѣ только молились, не помышляя о спасеніи своихъ имуществъ и жизни, какъ бы въ упрекъ непріятелю, что наградою для него будетъ одинъ пепелъ. Наконецъ, все утихло; кромѣ пожирающаго пламени и треску разрушающихся строеній, ничто не нарушало тишины. Непріятель прекратилъ нападеніе и занялъ прежнюю позицію вокругъ городскихъ укрѣпленій. Въ городѣ уже никого не оставалось, кромѣ защищавшихъ оный войскъ: всѣ жители, оставя дома и свои имущества на жертву непріятелю, удалились изъ города. Въ продолженіе всего того дня, дороги, ведущія въ Россію, покрыты были несчастными жителями, убѣгавшими отъ непріятеля: старики съ малолѣтними, женщины съ грудными дѣтьми—все бѣжало, не зная сами куда и что будетъ съ ними. Намъ оставалось одно только утѣшеніе, что непріятель былъ совершенно отбитъ на всѣхъ пунктахъ съ большою для него потерею. Да и съ нашей стороны оная была значительна; мы потеряли (какъ говорили) убитыми болѣе шести тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ достойныхъ генераловъ: Скалона и Баллу; непріятель же потерялъ болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что у нихъ, между прочими, въ тотъ день убитъ былъ генералъ Грабовскій и ранены генералъ Заіончикъ и многіе другіе.

На другой день всѣ полагали, что битва подъ стѣнами Смоленска будетъ возобновлена; но вдругъ неожиданно, въ 12 часовъ ночи, армія получила приказаніе, оставя городъ и большую московскую дорогу, перейти на правую сторону Днѣпра и занять высоты, находящіяся въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города.

П. Тучковъ.

III.

Наполеонъ въ бесѣдѣ съ плѣннымъ Тучковымъ.

На пятый или шестой день послѣ несчастнаго со мною происшествія [1]) вошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ во французскомъ полковничьемъ мундирѣ и объявилъ мнѣ, что онъ присланъ ко мнѣ отъ императора Наполеона узнать, позволитъ ли мнѣ здоровье мое быть у него, и если я сдѣлать сіе уже въ силахъ, то онъ назначитъ мнѣ на то время. Я отвѣчалъ, что хотя я еще и очень слабъ, но однакоже силы мои позволяютъ мнѣ быть къ нему представленнымъ, когда ему угодно будетъ. На другой день поутру, часу въ 10-мъ, тотъ же адъютантъ императора французовъ, какъ сказали мнѣ, г. Флаго, вошедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я съ нимъ шелъ къ императору.

Наполеонъ занималъ домъ, бывшій смоленскаго военнаго губернатора, находившійся въ недальнемъ разстояніи отъ дома, въ коемъ жилъ маршалъ Бертье, начальникъ главнаго штаба, и который прежде занимался нашимъ начальникомъ артиллеріи. Предъ домомъ императора толпилось множество солдатъ и офицеровъ, а при входѣ, по обѣимъ сторонамъ онаго, стояли кавалерійскіе часовые верхами. Лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами и разными военными чиновниками. Мы, пройдя мимо нихъ, вошли въ комнату, гдѣ уже не было никого; у дверей, ведущихъ далѣе изъ оной, стоялъ лакей въ придворной ливреѣ, который, при появленіи нашемъ, отворилъ дверь и впустилъ меня одного въ ту комнату, гдѣ былъ самъ императоръ Наполеонъ съ начальникомъ своего штаба. У окна

---

[1]) Раненый въ битвѣ при Валутиной горѣ послѣ отступленія русскихъ войскъ отъ Смоленска ген. Тучковъ попалъ въ плѣнъ.

комнаты, на столѣ, лежала развернутая карта Россіи. Я, взглянувъ на оную, увидѣлъ, что всѣ движенія нашихъ войскъ означены были на оной воткнутыми булавочками съ зелеными головками, французскихъ же—съ синими и другихъ цвѣтовъ, какъ видно, означавшихъ движеніе разныхъ корпусовъ французской арміи. Въ углу близъ окна стоялъ маршалъ Бертье, а посреди комнаты—императоръ Наполеонъ. Я войдя поклонился ему, на что и онъ отвѣчалъ мнѣ также очень вѣжливымъ поклономъ. Первое слово его было: „Какого вы были корпуса?“ — „Второго“, — отвѣчалъ я. „А, это корпусъ генерала Багговута!“ „—Точно такъ“.—„Родня ли вамъ генералъ Тучковъ, командующій первымъ корпусомъ?“— „Родной братъ мой“.—„Я не стану спрашивать,—сказалъ онъ мнѣ,—о числѣ вашей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ восьми корпусовъ, каждый корпусъ—изъ двухъ дивизій, каждая дивизія—изъ шести пѣхотныхъ полковъ, каждый полкъ—изъ двухъ баталіоновъ; если угодно, то могу сказать даже число людей въ каждой ротѣ“. Я, поклонясь ему и усмѣхнувшись нѣсколько, сказалъ: „Вижу, что Ваше Величество очень хорошо обо всемъ освѣдомлены“.—„Это не мудрено,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ нѣкоторой скоростью:—всякій почти день, съ самаго отступленія вашего отъ границъ, мы беремъ плѣнныхъ, и нѣтъ почти ни одного изъ вашихъ полковъ, изъ которыхъ бы ихъ у насъ не было; ихъ разспрашиваютъ о числѣ полковъ и ротъ, въ которыхъ они находились; отвѣты ихъ кладутъ на бумагу, и такимъ образомъ составляется свѣдѣніе, о коемъ я вамъ теперь сказалъ“. Помолчавъ немного, обратясь ко мнѣ, онъ началъ: „Это вы, господа, хотѣли этой войны, а не я. Знаю, что у васъ говорятъ, что я — зачинщикъ оной, но это — неправда; я вамъ докажу, что я не хотѣлъ имѣть войны, но вы меня къ оной принудили“. Тутъ онъ началъ мнѣ разсказывать все поведеніе свое съ нами съ самаго Тильзитскаго мира, что въ ономъ ему было обѣщано, какъ мы нашихъ обѣщаній не выполнили, какія министръ его подавалъ правительству нашему ноты, и что не только на оныя никакого отвѣта ему не давали, но даже, наконецъ, (чего нигдѣ и никогда не слыхано), посланника его не допустили къ государю для личнаго объясненія; потомъ стали сосредоточивать войска въ Поль-

шѣ, дивизію привели туда изъ новой Финляндіи и двѣ изъ Молдавіи, подвергаясь даже опасности ослабить тѣмъ военныя дѣйствія наши противъ турокъ. „Противъ кого же всѣ эти приготовленія были какъ не противъ меня?—сказалъ онъ.—Что жъ, неужели мнѣ было дожидаться того, что вы, перейдя Вислу, дойдете до Одера? Мнѣ должно было васъ предупредить; но и по пріѣздѣ моемъ къ арміи, я хотѣлъ еще объясниться безъ войны; на предложенія мои вдругъ мнѣ отвѣчаютъ, что со мною и переговоровъ никакихъ имѣть не хотятъ до тѣхъ поръ, покуда войска мои не перейдутъ обратно чрезъ Рейнъ. Что жъ, развѣ вы меня уже побѣдили? Съ чего взяли дѣлать отъ меня такія требованія?“

Я на весь сей весьма длинный его разговоръ не отвѣчалъ ни слова, а равно и принцъ Невшательскій, къ коему онъ нѣсколько разъ обращался въ продолженіе онаго. Потомъ, обратясь опять ко мнѣ, онъ спросилъ меня: какъ я полагаю, дадимъ ли мы скоро генеральное сраженіе или будемъ все ретироваться? Я ему отвѣчалъ, что мнѣ неизвѣстно намѣреніе главнокомандующаго. Тутъ онъ началъ отзываться объ немъ очень невыгодно, говоря, что нѣмецкая его тактика ни къ чему хорошему насъ не доведетъ, что россіяне нація храбрая, благородная, усердная къ государю, которая создана драться благороднымъ образомъ, на чистоту, а не нѣмецкой глупой тактикѣ слѣдовать.... Зачѣмъ оставилъ онъ Смоленскъ? Зачѣмъ довелъ этотъ прекрасный городъ до такого несчастнаго положенія? Если онъ хотѣлъ его защищать, то для чего же не защищалъ его далѣе? Онъ бы могъ его удержать еще очень долго. Если же онъ намѣренія этого не имѣлъ, то зачѣмъ же останавливался и дрался въ немъ: развѣ только для того, чтобъ разорить городъ до основанія? За это бы его во всякомъ другомъ государствѣ разстрѣляли. Да и зачѣмъ было разорять Смоленскъ, такой прекрасный городъ? Онъ для меня лучше всей Польши; онъ былъ всегда русскимъ и останется русскимъ. Императора вашего я люблю, онъ мнѣ—другъ, несмотря на войну. Война ничего не значитъ. Государственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и родныхъ братьевъ. Александръ былъ мнѣ другомъ и будетъ. Потомъ, помолчавъ

нѣсколько, какъ будто думая о чемъ-то, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Со всѣмъ тѣмъ, что я его очень люблю, понять, однакоже, никакъ не могу, какое у него странное пристрастіе къ иностранцамъ.... Какъ, неужели бы онъ не могъ изъ столь храброй, приверженной къ государю своему націи, какова ваша, выбрать людей, достойныхъ, кои, окруживъ его, доставили бы честь и уваженіе престолу?“

Мнѣ весьма странно показалось сіе разсужденіе Наполеона, а потому, поклонясь, сказалъ я ему: „Ваше Величество, я—подданный моего государя и судить о поступкахъ его, а еще менѣе осуждать поведеніе его, никогда не осмѣливаюсь; я — солдатъ и, кромѣ слѣпого повиновенія власти, ничего другого не знаю“. Слова сіи, какъ я могъ замѣтить, не только его не разсердили, но даже, какъ бы съ нѣкоторою ласкою, онъ, дотронувшись слегка рукою до плеча моего, сказалъ: „О, вы совершенно правы! Я очень далекъ отъ того, чтобъ порицать вашъ образъ мыслей; но я сказалъ только мое мнѣніе, и то потому, что мы теперь съ глазу на глазъ, и это далѣе не пойдетъ. Императоръ вашъ знаетъ ли васъ лично?“ „Надѣюсь,—отвѣчалъ я,—ибо нѣкогда имѣлъ счастіе служить въ гвардіи его“.—„Можете ли вы писать къ нему?“—„Никакъ нѣтъ, ибо я никогда не осмѣлюсь утруждать его моими письмами, а особливо въ теперешнемъ моемъ положеніи“.—„Но если вы не смѣете писать къ императору, то можете написать къ брату вашему, что я вамъ теперь скажу“.—„Къ брату, дѣло другое: я къ нему все могу писать“.—„Итакъ, вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, если вы напишете брату вашему, что вотъ вы теперь видѣли меня, и что я препоручилъ вамъ написать къ нему, что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе, если самъ, или черезъ великаго князя, или главнокомандующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ до свѣдѣнія государя, что я ничего болѣе не желаю, какъ прекратить миромъ военныя наши дѣйствія. Мы уже довольно сожгли пороху, и довольно пролито крови, и что когда же нибудь надобно кончить. За что мы деремся? Я противъ Россіи ничего не имѣю. О, еслибъ это были англичане (parlez-moi de cela)!... Это было бы другое дѣло“. При сихъ словахъ, сжавши кулакъ, онъ поднялъ его вверхъ. „Но русскіе мнѣ ничего не сдѣлали.

Вы хотите имѣть кофе и сахаръ; ну, очень хорошо, и это все можно будетъ устроить, такъ что вы и это имѣть будете. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ, которые болѣе другихъ имѣютъ у васъ уваженіе, какъ-то: Багратіонъ, Дохтуровъ, Остерманъ, братъ вашъ и прочіе (я не говорю о Барклаѣ: онъ и не стоитъ того, чтобъ объ немъ говорили); пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе шансовъ [1]) къ выигрышу и что можно легко меня разбить, то пускай назначатъ, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться. Я на все готовъ. Если же они найдутъ, напротивъ того, что всѣ шансы въ выгоду мою, такъ какъ сіе и дѣйствительно есть, то зачѣмъ же намъ попустому еще болѣе проливать кровь? Не лучше ли трактовать о мирѣ, прежде потери баталіи, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія будутъ, если сраженіе вами проиграно будетъ? Послѣдствія тѣ, что я займу Москву, и какія бъ я мѣры ни принималъ къ сбереженію ея отъ разоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція или занятая непріятелемъ столица похожа на дѣву, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратить уже невозможно. Я знаю, у васъ говорятъ, что Россія еще не въ Москвѣ; но это же самое говорили и австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну, но когда я занялъ столицу, то совсѣмъ другое заговорили; и съ вами то же случится. Столица ваша—Москва, а не Петербургъ; Петербургъ не что иное, какъ резиденція, настоящая же столица Россіи—Москва". Я все сіе слушалъ въ молчаніи; онъ же, говоря безпрестанно, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ и, смотря на меня пристально, сказалъ мнѣ: „Вы лифляндецъ?"—„Нѣтъ, я настоящій россіянинъ".—„Изъ какой же вы провинціи Россіи?"—„Изъ окрестностей Москвы",—отвѣчалъ я. „А, вы изъ Москвы!—сказалъ онъ мнѣ какимъ-то особеннымъ тономъ:—вы изъ Москвы! Это

---

[1]) Въ продолженіе разговора Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ слово шансъ (chance), какъ-то: les chances de la guerre и проч., по произношенію коего, и не бывъ французомъ, легко можно было видѣть итальянское его происхожденіе, ибо вмѣсто слова chance онъ выговаривалъ sance, какъ то обыкновенно дѣлаютъ итальянцы.

вы-то, господа московскіе жители, хотите вести войну со мною?“—„Не думаю,—сказалъ я,—чтобъ московскіе жители особенно хотѣли имѣть войну съ вами, а особенно у себя въ землѣ; но если они дѣлаютъ большія пожертвованія, то это для защиты отечества своего и угождая тѣмъ волѣ государя своего“.—„Меня, право, увѣряли, что этой войны хотятъ московскіе господа, но какъ вы думаете, еслибъ государь вашъ захотѣлъ сдѣлать миръ со мною, можетъ ли онъ сіе сдѣлать?“—„Кто жъ оное можетъ ему воспрепятствовать?“—отвѣчалъ я. „А Сенатъ, напримѣръ?“—„Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, какъ только ту, которую угодно государю ему предоставить“...

Возобновя потомъ опять мнѣ желанія свои, чтобъ я написалъ брату все, что онъ мнѣ говорилъ, онъ прибавилъ, чтобъ я также написалъ въ письмѣ моемъ и то, что главнокомандующій нашъ весьма дурно дѣлаетъ, что при отступленіи своемъ забираетъ съ собою всѣ земскія власти и начальствующихъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, ибо этимъ дѣлаетъ больше вреда землѣ, нежели ему; онъ же отъ этого ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ, и хотя его увѣряли, что онъ въ Россіи пропадетъ съ голоду, но онъ теперь видитъ, какое это вздорное было опасеніе; видитъ, что въ Россіи поля такъ же хорошо обработаны, какъ и въ Германіи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и что мудрено было бы ему пропасть съ голоду въ такой землѣ, гдѣ всѣ поля покрыты хлѣбомъ; сверхъ этого, онъ имѣетъ еще съ собою подвижной хлѣбный магазинъ, изъ 10 тысячъ повозокъ состоящій, который за нимъ слѣдуетъ и котораго будетъ всегда достаточно для обезпеченія продовольствія его арміи [1]).

Продержавъ меня у себя около часу и откланиваясь, онъ совѣтовалъ мнѣ не огорчаться моимъ положеніемъ, ибо плѣнъ мой мнѣ безчестья дѣлать не можетъ. Такимъ образомъ, какъ я былъ взятъ,—сказалъ онъ,—„берутъ только тѣхъ, которые бываютъ впереди, но не тѣхъ, которые остаются назади“. Потомъ спросилъ меня, былъ ли я во Франціи. „Нѣтъ“,—отвѣ-

---

[1]) Между прочимъ разговоромъ императоръ Наполеонъ нѣсколько разъ выхвалялъ порядокъ отступленія арміи нашей, говоря, что, слѣдуя за нами отъ самыхъ границъ нашихъ, онъ не находилъ ни одного даже оставленнаго нами колеса, и даже слѣдовъ примѣтно не было отступающей арміи.

чалъ я. Вопросъ сей онъ мнѣ сдѣлалъ такимъ тономъ, что я тотчасъ подумалъ, что намѣреніе его было туда меня отправить. И въ самомъ дѣлѣ, только что я вышелъ отъ него, принцъ Невшательскій, выйдя почти вслѣдъ за мною, сказалъ, во-первыхъ, что императоръ приказалъ мнѣ возвратить шпагу, а, во-вторыхъ, что какъ я изъявилъ желаніе мое ѣхать въ Кенисбергъ, то онъ не только позволяетъ мнѣ туда ѣхать, но и въ Берлинъ, и далѣе, и далѣе, до самой Франціи, прибавя къ сему: „если вы сего захотите“...

П. Тучковъ.

IV.

Французы въ Смоленскѣ.

1.

„Въ соборѣ“.

Чтобы достать провіантъ и знать, что происходило въ городѣ, мы спускались туда поочереди.

Идя такимъ образомъ все дальше на развѣдки, я захотѣлъ проникнуть въ одинъ изъ соборовъ, и зрѣлище, представшее тамъ передо мною, заставило меня быстро забыть цѣль моего захода.

Цѣлыя семьи, покрытыя лохмотьями, въ ужасѣ, въ слезахъ, изнуренныя, слабыя, голодныя съежились на плитахъ вокругъ алтарей. Ихъ взгляды, устремленные на насъ, выражали тоску; всѣ дрожали при нашемъ приближеніи; еще немного, и эти несчастные, казалось, испустили бы вопли ужаса.

Къ сожалѣнію, большинство этихъ несчастныхъ отказывается даже отъ помощи, которую имъ предлагаютъ. Я до сихъ поръ вижу съ одной стороны умирающаго старика, распростершагося на полу во весь ростъ, съ другой—хилыхъ дѣтей, прижавшихся къ грудямъ матерей, которымъ нечѣмъ ихъ больше кормить! Особенно много женщинъ; онѣ жмутся къ своимъ мужьямъ или братьямъ; всѣ смотрятъ на насъ съ недовѣріемъ, слѣдятъ за малѣйшими нашими движеніями, потомъ поворачиваются къ алтарямъ, какъ бы для того, чтобы просить у Бога защиты отъ насъ. Я видѣлъ тамъ тоже больныхъ и среди нихъ раненаго русскаго солдата, стоны котораго разрывали мнѣ сердце.

Въ то время, какъ я созерцалъ это ужасное зрѣлище, дверь церкви открылась, и появился русскій священникъ, сопровождаемый нѣсколькими вооруженными гренадерами императорской гвардіи; за ними слѣдовали другіе, неся провизію отъ имени императора.

Но эти несчастные пришли въ еще большій ужасъ при видѣ оружія, вообразивъ, что вошедшіе жестоко расправятся съ ними. Крики страха и ужаса раздалися со всѣхъ сторонъ. Наступилъ неописуемый безпорядокъ, всѣ, толкаясь, кинулись къ главному алтарю. Дѣти съ плачемъ бѣжали за своими матерями.

Даже гренадеры остановились, какъ бы пораженные мольбой.

Священникъ возвысилъ голосъ, и ему удалось водворить тишину. Тогда онъ произнесъ длинную, энергичную рѣчь, и намъ, которые его не понимали, казалось, что по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, страхъ разсѣивался, уступая мѣсто грустному и покорному довѣрію. Потомъ каждый медленно вернулся на свое мѣсто. Тогда началась скудная раздача пищи: одни жадно хватали ее; другіе брали равнодушно; по-немногу на насъ стали смотрѣть съ меньшимъ ужасомъ.

Послѣ раздачи, священникъ опустился на колѣни на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей къ главному алтарю, поднялъ руки къ небу и запѣлъ молитву. Присутствующіе повторяли ее, стоя на колѣняхъ и приникнувъ лицомъ къ землѣ. Я никогда не видалъ, чтобы молились съ такимъ усердіемъ.

Ц. Ложье.

2.

Воззваніе Наполеона къ жителямъ Смоленска и окрестнымъ крестьянамъ.

„Смоленскіе обыватели! Французское войско и гражданское правленіе употребляютъ всѣ способы, дабы предоставить вамъ спокойствіе, защиту и покровительство. Приходите и пріѣзжайте въ г. Смоленскъ, гдѣ открывается новое присутствіе, подъ названіемъ „муниципалитетъ“, т.-е. градскій правительственный совѣтъ. Здѣсь будутъ разбираться всякія дѣла, съ участіемъ васъ, русскихъ гражданъ. Около дорогъ, по которымъ проходятъ войска, одни поля и сѣно-

косы разорены, но другіе остались въ цѣлости, между тѣмъ владѣльцы ихъ скрылись, и французское правленіе не знаетъ, какъ съ этими землями быть. Поэтому, господа помѣщики и прочіе землевладѣльцы, явитесь и имѣйте довѣріе къ нашему правленію: Вы будете спокойны, въ чемъ увѣритъ васъ французскій императоръ и возстановитъ прежній порядокъ. Вы, крестьяне, снятый нынѣ съ полей озимый хлѣбъ и прочіе сельскіе продукты за оставленіемъ себѣ на обсѣмененіе и продовольствіе, привозите ихъ, какъ и прежде, для продажи въ г. Смоленскъ, гдѣ въ теченіе короткаго времени, вслѣдствіе множества французскаго народа, получите весьма изрядныя выгоды и скоро забудете прошедшую потерю. Если же вы желаете какой-либо защиты, то объявите объ этомъ, и васъ императоръ французскій приметъ подъ свое покровительство. Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь безъ всякаго страха вашими работами, французскія войска вамъ уже не будутъ больше мѣшать; они уже удаляются отсюда...

Что же касается войскъ, которыя имѣютъ намѣреніе проходить здѣсь въ будущемъ времени, то имъ даны строжайшія предписанія, чтобы вамъ притѣсненій и обидъ никакихъ не учиняли. Французское правительство ожидаетъ отъ васъ привоза въ городъ по-прежнему хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ, за которые вы будете получать выгодную плату и большія деньги отъ самого французскаго императора; онъ въ настоящее время пребываетъ въ ожиданіи отъ васъ повиновенія и покорности".

V.

Недовольство Барклаемъ и интриги противъ него.

Въ то время, когда происходила самая жаркая битва въ Смоленскѣ, который переходилъ на глазахъ нашихъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и когда городъ весь былъ объятъ пламенемъ,—я увидѣлъ Барклая, подъѣхавшаго къ батареѣ Нилуса и съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ смотрѣвшаго на двигавшіяся непріятельскія колонны въ обходъ Раевскаго и отдававшаго свои приказанія...

Но какая злость и негодованіе были у каждаго на него въ эту минуту за наши постоянныя отступленія, за смоленскій пожаръ, за разореніе нашихъ родныхъ, за то, что онъ не русскій! Все, накипѣвщее у насъ, выражалось въ глазахъ нашихъ, а онъ, по-прежнему, безстрастно, громко, отчетливо отдавалъ приказанія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ. Тутъ вдругъ увидѣли, что на мостахъ переходятъ войска наши на эту сторону Днѣпра, за ними толпою тащатся на повозкахъ и пѣшими бѣдные смоленскіе обыватели; резервъ нашъ передвинулся за 5 верстъ на дорогу, идущую въ Порѣчье, и двѣ батарейныя роты наши заняли возвышеніе, въ перерѣзъ большой дороги, а позади расположились гвардейскіе и кавалерійскіе полки. Толпы несчастныхъ смолянъ, разсыпавшихся по полю безъ крова, пріюта, понемногу собирались сзади, около насъ, чтобы продолжать далѣе свое тяжелое странствованіе. Крики дѣтей, рыданія раздирали нашу душу, и у многихъ изъ насъ пробилась невольно слеза и вырвалось не одно проклятіе тому, кого мы всѣ считали главнымъ виновникомъ этого бѣдствія. Здѣсь я самъ слышалъ, своими ушами, какъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ нашей батареѣ, около которой столпилось много смолянъ, утѣшалъ ихъ сими словами: „Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили

Кн. М. Б. Барклай-де-Толли.

насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ. А мы,—и больно,—но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается!“

Когда такія слова вырвались изъ груди брата царева, что должны были чувствовать, и что могли говорить низшаго слоя люди?

Ропотъ былъ гласный, но духъ Барклая ни мало не колебался, и онъ все хранилъ одинаковое хладнокровіе; только изъ Дорогобужа онъ отправилъ великаго князя съ депешами къ государю, удостовѣривъ его, что этого порученія, по важности, онъ никому другому довѣрить не можетъ. Великій князь, какъ говорятъ, рвалъ на себѣ волосы и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдъегеря. Въ этомъ случаѣ Барклая обвинять нельзя. Трудно повелѣвать надъ старшими себя и отвѣчать за нихъ же.

И. Жиркевичъ.

Письмо Багратіона Аракчееву.

М. Г., графъ Алексѣй Андреевичъ!

Истинно и по совѣсти вамъ скажу, что я никакой претензіи не имѣю, но со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что описать всего невозможно. Воля Государя моего: я никакъ вмѣстѣ съ министромъ [1]) не могу. Ради Бога пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать—въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу, и вся главная квартира нѣмцами наполнена, такъ что русскому жить невозможно. И толку никакого нѣтъ. Воля ваша. Или увольте меня хоть отдохнуть на мѣсяцъ: ей-Богу, съ ума свели меня отъ ежеминутныхъ перемѣнъ. Я же никакой въ себѣ не нахожу. Армія называется только, но около 40 тыс., и то растягиваютъ какъ нитку и таскаютъ назадъ и въ бокъ. Армію мою раздѣлить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думалъ истинно служу Государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю: признаюсь—не хочу. Съ истиннымъ....

29-го іюля. *Кн. Багратіонъ.*

---

[1]) Барклай-де-Толли.

Письмо гр. Ѳ. В. Растопчина имп. Александру.

Москва, 6 августа 1812 года.

Государь! Ваше довѣріе, занимаемое мною мѣсто и моя вѣрность, даютъ мнѣ право говорить вамъ правду, которая, можетъ-быть, встрѣчаетъ препятствіе, чтобы доходить до васъ. Армія и Москва доведены до отчаянія слабостью и бездѣйствіемъ военнаго министра, которымъ управляетъ Вольцогенъ. Въ главной квартирѣ спятъ до 10 часовъ утра; Багратіонъ почтительно держитъ себя въ сторонѣ, съ виду повинуется и повидимому ждетъ какого-нибудь плохого дѣла, чтобы предъявить себя командующимъ обѣими арміями. По возбудившей подозрѣніе запискѣ, найденной въ бумагахъ Себастіани, выслали четырехъ флигель-адъютантовъ Вашего Величества. Влодекъ здѣсь ждетъ васъ; Любомирскій — въ Петербургѣ, Браницкій и Потоцкій — въ Гжатскѣ. Они не могутъ быть всѣ четверо измѣнниками; зачѣмъ же наказаны они столь позорнымъ образомъ? Отчего же не Вольцогенъ или кто другой сообщалъ вѣсти непріятелямъ? Москва желаетъ, чтобы командовалъ Кутузовъ и двинулъ ваши войска; иначе, Государь, не будетъ единства въ дѣйствіяхъ, тогда какъ Наполеонъ сосредоточиваетъ все въ своей головѣ. Онъ самъ долженъ быть въ большомъ затрудненіи; но Барклай и Багратіонъ могутъ ли проникнуть его намѣренія?..

Рѣшитесь, Государь, предупредить великія бѣдствія. Повелите мнѣ сказать этимъ людямъ; чтобы они ѣхали къ себѣ въ деревни до новаго приказа. Обязуюсь направить ихъ злобу на меня одного: пусть эта ссылка будетъ самовластьемъ съ моей стороны. Вы воспрепятствуете имъ работать на вашу погибель, а публика съ удовольствіемъ услышитъ о справедливой мѣрѣ, принятой противъ людей, заслужившихъ должное презрѣніе.

Я въ отчаяніи, что долженъ вамъ послать это донесеніе; но его требуетъ отъ меня моя честь и присяга.

Письмо графа Растопчина—князю Багратіону.

6 августа 1812 г. Изъ матушки каменной Москвы.

Ну-ка, мой отецъ-генералъ, по образу и подобію Суворова! Поговоримъ съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ!

Что сдѣлано, тому такъ и быть! Да не шалите вы впредь и не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князь Трубецкой и Пожарской: одинъ смотрѣлъ, какъ другого били. Подумайте, что здѣсь дѣло не въ томъ: бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты! Вамъ слава безсмертная! Спасеніе отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣя рода человѣческаго. Благодаренъ зѣло за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: „Дай лишь волю, и Багратіонъ пужнетъ“. Мнѣ кажется, что онъ васъ займетъ, да и проберется въ Полоцкъ, на Псковъ пить невскую воду. Милорадовичъ съ 31,000 славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску; у меня здѣсь до 10,000 изъ рекрутъ формируется. Силы московской, въ семи смежныхъ губерніяхъ—до 120,000. И тутъ прелихая есть конница. У обезьяны Лобанова 26,000 свѣжей пѣхоты, деньги есть на нужду, и хлѣба будетъ досыта. Неужели и послѣ этого и со всѣмъ этимъ Москву осквернитъ французъ!.. Ваше дѣло ее сберечь! А наше—держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что я и самъ дивлюсь. Счастіе, что любятъ и слушаются. Пришаливаютъ французы; сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются! Ну, а потомъ—драть! Заговорилъ мой поваръ Турне о вольности и что затѣмъ идетъ Наполеонъ. Люди мои тотчасъ донесли, на другой день Турне на конной отдули плетьми и въ Тобольскъ. Опять заговорилъ М-г Mouton, этого люди въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, сперва побили, а тамъ привели на съѣзжую; этого отдуютъ кнутомъ. Впрочемъ злоба къ Бонапарту такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ; и эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ.. Я право въ усъ не дую, мнѣ все кажется, что это дурной сонъ; а страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ.

За симъ обнимаю,
И точно пребываю,
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести:

Вамъ преданный графъ Ф. Растопчинъ.

Письмо Багратіона Аракчееву.

М. Г. Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Я думаю, что министръ уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія въ отчаяніи. Это самое важное мѣсто понапрасну бросили. Я съ моей стороны просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ, и писалъ, но ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15 тыс. болѣе 35 часовъ и билъ ихъ, но онъ не хотѣлъ остаться и 14 часовъ. Это стыдно, и пятно арміи нашей, а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика—неправда; можетъ быть около 4,000, не болѣе, но и того нѣтъ. Хотя бы и десять, какъ быть—война; но зато непріятель потерялъ бездну. Наполеонъ какъ ни старался, и какъ жестоко ни форсировалъ и даже давалъ и обѣщалъ большія суммы награжденія начальникамъ только ворваться, но вездѣ опрокинуты были. Артиллерія наша, кавалерія моя истинно такъ дѣйствовали, что непріятель сталъ въ пень. Что стоило еще оставаться 2 дня по крайней мѣрѣ; они бы сами ушли: ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. Такимъ образомъ воевать неможно, и мы можемъ непріятеля привести скоро въ Москву. Въ такомъ случаѣ не надо медлить Государю: гдѣ что есть новаго войска, тотчасъ собрать въ Москву, какъ изъ Калуги, Тулы, Орла, Нижняго, Твери, гдѣ они только есть, и быть московскимъ въ готовности. Я увѣренъ, что Наполеонъ не пойдетъ въ Москву скоро: ибо онъ усталъ, кавалерія его тоже, и продовольствіе его нехорошо. Но на сіе и смотрѣть не должно, а надо спѣшить непремѣнно готовить людей, по крайней мѣрѣ сто тысячъ, съ тѣмъ, что если онъ приблизится къ столицѣ, всѣмъ народомъ на него навалиться, или разбить, или у стѣнъ отечества лечь. Вотъ какъ я сужу: иначе нѣтъ способу. Слухъ носится. что вы думаете о мирѣ, чтобы помириться. Боже сохрани;

послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій,—мириться. Вы поставите всю Россію противъ себя и всякій изъ насъ на стыдъ поставитъ носить мундиръ. Ежели ужъ такъ пошло—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ: ибо война теперь не обыкновенная, а національная; и надо поддержать честь свою и всѣ слова манифеста и приказовъ данныхъ; надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ можетъ хорошій по министерству, но генералъ не то что плохой, но дрянной—и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я право съ ума схожу отъ досады и простите меня, что дерзко пишу. Видно тотъ не любитъ Государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею министру. Итакъ, я пишу вамъ правду. Готовьтесь ополченіемъ: ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собой гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи Гос. флигель-адъютантъ Вольцогенъ: онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ все совѣтуетъ министру. Министръ на меня жаловаться не можетъ: я не токмо учтивъ противъ его, но повинуюсь какъ капралъ, хотя и старѣе его. Это больно. Любя моего благодѣтеля и Государя, повинуюсь. Только жаль Государя, что ввѣряетъ такимъ славную армію. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей отъ усталости и въ гошпиталяхъ болѣе 15 тыс., а ежели бы наступали, того бы не было. Скажите ради Бога, что наша Россія, мать наша, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдавать сволочамъ, и вселять въ каждаго подданнаго ненависть, что министръ нерѣшителенъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаютъ его на смерть. Бѣдный Паленъ отъ грусти въ горести умираетъ, Кнорингъ умеръ кирасирскій вчерась. Ей-Богу бѣда, и всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ. Спѣшите присылать намъ больше людей на укомплектованіе; милицію лучше раздать намъ въ полки; ихъ перемѣшаемъ и гораздо лучше, а ежели однихъ пустить—плохо будетъ. Давайте и конныхъ—нужна кавалерія. Вотъ мое чистосердечіе. Завтра я буду съ арміею въ Дорогобужѣ и тамъ остановлюсь. И первая армія за мною тащится. Не

смѣлъ остаться съ 90 тыс. у Смоленска. Охъ грустно, больно: никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога. Лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ. Вотъ, вашему сіятельству всю правду описалъ, яко старому министру, а нынѣ дежурному генералу и всегдашнему доброму пріятелю. Прочтите и въ каминъ бросьте.

NS. Почти то же самое Багратіонъ писалъ 14 августа гр. Растопчину, сдѣлавъ къ своему письму слѣдующую характерную приписку:

P. S. Отъ Государя ни слова не имѣемъ; насъ совсѣмъ бросилъ. Барклай говоритъ, что Государь ему запретилъ давать рѣшительныя сраженія и все убѣгаетъ. По моему, видно Государю угодно, чтобы вся Россія была занята непріятелемъ. Я же думаю (что) русскій и природный царь долженъ наступательный быть, а не оборонительный—мнѣ такъ кажется. Простите, что худо писано и во многихъ мѣстахъ замарано, спѣшилъ, и мочи нѣтъ отъ усталости.

VI.

Полководецъ.

(Барклай-де-Толли).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу.
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,

Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ:
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!

— О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А. Пушкинъ.

Замѣтка А. С. Пушкина („Современникъ". 36 г., ч. IX) по поводу стих. „Полководецъ".

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную память Кутузова; однако-жъ, меня въ томъ обвинили...

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли потому, что Кутузовъ великъ? Ужели, послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не дозволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?.. Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только ропталъ народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждой, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было, а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души: «Передъ гробницею святой»..

XII

Изъ московскихъ настроеній.

Двѣнадцатаго августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими арміями Смоленска. Путь французовъ къ Москвѣ становился облегченнымъ. Толковали о возник-

шей съ начала похода неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, Багратіономъ и Барклаемъ-де-Толли. Этому раздору молва приписывала и постоянное отступленіе русскихъ войскъ передъ натискомъ наполеоновскихъ полчищъ. Свѣтскіе остряки распѣвали сатирическій куплетъ, сложенный на этотъ счетъ поклонниками недавнихъ кумировъ, которыхъ теперь всѣ проклинали:

Vive l'ètat militaire,
Qui promet à nos souhaits
Les retraites en temps de guerre,
Les parades en temps de paix!

(„Да здравствуютъ военные, которые обѣщаютъ намъ отступленія во время войны и парады во время мира!“).

Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекшаго Наполеона въ глубь раздраженной страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно переиначивали его имя: „Болтай да и только“. Пѣли въ дружеской бесѣдѣ сатиру на него:

„Les ennemis s'avancent á grands pas;
Adieu Smolensk et la Russie...
Barclay toujours évite les combats“ [1]).

(„Враги быстро близятся; прощай, Смоленскъ и Россія... Барклай постоянно уклоняется отъ сраженій“).

Въ имени соперника Барклая, Багратіона, искали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: „Богъ-рати-онъ“. Но послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе. Знающіе, впрочемъ, утверждали, что Государь, не любившій Кутузова, сказалъ по этому поводу: „Le public a voulu sa nomination; je l'ai nommé... quant á moi, je m'en lave les mains“. („Общество желало его назначенія, я его назначилъ; что до меня, я въ этомъ умываю руки“).

Когда имя Наполеона стали, по Апокалипсису, объяснять именемъ Аполліона, кто-то подыскалъ въ томъ же Апока-

---

[1]) Авторъ не приводитъ послѣдней строчки этой пѣсни: „Et tourne ses pas en Sibérie“ (и направляетъ свои стопы въ Сибирь). См. Русскій Архивъ 1887, № 6, стр. 243.

липсисѣ, будто антихристу предрекалось погибнуть отъ руки Михаила. Кутузовъ былъ также Михаилъ. Всѣ ждали скораго и полнаго разгрома Бонапарта.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла. Барыни, для которыхъ, по выраженію Растопчина, „отечествомъ былъ Кузнецкій Мостъ, а царствомъ небеснымъ—Парижъ“, въ патріотическомъ увлеченіи спрашивали военныхъ: „скоро ли генеральное сраженіе?“— и путая хронологію и событія, восклицали: „Выгнали же когда-то поляковъ Мининъ, Пожарскій и Дмитрій Донской“.—„Сто лѣтъ вражья сила не была на русской землѣ, и вдругъ!“ — негодовали коренные москвичи-старики.—„И какая неожиданность: въ половинѣ іюня еще рѣдко кто и подозрѣвалъ войну, а въ началѣ іюля уже и вторженіе“. Часть свѣтской публики, впрочемъ, еще продолжала ѣздить въ балетъ и французскій театръ. Другіе усердно посѣщали церкви и монастыри. Пѣвца Тарквиніо и недавнихъ дамскихъ идоловъ—скрипача Роде и красавца-піаниста Мартини стали понемногу забывать, среди толковъ объ убитыхъ и раненыхъ, въ заботахъ объ изготовленіи бинтовъ и корпіи, а главное—о мѣрахъ къ оставленію Москвы. Величіемъ Наполеона уже не восторгались. Декламировали стихи французскихъ роялистовъ: „O, roi, tu cherches justice!“ (государь, ты ищешь правосудія!) и русскіе патріотическіе ямбы: „О, дерзкій Коленкуръ, рабъ корсиканца злого!“.. Государя Александра Павловича, послѣ его рѣшимости не оставлять оружія и не подписывать мира, пока хоть единый французскій солдатъ будетъ на русской землѣ, перестали считать только идеалистомъ и добрякомъ.—„Увидите,—радостно говорилъ о немъ Растопчинъ, какъ всѣ знали, бывшій въ личной, непосредственной перепискѣ съ государемъ:—среди этой безтолочи и общаго упадка страны идеальная повязка спадетъ съ его добрыхъ глазъ. Онъ началъ Лагарпомъ, а, помните, кончитъ Аракчеевымъ; подберетъ вожжи распущенной родной таратайки“... Переписывалась чья-то сатира на порабощенную Европу, гдѣ говорилось:

«А тамъ на карточныхъ престолахъ,
Сидятъ картонные цари!»..

Г. Данилевскій.

Глава IV.

Послѣ взятія Смоленска.

I.

Изъ письма Растопчина—Багратіону отъ 12 августа 1812 года.

„Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: не доставайся злодѣю,—обратятъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимаю васъ дружески и по-русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій. Вамъ преданный графъ Растопчинъ.

II.

Изъ письма гр. Ѳ. В. Растопчина имп. Александру I.

Москва, 13 августа 1812 года.

Очень жаль, Государь, что князь Кутузовъ еще не въ арміи. Ни Багратіонъ, ни Барклай не владѣютъ искусствомъ повелѣвать массами. Они искали непріятеля въ Рудневѣ, въ то время, какъ онъ со всѣми своими силами накинулся на Смоленскъ, а Раевскаго опоздали предупредить. Только русскій солдатъ способенъ итти безостановочно сорокъ верстъ и не отдыхая вступать въ бой. Судя по тому, что мнѣ пишетъ военный министръ, рѣшено дать сраженіе при Умольѣ. Доблесть нашихъ войскъ можетъ дать побѣду. Народъ скорѣе взбѣшенъ, чѣмъ опечаленъ; онъ чувствуетъ себя униженнымъ и готовымъ отомстить за свою честь. Барыни потеряли голову и многія уѣхали, къ моему удовольствію. Купцы переминаются, и, по малому довѣрію къ начальникамъ, гибель кажется неизбѣжною. Москва ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ; глядя на васъ, станутъ бодрѣе; надо, чтобы

бодрость питалась, а не ослабѣвала [1]). Всѣ злые слухи, распускаемые съ цѣлью напугать, встревожить, обвинить васъ, все это идетъ отъ мартинистовъ, и всѣхъ неистовѣе университетъ, состоящій изъ якобинцевъ, профессоровъ и воспитанниковъ. Кутузовъ, заражающій умы, при покойномъ императорѣ былъ полицейскимъ шпіономъ; Чеботаревъ и Дружининъ—завзятые якобинцы. Если войска будутъ терпѣть еще пораженія, и если полиція затруднится сдерживать негодяевъ, проповѣдующихъ бунтъ, то я велю нѣкоторыхъ повѣсить.

Нынѣ Москва и вѣрные вамъ ея жители станутъ дѣйствовать за одно съ войсками, обороняющими ваше наслѣдіе. Немногіе согласятся пережить вѣчный стыдъ, и если непріятелю удастся овладѣть Москвою, русская исторія и ваше царствованіе опозорятся катастрофою, о которой одна мысль приводитъ меня въ ярость. Но если Господь это допуститъ, вы пожалѣете о милліонахъ храбрыхъ людей, которые пойдутъ на смерть, сохраняя въ душѣ преданность и вѣрность. Я ничего не желалъ, какъ вашего довѣрія, чтобы служить вамъ и быть полезну моему отечеству. Если не имѣю счастія успѣвать въ этомъ, могу по крайней мѣрѣ доказать, что былъ достоинъ онаго.

III.

Въ Москвѣ.

Съ той минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, многія лица рѣшились уѣхать оттуда; другія же удовольствовались тѣмъ, что держали на готовѣ своихъ лошадей и экипажи. Благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ и точному исполненію отданныхъ мною приказаній, я не взялъ ни одной лошади у частныхъ людей и не говорилъ, кому бы то ни было, что надо уѣзжать; но

---

[1]) Въ письмѣ, отправленномъ на слѣдующій день, Ростопчинъ писалъ объ томъ слѣдующее: „но если до вашего пріѣзда, событія не примутъ благопріятнаго намъ оборота, вашимъ появленіемъ только усилится общее безпокойство, и такъ какъ не подобаетъ вамъ подвергаться случайностямъ то лучше было бы повременить вашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга до полученія извѣстія о какой либо перемѣнѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ къ лучшему“.

я напустилъ не мало страху, давая понять, что опасно оставаться еще долѣе, и указывая на возможность такого стеченія обстоятельствъ и событій, которое заставитъ меня реквизировать для арміи всѣхъ лошадей, находящихся въ Москвѣ. Иностранцу покажется невѣроятнымъ, что 9 уѣздовъ Московской губерніи, которыхъ непріятель не занималъ, доставили съ 15-го по 30-е августа 52 тыс. лошадей, съ такимъ же количествомъ подводъ, изъ которыхъ, конечно, и половина не возвратилась ихъ владѣльцамъ. Когда зажиточное населеніе стало выѣзжать черезъ заставы: ярославскую, владимірскую, рязанскую и тульскую, то безпокойство и волненіе взбудоражили всѣ головы и наполнили ихъ химерами. На этотъ разъ волненіе было гораздо посильнѣе, чѣмъ въ 1807 г., когда безпокойство (жителей) выражалось подобнымъ же образомъ. Городъ наполнился слухами о чудесныхъ явленіяхъ и о голосахъ, (слышанныхъ) на кладбищѣ, а также пророчествами, которыя пускали въ ходъ, сопоставляя нѣкоторыя выраженія или нѣкоторыя слова изъ священнаго писанія. Отыскали въ Апокалипсисѣ пророчество о паденіи Наполеона и о томъ, что сѣверная страна, которую страна южная придетъ покорять, будетъ избавлена избранникомъ Божіимъ, имя коему Михаилъ. На утѣшеніе вѣрующимъ, и Барклай, и Кутузовъ, и Милорадовичъ были Михаилы. По этому поводу происходили и споры, такъ какъ народъ, за несостоятельностью Кутузова, желалъ видѣть избавителя въ великомъ князѣ Михаилѣ. Каждый день въ часы моего пріема являлось нѣсколько человѣкъ съ библіями подъ мышкою; они съ таинственнымъ видомъ объясняли мнѣ разные тексты, подносили мнѣ молитвы собственнаго сочиненія, просили объ учрежденіи крестныхъ ходовъ, и архіерей совершилъ одинъ такой ходъ,— что занимало народъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Подозрѣнія относительно иностранцевъ внезапно обратились въ ненависть къ нимъ, и уже двукратно составлялся планъ истребленія ихъ; но для осуществленія этого плана ничего не было сдѣлано, потому что иностранцы проживали по разнымъ частямъ города, а тѣ, которые злобствовали на нихъ, сдерживались полиціею, бывшею днемъ и ночью на ногахъ, а слѣдовательно и готовою разсѣять малѣйшія сборища.

Иностранцы, особенно французы: коммерсанты, артисты и другія лица, проживавшія въ Москвѣ, держали себя очень осторожно, такъ какъ я, съ самаго начала войны, далъ имъ предупрежденіе, черезъ посредство ихъ священниковъ, которымъ я, по этому предмету, разослалъ циркуляръ. Но русскій народъ всегда глядѣлъ на нихъ косо, вслѣдствіе преимуществъ, доставляемыхъ имъ званіемъ иностранца, и обвинялъ ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у него барыши отъ торговли и работы. Однажды утромъ гражданскій губернаторъ Обресковъ пришелъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что имѣетъ сообщить объ открытіи чрезвычайной важности, и при этомъ привелъ ко мнѣ своего русскаго портного, человѣка отличнаго поведенія, очень зажиточнаго и (ужъ) довольно стараго. Человѣкъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ г. Обрескова, пораженнаго, при свиданіи съ нимъ, его разстроеннымъ лицомъ, признался, что потерялъ сонъ и аппетитъ,—что многіе изъ рабочихъ такъ же больны, какъ и онъ, и что они хотятъ французской крови. Обресковъ притворился одобряющимъ такое средство и заставилъ помянутаго человѣка такъ разболтаться, что тотъ открылъ ему, что имѣетъ уже наготовѣ 300 человѣкъ портныхъ, и что надѣется на другой день завербовать еще нѣсколько сотенъ добровольцевъ, чтобы ночью перебить всѣхъ французовъ, проживавшихъ на Кузнецкомъ Мосту (улица, гдѣ находятся иностранные магазины). Этотъ портной и передо мною повторилъ то же признаніе и тѣ же подробности. Тогда я арестовалъ его, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, который не долженъ былъ выпускать его на улицу, и объявилъ портному, что онъ будетъ въ отвѣтѣ за всякое нарушеніе безопасности иностранцевъ; затѣмъ я послалъ фельдшера, который пустилъ ему кровь,—и онъ успокоился. Люди, завербованные этимъ портнымъ, видя своего предводителя въ заключеніи, уже не думали предпринимать этой ночной экспедиціи, которая кончилась бы страшною рѣзнею и мятежомъ. Получивъ подобное доказательство тому, до какой степени народъ былъ взволнованъ, я — для того, чтобы успокоить его и усыпить его ярость—приказалъ полиціи представить мнѣ списокъ тѣхъ 40 чел. иностранцевъ, которые были замѣчены по своимъ

(неумѣстнымъ) рѣчамъ и дурному поведенію. Я приказалъ арестовать ихъ, и они среди бѣлаго дня были посажены на барку, отвезшую ихъ въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоръ полиціи. По Москвѣ я объявилъ, что то были иностранцы подозрительнаго свойства, которые удаляются (мною) согласно просьбѣ ихъ соотечественниковъ—людей честныхъ. Мѣра эта, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь помянутымъ 40 пловцамъ; потому что, вѣроятно, они ушли бы вслѣдъ за арміею Наполеона и погибли бы во время ея отступленія.

Два купца, бесѣдовавшіе ночью у открытаго окна нижняго этажа, услышали на улицѣ споръ между собою (какихъ-то) двухъ людей. Одинъ изъ спорящихъ заявлялъ, что пора поджечь нѣкоторые московскіе кварталы, ударить въ набатъ и начать грабежъ. Другой возражалъ, что надо обождать извѣстій о сраженіи, которое должно произойти, и что къ тому же теперь полная луна. Купцы, услыхавъ такія рѣчи, выскочили изъ окна, бросились за заговорщиками и успѣли схватить одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь; то былъ мелкій московскій мѣщанинъ, торговавшій по деревнямъ въ разносъ. Сначала онъ заперся во всемъ, и даже жаловался на произведенное надъ нимъ насиліе. Тогда я ввелъ его въ мой кабинетъ, и тамъ безъ свидѣтелей, отсчитавъ 500 руб. ассигнаціями, положилъ ихъ на столъ. Потомъ поклялся я этому человѣку передъ образомъ, что ничего дурного ему не сдѣлаю, кромѣ развѣ высылки изъ города, и что онъ получитъ эти 500 руб., если откроетъ мнѣ заговоръ и откроетъ соучастниковъ. Онъ (арестованный) держалъ меня въ недоумѣніи битыхъ два часа. Онъ хотѣлъ сознаться, но не довѣрялъ мнѣ, постоянно повторяя: „Хорошо, я-то скажу, да вы мнѣ денегъ этихъ не дадите, и я тогда пропалъ“. Наконецъ, я объявилъ ему, что если онъ не хочетъ быть спасеннымъ и получить обѣщанную сумму, то я предамъ его въ руки полиціи, и что черезъ четыре часа его подвергнутъ пыткѣ. Онъ сдался и объявилъ, что ихъ всѣхъ съ дюжину человѣкъ (все мерзавцевъ); что они намѣревались сдѣлать поджогъ, ударить въ набатъ, и во время общаго переполоха и суматохи, пойти грабить самые богатые магазины. Товарищъ, говорившій съ

нимъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ. Напали и на его слѣды, и успѣли его поймать на нѣкоторомъ разстояніи отъ города; но онъ успѣлъ предупредить другихъ своихъ товарищей, которые и убѣжали. Успѣли захватить лишь троихъ. Они были посажены въ острогъ, а затѣмъ усланы вмѣстѣ съ (другими) преступниками. Что касается того человѣка, который открылъ заговоръ, то онъ получилъ 500 руб. и уѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ, однако, былъ оставленъ подъ наблюденіемъ. Такъ какъ въ замыслахъ о поджогѣ игралъ роль и набатъ, то надо было лишить злонамѣренныхъ людей такого средства распространять тревогу. Раннимъ утромъ отправился я къ архіерею для совѣщанія о принятіи необходимыхъ мѣръ. Онъ послалъ строгое приказаніе священникамъ: хранить ключи отъ колоколенъ у себя и снять веревки, протянутыя къ ихъ домамъ отъ колокольни, чтобы звонить къ утренѣ и вечернѣ; но такъ какъ двери у многихъ колоколенъ были въ плохомъ состояніи, то я и поручилъ это дѣло всѣмъ моимъ квартальнымъ надзирателямъ и, въ теченіе дня, 93 такія двери были исправлены и снабжены запорами. Я былъ доволенъ, а городъ остался спокоенъ, потому что не зналъ о заговорѣ поджигателей и не понималъ причинъ моей заботливости о дверяхъ и запорахъ московскихъ колоколенъ.

Гр. Ѳ. Растопчинъ.

IV.

Высылка Растопчинымъ французовъ изъ Москвы.

Утромъ 20-го августа 1812 года, Робертъ, сынъ одного французскаго купца, жившаго въ Москвѣ, до свѣту прибѣжалъ извѣстить насъ о томъ, что по распоряженію Растопчина, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были арестованы ночью. Не разсчитывая избѣгнуть этой участи, я ожидалъ, что будетъ... Въ полдень, когда мы только что садились за столъ, я увидалъ изъ глубины двора, гдѣ былъ расположенъ флигель, въ которомъ я жилъ, что съ улицы на дворъ вошелъ квартальный, въ сопровожденіи двухъ будочниковъ, вооруженныхъ алебардами. Мнѣ объявили приказъ сдаться безъ сопротивленія. Мой арестъ былъ дѣломъ

графа Растопчина и ничто съ моей стороны не могло вызвать это новое насиліе. Я обнялъ плачущую семью и, уповая на лучшее будущее, отправился подъ конвоемъ будочниковъ.

Выйдя на улицу, квартальный, которому моя покорность, безъ сомнѣнія, внушила увѣренность, отпустилъ свое подкрѣпленіе и пригласилъ меня сѣсть на свои дрожки. Сидя на нихъ между квартальнымъ и его кучеромъ, я не имѣлъ возможности сдѣлать попытку къ побѣгу, даже еслибы и хотѣлъ. Но, не говоря уже о томъ, что мое бѣгство показалось бы подтвержденіемъ вины, которую мнѣ приписывали, я сдѣлалъ бы свое положеніе еще болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе невозможности найти убѣжище, безопасное отъ полиціи. Итакъ, мнѣ оставалось только покориться симъ обстоятельствамъ...

Домъ Лазарева, гдѣ насъ держали, не былъ тюрьмою. Составляя частную собственность, этотъ домъ случайно сдѣлался мѣстопребываніемъ арестантовъ. Изъ видовъ мстительности не было принято никакихъ мѣръ для огражденія его отъ насилій со стороны черни, постоянно волновавшейся подъ нашими окнами. Всего одинъ полицейскій офицеръ стерегъ насъ внутри, да часовой, все вооруженіе котораго состояло въ саблѣ, охранялъ наружную дверь. Такимъ образомъ, мы были предоставлены народной ярости, которую возбуждали противъ насъ многочисленные шпіоны. Наконецъ, уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ, начальство согласилось дать намъ смѣшную стражу, состоявшую изъ шестерыхъ инвалидовъ.

Каждую минуту производились новые аресты. Число заключенныхъ въ домѣ Лазарева вскорѣ дошло до сорока человѣкъ. Мы занимали, какъ попало, три небольшія комнаты во второмъ этажѣ на улицу. По мѣрѣ того, какъ прибывало новое лицо, безпорядокъ увеличивался отъ присутствія нашихъ семей, которыя приносили намъ предметы первой необходимости: съѣстное, матрасы и т. п., потому что эти три комнаты, совершенно пустыя; предоставляли для нашего отдохновенія только полъ. Случалось, что намъ отказывали даже въ обыкновенномъ арестантскомъ содержаніи, а между тѣмъ, среди насъ были люди нуждающіеся.

Замѣчательная особенность этихъ арестовъ, доказывающая всю ихъ нелѣпость, состояла въ томъ, что изъ сорока арестованныхъ четвертая часть была нѣмцы изъ разныхъ германскихъ земель: австрійцы, гамбургцы, швейцарцы, пруссаки, которые всѣ, раздѣляя національную вражду того времени, обнаруживали нескрываемую антипатію къ намъ. Но для Растопчина всѣ иностранцы были одинаково подозрительны.

Эта манія подозрительности дошла до того, что арестовали одного швейцарца, мальчика 14 лѣтъ, только что пріѣхавшаго со своей родины къ своему брату, купцу Веберу. Намъ стоило большого труда убѣдить полицейскаго офицера, который его арестовалъ, что возрастъ этого ребенка уже избавляетъ его отъ всякаго подозрѣнія въ измѣнѣ. Еще было труднѣе побудить графа Растопчина, послѣ многихъ хлопотъ, выпустить свою добычу.

Утромъ второго дня, намъ объявили официально, что насъ удаляютъ изъ Москвы. Нѣкоторыя свѣдѣнія, не совсѣмъ удовлетворительныя, касательно нашего назначенія, изъ котораго дѣлали тайну, а также извѣстіе, что это путешествіе должно совершиться водой, возбудили безпокойство въ нашихъ женщинахъ. Онѣ побѣжали посмотрѣть на судно, предназначенное для нашей перевозки. Это плоское судно, длиною 21 аршинъ и шириною 13, было такъ же непріютно, какъ тѣ три комнаты, которыя служили намъ мѣстомъ предварительнаго заключенія. Такъ какъ наши горькія жалобы на холодное безучастіе, управлявшее мѣрами, относившимися къ нашей перевозкѣ, оставались безъ всякаго дѣйствія на Растопчина, то мы не хотѣли возобновлять ихъ. За недостаткомъ человѣколюбія въ губернаторѣ, мы сдѣлали добровольную складчину, каждый по десяти рублей. Полученная сумма была употреблена на покупку всего необходимаго, чтобы удобнѣе устроиться на суднѣ.

При наступленіи ночи, явился полицеймейстеръ Волковъ съ приказомъ перебираться на судно. Этотъ достойный человѣкъ, казалось, съ сожалѣніемъ исполнялъ свой долгъ. Онъ растроганнымъ голосомъ сказалъ намъ слѣдующее: „Господа! Мой долгъ возлагаетъ на меня въ отношеніи васъ непріятное порученіе, но я его исполню со всѣмъ

вниманіемъ, какого требуетъ ваше положеніе. Я долженъ васъ предупредить въ вашемъ же интересѣ, что офицеръ, которому поручено васъ сопровождать, получилъ самыя строгія предписанія. Не ухудшайте же вашей участи, ставя себя въ положеніе, въ которомъ съ вами будетъ поступлено весьма строго".

Увидя толпу народа, еще болѣе увеличившуюся, при извѣстіи о нашемъ отправленіи, и ожидавшую насъ на улицѣ съ враждебными намѣреніями, многія изъ нашихъ женщинъ упали въ обморокъ. Волковъ счелъ за лучшее вывести насъ потаеннымъ ходомъ, но эта мудрая предосторожность, которая должна была спасти насъ отъ народной ярости, чуть не погубила насъ. Дѣйствительно, едва мы переступили порогъ двери, какъ народъ, замѣтивши, что насъ хотятъ скрыть отъ него, стремительно обѣжалъ кругомъ и сталъ на нашемъ пути съ угрожающими криками. Это было страшное скопище смѣшанныхъ голосовъ, угрозъ и ругательствъ. Но присутствіе Волкова, который дружески пожалъ руку мнѣ и г. Аллару, мгновенно прекратило шумъ, и народъ пропустилъ насъ. Наши спутники шли позади, подъ прикрытіемъ шести ветерановъ.

Среди этой угрожающей толпы, при слабомъ свѣтѣ наступающихъ сумерокъ, еле дышащіе, измученные неизвѣстностью, пришли мы къ берегу Москвы-рѣки на мѣсто, гдѣ надо было садиться въ лодку.

Волковъ вошелъ первый на судно. Онъ развернулъ списокъ и при свѣтѣ фонаря сдѣлалъ перекличку сорока осужденнымъ. По мѣрѣ того, какъ насъ вызывали, мы быстро перебѣгали по доскѣ, положенной съ берега на барку. Три другихъ судна, стоявшіе подлѣ нашего, были предназначены для будущихъ ссыльныхъ, но приближеніе французовъ помѣшало московскому губернатору продолжать аресты.

Когда мы всѣ перебрались на барку, намъ прочли прокламацію Растопчина. Это произведеніе часто цитировалось, но ни разу не было приведено вполнѣ вѣрно. Ручаюсь за его подлинность. Вотъ слова этой прокламаціи:

„Французы! Вашъ императоръ, въ одномъ изъ своихъ воззваній къ арміи, сказалъ: „Французы! Вы мнѣ столько разъ говорили, что любите меня; докажите же это, послѣ-

довавъ за мною въ сѣверныя страны, гдѣ царствуетъ зима и запустѣніе, гдѣ царь открываетъ свои гавани англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ....“ Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не перестаете выражать противъ нея свою враждебность. Дабы избѣжать кровопролитія и не запятнать страницы своей исторіи подражаніемъ вашей адской революціонной ярости, правительство увидѣло себя въ необходимости удалить васъ.

Вы оставляете Европу и отправляетесь въ Азію. Вы будете жить среди народа гостепріимнаго, вѣрнаго своимъ клятвамъ и слишкомъ васъ презирающаго, чтобы дѣлать вамъ зло... Постарайтесь сдѣлаться тамъ добрыми подданными, потому что никогда вамъ не удастся заразить народъ вашими вредными принципами. Взойдите на барку, придите въ себя (entrez dans la barque... rentrez en vous-mêmes) и постарайтесь не сдѣлать изъ нея лодку Харона“...

Эта позорная прокламація поразила насъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за чтеніемъ ея. Волковъ, проникнутый сожалѣніемъ, что принужденъ былъ намъ прочесть это оскорбительное воззваніе, поспѣшилъ тотчасъ же сказать намъ нѣсколько любезныхъ словъ. Затѣмъ, онъ простился съ нами и сошелъ на берегъ, унося съ собою наши благословенія и оставивъ насъ исполненными признательности, которая никогда не прекратится. Черезъ минуту, съ берега былъ поданъ сигналъ къ отплытію. Общее „ура“ толпы, стоявшей на берегу, отвѣчало ему. Полицейскій офицеръ, назначенный сопровождать насъ, приказалъ отчалить судно, которое, по теченію рѣки, медленно стало удаляться отъ берега. Вскорѣ ночь сгустилась, и Москва, съ безчисленными своими колокольнями, скрылась во мракѣ.

Брошенные въ эту барку, въ темнотѣ, мы оставались нѣсколько времени подъ впечатлѣніемъ изумленія и ужаса, въ которые насъ повергла прокламація графа Растопчина. Что будетъ съ нами? Это коварное воззваніе навѣрно скрываетъ самые ужасные замыслы. Какое охранительное божество защититъ наши семьи во время нашего отсутствія и послѣ нашей смерти? Таковы были наши размышленія. Сидя гдѣ попало среди тюковъ и пожитковъ всякаго рода, нагроможденныхъ вокругъ насъ, мы хранили мрачное молча-

ніе. Наконецъ, холодъ сталъ насъ пробирать. Каждый устроился, какъ могъ лучше, чтобы провести ночь. Между тѣмъ, наше судно, увлекаемое теченіемъ, тихо плыло вдоль берега рѣки. Мы заснули, побѣжденные усталостью, избавившись, наконецъ, отъ угрозъ кровожадной толпы, ревъ которой терялся въ отдаленіи.

А. Домергъ.

V.

Мистическія настроенія.

I.

Пьеръ все такъ же ѣздилъ въ общество, такъ же много пилъ и велъ все ту же праздную и разсѣянную жизнь; потому что, кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ у Ростовыхъ, надо было проводить и остальное время, и привычки и знакомства, сдѣланныя имъ въ Москвѣ, непреодолимо влекли его къ той жизни, которая захватила его. Но въ послѣднее время, когда съ театра войны приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи, и когда здоровье Наташи стало поправляться, и она перестала возбуждать въ немъ прежнее чувство бережливой жалости, имъ стало овладѣвать все болѣе и болѣе непонятное для него безпокойство. Онъ чувствовалъ, что то положеніе, въ которомъ онъ находился, не могло продолжаться долго, что наступаетъ катастрофа, долженствующая измѣнить всю его жизнь, и съ нетерпѣніемъ отыскивалъ во всемъ признаки этой приближающейся катастрофы. Пьеру было открыто однимъ изъ братьевъ-масоновъ слѣдующее, выведенное изъ апокалипсиса Іоанна Богослова, пророчество относительно Наполеона.

Въ апокалипсисѣ, главѣ тринадцатой, стихѣ восемнадцатомъ сказано: „Здѣ мудрость есть; иже имать умъ да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть.“

И той же главы въ стихѣ пятомъ: „И даны быша ему уста, глаголюща велика и хульна; и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четыре-десять два“.

Французскія буквы, подобно еврейскому число-изображенію, по которому десятью буквами означаются единицы, а прочими десятки, имѣютъ слѣдующее значеніе:

a b c d e f g h i k l m n o p q r s t u v w x y z
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 160

Написавъ по этой азбукѣ цифрами слова L'Empereur Napoléon [1]), выходитъ, что сумма этихъ чиселъ равна 666-ти, и что поэтому Наполеонъ есть тотъ звѣрь, о которомъ предсказано въ апокалипсисѣ. Кромѣ того, написавъ по этой же азбукѣ слова quarante deux [2]), т.-е. предѣлъ, который былъ положенъ звѣрю глаголати велика и хульна, сумма этихъ чиселъ, изображающихъ quarante deux, опять равна 666-ти, изъ чего выходитъ, что предѣлъ власти Наполеона наступилъ въ 1812-мъ году, въ которомъ французскому императору минуло 42 года. Предсказаніе это очень поразило Пьера, и онъ часто задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что именно положитъ предѣлъ власти звѣря, т.-е. Наполеона, и, на основаніи тѣхъ же изображеній словъ цифрами и вычисленіями, старался найти отвѣтъ на занимавшій его вопросъ. Пьеръ написалъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: L'Empereur Alexandre? La nation russe? [3]). Сумма цифръ выходила больше или меньше 666-ти. Одинъ разъ, занимаясь этими вычисленіями, онъ написалъ свое имя — Comte Pierre Besouhoff; сумма цифръ не вышла. Онъ измѣнивъ орѳографію, поставилъ z вмѣсто s, прибавилъ „de“, прибавилъ „article le“ и все не получалъ желаемаго результата. Тогда ему пришло въ голову, что ежели отвѣтъ на искомый вопросъ и заключался въ его имени, то въ отвѣтѣ непремѣнно была бы названа его національность. Онъ написалъ le russe Besuhof [4]). и, сочтя цифры, онъ получилъ 671. Только 5 было лишнихъ; 5 означаетъ „e“, то самое „e“, которое было откинуто въ article передъ словомъ l'empereur. Откинувъ точно такъ же, хотя и неправильно, „e“, Пьеръ получилъ искомый отвѣтъ l'russe Besuhof, равное 666-ти. Открытіе это взволновало его. Какъ, какой связью былъ онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, которое было предсказано въ апокалипсисѣ, онъ не зналъ; но онъ ни на минуту не усумнился въ этой связи. Его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе

---

1) Императоръ Наполеонъ.
2) Сорокъ два.
3) Императоръ Александръ? Русскій народъ?
4) Русскій Безуховъ.

Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoléon и l'russe Besuhof, все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастью.

Л. Толстой.

2 [1]).

Въ исходѣ іюля Государь отправился въ Петербургъ [2]), и я за Нимъ... На пути видѣлъ я удивившее меня явленіе: день былъ ясенъ; на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головой, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ похоже было на дракона, какъ бы на бумагѣ нарисовано. Увидя ихъ, я удивился такому ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Они сближались одно съ другимъ, и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться, и облако потеряло прежній свой видъ. Казалось, ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде, какъ минутъ черезъ пять, и самъ разрушился. Сидя одинъ въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ и кто драконъ? Напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что р а к ъ означалъ Р о с с і ю, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы Р, и эта мысль утѣшала меня всю дорогу.

А. Шишковъ.

3.

Въ это же самое время случилось одно происшествіе, доказывавшее, что надежда никогда не покидаетъ человѣка и располагаетъ народъ къ легковѣрію. Пришли мнѣ доложить о большомъ скопленіи людей около одной, очень высокой колокольни, находившейся на краю города, и что повиснувшій на крестѣ оной соколъ привлекаетъ вниманіе всего на-

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь этотъ отрывокъ для большей полноты въ обрисовкѣ мистическихъ настроеній, хотя моментъ, въ немъ изображенный, относится къ нѣсколько болѣе раннему времени.

[2]) Изъ Москвы.

рода. Я отправился туда, не столько изъ любопытства, сколько для того, чтобы разогнать народъ, который всегда склоненъ выкинуть какую-нибудь глупость, когда соберется толпою. Я засталъ сборище человѣкъ въ 1,000, глядѣвшее на несчастнаго сокола, который, имѣя путы на ногахъ (какъ всѣ соколы, которыхъ дрессируютъ для охоты), опустился на крестъ и не могъ отъ него отцѣпиться. Какой-то прохожій его замѣтилъ, обратилъ на него вниманіе другихъ, и вотъ тысяча зѣвакъ остановилась тутъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ, которое, по объясненію самыхъ ученыхъ между ними, предрекало торжество надъ непріятелемъ; потому что, говорили они, соколъ прообразуетъ Наполеона, погибающаго на крестѣ. Я сталъ поддакивать этой бѣдной толпѣ и, такимъ образомъ, соколъ явился лучемъ надежды для дураковатыхъ людей, которые никогда не обрѣтаются въ меньшинствѣ.

Гр. Ѳ. Растопчинъ.

VI.

Раздача оружія въ Москвѣ 25 августа.

Графъ Растопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ еще принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля. Большая часть хранившагося въ немъ оружія была неудобна для употребленія; но разбирать его было некогда. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, генералъ-губернаторъ обратился за помощію къ митрополиту Платону, который не отказывался править паствою, но былъ такъ старъ, что большую часть дѣлъ по митрополіи ввѣрилъ архіепископу Августину. Однако на этотъ разъ онъ рѣшился, несмотря на свою слабость, дѣйствовать по мѣрѣ силъ. За колокольней Ивана Великаго былъ воздвигнутъ амвонъ, и прошелъ по городу слухъ, что отслужатъ на площади соборной молебенъ, послѣ котораго митрополитъ собирается держать рѣчь народу. Въ назначенный день, между тѣмъ какъ на амвонъ выносили иконы изъ соборовъ, москвичи стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ на Сенатскую площадь. Всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ появленія митрополита. Наконецъ, его черный цугъ показался

въ Никольскихъ воротахъ. Всѣ сняли шапки. Платонъ выглянулъ изъ окна и благословилъ народъ дрожащею рукою. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Растопчинъ. Толпа побѣжала за экипажами. Когда они остановились на Чудовской площади, митрополитъ вышелъ изъ кареты при помощи двухъ дьяконовъ, которые ввели его на амвонъ. Генералъ-губернаторъ сталъ за нимъ. Платонъ былъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ; его блѣдное старческое лицо казалось встревожено. По окончаніи молебна, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ молящагося, одинъ изъ дьяконовъ сталъ рядомъ съ нимъ, чтобы говорить отъ его имени, потому что онъ самъ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣряться своимъ начальникамъ и обѣщалъ ему свои молитвы. Митрополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь, переданная устами другого, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. „Владыка желаетъ знать, продолжалъ дьяконъ, на сколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣна“. Всѣ стали на колѣна. Старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя передъ нимъ головы; а графъ Растопчинъ выступилъ впередъ и обратился, въ свою очередь, къ народу: „Какъ скоро вы покоряетесь волѣ императора и голосу почтеннаго святителя, сказалъ онъ, я объявляю вамъ милость государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ“. —„Много благодарны, дай Богъ многія лѣта царю!“ —загремѣло въ толпѣ. „Но вы обязаны при разборѣ его, продолжалъ графъ Растопчинъ, соблюдать порядокъ: входите въ Никольскія ворота и выходите въ Троицкія; я прикажу сію минуту отпереть арсеналъ“. При поданномъ имъ знакѣ, его коляска и карета митрополита подъѣхали къ амвону. Каждый сѣлъ въ свой экипажъ. Толпа, проводивъ Платона, возвратилась за оружіемъ.

Очевидецъ.

VII.

Въ провинціи.

13-го [1]) поутру мы выѣхали изъ Москвы и видѣли по дорогѣ, недалеко отъ Москвы, толпы мужиковъ изъ нея ушедшихъ. Они спрашивали насъ, что дѣлается въ Москвѣ, и не берутъ ли въ солдаты?...

Дорогою до Роменъ, мы ѣхали нескучно: горевали, спорили и смѣялись надъ трусостью нѣкоторыхъ изъ нашей компаніи. На каждой станціи разсматривали на досугѣ карту Россіи, предполагали, угадывали и надѣялись.

Въ Орлѣ начальство крайне было озабочено. Въ Неплюевской, 40 верстъ не доѣзжая до Роменъ, съѣхались для корму съ бариномъ, которому на досугѣ сообщили московскія новости и показали воззваніе. Онъ до того потерялъ голову, что говорилъ, какъ помѣшанный, что при всей неопытности нашей, казалось намъ до крайности смѣшнымъ.

1812 года. Іюль. Ярмарку торговали въ Ромнѣ очень худо. Народъ сходился толпами и старался узнавать, что дѣлается въ арміи. Къ концу ярмарки получено извѣстіе о побѣдѣ графа Витгенштейна, что сильно обрадовало публику.

1812 года. Августъ. Въ Харьковъ на Успенскую ярмарку пріѣхали мы безъ особенныхъ приключеній, а здѣсь уже политическія новости стали доходить до публики скорѣе, но тѣмъ болѣе непріятныя. Печатнаго отъ правительства почти ничего не было, между тѣмъ какъ нѣкоторые чиновники университета, будучи иностранцы и слѣдовательно худые доброжелатели Россіи, громко говорили объ успѣхахъ Наполеона. Духъ публики упадалъ; дѣла ярмарки остановились, и никакихъ сдѣлокъ торговыхъ не происходило; только всѣ старались собирать деньги и запасались монетою. Правда, многіе наши покупатели желали у насъ купить товаръ, на прежнемъ положеніи, т.-е. въ кредитъ; но мы уже не рѣшались. Они, будучи удалены отъ мѣста военныхъ дѣйствій и какъ бы состоя внѣ Россіи, равнодушно судили о бѣдствіяхъ отечества. Ихъ рисковой духъ, какимъ отличаются всѣ бродяги, населяющіе край Новороссійскій, дѣлалъ совершенно какъ бы чужестранцами...

---

[1]) Іюля.

Въ Харьковѣ, подъ конецъ ярмарки, получено печальное извѣстіе о взятіи непріятелемъ Смоленска. Бывшіе въ то время въ Харьковѣ военные именно утверждали, что Москва не устоитъ, что выключая Смоленска, нѣтъ до самой Москвы такой позиціи, гдѣ бы можно было съ выгодою противустать непріятелю. Всѣ таковые разсказы только умножали всеобщее уныніе. А глупыя афишки Растопчина, писанныя нарѣчіемъ деревенскихъ бабъ, совершенно убивали надежду публики. Въ одной изъ тѣхъ афишекъ онъ, писавши о дешевизнѣ въ Москвѣ говядины, исчисляетъ тутъ же всю россійскую армію. Ничего въ то время пагубнѣе выдумать невозможно было, какъ это исчисленіе. Арміи насчиталъ онъ до 120 тысячъ, между тѣмъ какъ публика полагала, что ея есть на лицо до 400 тысячъ. Какъ скоро это сдѣлалось извѣстно, всѣ рѣшительно положили, что Россія погибла. Малороссіянская чернь съ внутреннимъ удовольствіемъ принимала успѣхи французовъ: въ ней еще не угасъ крамольный духъ польскій; но дворяне не отдѣляли себя отъ насъ, и мыслили, и дѣйствовали, какъ истинныя дѣти одного отечества.

Получаемыя тогда изъ Москвы партикулярныя письма ничего въ себѣ не содержали кромѣ извѣстія о здоровьѣ и увѣдомленій, что завтра или послѣ завтра выѣзжаемъ на богомолье къ Троицѣ; потому опасались писать прямо о побѣгѣ изъ Москвы, чтобъ начальство не вздумало удержать. Но это былъ пустой страхъ: никого не принуждали ни оставаться, ни выѣзжать, всякій располагалъ сообразно своему намѣренію. Выѣзды и отправки имущества изъ Москвы начались рѣшительно съ 15-го августа, большею частію по дорогамъ владимірской, и нижегородской, частію рязанской. Нельзя умолчать о тогдашнемъ неудовольствіи публики на главнокомандующаго арміею, Барклая-де-Толли. Не имѣя не только свѣдѣній, но и понятія о военной наукѣ, о силѣ нашей и способахъ непріятеля, всѣ непремѣнно требовали, чтобъ онъ на каждомъ, такъ сказать, шагу побѣждалъ непріятеля, и отступленіе арміи нашей приписывали не иному чему, какъ явной его измѣнѣ, между тѣмъ какъ князь Багратіонъ былъ обожаемъ публикою: на него они совершенно во всемъ надѣялись.

До полученія извѣстія о Смоленскѣ, публика все еще

надѣялась, что послѣ сего всѣ надежды кончились, и мы сначала думали оставаться въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ, до октября; но тогда перемѣнили намѣреніе и рѣшились ѣхать домой. Ничего не зная о участи арміи и о судьбѣ Москвы, перевязали товары въ кипы и поклали въ подвалы, запретя своимъ приказчикамъ, которые при нихъ были оставлены, продавать ихъ или перевозить въ другія мѣста.

М. Маракуевъ.

Глава V.

Бородино—Москва.

I.

Передъ битвой въ русской арміи.

25-го числа погода была пасмурная, изрѣдка шелъ маленькій дождь. Раненыхъ было въ этотъ день очень мало; но готовились къ бою, ибо со всѣхъ окрестныхъ деревень пригоняли въ Можайскъ множество подводъ для отвоза раненыхъ.

26-го числа къ разсвѣту все наше войско стало подъ ружьемъ. Главнокомандующій поѣхалъ въ селеніе Горки на батарею, гдѣ остановился и слѣзъ съ лошади; при немъ находилась вся главная квартира. Солнце величественно поднималось, исчезали длинныя тѣни, свѣтлая роса блистала еще на лугахъ и поляхъ, которые черезъ нѣсколько часовъ обагрились кровью. Давно уже заря была пробита въ нашемъ станѣ, гдѣ войска въ тишинѣ ожидали начала ужаснѣйшаго побоища. Каждый горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться, и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на непріятеля, не помышляя объ опасности и смерти, ему предстоявшей. Погода была прекраснѣйшая, что еще болѣе возбуждало въ каждомъ рвеніе къ бою.

Н. Муравьевъ.

II.

Наполеонъ передъ битвой.

День, предшествовавшій этой великой битвѣ, былъ исполненъ необычайнаго спокойствія. Какъ-будто всѣ зара-

нѣс условились объ этомъ между собою. Къ чему было причинять себѣ безполезныя муки? Развѣ наступающій день не рѣшалъ всего? Къ тому же всѣмъ нужно было подготовиться: каждому отряду позаботиться о своемъ оружіи, о своихъ боевыхъ силахъ, о своей аммуниціи; арміи предстояло вернуть порядокъ, нарушавшійся постояннымъ передви-

Кн. М. И. Кутузовъ.

женіемъ. Генераламъ необходимо было осмотрѣть диспозиціи на случай атаки, защиты и отступленія, для того, чтобы согласовать дѣйствія отдѣльныхъ частей арміи и заранѣе предусмотрѣть всѣ особенности данной мѣстности, такъ, чтобы по возможности избѣжать непредвидѣнныхъ случайностей.

Прежде, чѣмъ начать ужасную борьбу, два противника-колосса внимательно наблюдали другъ друга, какъ-будто взглядомъ хотѣли измѣрить свои силы и въ тишинѣ готовились къ страшному столкновенію.

Императоръ, не сомнѣваясь болѣе въ томъ, что предстоитъ битва, вернулся въ свою палатку для отдачи приказаній. Тутъ ему представилась вся серьезность его положенія. Онъ видалъ передъ тѣмъ два равныхъ войска, приблизительно по ста двадцати тысячъ человѣкъ и шестисотъ орудій съ каждой стороны; русскіе пользовались преимуществомъ мѣстоположенія, ихъ объединяли единство языка націи, единство военнаго мундира, они сражались во имя одной идеи, но у нихъ въ арміи было много вновь набранныхъ рекрутовъ и ополченцевъ, не обученныхъ военному строю; у французовъ было то же число людей, но больше опытныхъ солдатъ; Императору только что дали отчетъ о состояніи его войска, и такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ касался не параднаго смотра и раздачи наградъ, а предстоящей битвы, то на этотъ разъ количество силъ не было преувеличено и ясно предстало передъ его глазами. Правда, его армія уменьшилась въ числѣ, но солдаты были бодры и закалены, подобно тому, какъ человѣческое тѣло, утративъ нѣжную округлость юности, пріобрѣтаетъ въ позднѣйшее время формы, болѣе опредѣленныя и мужественныя.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ дней Наполеонъ замѣчалъ, что солдаты хранятъ молчаніе, то молчаніе, которое предшествуетъ великому ожиданію или великой неожиданности; молчаніе, которое наблюдается въ природѣ передъ большой бурей и которое охватываетъ толпу передъ большой опасностью....

Въ серединѣ этого дня Наполеонъ замѣтилъ въ непріятельскомъ лагерѣ необычайное движеніе; дѣйствительно, вся русская армія стояла подъ ружьемъ. Кутузовъ, окруженный церковной и военной пышностью, двигался посреди ея. Этотъ полководецъ приказалъ попамъ (à ses popes) и архимандритамъ надѣть богатыя и величественныя облаченія, заимствованныя у грековъ. Духовенство шло впереди, неся священныя изображенія и во главѣ всего святую икону, бывшую заступницей Смоленска, которая, по ихъ словамъ,

чудеснымъ образомъ спаслась отъ святотатственнаго надругательства французовъ.

Когда русскій военачальникъ увидѣлъ, что его солдаты достаточно растроганы этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, онъ возвысилъ голосъ и сталъ говорить имъ о небѣ, единственномъ убѣжищѣ, которое остается рабамъ. Во имя религіи и равенства онъ призывалъ этихъ закрѣпощенныхъ защищать имущество ихъ господъ и, указывая имъ на эту священную икону, укрывающуюся среди ихъ рядовъ, онъ возбуждалъ ихъ храбрость и вызывалъ ихъ негодованіе.

Наполеонъ, по его словамъ, „всемірный деспотъ, тиранъ-возмутитель всего свѣта, червякъ, мятежникъ, опрокидывающій алтари, обагряющій ихъ кровью, который предоставляетъ истинную святыню Господню—эту святую икону,—кощунству людей и суровости непогоды!“.

Затѣмъ онъ указалъ этимъ русскимъ на ихъ печальные города, онъ напомнилъ имъ о ихъ женахъ и дѣтяхъ, прибавилъ нѣсколько словъ объ ихъ императорѣ и закончилъ обращеніемъ къ ихъ набожности и патріотизму, составлявшимъ прирожденныя свойства этого слишкомъ грубаго народа, которому знакомы были лишь одни ощущенія, что дѣлало его тѣмъ болѣе опаснымъ противникомъ. Русскіе солдаты повиновались, не разсуждая; рабство замкнуло ихъ въ тѣсный кругъ, и всѣ ихъ чувства были сведены къ небольшому количеству незначительныхъ потребностей, стремленій и мыслей. Кромѣ того, не имѣя возможности сравнивать себя съ другими народами, они были самонадѣянны и довѣрчивы въ силу своего невѣжества, въ своемъ почитаніи иконъ они были идолопоклонниками настолько, насколько могутъ быть ими христіане, ибо изъ этой религіи духа, всецѣло нравственной и отвлеченной, они сдѣлали нѣчто вещественное, матеріальное, чтобы подчинить ее своему убогому и недалекому пониманію.

Эта торжественная картина, эта рѣчь, увѣщанія, обращенныя офицерами къ солдатамъ, благословенія священниковъ довели до высшаго напряженія ихъ отвагу. Всѣ до послѣдняго солдата вѣрили въ то, что они предназначены самимъ Богомъ на защиту небесъ и ихъ родной земли.

У французовъ не было ни военнаго, ни религіознаго парада, никакого смотра, они не прибѣгали ни къ какимъ попыткамъ возбужденія. Даже рѣчь императора была роздана довóльно поздно и прочтена солдатамъ почти передъ самымъ сраженіемъ, такъ что нѣкоторые двинулись въ бой прежде, чѣмъ смогли ее выслушать.

Между тѣмъ русскіе, казалось бы уже достаточно воодушевленные, призывали на свою защиту мечъ Михаила архангела,—призывали всѣ силы небесныя, тогда какъ французы искали подкрѣпленіе въ самихъ себѣ, будучи увѣрены, что истинныя силы и воинство небесное скрываются въ человѣческомъ сердцѣ.

Случилось такъ, что въ тотъ же день императоръ получилъ изъ Парижа портретъ римскаго короля, этого ребенка, рожденіе котораго имперія встрѣтила съ тѣми порывами радости и надежды, какія волновали и самого императора. Съ тѣхъ поръ, каждый день во дворцѣ видѣли Наполеона около этого ребенка, выражающимъ ему свои самыя нѣжныя чувства. И вотъ, когда среди отдаленныхъ полей, среди грозныхъ приготовленій, онъ снова увидалъ этотъ кроткій обликъ, его воинственная душа была растрогана. Онъ собственноручно выставилъ эту картину передъ своей палаткой, потомъ позвалъ офицеровъ и солдатъ своей старой гвардіи, желая подѣлиться своимъ чувствомъ съ этими старыми гренадерами, показать свое интимное семейство своей военной семьѣ и озарить этимъ символомъ надежды приближающуюся опасность...

Наступила ночь, а вмѣстѣ съ ней и опасеніе,—какъ бы русская армія не удалилась, воспользовавшись темнотой. Это мучительное безпокойство прерывало сонъ Наполеона. Онъ безпрестанно подзывалъ своихъ приближенныхъ, спрашивалъ, который часъ, не слышно ли какого-нибудь шуму, и посылалъ освѣдомиться, на мѣстѣ ли непріятель. Этотъ вопросъ вызвалъ въ немъ такія сомнѣнія, что онъ, раздавая свое обращеніе къ войску, приказалъ прочесть его лишь на слѣдующее утро и то, если битва состоится.

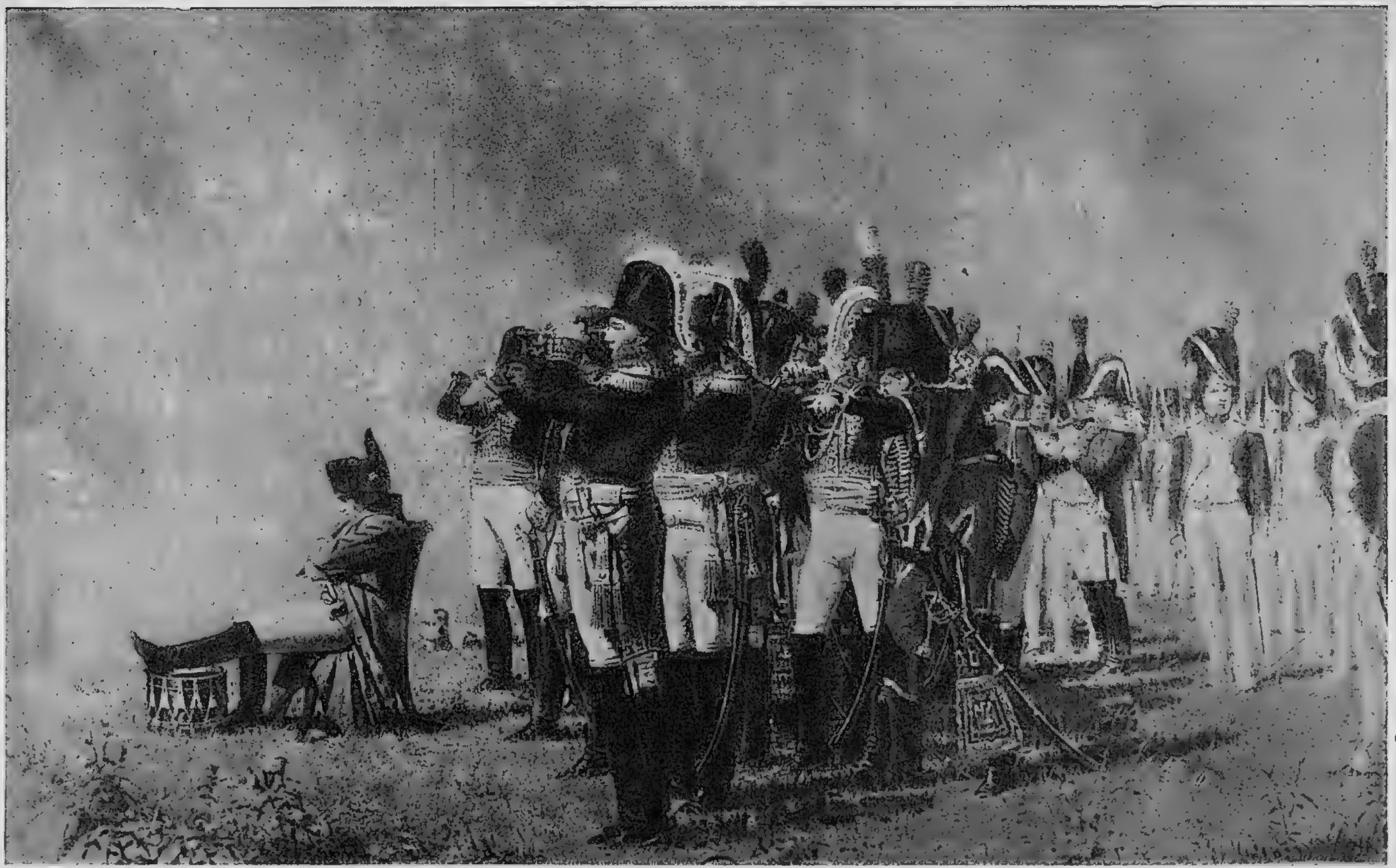
Успокоившись на нѣсколько минутъ, онъ чувствуетъ, что его охватываетъ иная тревога: его волнуетъ жалкое состояніе его солдатъ. Смогутъ ли они, слабые и изголодавшіеся,

вынести это продолжительное и ужасное столкновеніе? Въ предстоящей опасности его гвардія кажется ему единственной надежной поддержкой, которая стоитъ двухъ армій... Онъ приказываетъ раздать этимъ старымъ солдатамъ трехдневную порцію сухарей и риса, взятую изъ запасныхъ фургоновъ. И, наконецъ, опасаясь неисполненія своихъ порученій, онъ встаетъ и самъ справляется у гренадеровъ гвардіи, стоящихъ при входѣ въ его палатку, о томъ, получили ли они провіантъ. Удовлетворившись ихъ отвѣтомъ, онъ возвращается и погружается въ легкую дремоту.

Но скоро опять слышатся его призывы. Его адъютантъ, входя, видитъ императора, склонившаго на руки опущенную голову, и какъ бы угадываетъ въ его рѣчахъ размышленія о тщетности славы... потомъ, какъ бы снова вернувшись къ болѣе утѣшительнымъ мыслямъ, онъ вспоминаетъ все, что ему говорили о медлительности и нерадивости Кутузова, и удивляется тому, что этого полководца предпочли Бенигсену. А дальше его мысли снова возвращаются къ тому критическому положенію, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и онъ говоритъ: „Готовится великій день, наступитъ ужасная битва“. Онъ спрашиваетъ Раппа, вѣритъ ли онъ въ побѣду. „Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ тотъ,—но въ побѣду кровавую!“ Наполеонъ продолжаетъ: „Я это знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, я войду въ Москву съ шестьюдесятью тысячами; отставшіе, такъ же, какъ и сводные батальоны, насъ догонятъ, и мы будемъ болѣе сильны, нежели теперь, передъ битвой“.

Казалось, что въ эти расчеты не входила ни его гвардія, ни кавалерія. Тутъ, снова охваченный своимъ прежнимъ безпокойствомъ, онъ посылаетъ освѣдомиться о положеніи русскихъ. Ему отвѣчаютъ, что ихъ огни свѣтятъ попрежнему и что, судя по числу костровъ и по множеству человѣческихъ тѣней, которыя ихъ окружаютъ, тутъ не только арьергардъ, но и вся армія. Присутствіе непріятеля успокоило императора, и онъ захотѣлъ немного отдохнуть.

Но походъ, который онъ совершилъ вмѣстѣ съ арміей, утомленіе ночи и предыдущихъ дней, многочисленныя заботы и напряженное ожиданіе—все это изнурило его. Утренній холодъ охватилъ его, его мучили лихорадочное волненіе, су-



Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ. (Верещагина).

хой кашель и сильная жажда. Остальное время ночи онъ тщетно старался утолить эту жгучую жажду, отъ которой онъ изнемогалъ. Это новое страданье осложнилось его прежнимъ недугомъ, еще наканунѣ къ нему вернулись припадки ужасной болѣзни [1]), съ которыми онъ боролся съ давнихъ поръ.

Наконецъ, въ пять часовъ утра отъ Нея прибылъ офицеръ, сообщившій, что маршалъ видитъ еще предъ собой русскихъ и проситъ разрѣшенія ихъ атаковать. Это извѣстіе, казалось, вернуло императору силы, ослабѣвшія отъ ночной лихорадки. Онъ поднимается, зоветъ своихъ и выходитъ изъ палатки, восклицая: „Наконецъ, они попались! Впередъ! Идемъ открывать ворота Москвы!“

Было половина шестого утра, когда Наполеонъ прибылъ къ редуту, отбитому у русскихъ 5 сентября [2]). Тутъ онъ сталъ ожидать первыхъ проблесковъ разсвѣта и первыхъ ружейныхъ выстрѣловъ со стороны Понятовскаго. Заблестѣла заря. Императоръ, указывая на нее офицерамъ, воскликнулъ: „Вотъ оно, солнце Аустерлица!“ Но оно было противъ насъ, оно всходило со стороны русскихъ, открывало насъ ихъ выстрѣламъ, ослѣпляя насъ самихъ. Тутъ обнаружилось, что наканунѣ въ темнотѣ наши батареи были расположены на такомъ разстояніи отъ непріятеля, что пушечные выстрѣлы не могли достигнуть до него. Нужно было продвинуть ихъ впередъ. Непріятель допустилъ насъ это сдѣлать; онъ, казалось, колебался первымъ нарушить эту ужасную тишину.

Все вниманіе императора сосредоточилось на правомъ флангѣ, какъ вдругъ, около семи часовъ, битва разразилась на лѣвомъ.

Графъ де-Сегюръ.

III.

Бородино.

(Редутъ Раевскаго).

Пьеръ пошелъ на батарею, и адъютантъ поѣхалъ дальше. Больше они не видались, и уже гораздо послѣ Пьеръ узналъ, что этому адъютанту въ этотъ день оторвало руку.

---

[1]) Каменная болѣзнь.

[2]) По новому стилю.

Курганъ, на который взошелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ курганной батареи или батареи Раевскаго, а у французовъ подъ именемъ la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre) [1]) мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей, и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Н. Раевскій.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Всходя на курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Взойдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостной улыбкой смотрѣлъ на то, что дѣлалось вокругъ него. Изрѣдка Пьеръ все съ той же улыбкой вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накатывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо него съ сумками и зарядами, прохаживался по батареѣ. Пушки съ этой батарей безпре-

---

[1]) Большой редутъ, роковой редутъ, центральный редутъ.

станно одна за другой стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

Въ противоположность той жуткости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь, на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей, занятыхъ дѣломъ, было отграничено, отдѣлено отъ другихъ канавой, здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой соломенной шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо его, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій, съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ-будто для того, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру.

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги,— сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣлой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но или смирно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкой улыбкой, учтиво сторонясь передъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ по бульвару,—тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобно тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ: собакахъ, пѣтухамъ, козламъ, и вообще животнымъ, живущимъ при воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище. „Нашъ баринъ“ прозвали его и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!—обратился къ Пьеру краснорожій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ солдатъ.—Вѣдь она не помилуетъ.. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться, — сказалъ онъ смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ-будто не ожидали того, чтобы онъ говорилъ, какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивительно! Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ!—крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ.

Молоденькій офицеръ этотъ, видимо, исполнялъ свою должность въ первый или во второй разъ и потому съ особенной отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона; но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ наблюденія за тѣмъ, какъ бы семейнымъ (отдаленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батареѣ, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко-лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ-будто не замѣчали этого; со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка!—кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату.

— Не сюда! Къ пѣхотнымъ!—съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Что, знакомая?—смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь; назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди,—крикнулъ на нихъ старый унтеръ-офицеръ.—Назадъ пошли,—значитъ, назади дѣло есть.

И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію накатывай! — кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружнѣе, по-бурлацки,—слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпку не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера красноролжій шутникъ.—Эхъ, несладная,—укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка.

— Ну вы, лисицы! — смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, всходившихъ на батарею за раненымъ.

— Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколянились!— кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой.

— Тое-кое, малый,—передразнивали мужиковъ:—Страсть не любятъ!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впередъ на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что тамъ дѣлалось: онъ весь былъ погруженъ въ созерцаніе этого, все болѣе и болѣе разго-

рающагося огня, который точно такъ же (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареи видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой взошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманіе на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ, съ нахмуреннымъ лицомъ, большими, быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали, какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь?—спросилъ онъ.

— Картечь!—не отвѣчая, крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и, свернувшись, сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слыхавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Съ боку батареи, справа, съ крикомъ „ура“ бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, передъ которымъ сталъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновеніе шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью!—кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шепотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что дѣлаютъ!—закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру.

Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.

— Бѣги къ резервамъ, приводи ящики!—крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду,—сказалъ Пьеръ.

Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять... Выжидай!—кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было итти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ,—сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда я?“ вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ.

Онъ остановился въ нерѣшительности, итти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновеніе блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновеніе раздался оглушающій, зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя, обожженныя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ, на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающаго что-то внизу, и видѣлъ одного, замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: „братцы!“ и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій „братцы“ былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколотъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они, не видавъ, разбѣжались другъ противъ друга , выставилъ руки и схватилъ этого человѣка (это былъ французскій офицеръ) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что они дѣлали и что имъ дѣлать. „Я ли взятъ въ плѣнъ или онъ взятъ въ плѣнъ мною?“ думалъ каждый изъ нихъ. Но, очевидно, французскій офицеръ болѣе

склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ—подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ навстрѣчу ему показались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастью возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто-бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ).

А. П. Ермоловъ.

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ крикомъ „ура“, такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ взошелъ на курганъ, гдѣ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не

нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицеръ сидѣлъ, все такъ же свернувшись, у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

„Нѣтъ, теперь они оставятъ это; теперь они ужаснутся того, что они сдѣлали!“ думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво, у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но усиливались до отчаянности, какъ человѣка, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

Л. Толстой.

IV.

Стихи, написанные 20-ти лѣтнимъ французскимъ офицеромъ, тяжело раненымъ въ сраженіи Бородинскомъ. [1]).

Мой другъ! Когда меня не станетъ,
Когда очей потухнетъ свѣтъ,
Ужели жить душа престанетъ,
Уже-ль за гробомъ жизни нѣтъ?..
Вчера, какъ смерть здѣсь пировала,
Какъ я, сраженный ею, палъ:
Земля колеблема стонала!
Безъ мукъ—конца я ожидалъ!..
И въ часъ, когда завѣса ночи
Ее покрыла, холмъ вздремалъ,
Навѣкъ мои смыкались очи —
Тогда мнѣ тайный гласъ вѣщалъ:
«Въ отчизну, путникъ, съ упованьемъ—
Земному странствію—конецъ!
Вѣнчанныхъ горькимъ испытаньемъ

---

[1]) Какъ стихи, такъ и извѣстія о тяжелой ранѣ и лѣтахъ офицера сего, равно и о смерти отца сго получсны мною отъ русскаго гренадера при Тарутинѣ, во время аттаки 6-го октября 1812 года. Гренадеръ сей вынималъ у убитаго французскаго офицера изъ кармана свертокъ бумаги: въ ту самую минуту мимо него проходилъ я съ артиллеріей. Изъ письма раненаго офицера къ своему другу (вѣроятно, онъ былъ тотъ убитый, у котораго находились бумаги сіи) видно было, что онъ имѣлъ еще трехъ малолѣтнихъ братьевъ, которыхъ и поручалъ его попеченіямъ. Убитый подъ Бородинымъ полагалъ всю надежду свою въ разсужденіи бѣдныхъ малютокъ на того, который скоро потомъ убитъ подъ Тарутинымъ... Всемогущій! непостижимы судьбы Твои! Ив.

Съ наградой ждетъ благій Отецъ!
Готовъ съ отчизной съединиться—
Виновники тамъ дней моихъ;
Тамъ все, чѣмъ могъ я въ жизни льститься,
Что было благомъ узъ земныхъ!..
О, другъ мой! не отринь взыванья
Сиротъ-младенцевъ,—призри ихъ!..
Увы! ихъ жребій достоянья
Лишь въ добродѣтеляхъ однихъ.
Когда жъ взростутъ—ты имъ укажешь,
Гдѣ мать въ сырой землѣ лежитъ...
Увы! далекій Сѣверъ, скажешь,
Отца [1]) и брата ихъ хранитъ!..
Прости! бьетъ часъ мой погребальный,
Благій Отецъ зоветъ меня....
Прими же поцѣлуй прощальный
До сладкаго свиданья дня!

Съ франц. *С. Ивановъ.*

V.

Русская армія послѣ битвы.

Когда совершенно смерклось, сраженіе прекратилось, и непріятель, который самъ былъ очень разстроенъ, опасаясь ночной атаки, отступилъ на первую свою позицію, оставя Раевскаго батарею, лѣсъ и все то мѣсто, которое мы по утру занимали. Войска наши однако не подвинулись впередъ и провели ночь въ такомъ положеніи, какъ ввечеру оставались. Обѣ арміи считали себя побѣдоносными и обѣ разбитыми. Потеря съ обѣихъ сторонъ была равная, не менѣе того гораздо ощутительнѣе для насъ; потому что, вступая въ бой, у насъ было гораздо менѣе войскъ, чѣмъ у французовъ.

Такимъ образомъ кончилось главное бородинское побоище, въ которомъ русскіе пріобрѣли безсмертную славу. Подобной битвы, можетъ быть, нѣтъ другого примѣра въ лѣтописяхъ всего свѣта. Однихъ пушечныхъ выстрѣловъ было выпущено французами 70,000... Во всей Россіи отслужили благодарственные молебствія; но какъ должны были удивиться, когда черезъ нѣсколько дней услышали, что французы уже въ Москвѣ!

---

[1]) Онъ убитъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ 1812 года 6 августа.

Государь приказалъ выдать каждому рядовому и унтеръ-офицеру по пяти рублей въ вознагражденіе, и добродушные солдаты наши приняли съ благоговѣніемъ сію монаршію милость.

Во всю ночь съ 26 на 27 число слышался по нашему войску несмолкаемый крикъ. Иные полки почти совершенно исчезли, и солдаты собирались съ разныхъ сторонъ. Во многихъ полкахъ оставалось едва 100 или 150 человѣкъ, которыми начальствовалъ прапорщикъ. Вся Можайская дорога была покрыта ранеными и умершими отъ ранъ, но при каждомъ изъ нихъ было ружье. Безногіе и безрукіе тащились, не утрачивая своей аммуниціи. Ночи были холодныя. Тѣ изъ раненыхъ, которые разбрелись по селеніямъ, зарывались отъ стужи въ солому и тамъ умирали. Въ моихъ глазахъ коляска генерала Васильчикова проѣхала около дороги по большой соломенной кучѣ, подъ которой укрывались раненые, и нѣкоторыхъ изъ нихъ передавила. Въ памяти моей осталось впечатлѣніе видѣннаго мною въ канавѣ солдата, у коего лежавшая на краю дороги голова была раздавлена съ размазаннымъ по дорогѣ мозгомъ. Мертвымъ-ли онъ уже былъ, или еще живымъ, когда по черепу его переѣхало колесо батарейнаго орудія, того я не былъ свидѣтелемъ. Лѣкарей не доставало. Были между ними и такіе, которые уѣзжали въ Можайскъ, чтобы отдохнуть отъ переносимыхъ ими трудовъ, отчего случилось, что большое число раненыхъ оставалось безъ пособія. Хотя было много заготовлено подводъ, но ихъ и на десятую долю раненыхъ не достало. Часть ихъ кое-какъ добрела до Москвы, но многіе сгорѣли въ общихъ пожарахъ, обнявшихъ весь околодокъ.

Н. Муравьевъ.

VI.

Французская армія послѣ битвы.

Ночь настала, и битва вездѣ прекратилась. Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую ночь въ грязи, истребивъ, несмотря на всю нашу бережливость, до послѣдней крохи всю провизію, мы остались безъ продовольствія: нечего ѣсть, нечего пить. Колоча, куда многіе кидались, чтобы избѣгнуть рѣзни, запружена трупами; вода окрашена кровью.

Намъ пришлось расположиться среди мертвецовъ, стонущихъ раненыхъ и умирающихъ. Усталые и изнуренные, мы не можемъ помочь имъ. Наконецъ, хорошая въ теченіе всего дня погода съ наступленіемъ ночи стала сырой и холодной. Большинство полковъ осталось безъ огня, его разрѣшили зажечь только въ полночь, когда усталымъ людямъ, умирающимъ отъ голода, не оставалось другого средства отъ страданій, какъ согрѣться!

Утро готовило намъ сюрпризъ: русская армія исчезла. Какое грустное зрѣлище представляло поле битвы! Никакое бѣдствіе, никакое проигранное сраженіе не сравняется по ужасамъ съ Бородинскимъ полемъ, на которомъ мы остались побѣдителями. Всѣ потрясены, изумлены.

Армія неподвижна; она теперь походитъ на авангардъ. Многіе солдаты отправляются въ окрестности искать пропитанія или дровъ, другіе стоятъ на караулѣ, нѣкоторые, наконецъ, заняты подачей помощи и переноской раненыхъ. Несчастныхъ отправляютъ въ Колоцкій монастырь, въ милѣ отъ поля битвы, или въ сосѣдніе дома, но мѣста для всѣхъ не хватаетъ.

Часть утра Наполеонъ употребилъ на осмотръ вчерашнихъ русскихъ позицій...

Куда ни посмотришь, вездѣ трупы людей и лошадей, умирающіе, стонущіе и плачущіе раненые, лужи крови, кучи покинутаго оружія, то здѣсь, то тамъ сгорѣвшіе или разрушенные дома.

Огромная площадь передъ главнымъ редутомъ взрыта ядрами; на ней виднѣются тѣла, разбросанные члены, глубокія ямы, вырытыя снарядами съ погребенными на днѣ ихъ трупами.. Ясно видны тѣ мѣста, гдѣ разорвавшимся снарядомъ разбитъ лафетъ пушки, а кругомъ убиты всѣ, люди и лошади. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ битва была такъ ожесточенна, что трупы нагромождены тамъ кучами. Солдаты роются не только въ мѣшкахъ, но и въ карманахъ убитыхъ товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу...

Трудно представить себѣ что-нибудь ужаснѣе главнаго редута. Кажется, что цѣлые взводы были разомъ скошены на своей позиціи и покрыты землей, взрытой безчисленными ядрами. Тутъ же лежатъ артиллеристы, изруб-

ленные кирасирами около своихъ орудій; и погибшая здѣсь почти цѣликомъ дивизія Лихачева, кажется, мертвой продолжаетъ охранять свой редутъ.

Иногда подъ кучами мертвецовъ завалены раненые, призывовъ и стоновъ которыхъ никто не услыхалъ въ теченіе ночи. Съ трудомъ извлекаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ...

Пасмурное небо гармонируетъ съ полемъ битвы. Идетъ мелкій дождь, дуетъ рѣзкій, однообразный вѣтеръ, и тяжелыя черныя тучи тянутся на горизонтѣ. Всюду угрюмое уныніе.

Не одинъ императоръ объѣзжаетъ поле сраженія; генералы, офицеры, солдаты, движимые любопытствомъ, молча бродятъ вездѣ, и осматриваютъ съ изумленіемъ каждый кусочекъ земли. Они смотрятъ другъ на друга, какъ бы удивляясь, что еще живы...

Наконецъ, армія выступаетъ.

Ц. Ложье.

VII.

Поле Бородинскаго сраженія.

Элегія.

Ужъ солнце за горой—послѣдній лучъ затмился,—
Во мрачность дикую закутались лѣса,
И вѣтерокъ ночной въ кустарникахъ рѣзвился
И тихою луной златились небеса.
Все успокоилось—лишь вѣтви колебались,
Въ зажженныхъ деревняхъ еще огонь пылалъ.
Все тихо—лишь вдали оклики раздавались,
И рѣдкій пушекъ громъ въ долинахъ рокоталъ.
Въ уединеніи—съ растроганной душою,
На мшистомъ холмѣ семъ я буду размышлять.
Покой бѣжитъ меня, лишь ужасъ предо мною;
О человѣчествѣ здѣсь буду горевать!..
Сребримыя луной тамъ копія сіяютъ,
Гдѣ тысячи смертей носилися за часъ;
Черепья, кости тамъ долину наполняютъ,
Гдѣ храбрыхъ воиновъ безстрашный сонмъ угасъ.
Спокойно здѣсь лежитъ, какъ бы на лонѣ друга,
Глава, простертая на мертвый трупъ врага;
А тамъ вблизи щитовъ, обломковъ отъ кольчуга
Съ рукою вражеской сплетенная рука.
Лишь въ жизни ненависть, смерть всѣхъ насъ примиряетъ!
Покоятся они, на полѣ чести павъ,

И геній жизни ихъ безсмертный возлетаетъ
Въ обитель вѣчную довольства и забавъ. —
Покоятся они— но гласъ о ихъ дѣяньяхъ
Потомковъ возбудитъ кипящу къ славѣ кровь;
Съ восторгомъ возгласятъ они въ воспоминаньяхъ:
«Отцовъ сильна была къ отечеству любовь!»
Тамъ сынъ, отторгнувшись отъ матернихъ лобзаній,
Надѣвъ съ весельемъ шлемъ и панцырь, въ брань летитъ:
Летитъ на поле онъ ужасныхъ испытаній,
Гдѣ лезвіе косы смерть лютая остритъ!..
Тутъ старецъ въ дряхлу длань заржавый мечъ пріемлетъ,
Свидѣтель давнишній походовъ и трудовъ,
И внучатъ плачущихъ моленіямъ не внемлетъ,
Спѣша умножить строй отечества сыновъ.
Тамъ дѣва юношу сама вооружаетъ
И, горестна въ душѣ, веселый кажетъ видъ.
Супругъ въ послѣдній разъ дражайшую лобзаетъ
И сквозь прощанья слезъ съ улыбкой говоритъ:
«Спокойся, милый другъ, со славой возвращуся;
Всевышній дни мои во брани соблюдетъ;
Не плачь ты обо мнѣ, когда врагомъ сражуся:
Намъ за отечество пріятно умереть!»
И тысячи стоятъ, и всѣ въ душѣ клянутся
Честь родины своей, честь предковъ поддержать;
Сразиться со врагомъ, сразить врага всѣ рвутся
Иль славной смертію жизнь славную вѣнчать!
Вотъ мѣсто, гдѣ сошлись съ противникомъ кичливымъ,
Другъ друга передя на славномъ семъ пути;
Здѣсь всякой почиталъ себя стократъ счастливымъ,
Коль въ жертву родинѣ себя могъ принести!...
Здѣсь можетъ, раненый, чуть дышущій, взираетъ
На небо, гдѣ ему готова тишина.
А тамъ во мрачности колеблемой дубравы,
Избитый, опершись о изсѣченный щитъ —
Тамъ храбрый юноша, искатель пылкой славы,
Подъ тѣнью дикихъ сосенъ безъ пробужденья спитъ!
Напрасно пролетитъ младой весны дыханье,
Напрасно лѣто здѣсь поля озолотитъ;
Напрасно осени угрюмой завыванье,
Напрасенъ хладъ зимы: покоенъ онъ—онъ спитъ!...
Но что я слышу здѣсь—свирѣли нѣжной тоны,
Иль тихое вдали журчаніе ручья?..
Иль сердца томнаго прерывистые стоны,
Которыхъ сладостью полна душа моя?..
Твой образъ носится ль, твой гласъ ли то унылый,
Дѣвица красная лишенная всего?
Погибъ твой юноша, погибъ надежда—милый,

И тщетно при лунѣ здѣсь ищешь ты его!
А тамъ, въ тѣни древесъ, сквозь листвія густые,
Чей свѣтлый, легкій ликъ въ унынье погруженъ?
Чье копіе лежитъ и грозный мечъ стальные?
Разбитый щитъ и шлемъ? Здѣсь палъ Багратіонъ!
Бородино! тебѣ заплатимъ дань сердцами:
Близъ стѣнъ твоихъ сраженъ защитникъ славный твой;
Могила храбраго украсится цвѣтами,
А я ее почтить могу—одной слезой!..
Сокройтеся, мечты! умолкни, томна лира!
Опять передо мной всѣ ужасы смертей!..
И освѣтясь зарей, мечи тамъ засверкали,
И въ голубой дали сіяетъ шлемовъ лѣсъ.—
Чу! Бурные кони во станѣ тамъ заржали,
И ратникъ копіе и звучный щитъ вознесъ!..
О, Боже, праведный! услышь мою молитву,
И громы надъ главой ревущи укроти,
Прерви ужасную, губительную битву
И благодатный миръ на землю возврати!

В. Туманскій.

VIII.

Совѣтъ въ Филяхъ.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой Свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одинъ за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ-будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сер-

Совѣтъ въ Филяхъ. (Кившенко).

дито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что Свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжной и хитрой улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ

нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи! — вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена, и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія, Бенигсенъ не считалъ еще игру проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры и въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы передъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону „дѣдушки“. Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ за-

тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, — сказалъ Кутузовъ, — не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ-будто задумался, пріискивая примѣръ, и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля...

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Eh bien, Messieurs! Je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés [1]),—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученной мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ той же торжественной и молчаливой осторожностью, съ которой расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

---

[1]) Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ноженками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему уже поздно ночью адъютанту Шнейдеру:—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша Свѣтлость, — сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки,—не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,—будутъ и они, только бы...

Л. Толстой.

IX.

Отъ Бородина черезъ Москву.

Густой туманъ заставилъ прекратить кровопролитное Бородинское сраженіе; хотя оно не было выиграно нами, но его нельзя было считать и проиграннымъ.

Непріятель воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы отступить на позицію, которую онъ занималъ по утру. Старая гвардія Наполеона не была поколеблена, точно такъ же, какъ и часть нашей гвардіи, нашъ крайній правый флангъ не былъ тронутъ.

Самый кровопролитный бой происходилъ на лѣвомъ флангѣ, и въ центрѣ. Французская армія сражалась съ изумительнымъ мужествомъ и понесла огромныя потери, особенно пострадала ея кавалерія.

До тридцати генераловъ было убито и выбыло изъ строя: поэтому Наполеонъ назвалъ этотъ день la bataille des généraux (битвою генераловъ). Намъ пришлось оплаки-

вать князя Багратіона, командовавшаго второй арміей и напоминавшаго своей доблестью героевъ древняго міра. Онъ скончался отъ полученныхъ имъ ранъ. Одинъ изъ Тучковыхъ былъ убитъ наповалъ, другой былъ смертельно раненъ, а третій братъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ у Валутиной горы...

Только благодаря безпредѣльной преданности и самоотверженію солдатъ арміи, удалось оказать французамъ и ихъ геніальному предводителю упорное сопротивленіе, причинившее имъ немало вреда. Сомнѣваться въ выдающихся способностяхъ Наполеона было бы равносильно доказательству своего собственнаго ничтожества. Онъ доказалъ, что сама судьба предназначила его быть полководцемъ. Сраженія, выигранныя имъ у опытныхъ и искусныхъ предводителей войскъ, поставили его выше всѣхъ остальныхъ полководцевъ. Онъ довелъ военное искусство до высшей степени совершенства.

Обѣ арміи провели ночь на полѣ сраженія, на позиціи, которую онѣ занимали наканунѣ. На слѣдующій день, благодаря распорядительности генерала Барклая, наше отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ.

27 августа, въ шесть часовъ утра, всѣ корпуса выступили съ занимаемыхъ ими позицій. Мы прошли черезъ Можайскъ, не бывъ потревожены непріятелемъ, который началъ свое движеніе только въ десять часовъ утра...

Переходя съ одной позиціи на другую, мы достигли высотъ, прилегающихъ къ Москвѣ, и остановились близъ Дорогомиловской заставы; правый флангъ расположился близъ деревни Фили, лѣвый опирался на Воробьевы горы, а центръ находился между деревнями Троицкое и Волынское. Позиція была наскоро укрѣплена.

Кутузовъ поручилъ генералу Барклаю осмотрѣть позицію; отдавъ это приказаніе, онъ остановился въ открытомъ полѣ. Генералъ Дохтуровъ приказалъ подать завтракъ и собирался угостить всѣхъ насъ. Генералъ Барклай, который не придавалъ никакого значенія хорошему столу и вообще всѣмъ удобствамъ жизни, и не желалъ низкопоклонничать передъ Кутузовымъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, но, замѣ-

тивъ, что генералъ Дохтуровъ не послѣдовалъ за нимъ, онъ послалъ меня обратно, приказавъ мнѣ привезти его, во что бы то ни стало, хотя бы даже съ котлетой во рту.

— Всѣ они таковы,—сказалъ Барклай:—они стараются заслужить ласковое слово Кутузова, а не думаютъ о томъ, что ихъ слава зависитъ отъ „него“,—и Барклай указалъ рукою въ сторону непріятеля.

Увидавъ меня, Кутузовъ освѣдомился, зачѣмъ я вернулся. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ за генераломъ Дохтуровымъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте,—сказалъ онъ ему,—не заставляйте ожидать генерала Барклая, я позавтракаю и безъ васъ.

Бѣдному Дохтурову, человѣку, впрочемъ, очень храброму, пришлось сѣсть на лошадь и догонять Барклая. Послѣдній не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго упрека: объѣхалъ позицію, нашелъ ее неудовлетворительной и черезъ часъ вернулся къ Кутузову.

Въ этотъ моментъ пріѣхалъ изъ Москвы графъ Растопчинъ. Онъ прошелъ прямо къ Барклаю и заперся съ нимъ въ занимаемомъ имъ домикѣ.

Въ скоромъ времени состоялся у Кутузова военный совѣтъ, продолжавшійся цѣлый часъ. На совѣтъ были приглашены всѣ важнѣйшіе генералы: Бенигсенъ, Барклай-де-Толли, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Толь и графъ Растопчинъ [1]).

Мнѣніе генерала Барклая, поддержанное Толемъ и графомъ Остерманомъ, было принято Кутузовымъ. Оно не согласовалось съ взглядомъ графа Растопчина, который руководствовался не столько военными соображеніями, сколько патріотизмомъ, и думалъ только о спасеніи столицы. Рѣшеніе, принятое на совѣтѣ, было жестокимъ ударомъ для пылкой души генералъ-губернатора. Графъ Растопчинъ не остался обѣдать у Кутузова, коимъ онъ былъ недоволенъ. Онъ обѣдалъ у Барклая и не скрывалъ своего неудовольствія по поводу принятаго рѣшенія, которое оставалось пока тайною для всѣхъ лицъ, не участвовавшихъ въ совѣтѣ.

---

1) Ошибка автора: гр. Растопчинъ на самомъ совѣтѣ не присутствовалъ.

Графъ Растопчинъ давно уже обдумалъ свой планъ дѣйствій и подготовилъ все, нужное для его выполненія: въ нѣкоторыхъ домахъ были спрятаны горючія вещества; въ разныхъ частяхъ покинутаго жителями города были разставлены нанятые имъ люди, которымъ было приказано поджечь эти дома; онъ позаботился даже вывезти изъ Москвы пожарныя трубы и прочіе инструменты. Такъ какъ мы находились у самыхъ воротъ Москвы, то я испросилъ позволенія отправиться въ городъ, чтобы навѣстить знакомыхъ, но никого не нашелъ. Городъ былъ пустъ.

Дисциплина, введенная въ армію генераломъ Барклаемъ, соблюдалась столь строго, что по улицамъ Москвы не бродило ни одного солдата, несмотря на то, что мы находились всего въ двухъ верстахъ отъ города. На слѣдующій день, 2-го сентября, всѣ узнали о томъ, что было рѣшено оставить Москву.

Гр. М. А. Милорадовичъ.

Генералъ Барклай лично слѣдилъ за всѣмъ. Онъ пробылъ 18 часовъ, не сходя съ лошади и разъѣзжая по улицамъ и постамъ, смотря какъ мимо него проходили батальоны, артиллерія, парки и экипажи. Для наблюденія за порядкомъ онъ разослалъ своихъ адъютантовъ въ разныя части города. Мнѣ велѣно было находиться въ прекрасномъ домѣ Пашкова. Каждому изъ насъ былъ данъ отрядъ казаковъ для того, чтобы выгонять солдатъ изъ кабаковъ и погребовъ, и не допускать ихъ въ дома. Казаки задерживали всѣхъ тѣхъ, кто несъ бутылки съ водками и наливками, и разбивали бутылки пиками. Благодаря этимъ мѣрамъ, Барклаю удалось спасти войска отъ неминуемой гибели, и они выступили изъ города въ величайшемъ порядкѣ.

Въ то время, какъ армія проходила черезъ Москву, генералъ Милорадовичъ, командовавшій аріергардомъ, сражался съ королемъ неаполитанскимъ. Онъ дѣйствовалъ смѣло и храбро и покрылъ себя славою. Особенно замѣчательно присутствіе духа, съ какимъ онъ заключилъ перемиріе съ королемъ неаполитанскимъ. Король, довольный тѣмъ, что ему удалось занять Москву безъ кровопролитія, согласился на всѣ требованія генерала.

Москва представляла любопытное зрѣлище: французы и русскіе толпились вмѣстѣ въ этомъ обширномъ городѣ.

Перемиріе, заключенное обоими генералами на слово не сходя съ лошади, и вся честь котораго принадлежитъ генералу Милорадовичу, дало возможность вывести изъ столицы послѣднія войска безо всякихъ потерь; въ городѣ остались одни раненые, размѣщенные по госпиталямъ.

Въ 9 часовъ вечера изъ Москвы выступилъ нашъ послѣдній отрядъ. Мюратъ вступилъ въ нее въ пять часовъ.

Когда стемнѣло, мы продолжали нашъ зловѣщій маршъ и нагнали Кутузова въ Панкахъ, на Рязанской дорогѣ, гдѣ всѣ уже были погружены въ глубокій сонъ. Барклай и Милорадовичъ бодрствовали; фельдмаршалъ Кутузовъ могъ положиться на нихъ.

Трудно, почти невозможно, описать состояніе нашего духа послѣ выступленія изъ Москвы. Каждаго волновали различные интересы: кто сокрушался о потерѣ дома, кто объ утратѣ родныхъ; большинство горевало о потерѣ столицы. Всѣ еще болѣе прежняго желали сразиться съ непріятелемъ и были готовы на всякія жертвы. Когда Москва была оставлена, всѣ поняли, что приходится спасать уже не городъ, а имперію, и говорили: „Война только что начинается“.

В. Левенштернъ.

Глава VI.

Москва передъ сдачей.

I.

30-ое и 31-ое августа.

Въ ночи съ 29 на 30 число августа. Господа Оберъ-Прокуроры Правительствующаго Сената всѣхъ Департаментовъ имѣли необыкновенное свое ночное засѣданіе; и отъ Оберъ-Прокурора Озерова, принявшаго главный надзоръ надъ Вотчиннымъ департаментомъ, приказано было, чтобы и я, съ чиновниками моими, въ это время находились при своемъ мѣстѣ. Я воздерживаюсь дѣлать какія-нибудь замѣчанія о семъ ночномъ засѣданіи, но долженъ сказать, что господа Оберъ-Прокуроры, послѣ многаго разсужденія относительно къ предстоявшей опасности столицѣ Москвѣ, ибо и „главная, де, квартира непріятеля“, — говорили они, — „не далѣе уже сорока верстъ“, не приняли, однако-жъ, никакихъ мѣръ къ охраненію архива Вотчиннаго Департамента, равно какъ и небольшой суммы денегъ, частію въ мѣдной монетѣ прежняго чекана, при ономъ состоящей, и ночное свое засѣданіе заключили опредѣленіемъ, которое и мнѣ объявили: „Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ и съ описаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, что дѣлать съ архивомъ Вотчиннаго Департамента!“ И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой день, поздно, то-есть, 31 августа.

Сіе ночное засѣданіе составляли господа Оберъ-Прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засѣцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 9 часовъ слѣдующаго утра.

Августа, 30 дня. Выдано въ народъ слѣдующее печатное объявленіе: „Свѣтлѣйшій Князь, чтобъ скорѣй соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ, и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него найдетъ; къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ снарядами; а Свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть на улицахъ драться.

Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чево дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, и я молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа аржаного. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь къ раненымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

30 августа, 1812 года.

Подписалъ графъ *Растопчинъ.*

Это объявленіе въ народѣ, которое, казалось бы, само по себѣ ничего не значило, причинило, однако же, ужасное волненіе въ народѣ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки, питейная контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка, останавливали прохожихъ, спрашивая, „гдѣ непріятель?“ Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебряномъ ряду двое нѣмцевъ, жившихъ въ Россіи нѣсколько десятковъ уже лѣтъ, желали размѣнять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотѣли дать промѣнъ, который мѣнялы требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны; словомъ, Москва въ этотъ день какъ-будто вовсе была безъ начальства. Я, проходя въ 10 час. утра изъ дому въ Вотчинный Департаментъ, встрѣтилъ въ городѣ, у Лобнаго мѣста, что близъ кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большею частью пьяныхъ, готовыхъ на всякое буйство. Въ толпѣ сей говорили, что графъ Растопчинъ сзываетъ уже сыновъ отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что завтрашній день съ восходомъ солнца народъ долженъ сбираться, кто съ чѣмъ можетъ, въ назначенное имъ мѣсто.

Въ Вотчинномъ Департаментѣ я нашелъ все въ порядкѣ; дежурные чиновники были при своихъ мѣстахъ; однако-жъ многіе удалились уже изъ Москвы, безъ вѣдома моего.

Въ сей же день по вечеру, пріѣхали за мною отъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ, а супруга его, графиня Анна Володимеровна, прислала ко мнѣ 400 рублей ассигнаціями, которыя я, отъ аптекаря Ауэрбаха, и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскій прислалъ мнѣ, при особой запискѣ своей, съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ съ лошадьми за мной, 240 голландскихъ червонцевъ и просилъ меня, чтобы я поспѣшилъ къ нему пріѣздомъ.

Эту частность, и я упомянулъ объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всѣ способы имѣлъ удалиться отъ непріятеля: и имѣлъ деньги и лошадей; но не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить мое мѣсто, а самому собою нарушить присягу и въ духѣ труса, спасая себя, кинувъ архивъ Вотчиннаго Департамента на произволъ судьбы, я не думалъ имѣть право; и если въ послѣдствіи сей подвигъ усердія моего поставленъ мнѣ былъ въ преступленіе, и безъ суда еще совершены на мнѣ жестокости наказанія, то все-таки преступленіе мое было похвальное, а подвигъ—истинно патріотическій, коимъ я имѣю полное право гордиться и хвалиться; по крайней мѣрѣ, сохраненіемъ архива Вотчиннаго Департамента я заплатилъ любезному отечеству моему за воспитаніе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышелъ изъ дому моего, желая посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ, и прошелъ до Прѣсненской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православный русскій народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ; другіе шли съ пиками, вилами, топорами въ предмѣстіе Три Горы, чтобы спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: „Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!“

Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву? Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или

5 верстъ квадратныхъ, кои отъ восхожденія солнца до захожденія не расходились, въ ожиданіи графа Растопчина, какъ онъ самъ обѣщалъ, предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ, съ горестнымъ унынiемъ, разошлись по домамъ [1]).

А. Бестужевъ-Рюминъ.

II.

Оставленіе Москвы жителями.

1.

31 числа этого мѣсяца получена была моимъ отцомъ отъ Обрескова записка: „Москву сдаютъ непріятелю безъ боя. Растопчинъ и я уѣзжаемъ покуда во Владиміръ, а тамъ, что Богъ велитъ! Покуда это еще для всѣхъ секретъ, убирайтесь и вы поскорѣе!“ Тотчасъ же было рѣшено собираться и выѣзжать какъ можно скорѣе. Уѣзжать,—но куда и какой дорогой? Нечего и говорить куда,—въ Михайловское, а ѣхать на Серпуховъ, что было всего прямѣе, но оказалось затруднительнымъ: эта дорога просто была запружена ратниками, войскомъ и ихъ обозами, слѣдовавшими въ Москву, потому что распоряженій о ихъ пріостановкѣ еще не было, а равно и экипажами и обозами московскихъ обывателей, ѣдущихъ изъ Москвы...

Довольно покойно доѣхали мы въ первый день нашей дороги (2 сент.) на ночлегъ въ Бѣлопесоцкую слободу. На другой день, когда мы подъѣзжали къ мосту, по большой каширской дорогѣ стали попадаться намъ всевозможные курьезные экипажи, заложенные еще курьезнѣе, напр., телѣжка съ одной коровой, которая была какъ-то къ ней пристегнута и ее везла, или какія-нибудь допотопныя дрожки, запряженныя парой,

---

[1]) Послѣ Французовъ (т.-е. когда они вышли изъ Москвы), графъ Растопчинъ призвалъ кн. Шаликова для объясненія: зачѣмъ онъ остался въ Москвѣ?— „Какъ же мнѣ можно было уѣхать“! отвѣчалъ кн. Шаликовъ: „Ваше сіятельство объявили, что будете защищать Москву на Трехъ Горахъ, со всѣми московскими дворянами; я туда и явился вооруженный; но не только не нашелъ тамъ дворянъ, а не нашелъ и Вашего Сіятельства!“.

Еще забавнѣе, что онъ къ этому прибавилъ по-французски: „et puis j'y suis resté par curiosité!“.

М. Дмитріевъ.

т.-е. въ одну лошадь и корова на пристяжку; куча народу на телѣгахъ или подлѣ телѣгъ, наполненныхъ безъ какихъ-либо сундуковъ разными пожитками; въ этой толпѣ многіе были полураздѣты въ рубищахъ, другіе одѣты во весь свой туалетъ; у одного мужчины на головѣ былъ платокъ и въ рукахъ какая-то шляпка; на женщинѣ—мужская шинель или байковый сюртукъ,—однимъ словомъ, кто въ чемъ и какъ попало, лишь бы вывезти съ собою все, что можно было забрать, лишь бы не оставлять ничего въ добычу злодѣямъ. О неизбѣжномъ вступленіи врага въ столицу въ эти два дня въ народѣ уже узнали. Около моста черезъ Оку и по всему его протяженію до въѣзда въ городъ Каширу шли намъ навстрѣчу иныя толпы,—вновь набранные ратники каширскаго ополченія, въ новой ихъ формѣ русскаго покроя, въ фуражкахъ, на которыхъ красовался мѣдный крестъ и надпись: „За вѣру и царя“. Ихъ провожали семьи, за ними слѣдовали телѣги съ провіантомъ и другой разной поклажей. На мосту было тѣсно, и мы тащились медленно; сначала на насъ косились; одинъ молодой парень навеселѣ, взглянувъ сурово на нашъ поѣздъ, назвалъ насъ бѣглецами, къ нему пристали прочіе, и мы имѣли непріятность проѣхать это длинное пространство почти подъ угрозами бранившихъ насъ измѣнниками и предателями. Я еще и теперь помню чувство страха и вмѣстѣ негодованія, которое тогда мной овладѣло; батюшка сидѣлъ въ коляскѣ, понуривъ голову и не произнося ни одного слова.

Избѣгая главнаго серпуховскаго тракта, мы объѣхали и Тулу и слѣдовали почти проселочной дорогой на городъ Веневъ. Весь сентябрь 1812 года былъ сухой и необыкновенно теплый, что, какъ извѣстно и по исторіи, обмануло непріятеля нашимъ климатомъ и задержало его въ Москвѣ; оттого и намъ эта почти проселочная дорога не представляла никакихъ обычныхъ препятствій. 3 сентября пріѣхали мы на ночлегъ въ Веневъ, съ трудомъ отыскали постоялый домъ и расположились провести ночь въ экипажѣ; меня уложили въ каретѣ, но вдругъ среди ночи разбудили: передо мной, въ открытыхъ дверяхъ стоялъ В. А. Никольскій. Я очень ему обрадовался, вышелъ изъ экипажа и увидѣлъ огромное, длинное зарево прямо къ сѣверу: Москва уже

горѣла и такъ сильно, что зарево видѣли мы всѣ въ Веневѣ, на разстояніи 150 верстъ.

Дальнѣйшій нашъ путь до самаго Михайловскаго черезъ Богородицкъ и Ефремовъ не сталъ бы задерживать меня въ моихъ воспоминаніяхъ, если бы одно случившееся съ нами происшествіе не стоило краткаго указанія. Мы остановились на кормежку и обѣдъ довольно рано въ селѣ Никитскомъ, не доѣзжая 40 верстъ до Ефремова; большое это село и теперь принадлежитъ одному изъ гр. Бобринскихъ. Гдѣ-то еще по дорогѣ изъ Сальникова присоединился къ намъ московскій обыватель, вольноотпущенный нашъ, Барышевъ, приглашенный на все время бѣгства своего изъ Москвы поселиться у насъ въ Михайловскомъ съ женой и семействомъ. Онъ сказалъ отцу, что, проходя около сельской церкви, увидѣлъ толпу крестьянъ и какихъ-то подозрительныхъ людей въ нѣмецкомъ платьѣ, что-то громко проповѣдывавшихъ со своихъ телѣгъ собравшемуся около нихъ народу. Отецъ поручилъ ему привести либо вотчиннаго старосту, либо сотскаго, и вотъ батюшка, Барышевъ и я съ ними и съ Никольскимъ, въ сопровожденіи старосты и сотскаго пошли къ этой толпѣ. Оказалось, что какой-то краснобай говоритъ крестьянамъ, чтобы они Бонапарта не пугались, что онъ идетъ на Россію затѣмъ, чтобы освободить крестьянъ, дать имъ волю и уничтожить помѣщиковъ. Услышавъ такія рѣчи, отецъ мой и съ нимъ вмѣстѣ Барышевъ и Никольскій стащили свободолюбиваго оратора съ телѣги, отдали его подъ караулъ сотскому, а старостѣ приказали приготовить двѣ тройки и нарядить надежныхъ подводчиковъ. Какъ скоро все это было исполнено безъ малѣйшаго сопротивленія, говоруна крѣпко связали по рукамъ и по ногамъ и сейчасъ отправили въ Тулу съ письмомъ отъ отца къ тамошнему губернатору Богданову, которому было сказано, что отправляемый подъ стражей къ его превосходительству возмущалъ народъ противъ государя, правительства и помѣщиковъ, и что отправляющій его, мой отецъ, нашелъ необходимымъ поступить съ возмутителемъ на основаніи прокламаціи главнокомандующаго гр. Растопчина, который вмѣнилъ въ обязанность каждому гражданину задерживать людей неблагонамѣренныхъ, соблазняющихъ

Бѣгство жителей изъ Москвы. (К. В. Лебедева).

чернь къ бунту, и представлять ихъ прямо къ высшему начальству. Лучшіе изъ крестьянъ и тѣ, которые были постарше, благодарили всѣхъ насъ за содѣйствіе; отправленный былъ крѣпостной человѣкъ и повѣренный тульскаго откупщика Безобразова; какъ съ нимъ поступили, не знаю. Мы доѣхали и поселились въ Михайловскомъ вмѣстѣ съ семействомъ Барышевыхъ, узнавъ дорогой отъ обогнавшаго насъ полицейскаго чиновника, что французы вступили въ Москву и зажгли ее съ разныхъ сторонъ.

Д. Свербеевъ.

2.

Въ семь часовъ утра, 2 сентября, поднялся мой братъ, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь общипанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ-будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ посреди сплошной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія московскаго спѣшилъ изъ нея, являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ, ужасную, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько каррикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковной утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя еще и понынѣ въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался

съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшилъ остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ. Немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, никоторое такъ сильно его не поразило.

Ф. Вигель.

III.

Убійство Верещагина.

Когда народъ московскій, успокоенный прокламаціями графа Растопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной Горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Озлобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ:—„Пусть выйдетъ къ намъ! Не то доберемся до него!“ Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Растопчинъ не потерялъ присутствія духа. Приказавъ скорѣе заложить дрожки, онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: „Намъ солгали! Говорили, бояться нечего, французы разбиты; а французы вступаютъ въ Москву!“

„Да, вступаютъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ графъ, вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники!“ — „Гдѣ они? Кто измѣнникъ?“ — закричала неистовая толпа. — „Вотъ измѣнникъ!“ — сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодого Верещагина. — Этотъ послѣдній, пораженный безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: „Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!“ — Въ ту же минуту вся чернь, въ

остервененіи, кинулась на него, и между тѣмъ какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Растопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы.

К. Павлова.

IV.

Растопчинъ и Верещагинъ.

У стѣны Китай-города небольшая кучка людей окружала человѣка въ фризовой шинели, держащаго въ рукахъ бумагу.

— Указъ, указъ читаютъ! Указъ читаютъ!—послышалось въ толпѣ, и народъ хлынулъ къ чтецу.

Человѣкъ въ фризовой шинели читалъ афишку отъ 31 августа. Когда толпа окружила его, онъ какъ бы смутился, но на требованіе высокаго малаго, протѣснившагося до него, онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ началъ читать афишку съ начала.

„Завтра рано я ѣду къ Свѣтлѣйшему князю“,—читалъ онъ (Свѣтлѣющему! — торжественно, улыбаясь ртомъ и хмуря брови, повторилъ высокій малый): „чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ“...—продолжалъ чтецъ и остановился... (Видалъ? — побѣдоносно прокричалъ малый. Онъ тебѣ всю дистанцію развяжетъ...)—„искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду завтра къ обѣду и примемся за дѣло; сдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ.“

Послѣднія слова были прочтены чтецомъ въ совершенномъ молчаніи. Высокій малый грустно опустилъ голову. Очевидно было, что никто не понялъ этихъ послѣднихъ словъ. Въ особенности слова: „я пріѣду завтра къ обѣду“, видимо, даже огорчили и чтеца и слушателей. Пониманіе народа было настроено на высокій ладъ, а это было слишкомъ просто и ненужно-понятно; это было то самое, что каждый изъ нихъ могъ бы сказать и что поэтому не могъ говорить указъ, исходящій отъ высшей власти.

Всѣ стояли въ уныломъ молчаніи. Высокій малый водилъ губами и пошатывался.

— У него спросить бы?.. Это самъ и есть!.. Какъ же, упросилъ!.. А то что жъ... Онъ укажетъ... — вдругъ послышалось въ заднихъ рядахъ толпы, и общее вниманіе обратилось на выѣзжавшія на площадь дрожки полицеймейстера, сопутствуемаго двумя конными драгунами.

Полицеймейстеръ, ѣздившій въ это утро по приказанію графа сжигать барки и по случаю этого порученія выручившій большую сумму денегъ, находившуюся у него въ эту минуту въ карманѣ, увидавъ двинувшуюся къ нему толпу людей, приказалъ кучеру остановиться.

— Что за народъ? — крикнулъ онъ на людей, разрозненно и робко приближавшихся къ дрожкамъ.

— Что за народъ? Я васъ спрашиваю, — повторилъ полицеймейстеръ, не получившій отвѣта.

— Они, ваше благородіе, — сказалъ приказный во фризовой шинели. — Они, ваше благородіе, по объявленію сіятельнѣйшаго графа, не щадя живота, желали послужить; а не то, чтобы бунтъ какой, какъ сказано отъ сіятельнѣйшаго графа...

— Графъ не уѣхалъ, онъ здѣсь, и объ васъ распоряженіе будетъ, — сказалъ полицеймейстеръ. — Пошелъ! — сказалъ онъ кучеру.

Толпа остановилась, скучиваясь около тѣхъ, которые слышали то, что сказало начальство, и глядя на отъѣзжающія дрожки.

Полицеймейстеръ въ это время испуганно оглянулся, что-то сказалъ кучеру, и лошади поѣхали быстрѣе.

— Обманъ, ребята! Веди къ самому! — крикнулъ голосъ высокаго малаго. — Не пущай, ребята! Пущай отчетъ подастъ! Держи! — закричали голоса, и народъ бѣгомъ бросился за дрожками.

Толпа за полицеймейстеромъ съ шумнымъ говоромъ направилась на Лубянку.

— Что жъ, господа и купцы повыѣхали, а мы за то и пропадаемъ. Что жъ мы собаки, что ль! — слышалось чаще въ толпѣ...

Графъ Растопчинъ велѣлъ подавать лошадей, чтобы ѣхать въ Сокольники, и, нахмуренный, желтый и молчаливый, сложивъ руки, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ...

Полицеймейстеръ, котораго остановила толпа, вмѣстѣ съ адъютантомъ, который пришелъ доложить, что лошади готовы, вошли къ графу. Оба они были блѣдны, и полицеймейстеръ, передавъ объ исполненіи своего порученія, сообщилъ, что на дворѣ графа стояла огромная толпа народа, желавшаго его видѣть.

Растопчинъ, ни слова не отвѣчая, всталъ и быстрыми шагами направился въ свою роскошную, свѣтлую гостиную, подошелъ къ двери балкона, взялся за ручку, оставилъ ее и перешелъ къ окну, изъ котораго виднѣе была вся толпа. Высокій малый стоялъ въ переднихъ рядахъ и съ строгимъ лицомъ, размахивая рукой, говорилъ что-то. Окровавленный кузнецъ съ мрачнымъ видомъ стоялъ подлѣ него. Сквозь закрытыя окна слышенъ былъ гулъ голосовъ.

— Готовъ экипажъ? — сказалъ Растопчинъ, отходя отъ окна.

— Готовъ, ваше сіятельство, — сказалъ адъютантъ.

Растопчинъ опять подошелъ къ двери балкона.

— Да чего они хотятъ? — спросилъ онъ у полицеймейстера.

— Ваше сіятельство, они говорятъ, что собрались итти на французовъ по вашему приказанію, про измѣну что-то кричали. Но буйная толпа, ваше сіятельство. Я насилу уѣхалъ. Ваше сіятельство, осмѣлюсь предложить...

— Извольте итти, я безъ васъ знаю, что дѣлать, — сердито крикнулъ Растопчинъ.

Онъ стоялъ у двери балкона, глядя на толпу. „Вотъ что они сдѣлали съ Россіей! Вотъ что они сдѣлали со мной!“ думалъ Растопчинъ, чувствуя поднимающійся въ своей душѣ неудержимый гнѣвъ противъ кого-то того, кому можно было приписать причину случившагося. Какъ это часто бываетъ съ горячими людьми, гнѣвъ уже владѣлъ имъ, но онъ искалъ еще для него предмета. „La voilà la populace, la lie du peuple“, думалъ онъ, глядя на толпу: „la plèbe qu'ils ont soulevée par leur sottise. Ils leurs faut une victime“, [1]) пришло ему въ голову, глядя на размахи-

---

[1]) Вотъ она народная толпа, эти подонки населенія, чернь, которую они подняли своею глупостью! Имъ нужна жертва.

вающаго рукой высокаго малаго. И по тому самому это пришло ему въ голову, что ему самому нужна была эта жертва, этотъ предметъ для своего гнѣва.

— Готовъ экипажъ? — въ другой разъ спросилъ онъ.

— Готовъ, ваше сіятельство. Что прикажете насчетъ Верещагина? Онъ ждетъ у крыльца, — отвѣчалъ адъютантъ.

— А! — вскрикнулъ Растопчинъ, какъ пораженный какимъ-то неожиданнымъ воспоминаніемъ.

И, быстро отворивъ дверь, онъ вышелъ рѣшительными шагами на балконъ. Говоръ вдругъ умолкъ, шапки и картузы снялись, и всѣ глаза поднялись къ вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята! — сказалъ графъ быстро и громко. — Спасибо, что пришли. Я сейчасъ выйду къ вамъ, но прежде всего намъ надо управиться съ злодѣемъ. Намъ надо наказать злодѣя, отъ котораго погибла Москва. Подождите меня!

И графъ такъ же быстро вернулся въ покои, крѣпко хлопнувъ дверью.

По толпѣ пробѣжалъ одобрительный ропотъ удовольствія. „Онъ, значитъ, злодѣевъ управитъ усѣхъ! А ты говоришь — французъ... онъ тебѣ всѣ порядки укажетъ!“ говорили люди, какъ будто упрекая другъ друга въ своемъ маловѣріи.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ парадныхъ дверей поспѣшно вышелъ офицеръ, приказавъ что-то, и драгуны вытянулись. Толпа отъ балкона жадно подвинулась къ крыльцу. Выйдя гнѣвно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчинъ поспѣшно оглянулся вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то.

— Гдѣ онъ? — сказалъ графъ.

И въ эту минуту, какъ онъ сказалъ это, онъ увидалъ изъ-за угла дома выходившаго между двухъ драгунъ молодого человѣка съ длинной тонкой шеей, съ до половины выбритой и заросшей головой. Молодой человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ когда-то щегольской, крытый синимъ сукномъ, потертый лисій тулупчикъ и въ грязные посконные арестантскіе шаровары, засунутые въ нечищенные, стоптанные тонкіе сапоги. На тонкихъ, слабыхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы, затруднявшіе нерѣшительную походку молодого человѣка.

— А! — сказалъ Растопчинъ, поспѣшно отворачивая свой взглядъ отъ молодого человѣка въ лисьемъ тулупчикѣ и указывая на нижнюю ступеньку крыльца: — Поставьте его сюда!

Молодой человѣкъ, брянча кандалами, тяжело переступилъ на указываемую ступеньку, придержавъ пальцемъ нажимавшій воротникъ тулупчика, повернулъ два раза длинной шеей и, вздохнувъ, покорнымъ жестомъ сложилъ передъ животомъ тонкія, нерабочія руки.

Нѣсколько секундъ, пока молодой человѣкъ устанавливался на ступенькѣ, продолжалось молчаніе. Только въ заднихъ рядахъ сдавливающихся къ одному мѣсту людей слышались кряхтѣнье, стоны, толчки и топотъ переставляемыхъ ногъ.

Растопчинъ, ожидая того, чтобы онъ остановился на указанномъ мѣстѣ, хмурясь, потиралъ рукою лицо.

— Ребята! — сказалъ Растопчинъ металлически-звонкимъ голосомъ,—этотъ человѣкъ — Верещагинъ, — тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованное бритою головою молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной, тонкой шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ, и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу, и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ на лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго, и отъ него погибаетъ Москва, — говорилъ Растопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ

той же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:

— Своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго, становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило передъ ними, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя русскаго! — закричалъ Растопчинъ. — Руби! Я приказываю!

Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!.. — проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина. — Графъ, одинъ Богъ надъ нами... — сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица.

Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю!... — прокричалъ Растопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ! — крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и шатая поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и остановившейся поднятой рукой, стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби! — прошепталъ почти офицеръ драгунамъ.

И одинъ изъ солдатъ вдругъ съ исказившимся злобой лицомъ ударилъ Верещагина тупымъ палашомъ по головѣ.

„А!“ коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испу-

ганно оглядываясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано. Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ. „О, Господи!“ послышалось чье-то печальное восклицаніе.

Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Преступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній седьмой валъ, разбивающій карабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ эта послѣдняя неудержимая волна, донеслась до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслонясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ ноги навалившагося рвущаго народа.

Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И крики задавленныхъ людей и тѣхъ, которые старались спасти высокаго малаго, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны не могли освободить окровавленнаго, до полусмерти избитаго фабричнаго. И долго, несмотря на всю горячечную поспѣшность, съ которою толпа старалась довершить разъ начатое дѣло, тѣ люди, которые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; но толпа давила ихъ со всѣхъ сторонъ, съ ними въ срединѣ, какъ одна масса, колыхалась изъ стороны въ сторону и не давала имъ возможности ни добить, ни бросить его.

„Топоромъ-то бей, что ли!.. Задавили?.. Измѣнщикъ, Христа продалъ!.. Живъ... живущъ... По дѣламъ вору мука. Топоромъ-то!... Али живъ?“

Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ протяжнымъ хрипѣньемъ, толпа стала торопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Каждый подходилъ, взглядывалъ на то, что было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ.

„О Господи, народъ-то, что звѣрь; гдѣ же живому быть!“ слышалось въ толпѣ. „И малый-то молодой... должно, изъ купцовъ. То-то народъ!.. Сказываютъ — не тотъ... Какъ же не тотъ... О Господи!.. Другого избили; говорятъ, чуть живъ... Эхъ, народъ... кто грѣха не боится...“ говорили теперь тѣ же люди, съ болѣзненно-жалостнымъ выраженіемъ глядя на мертвое тѣло съ посинѣвшимъ, измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленной длинной, тонкой шеей.

Полицейскій старательный чиновникъ, найдя неприличнымъ присутствіе трупа на дворѣ его сіятельства, приказалъ драгунамъ вытащить тѣло на улицу. Два драгуна взялись за изуродованныя ноги и поволокли тѣло. Окровавленная, измазанная въ пыли, мертвая бритая голова на длинной шеѣ, подворачиваясь, волочалась по землѣ. Народъ жался прочь отъ трупа.

Въ то время, какъ Верещагинъ упалъ, и толпа съ дикимъ ревомъ стѣснилась и заколыхалась надъ нимъ, Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ, и, вмѣсто того, чтобы итти къ заднему крыльцу, у котораго ждали его лошади, онъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, опустивъ голову, быстрыми шагами пошелъ по коридору, ведущему въ комнаты нижняго этажа. Лицо графа было блѣдно, и онъ не могъ остановить трясущуюся, какъ въ лихорадкѣ, нижнюю челюсть.

— Ваше сіятельство, сюда... куда изволите?.. Сюда пожалуйте, — проговорилъ сзади его дрожащій, испуганный голосъ.

Графъ Растопчинъ не въ силахъ былъ ничего отвѣчать и, послушно повернувшись, пошелъ туда, куда ему указывали. У задняго крыльца стояла коляска. Далекій гулъ ревущей толпы слышался и здѣсь. Графъ Растопчинъ торопливо сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ свой загородный домъ въ Сокольникахъ.

Л. Толстой.

Глава VII.

Французы въ Москвѣ.

I.

Въ виду Москвы 2 сентября.

Сегодня утромъ за деревней Череповымъ, при нашемъ приближеніи къ Хорошеву, пока саперы перекидывали мостъ черезъ Москву-рѣку для третьяго перехода черезъ нее, кто-то изъ развѣдчиковъ, прикрывающихъ сбоку колонны, указалъ на одинъ холмъ... послѣдній!

Выражаясь ихъ словами, новый міръ открылся имъ. Прекрасная столица подъ лучами яркаго солнца горѣла тысячами цвѣтовъ: группы золоченыхъ куполовъ, высокія колокольни, невиданные памятники. Обезумѣвшіе отъ радости, хлопая въ ладоши, они, задыхаясь, кричатъ намъ: „Москва, Москва!“...

При имени Москвы, передаваемомъ изъ устъ въ уста, всѣ кучей бросаются и карабкаются по собственной охотѣ на холмъ, откуда мы услышали этотъ громкій крикъ. Каждому хочется первымъ увидать Москву. Лица освѣтились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся, и подымаемъ съ благодарностью руки къ небу; многіе плачутъ отъ радости, и отовсюду слышишь: „Наконецъ-то! Наконецъ-то Москва!“ Мы не устаемъ смотрѣть на огромный городъ съ его разнообразными и причудливыми формами, съ его куполами, крытыми свинцомъ или аспидомъ; дворцы съ цвѣтущими терассами, острыя башни, безчисленныя колокольни заставляютъ насъ думать, что мы на границѣ Азіи.

Отъ нетерпѣнья войти въ Москву мы, не дождавшись постройки моста, вбродъ переходимъ Москву-рѣку. Вице-король, видя настроеніе войскъ, даетъ своей кавалеріи приказъ тронуться; инфантерія слѣдуетъ за ней.

Наше сердце разрывается отъ радости по мѣрѣ приближенія; но насъ изумляетъ то, что всѣ окрестные дома покинуты такъ же, какъ и вездѣ, гдѣ мы проходили. Мы всматриваемся въ огромный городъ и не рѣшаемся вѣрить, что и онъ пустъ, какъ его окрестности.

Мы скорѣе склонны думать, что жители предмѣстій, устрашенные нашимъ приближеніемъ, массами укрылись въ столицу. Всякаго, высказывающаго предположеніе, что Москва покинута, сейчасъ же товарищи поднимаютъ на смѣхъ. И дѣйствительно, можно ли предположить, что столько роскошныхъ дворцовъ, великолѣпныхъ церквей, богатыхъ магазиновъ покинуты своими обитателями.

Бесѣдуя такъ, дошли мы до деревни Хорошево, находящейся въ разстояніи полуторы мили отъ Москвы. Колонна остановилась, чтобы прійти въ порядокъ, надѣть парадную форму и подождать возвращенія адъютанта вице-короля съ приказаніями отъ императора. Онъ насъ разочаровалъ. Наше вступленіе въ столицу царей было отложено на завтра.

Ц. Ложье.

II.

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

Подъѣхалъ самъ Наполеонъ. Онъ остановился въ восторгѣ, и радостное восклицаніе вырвалось изъ его устъ. Недовольные маршалы со времени Бородинскаго боя отдалились отъ него, но при видѣ плѣнной Москвы, при извѣстіи о прибытіи парламентера, они были поражены величіемъ достигнутаго и опьяненные энтузіазмомъ славы, забыли о своихъ распряхъ. Они толпились около императора, воздавая должное его счастью, и были готовы приписать его геніальной предусмотрительности ту нерадивость къ достиженію полной побѣды, которую онъ проявилъ 7 сентября [1]).

Но первыя движенія души Наполеона бывали непродолжительны. Слишкомъ много у него было заботъ для того, чтобы предаваться своимъ ощущеніямъ. Его первое восклицаніе было: „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!“ и затѣмъ онъ прибавилъ: „Давно пора!“

И его взоры, устремленные на эту столицу, выражали уже лишь одно нетерпѣніе. Ему казалось, что въ ней онъ видитъ все русское государство....

Между тѣмъ, безпокойство начало охватывать его. Справа и слѣва отъ него принцъ Евгеній и Понятовскій стали окружать непріятельскій городъ, впереди него Мюратъ, среди

---

[1]) По новому стилю (26 авг.).

Въ ожиданіи депутаціи. (Верешагина).

своихъ развѣдчиковъ, уже достигъ входа въ предмѣстье и тѣмъ не менѣе никакая депутація не появлялась, лишь офицеръ отъ Милорадовича пришелъ заявить, что этотъ генералъ подожжетъ городъ, если ему не дадутъ времени вывести оттуда свой арьергардъ.

Наполеонъ на все согласился. Первые ряды обѣихъ армій смѣшались на нѣсколько минутъ. Мюратъ былъ узнанъ казаками; эти послѣдніе съ непринужденностью кочевниковъ и подвижностью южанъ окружили его, выражая жестами и восклицаніями одобреніе его храбрости...

Между тѣмъ, день склонялся къ вечеру, а Москва оставалась мрачной, безмолвной и какъ бы безжизненной. Томленіе императора возрастало, становилось все труднѣе сдерживать нетерпѣливыхъ солдатъ. Нѣсколько офицеровъ проникли внутрь города: „Москва пуста!“

При этомъ извѣстіи, отвергнутомъ имъ съ негодованіемъ, Наполеонъ спустился съ Поклонной горы и приблизился къ Москвѣ-рѣкѣ у Дорогомиловской заставы. Здѣсь онъ еще подождалъ, но безполезно. Мюратъ торопилъ его: „Да входите же, сказалъ онъ, если они этого хотятъ!“ Онъ отдалъ приказаніе соблюдать строжайшую дисциплину; онъ все еще надѣялся: „Можетъ быть, эти жители не умѣютъ сдаваться; здѣсь все ново, какъ для насъ, такъ и для нихъ!“

Но тутъ послѣдовали рапорты одинъ за другимъ, подтверждая все то же. Французы, проживавшіе въ Москвѣ, рѣшились покинуть убѣжища, гдѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, они скрывались отъ ярости толпы; — они подтвердили роковое извѣстіе. Наполеонъ призвалъ Дарю и воскликнулъ: „Москва пуста! Какое невѣроятное событіе. Надо туда проникнуть. Идите, и приведите мнѣ бояръ!“ Онъ думалъ, что эти люди, охваченные гордостью или парализованные ужасомъ, неподвижно сидятъ у своихъ очаговъ, и онъ, который всюду встрѣчалъ покорность со стороны побѣжденныхъ, хотѣлъ возбудить ихъ довѣріе тѣмъ, что самъ явился выслушать ихъ мольбы.

Да и какъ можно было подумать, что столько пышныхъ дворцовъ, столько великолѣпныхъ храмовъ, столько богатыхъ складовъ были покинуты ихъ владѣльцами, подобно тому, какъ были брошены тѣ бѣдныя хижины, мимо кото-

рыхъ проходила французская армія? Между тѣмъ, Дарю вернулся ни съ чѣмъ. Ни одинъ москвичъ не показывался; ни одной струйки дыма не поднималось изъ трубъ домовъ; ни малѣйшаго шума не доносилось изъ этого обширнаго и многолюднаго города. Казалось, какъ-будто триста тысячъ жителей точно по волшебству были поражены нѣмой неподвижностью; это было молчаніе пустыни!

Но Наполеонъ былъ такъ настойчивъ, что заупрямился и все еще продолжалъ дожидаться. Наконецъ, одинъ офицеръ, не то желая выслужиться, не то будучи увѣренъ, что всѣ желанія императора должны быть исполнены, проникъ въ городъ, захватилъ пять-шесть бродягъ и, сидя верхомъ, пригналъ ихъ къ императору, воображая, что привелъ депутацію. При первыхъ же отвѣтахъ этихъ проходимцевъ, Наполеонъ убѣдился, что передъ нимъ не кто иной, какъ несчастные поденщики.

Тутъ только онъ окончательно убѣдился въ полномъ опустѣніи Москвы, и всѣ его надежды на этотъ счетъ рушились. Онъ пожалъ плечами и съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ все, что противорѣчило его желанію, онъ воскликнулъ: „А! русскіе еще не знаютъ, какія послѣдствія повлечетъ взятіе ихъ столицы!“

Графъ де-Сегюръ.

III.

Воробьевы горы.

Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ-ль ты царство устрояла,

Вѣнценосная Жена?
Для меня-ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ — мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно».
Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

А. Майковъ.

IV.

Вступленіе французовъ въ Москву.

Любопытствуя узнать, что дѣлается на большой Арбатской улицѣ, по которой, какъ я думалъ, непріятель долженъ входить, а онъ, напротивъ, вошелъ во всѣ заставы, которыя на сторонѣ къ городу Смоленску, то-есть, въ Дорогомиловскую, Прѣсненскую, Тверскую, Міузскую и другія, я взялъ съ собою чиновника и вышелъ изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнѣ ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ. Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрѣтили пьянаго господскаго человѣка, у котораго въ одной рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человѣкъ былъ въ самомъ безобразномъ видѣ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмѣхнувшись, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: „Вотъ видишь, что значитъ безначаліе“, и отошелъ уже отъ сего пьянаго нѣсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но въ слѣдъ за нимъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня крѣпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногѣ, я воротился и кой-какъ дотащился до Вотчиннаго Департамента.

Въ 4 часа пополудни пушечные выстрѣлы холостыми зарядами по Арбатской и другимъ улицамъ возвѣстили входъ непріятеля въ московскія заставы. Я считалъ выстрѣлы: ихъ было 18; звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ, и вскорѣ Троицкія ворота въ Кремлѣ, которыя были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены и нѣсколько польскихъ улановъ въѣхало въ Кремль черезъ оныя. Мѣсто это изъ оконъ Вотчиннаго Департамента видно, ибо нѣкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричалъ: „Вѣрно, это непріятель!“ — „Э, нѣтъ,“ — отвѣчалъ мой знакомый, пришедшій въ Департаментъ со мною проститься: — „это нашъ аріергардъ отступающій“. Но увидѣли мы, что въѣхавшіе уланы стали рубить стоящихъ у арсенала нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ, которое изъ онаго только что взяли, и уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію не годящихся, забрали людей и засадили ихъ въ новостроящуюся Оружейную палату. Я заперъ входъ и выходъ въ Вотчинный Департаментъ, взялъ ключи къ себѣ и приставилъ къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, при Департаментѣ служащихъ, приказавъ тотчасъ увѣдомить меня, коль скоро кто будетъ стучаться.

Вскорѣ, за передовыми польскими уланами стала входить и непріятельская конница: впереди ѣхалъ генералъ, и музыка гремѣла. Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ Департаментѣ, показывало 4½ часа. Это войско входило въ Троицкія и Боровицкія ворота, проходило мимо сенатскаго зданія и вышло въ Китай-городъ черезъ Спасскія ворота; шествіе этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерокъ безпрерывно. Ввезена въ Кремль пушка и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; вѣроятно, сей выстрѣлъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидныхъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ Департаментъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что кто-то стучится крѣпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые остались на квартирѣ. Они сказали, что

непріятель овладѣлъ ужъ совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, взошло около 40 человѣкъ, но что имъ никакой обиды сдѣлано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москательнаго ряда освѣтило комнаты Департамента такъ, что никакой надобности не было въ свѣчахъ. Круглый въ сенатскомъ зданіи дворъ занятъ непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ Департамента, что нѣсколько человѣкъ бѣгало съ огнемъ по комнатамъ, въ которыхъ присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на дворъ для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава Богу, никто изъ непріятелей не входилъ въ Вотчинный Департаментъ, и какъ я самъ, такъ и всѣ, бывшіе при мнѣ, оставались спокойны.

А. Бестужевъ-Рюминъ.

V.

Письмо приказчика Максима Сокова къ И. Р. Баташову.

Милостивый государь Иванъ Родіоновичъ!

2 сентября въ 5-мъ часу вечера вступили въ Москву французскія войска. Король Неапольскій, ведя авангардъ на Коломенскую дорогу, остановился у вашего дома, будучи верхомъ; увѣрялъ всѣхъ насъ, чтобъ мы ни малѣйшихъ обидъ не страшились. Назначилъ своею квартирою вашъ домъ, поставилъ большой караулъ и, проводя за заставу многочисленную кавалерію, составляющую страшный авангардъ, въ 7-мъ часу вечера возвратился въ домъ вашъ съ 30 генералами и множествомъ чиновниковъ [1]). Для всѣхъ приготовили мы ужинъ, нарочито сытный; только бѣлаго хлѣба и калачей найти было не можно, ибо калашни и хлѣбни во всей Москвѣ были разбиты и хозяевами оставлены, почему и былъ только черный ржаной хлѣбъ. Королю же нашелъ

---

[1]) Росту онъ высокаго, довольно стройный, волосы свѣтло-русые, локонами по плечамъ, четверти на двѣ разложенные, въ зеленой коротенькой матеревой туникѣ; брусничные панталоны, синіе чулки и коротенькіе сапожки съ шпорами, шляпа трехугольная съ плюмажемъ, и тоненькое, бѣлое, въ три четверти вышиною, перо; тихъ, и глаза ласковые; но, говорятъ, что онъ генералъ неустрашимѣйшій и первый всегда въ огнѣ.

четверть сайки у дворовыхъ дѣтей. Генералы сперва гнѣвались и говорили, что свиньи только кушаютъ такой хлѣбъ; однакожъ, бывъ голодны, принялись и за него. Король, войдя въ домъ, потребовалъ меня, какъ вашего приказчика. Явясь я со свѣчей въ рукахъ, провожалъ его по парадному этажу черезъ всѣ покои... Ему подали кушать въ красную гостиную одному, а генераламъ и прочимъ въ столовой залѣ. Свита безчисленная. Ужинъ кончился. Всякій генералъ требовалъ пышной постели, всякій—особый покой; покоевъ много, но постелей набрать было негдѣ, ибо на холопской постели спать никто не хотѣлъ, а потому съ угрозами всякій требовалъ такой, какой кому

Іоахимъ Мюратъ, король неаполитанскій.

хотѣлось. Всю ночь насъ, какъ кошекъ за хвостъ, то туда, то сюда таскали. Свѣчи горѣли всю ночь и въ люстрахъ, и въ лампахъ. Оставить было опасно, а гасить не посмѣли, потому всю ночь бродили мы, какъ тѣни. Король спалъ въ спальнѣ, дежурные генералы въ диванныхъ и гостиныхъ, и верхній этажъ былъ полонъ чиновниковъ свиты королевской. Въ 9-мъ часу вечера загорѣлись скобяные и москательные ряды и новый гостиный дворъ; за Яузскимъ мостомъ домъ Лапина и подлѣ его другой, деревянный. Къ утру 3-го сентября у насъ на горѣ подлѣ Кирпичова и внизъ къ Яузѣ деревянные домы занялись также, и Сикеринская фабрика близка была къ пожару, Архидіаконскія богадѣльни и поповскіе домы; но наши люди, защищая конюшни свои и магазины, не допустили загорѣться ни богадѣльнямъ, ни поповскимъ домамъ, и пожаръ 3-го числа по утру тѣмъ кончился. Домы до Яузы съ горы всѣ сгорѣли, а гостиный

дворъ все еще дышалъ пламенемъ. Мы вторникъ, то-есть 3-е число, провели въ величайшихъ суетахъ, ибо какъ проснулись чиновники, то требовалъ всякой того, чего кто хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, шампанскаго, бургонскаго, водки, рейнвейна и бѣлаго хлѣба... Пожаръ сильный свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую Слободу и около Ильи Пророка. Ночь была тожъ страшная отъ пожаровъ и войскъ французскихъ. Въ среду, 4-го сентября, король, пообѣдавъ, поѣхалъ въ поле верхомъ къ арміи. Вѣтеръ подулъ съ запада самый жесточайшій, съ сильными и необыкновенными порывами; загорѣлись домы за Москвой-рѣкой отъ Каменнаго моста, и пожаръ столь сдѣлался ужасенъ, что никакъ описать невозможно... Я, видя, что спасенія нѣтъ ниоткуда, собравъ свои оставшіяся бумаги, отнесъ подъ контору, въ чаяніи, что пожаръ тамъ не проникнетъ ихъ, и прочее нужное туда убравъ, гдѣ многихъ семействъ были сундуки и крохи, прибѣжалъ къ трепещущимъ моимъ сотоварищамъ дворовымъ, кои, собравшись въ саду, какъ устрашенные агнцы, въ кучкѣ ожидали съ сухарями на плечахъ моего прибытія; не знали, гдѣ мы можемъ не сгорѣть, рѣшились и пошли всѣ; кто былъ обременъ дѣтями, кто хлѣбами и сухарями, кто лоскутьями и одежонкою, ибо не могли знать, куда мы должны будемъ прибѣгнуть по разрушеніи дома. Пошли чрезъ Яузу на Хованскую гору; тутъ на переходахъ солдаты французскіе начали проходящихъ грабить, у кого что было, остановили и меня. Я рвался и думалъ броситься съ переходовъ въ воду, ибо у меня было въ карманахъ 1,200 руб. ассигнацій; но явился въ рѣкѣ верховой солдатъ, вынулъ пистолетъ, прицѣлился стрѣлять въ меня; товарищи мои, глядя съ другого берега на мое положеніе, трепетали. Стоящій солдатъ на переходахъ вынулъ изъ кармана моего свертокъ ассигнацій отъ 4-хъ до 500, развернулъ, въ тожъ время сильный вѣтеръ вырвалъ изъ рукъ его ассигнаціи и разсѣялъ въ грязь и воду Яузы. Верховой кричалъ чтобы съ переходовъ сошелъ и, ему ихъ собравъ, подалъ. На переходахъ стоящій держалъ меня и не пускалъ, однакожъ я вырвался, спрыгнулъ къ разсыпаннымъ ассигнаціямъ и вмѣсто, чтобъ собирать ихъ, побѣжалъ съ остальными чрезъ воду къ кучкѣ нашихъ

странниковъ; солдаты за мною не погнались и, видно, потому, что не хотѣли одинъ другому оставить разсѣянныхъ ассигнацій, а потому мы спокойно достигли на гору въ кусты. Здѣсь къ ужасу усмотрѣли бѣглыхъ и раненыхъ русскихъ солдатъ или мародеровъ, и послѣ узнали, что они жили грабежомъ проходящихъ; однакожъ, какъ насъ было много, то и не смѣли насъ до ночи грабить... На той сторонѣ Яузы, гдѣ мы укрывались, тожъ все занялося, и пламя объяло всю Москву, слилось, клубилось и все пожирало безъ изъятія; воздухъ наполнился несноснымъ смрадомъ, и атмосфера, какъ мутная вода, летающею золою, отъ чего у всѣхъ насъ глаза налилися кровію, и мы едва другъ друга узнавали, несмотря что ночь отъ пламени была свѣтла, какъ мрачный день... Мы отдѣлились отъ всѣхъ и, посадя въ гряды капусты дѣтей и женщинъ, стояли вокругъ ихъ на караулѣ и черезъ четверть часа услыхали стенящаго человѣка за сто отъ насъ шаговъ; ребятъ нашихъ часть туда побѣжали и увидали, что русскіе раненые и бѣглые солдаты не только ограбили бѣднаго обывателя, руки и ноги переломали, но и старались убить до смерти... Я, прибавя команды, съ нею отправился съ дубьемъ въ рукахъ къ укрывшимся разбойникамъ, нашли 12 человѣкъ, лежащихъ по травѣ и кустамъ съ подвязанными руками и съ связанными головами; тутъ же и тѣ самые, кои только что ограбили и убили обывателя; ребята мои, озлобясь, ударили въ дубье, и мнимо-раненые вскоча хотѣли бѣжать, но были въ атакѣ и прибиты жестоко... Послѣ сего начало свѣтать, и пламя казалось утомленнымъ. Домы наши и прочіе жалкую изображали картину разрушенія. 5-го числа утромъ въ 5 часовъ прибрели мы всѣ къ своему дому, расположились всѣ въ саду, тутъ же нѣсколько десятковъ постороннихъ столь же несчастныхъ упросили со слезами принять ихъ въ наше бѣдное общество, что съ общаго согласія и было принято. И насъ по саду и по бесѣдкамъ собралось до 150-ти человѣкъ. Съ трудомъ можно было пробраться на большой дворъ, ибо нагорѣлыя стѣны дышали несноснымъ жаромъ, однакожъ по улицѣ въ большія ворота достигъ я большого двора. Тутъ увидѣлъ, что главнаго корпуса верхній и парадный этажи превращены въ груды камней, нижній же этажъ весь уцѣлѣлъ; мы сердечно

тому были обрадованы въ чаяніи, что можемъ укрыться отъ стужи и непогоды; но войти въ покои было невозможно, ибо каменные своды и на нихъ кирпичъ и щебень наваленные составляли въ покояхъ нижняго этажа смертельный жаръ... И такъ въ сей же день 5-го сентября начался всеобщій грабежъ. Съ разсвѣтомъ дня, я первый, будучи у большихъ воротъ, взятъ четверыми солдатами, кои сняли сапоги, камзолъ и штаны, и съ ними остальныхъ лишился ассигнацій. Потомъ на всю нашу бѣдную артель солдаты, какъ саранча, напали и каждаго обнажили и ограбили. Въ покояхъ тоже, что отъ пламени уцѣлѣло, грабили и били. Кладовыя всѣ и сундуки разбили и все пограбили, что ни было, укладывали иные въ фуры и увозили. Въ магазинѣ не только двери разбиты, но и стѣны въ двухъ мѣстахъ проломаны... и товары разбросаны, кои, стараясь спасти, много разъ мы собирали и запирали для того, чтобъ обыватели не тащили; но французы новые, видя запертой амбаръ, всегда замки сбивали въ чаяніи найти добычу; но, не найдя, бросали распертой амбаръ, изъ коего жители тащили вязанками, что ни попало... Въ сей день 5-го сентября непрестанно всѣхъ насъ грабили и раздѣвали каждаго по 10-ти и болѣе разъ. Я и многіе къ ночи остались безъ рубашекъ и босые; я провелъ ночь въ одной худой шубенкѣ, впрочемъ нагъ и босъ. 6-го сентября день тожъ начался грабежомъ одинакимъ, отнимали даже изъ рукъ куски хлѣба, ибо уже одежды ни на комъ, кромѣ лохмотьевъ и рогожъ, на насъ не было... 7-го, 8-го, 9-го и 10-го поступали съ нами одинаково и раздѣвать лохмотья наши не переставали; и день, и ночь отдыху не было, одни только уходятъ, другіе являются. 11-го пошелъ я къ королю просить защиты, онъ отъ насъ переѣхалъ квартировать въ домъ Разумовскаго, что на Гороховомъ полѣ у Вознесенья; по приказу его написанъ мнѣ аттестатъ и рекомендація коменданту защищать домъ вашъ, меня и людей при мнѣ. Комендантъ на томъ же аттестатѣ подписалъ, чтобъ вездѣ меня не обижали и домъ и домашнихъ нашихъ не грабили. На офицеровъ билетъ сей дѣйствовалъ, но солдаты, не смотря, грабить продолжали съ одинаковымъ звѣрствомъ. Потомъ 13 всѣ ваши дворы и сады наполнились обозами съ больными и ранеными, всѣхъ насъ почти вытѣснили изъ нашихъ убѣ-

жищъ, и мы переколачивались гдѣ день, гдѣ ночь, въ ожиданіи къ лучшему перемѣны. Сказали, что и полиція учреждена, но грабежи не переставали. Оставалась одна надежда на миръ; но о немъ и слуху нѣтъ. Хлѣба нигдѣ достать не можно, да и впредь надежды не видать, ибо иной пожженъ, иной забранъ войсками, а съ полей возятъ отъ всѣхъ сторонъ снопами для лошадей...

VI.

Великая панихида.

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую —
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Н. Щербина.

VII.

Пожаръ Москвы 1812 года.

Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобой въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы!
То — солнце твоего заката.
Москва — побѣдъ твоихъ предѣлъ!
Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лилъ слезы ледяныя,
И тщетно! — Ты ее узрѣлъ.
И что-жъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы,
Все рушилось, все пожирало пламя!

Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокій въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей
Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменныя—князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась!

Вулканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна съ Геклой кажутся ничѣмъ;
Везувія предъ нимъ блѣднѣетъ слава:
Онъ только жалкая забава
Туриста празднаго! — Лишь тотъ
Грядущій огнь съ тобой сравнится,
Въ которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ.

Лордъ Д. Байронъ.

VIII.

Первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ.

— Вѣра Артамоновна, ну, разскажите мнѣ еще разокъ, какъ французы приходили въ Москву, — говаривалъ я, потягиваясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной, чтобы я не вывалился, и завертываясь въ стеганое одѣяло.

— И! Что это за разсказы, ужъ сколько разъ слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встаньте, — отвѣчала обыкновенно старушка, которой столько же хотѣлось повторить свой любимый разсказъ, сколько мнѣ его слушать.

— Да вы немножко разскажите... Ну, какъ же вы узнали, ну, съ чего же началось?

— Такъ и началось. Папенька-то вашъ, знаете какой, все въ долгой ящикъ откладываетъ; собирался, собирался, да вотъ и собрался! Всѣ говорили, пора ѣхать, чего ждать, почитай въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ [1]) переговариваютъ, какъ вмѣстѣ ѣхать: то тотъ не готовъ, то другой. Наконецъ-таки мы уложились, и коляска была готова; господа сѣли завтракать, вдругъ нашъ кухмистръ вошелъ въ столовую, такой блѣдный, да и докладываетъ: „непріятель въ Драгомиловскую [2]) заставу вступилъ“, такъ у насъ у всѣхъ сердце и опустилось, сила, молъ, крестная съ нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотримъ—а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли, вотъ вашъ папенька и остался у праздника, да и вы съ нимъ; васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила, такіе были тщедушные да слабые.

И я съ гордостью улыбался, довольный, что принималъ участіе въ войнѣ.

— Сначала еще шло кое-какъ, первые дни, т.-е. ну такъ, бывало, взойдутъ два-три солдата и показываютъ, нѣтъ ли выпить; поднесемъ имъ рюмочки, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ, да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ видите, какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны [3]), домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ говоритъ, пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко во дворѣ, стѣны капитальныя; пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ, тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть; добрались мы, наконецъ, до Голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышитъ — огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ, знаете, большой садъ, мы туда, думаемъ, тамъ останемся сохранны; сѣли пригорюнившись по скамеечкамъ, вдругъ откуда ни

---

[1]) Голохвастовъ, мужъ сестры отца А. И., Яковлева.

[2]) Дорогомиловскую.

[3]) Хованской, родственницы Яковлевыхъ.

возьмись ватага солдатъ, препьяныхъ, одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожный тулупчикъ скидывать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хвать, — такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался; другіе принялись за насъ, одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы, развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ, видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно озорникъ изорвалъ пеленки, да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдали? Онъ сильно любилъ выпить, и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ; повязалъ себѣ саблю, такъ и ходилъ. Графъ Растопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ: возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: „Лошадь наша, я тебѣ ее не дамъ“. Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да, видно, онъ не былъ заряженъ; баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему: „Оставь лошадь, не твое дѣло“. Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ его по головѣ, драгунъ-то покачнулся, а онъ его еще и еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть: какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ; лошадь его стоитъ, ни съ мѣста и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню, должно-быть, она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой, пожаръ-то все страшнѣе и страшнѣе; измученные, не ѣвши, взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ: „Выходите, выходите, огонь, огонь!“ Тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ ночного вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади, тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшій жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ, караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у

кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете, бой-дѣвка; она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ: маленькому молъ м а н ж е; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово, да и говорятъ а л е, а л е; а она ихъ ругать, экіе молъ окаянные, такіе-сякіе; солдаты ничего не поняли а таки вспрыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мужчинъ забралъ и вашего папеньку тоже, оставилъ однѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича, и повелъ ихъ тушить окольные дома. Такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидимъ и плачемъ, да и только. Въ сумерки приходитъ баринъ и съ нимъ какой-то офицеръ...

Позвольте мнѣ смѣнить старушку и продолжать ея разсказъ.

Мой отецъ, окончивъ свою брандъ-маіорскую должность, встрѣтилъ у Страстного монастыря эскадронъ итальянской конницы, пошелъ къ ихъ начальнику и разсказалъ ему по-итальянски, въ какомъ положеніи находится семья. Итальянецъ, услышавъ Ia sua dolce favella, обѣщалъ переговорить съ герцогомъ Тревизскимъ и предварительно поставить часового въ предупрежденіе дикихъ сценъ въ родѣ той, которая была въ саду Голохвастова. Съ этимъ приказаніемъ онъ отправилъ офицера съ моимъ отцомъ. Услышавъ, что вся команда второй день ничего не ѣла, офицеръ повелъ всѣхъ въ разбитую лавку; цвѣточный чай и левантскій кофе были выброшены на полъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ финиковъ, винныхъ ягодъ, миндаля; люди наши набили себѣ ими карманы; въ дессертѣ недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезенъ: десять разъ ватаги солдатъ придирались къ несчастной кучкѣ женщинъ и людей, расположившихся на кочевье въ углу Тверской площади, но тотчасъ уходили по его приказу.

Мортье вспомнилъ, что онъ зналъ моего отца въ Парижѣ, и доложилъ Наполеону; Наполеонъ велѣлъ на другое утро представить его себѣ. Въ синемъ поношеномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ, нѣсколько дней не чищенныхъ, въ черномъ бѣльѣ съ небритой бородой, мой отецъ — поклонникъ

приличій и строжайшаго этикета — явился въ тронную залу кремлевскаго дворца по зову императора французовъ...

Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписывали глубокій смыслъ, пока не догадались, что смыслъ ихъ очень часто былъ пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растопчина за пожаръ, говорилъ, что это былъ вандализмъ, увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру, толковалъ, что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ къ Воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на Александра, говорилъ, что онъ дурно окруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны императору.

Отецъ мой замѣтилъ, что предложить миръ скорѣе дѣло побѣдителя.

— Я сдѣлалъ, что могъ, я посылалъ къ Кутузову, онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры и не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина, — будетъ имъ война.

Послѣ всей этой комедіи отецъ мой попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— Я пропусковъ не велѣлъ никому давать, зачѣмъ вы ѣдете? чего вы боитесь? я велѣлъ открыть рынки!

Императоръ французовъ въ это время, кажется, забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ и что жить на Тверской площади среди непріятельскихъ солдатъ не изъ самыхъ пріятныхъ. Отецъ мой замѣтилъ это ему. Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— Возьметесь ли вы доставить императору письмо отъ меня? На этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими.

— Я принялъ бы предложеніе вашего величества, — замѣтилъ ему мой отецъ, — но мнѣ трудно ручаться.

— Даете ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо?

— Je m'engage sur mon honneur, Sire.

— Это довольно. Я пришлю за вами. Имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужду?

— Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ.

— Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ.

Мортье дѣйствительно далъ комнату въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортье прислалъ за моимъ отцомъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

Пожаръ достигъ въ эти дни страшныхъ размѣровъ: накалившійся воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимымъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый; онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ и что тутъ не отдѣлаешься такою шуткою, какъ въ Египтѣ. Планъ войны былъ нелѣпъ, это знали всѣ, кромѣ Наполеона: Ней и Нарбонъ, Бертье и простые офицеры; на всѣ возражанія онъ отвѣчалъ кабаллистическимъ словомъ: „Москва“; въ Москвѣ догадался и онъ.

Когда мой отецъ взошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: „Я полагаюсь на ваше честное слово“. На конвертѣ было написано: à mon frère l'empereur Alexandre.

Пропускъ, данный моему отцу, до сихъ поръ цѣлъ; онъ подписанъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Лесепсомъ. Нѣсколько постороннихъ, узнавъ о пропускѣ, присоединились къ намъ, прося моего отца взять ихъ подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для больного старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пѣшкомъ. Нѣсколько уланъ верхами провожали насъ до русскаго арьергарда, въ виду котораго они пожелали счастливаго пути и поскакали назадъ. Черезъ минуту казаки окружили странныхъ выходцевъ и повели въ главную квартиру арьергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV.

Винценгероде, узнавъ о письмѣ, объявилъ моему отцу, что онъ его немедленно отправитъ съ двумя драгунами къ государю въ Петербургъ...

Отца моего повезли на фельдъегерскихъ по тогдашнему фашиннику...

Отца моего привезли прямо къ Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ спросилъ письмо, отецъ мой сказалъ о своемъ честномъ словѣ лично доставить его; графъ обѣщалъ спросить у государя и на другой день письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма онъ далъ расписку (и она цѣла). Съ мѣсяцъ отецъ мой оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева; къ нему никого не пускали; одинъ А. С. Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, разспросить о подробностяхъ пожара, вступленія непріятеля и свиданія съ Наполеономъ; онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ, Аракчеевъ объявилъ моему отцу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ у непріятельскаго начальства, что извинялось крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, не видавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься.

А. Герценъ.

IX.

Наполеонъ о московскомъ пожарѣ.

„Черезъ два дня послѣ нашего прибытія начался пожаръ. Сначала онъ не казался опаснымъ, и мы думали, что онъ возникъ отъ солдатскихъ огней, разведенныхъ слишкомъ близко къ домамъ, почти сплошь деревяннымъ. Это обстоятельство меня взволновало, и я отдалъ командирамъ полковъ строжайшіе приказы по этому поводу. На слѣдующій день огонь увеличился, но еще не вызвалъ серьезной тревоги. Однако, боясь его приближенія къ намъ, я выѣхалъ верхомъ и самъ распоряжался его тушеніемъ. На слѣдующее утро поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ огромной быстротой. Сотни бродягъ, нанятыхъ для этой цѣли, разсѣялись по разнымъ частямъ города и спрятанными подъ полами головешками поджигали дома, стоявшіе на вѣтру,—это было легко, въ виду воспламеняемости построекъ. Это обстоятельство да еще сила вѣтра дѣлали

напрасными всѣ старанія потушить огонь. Трудно было даже выбраться изъ него живымъ. Чтобы увлечь другихъ, я подвергался опасности, волосы и брови мои были обожжены, одежда горѣла на мнѣ. Но всѣ усилія были напрасны, такъ какъ оказалось, что большинство пожарныхъ трубъ испорчено. Ихъ было около тысячи, а мы нашли среди нихъ, кажется, только одну пригодную. Кромѣ того бродяги, нанятые Растопчинымъ, бѣгали повсюду, распространяя огонь головешками, а сильный вѣтеръ еще помогалъ имъ. Этотъ ужасный пожаръ все разорилъ. Я былъ готовъ ко всему, кромѣ этого. Одно это не было предусмотрѣно: кто бы подумалъ, что народъ можетъ сжечь свою столицу? Впрочемъ жители дѣлали все возможное, чтобы его потушить. Нѣкоторые даже погибли при этомъ. Они приводили къ намъ многихъ поджигателей съ головешками, потому что мы никогда бы не узнали ихъ среди этой черни. Я велѣлъ разстрѣлять около двухсотъ поджигателей... Нѣсколькихъ генераловъ огонь поднялъ съ постелей“,—продолжалъ онъ. „Я самъ оставался въ Кремлѣ до тѣхъ поръ, пока пламя окружило меня. Огонь распространялся и скоро дошелъ до китайскихъ и индѣйскихъ магазиновъ, потомъ до складовъ масла и спирта, которые загорѣлись и захватили все. Тогда я уѣхалъ въ загородный дворецъ императора Александра, въ разстояніи приблизительно около мили отъ Москвы, и вы, можетъ быть, представите себѣ силу огня, если я вамъ скажу, что трудно было прикладывать руку къ стѣнамъ или окнамъ со стороны Москвы, такъ эта часть была нагрѣта пожаромъ. Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими, горы краснаго крутящагося пламени, какъ огромныя морскія волны, вдругъ вскидывались, подымались къ пылающему небу и падали затѣмъ въ огненный океанъ. О! это было величественнѣйшее и самое устрашающее зрѣлище, когда-либо виданное человѣчествомъ!!!“

О'Мэара.

X.

Уходъ Наполеона изъ Москвы отъ пожара.

Наполеонъ, завладѣвшій, наконецъ, дворцомъ царей, упорствовалъ, не желая уступать его даже огню, какъ вдругъ

Сквозь пожаръ. (Верещагина).

раздался крикъ: „Пожаръ въ Кремлѣ!“ Крикъ этотъ переходилъ изъ устъ въ уста и вывелъ насъ изъ созерцательнаго оцѣпенѣнія, въ которое мы впали прежде. Императоръ вышелъ, чтобы взвѣсить опасность. Огонь дважды охватывалъ строеніе, въ которомъ находился императоръ, и его дважды удавалось погасить; но башня надъ арсеналомъ все еще горѣла. Въ ней нашли солдата русской полиціи. Когда его привели къ Наполеону, императоръ заставилъ разспросить его въ своемъ присутствіи. Этотъ русскій и былъ поджигателемъ; онъ исполнилъ предписаніе, замѣтивъ сигналъ, поданный начальствомъ. Итакъ, все было обречено разрушенію, даже древній священный Кремль!

Императоръ сдѣлалъ презрительное и недовольное движеніе, и несчастнаго отвели въ первый дворъ, гдѣ вышедшіе изъ себя гренадеры пронзили его своими штыками.

Все это заставило Наполеона рѣшиться. Онъ поспѣшно спустился по сѣверной лѣстницѣ, извѣстной по происшедшей когда-то тамъ казни стрѣльцовъ, и приказалъ везти себя за городъ по петербургской дорогѣ въ императорскій Петровскій дворецъ, находившійся на разстояніи одной мили отъ Москвы.

Но насъ окружалъ цѣлый океанъ пламени: оно охватывало всѣ ворота крѣпости и мѣшало намъ выбраться изъ нея. Тогда наши послѣ долгихъ поисковъ нашли возлѣ груды камней подземный ходъ, выводившій къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ этотъ узкій проходъ Наполеону съ его офицерами и гвардіей удалось выбраться изъ Кремля. Но и этотъ выходъ не избавлялъ ихъ отъ опасности: приблизившись къ мѣсту пожара, они не могли ни отступить, ни остановиться, а разстилавшееся передъ ними огненное море не позволяло имъ продвигаться впередъ. Тѣ же изъ нашихъ, которые раньше ходили по городу, теперь, оглушенные бурей пожара, ослѣпленные пепломъ, не узнавали мѣстности, да и кромѣ того сами улицы исчезли въ дыму и обратились въ груды развалинъ.

И, тѣмъ не менѣе, слѣдовало торопиться. Вокругъ насъ ежеминутно возрасталъ ревъ пламени. Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нами, но и она была скорѣе входомъ въ этотъ

адъ, нежели выходомъ изъ него. Императоръ пѣшій безъ колебанія бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди треска костровъ, грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленнаго желѣза. Всѣ эти обломки затрудняли движеніе. Огненные языки, съ трескомъ пожиравшіе строенія, то взвивались къ небу, то почти касались нашихъ головъ. Мы подвигались по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, межъ двухъ огненныхъ стѣнъ. Нестерпимый жаръ палилъ наши глаза, но намъ нельзя было даже зажмуриться, такъ какъ опасность заставляла смотрѣть впередъ. Дышать этимъ раскаленнымъ воздухомъ было почти невозможно. Наши руки были опалены, потому что приходилось то защищать лицо отъ огня, то отбрасывать горящія головешки, ежеминутно падавшія на наши одежды.

И въ то самое время, когда лишь быстрое движеніе впередъ могло быть нашимъ единственнымъ спасеніемъ, нашъ проводникъ въ смущеніи остановился, и тутъ, казалось, долженъ былъ наступить конецъ нашей полной приключеній жизни, какъ вдругъ солдаты перваго корпуса, занимавшіеся грабежомъ, распознали императора посреди вихря пламени, подоспѣли на помощь и вывели его къ дымящимся развалинамъ одного квартала, который еще съ утра обратился въ пепелъ.

Тамъ мы встрѣтили принца Экмюльскаго. Этотъ маршалъ, израненный при Бородинѣ, велѣлъ нести себя черезъ огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ восторженно бросился въ объятія императора, который встрѣтилъ его довольно привѣтливо, но съ хладнокровіемъ, не покидавшимъ его въ минуту опасности.

Чтобы окончательно избавиться отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, пришлось миновать еще послѣднюю опасность — пройти мимо длиннаго обоза съ порохомъ, продвигавшагося среди огня и, наконецъ, только къ ночи удалось добраться до Петровскаго дворца.

На другой день, утромъ 17 сентября, Наполеонъ первымъ дѣломъ обратилъ свои взоры на Москву, надѣясь, что пожаръ затихъ. Но пожаръ бушевалъ по-прежнему: весь городъ казался громаднымъ огненнымъ столбомъ, вздымавшимся къ небу и окрашивавшимъ его яркимъ заревомъ.

Погруженный въ созерцаніе этого страшнаго зрѣлища, онъ нарушилъ свое мрачное и продолжительное молчаніе восклицаніемъ: „Это предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!“

Графъ де-Сегюръ.

XI.

Разстрѣлъ „поджигателей“.

Отъ дома князя Щербатова плѣнныхъ повели прямо внизъ по Дѣвичьему полю, лѣвѣе Дѣвичьяго монастыря, и подвели къ огороду, на которомъ стоялъ столбъ. За столбомъ была вырыта большая яма съ свѣже-выкопанной землею, и около ямы и столба полукругомъ стояла большая толпа народа. Толпа состояла изъ малаго числа русскихъ и большого числа наполеоновскихъ войскъ внѣ строя: нѣмцевъ, итальянцевъ и французовъ въ разнородныхъ мундирахъ. Справа и слѣва столба стояли фронты французскихъ войскъ въ синихъ мундирахъ съ красными эполетами, въ штиблетахъ и киверахъ.

Преступниковъ разставили по извѣстному порядку, который былъ въ спискѣ (Пьеръ стоялъ шестымъ), и подвели къ столбу. Нѣсколько барабановъ вдругъ ударили съ двухъ сторонъ, и Пьеръ почувствовалъ, что съ этимъ звукомъ какъ-будто оторвалась часть его души. Онъ потерялъ способность думать и соображать. Онъ только могъ видѣть и слышать. И только одно желаніе было у него — желаніе, чтобы поскорѣе сдѣлалось что-то страшное, что должно было быть сдѣлано. Пьеръ оглядывался на своихъ товарищей и разсматривалъ ихъ.

Два человѣка съ края были бритые острожные. Одинъ высокій, худой; другой черный, мохнатый, мускулистый, съ приплюснутымъ носомъ. Третій былъ дворовый, лѣтъ 45-ти, съ сѣдѣющими волосами и полнымъ, хорошо откормленнымъ тѣломъ. Четвертый былъ мужикъ, очень красивый, съ окладистой русой бородой и черными глазами. Пятый былъ фабричный, желтый, худой малый лѣтъ 18-ти, въ халатѣ.

Пьеръ слышалъ, что французы совѣщались, какъ стрѣлять, по одному или по два. „По два“, холодно-спокойно отвѣчалъ старшій офицеръ. Сдѣлалось передвиженіе въ ря-

дахъ солдатъ, и замѣтно было, что всѣ торопились; и торопились не такъ, какъ торопятся, чтобы сдѣлать понятное для всѣхъ дѣло, но такъ, какъ торопятся, чтобы окончить необходимое, но непріятное и непостижимое дѣло.

Чиновникъ-французъ въ шарфѣ подошелъ къ правой сторонѣ шеренги преступниковъ и прочелъ по-русски и по-французски приговоръ.

Потомъ двѣ пары французовъ подошли къ преступникамъ и взяли, по указанію офицера, двухъ острожныхъ, стоявшихъ съ края. Острожные, подойдя къ столбу, остановились и, пока принесли мѣшки, молча смотрѣли вокругъ себя, какъ смотритъ подбитый звѣрь на подходящаго охотника. Одинъ все крестился, другой чесалъ спину и дѣлалъ губами движеніе, подобное улыбкѣ. Солдаты, торопясь руками, стали завязывать имъ глаза, надѣвать мѣшки и привязывать къ столбу.

12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ ружьями мѣрнымъ твердымъ шагомъ вышли изъ-за рядовъ и остановились въ 8-ми шагахъ отъ столба. Пьеръ отвернулся, чтобы не видать того, что будетъ. Вдругъ послышался трескъ и грохотъ, показавшіеся Пьеру громче самыхъ страшныхъ ударовъ грома, и онъ оглянулся. Былъ дымъ, и французы съ блѣдными лицами и дрожащими руками что-то дѣлали у ямы. Повели другихъ двухъ. Такъ же, такими же глазами, и эти двое смотрѣли на всѣхъ, тщетно одними глазами, молча, прося защиты и, видимо, не понимая и не вѣря тому, что будетъ. Они не могли вѣрить, потому что они одни знали, что такое была для нихъ ихъ жизнь, и потому не понимали и не вѣрили, чтобы можно было отнять ее.

Пьеръ хотѣлъ не смотрѣть и опять отвернулся; но опять какъ-будто ужасный взрывъ поразилъ его слухъ, и вмѣстѣ съ этими звуками онъ увидалъ дымъ, чью-то кровь и блѣдныя испуганныя лица французовъ, опять что-то дѣлавшихъ у столба, дрожащими руками толкая другъ друга. Пьеръ, тяжело дыша, оглядывался вокругъ себя, какъ-будто спрашивая: что это такое? Тотъ же вопросъ былъ и во всѣхъ взглядахъ, которые встрѣчались съ взглядомъ Пьера.

На всѣхъ лицахъ русскихъ, на лицахъ французскихъ солдатъ, офицеровъ, всѣхъ безъ исключенія, онъ читалъ та-

кой-же испугъ, ужасъ и борьбу, какіе были въ его сердцѣ. „Да кто же это дѣлаетъ, наконецъ? Они всѣ страдаютъ, такъ же, какъ и я. Кто же? Кто же?“ на секунду блеснуло въ душѣ Пьера.

„Tirailleurs du 86-me, en avant!“ [1]) прокричалъ кто-то. Повели пятаго, стоявшаго рядомъ съ Пьеромъ — одного. Пьеръ не понялъ того, что онъ спасенъ, что онъ и всѣ остальные были приведены сюда только для присутствія при казни. Онъ съ все возраставшимъ ужасомъ, не ощущая ни радости, ни успокоенія, смотрѣлъ на то, что дѣлалось. Пятый былъ фабричный въ халатѣ. Только что до него дотронулись, какъ онъ въ ужасѣ отпрыгнулъ и схватился за Пьера. (Пьеръ вздрогнулъ и оторвался отъ него.) Фабричный не могъ итти. Его потащили подъ мышки, и онъ что-то кричалъ. Когда его подвели къ столбу, онъ вдругъ замолкъ. Онъ какъ-будто вдругъ что-то понялъ. То ли онъ понялъ, что напрасно, кричать, или то, что невозможно, чтобы его убили люди, но онъ сталъ у столба, ожидая повязки, вмѣстѣ съ другими, и, какъ подстрѣленный звѣрь, оглядываясь вокругъ себя блестящими глазами.

Пьеръ уже не могъ взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волненіе его и всей толпы при этомъ пятомъ убійствѣ дошло до высшей степени. Такъ же, какъ и другіе, этотъ пятый казался спокоенъ: онъ запахивалъ халатъ и почесывалъ одной босой ногой о другую.

Когда ему стали завязывать глаза, онъ поправилъ самъ узелъ на затылкѣ, который рѣзалъ ему; потомъ, когда прислонили его къ окровавленному столбу, онъ завалился назадъ, и, такъ какъ ему въ этомъ положеніи было неловко, онъ поправился и, ровно поставивъ ноги, покойно прислонился. Пьеръ не сводилъ съ него глазъ, не упуская ни малѣйшаго движенія.

Должно-быть, послышалась команда; должно-быть, послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько ни старался вспомнить потомъ, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣлъ только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показа-

---

[1]) Стрѣлки 86-го полка, впередъ!

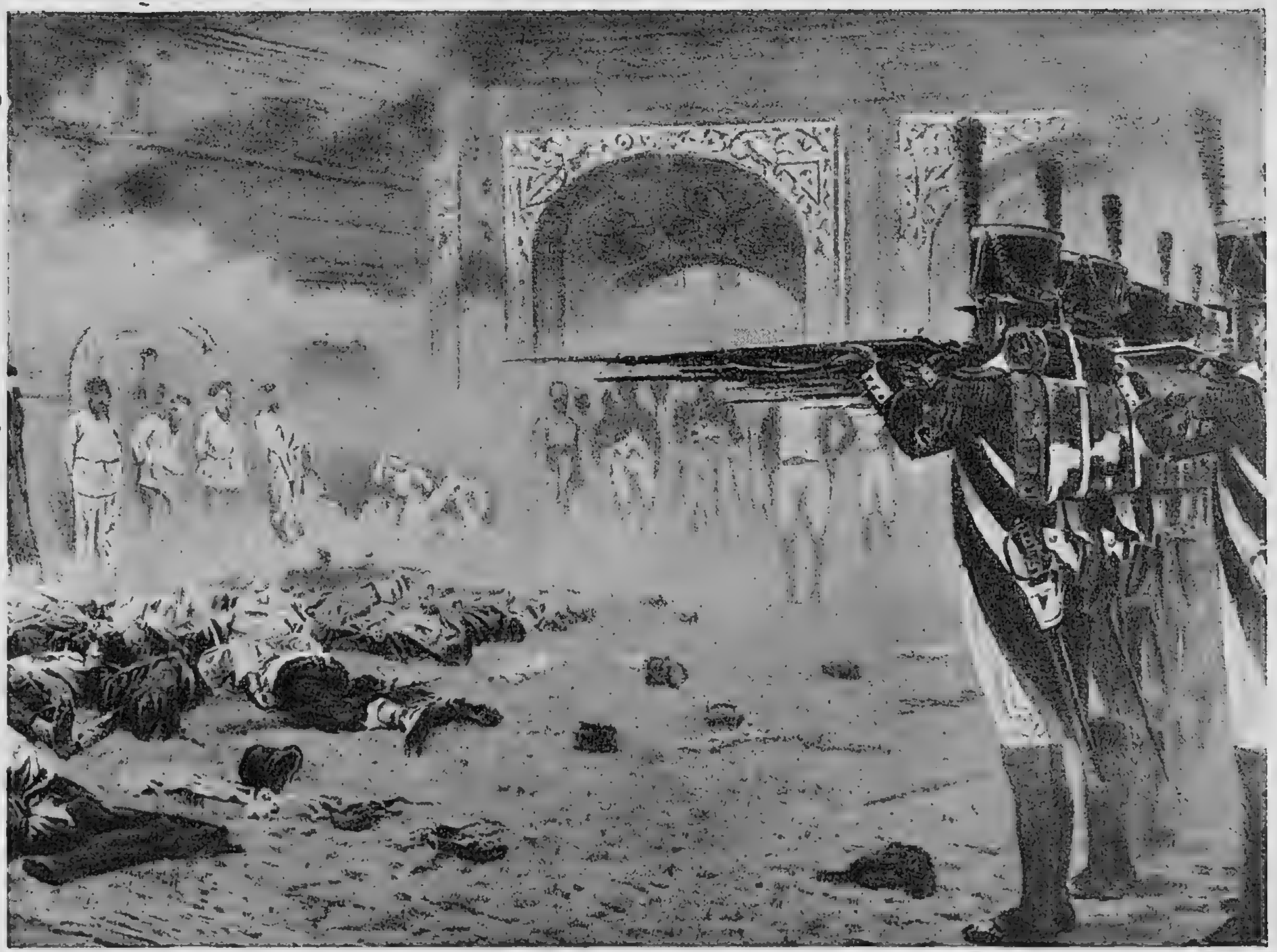
лась кровь въ двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удерживалъ его. Вокругъ фабричнаго что-то дѣлали испуганные, блѣдные люди. У одного стараго, усатаго француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Солдаты неловко и торопливо потащили его за столбъ и стали сталкивать въ яму.

Всѣ очевидно-несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣлъ, что фабричный лежалъ тамъ колѣнами кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно крикнулъ на Пьера, чтобы онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и стоялъ у столба, и никто не отгонялъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пьера отвели на его мѣсто, и французскія войска, стоявшія фронтами по обѣимъ сторонамъ столба, сдѣлали полуоборотъ и стали проходить мѣрнымъ шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разряженными ружьями, стоявшіе въ срединѣ круга, примыкали бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ въ то время, какъ роты проходили мимо нихъ.

Пьеръ смотрѣлъ теперь безсмысленными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кромѣ одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ съ мертво-блѣднымъ лицомъ, въ киверѣ, свалившемся назадъ, спустивъ ружье, все еще стоялъ противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ, какъ пьяный, шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобъ поддержать свое падающее тѣло. Старый солдатъ, унтеръ-офицеръ, выбѣжалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодого солдата, втащилъ его въ роту. Толпа русскихъ и французовъ стала расходиться. Всѣ шли молча съ опущенными головами.



Разстрѣлъ поджигателей. (Верещагина).

— Ça leur apprendra à incendier, [1]) — сказалъ кто-то изъ французовъ.

Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидалъ, что это былъ солдатъ, который хотѣлъ утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь.

Л. Толстой.

XII.

Провозглашеніе.

Москва $\frac{19\text{ сентября}}{1\text{ октября}}$ 1812 года.

Жители Москвы!

Нещастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить теченіе оныхъ.

Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія.

Строгія мѣры взяты, чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

Отеческая Администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ Муниципалитетъ и Градское Правленіе. Оное будетъ пещись объ васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки. Городская полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ коммиссаровъ или Полицеймейстеровъ и 20 Коммиссаровъ или частныхъ Приставовъ, постановленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастію.

---

[1]) Это ихъ научитъ поджигать.

Сіи суть средства, которыя Правительство употребило, чтобъ возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть этого, нужно, чтобъ вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли, если можно, ваши нещастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутся на ваши особы, и оставшееся ваше имущество, а напослѣдокъ и не сумнѣвались, что оные будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ.

Жители! Какой бы вы націи ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ щастія Государствъ, живите, какъ братья съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ и скоро ваши слезы течь перестанутъ.

Интендантъ или управляющій городомъ
и Провинціею Московскою *Лессепсъ*.

XIII.

Злоключенія русскихъ въ Москвѣ.

Предъ вступленіемъ французовъ въ Москву, какъ извѣстно, всѣ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Увлеченный общимъ примѣромъ, Бестужевъ-Рюминъ [1]) съ женою и двумя малолѣтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ Вотчинный департаментъ, надѣясь быть тамъ болѣе безопаснымъ. Это было въ воскресенье утромъ, 1 сентября, а на слѣдующій день непріятели уже овладѣли Москвою и въ Троицкія ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ народъ, толпившійся около арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они разсыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сената и наконецъ достигли Вотчиннаго Департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Французы загоро-

---

[1]) Авторъ приведенныхъ выше записокъ.

дили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ Департамента. Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено, а вскорѣ огонь лишилъ его и самаго крова: домъ, въ которомъ онъ помѣщался, сдѣлался жертвою пожара.

Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени въ зданіи Медико-Хирургической Академіи. Средствъ къ жизни никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человѣколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Наконецъ, пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цѣлью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здѣсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и рѣшился прибѣгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дѣтьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здѣсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намѣреніемъ отыскать домъ одного своего благодѣтеля (фамиліи котораго передающій этотъ разсказъ не помнитъ) и вдругъ былъ окруженъ французами. Видя, что онъ умѣетъ говорить по-французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу, Бестужевъ отвѣчалъ, что считаетъ противнымъ долгу, чести и присягѣ, служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварѣ онъ былъ ограбленъ поляками. И въ этотъ разъ М. И. выручилъ его изъ бѣды, снабдивъ старою фризовою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталъ угрожать и дому князя Одоевскаго. Бестужевъ долженъ былъ искать новаго убѣжища и вотъ онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился итти въ ту сторону, гдѣ находился Полевой Дворъ [1]). Тамъ

---

[1]) Надо замѣтить, что огонь по вѣтру шелъ въ направленіи къ Полевому Двору; здѣсь, не встрѣчая на пути своемъ ничего, кромѣ огородовъ, онъ прекратился.

на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, на огородахъ между капустными грядами, рано утромъ воротился онъ въ домъ князя Одоевскаго, но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положеніе Бестужева сдѣлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлѣба не было; дѣти страдали отъ холода и голода: это безпокоило его больше всего. Чтобы хоть сколько-нибудь согрѣть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ бани, но бань уже не было; онѣ также сгорѣли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мѣрѣ, хлѣба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрѣтилъ стараго хромого солдата и вздумалъ попросить у него хлѣба. Солдатъ отвѣчалъ ему: „Хлѣба нѣтъ у меня; самъ питаюсь разводимою въ водѣ мукою; муки, пожалуй, дамъ“. И, дѣйствительно, подѣлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтей, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастію, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ, какъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; но едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ французами и снова приведенъ къ Наполеону; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ Муниципальнаго Совѣта [1]), а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе французскіе чины считали Бестужева-Рюмина городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ,

---

[1]) Этотъ муниципальный совѣтъ помѣщался на Покровкѣ, въ домѣ Румянцева. По выходѣ непріятеля изъ Москвы найденъ здѣсь графомъ Растопчинымъ списокъ всѣхъ русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службѣ у французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ.

въ особенности семейнымъ, и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохраненіи въ цѣлости Вотчиннаго Департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлѣ, онъ увидѣлъ, что французы изъ оконъ архива выкидываютъ книги и дѣла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеону; какъ членъ Муниципальнаго Совѣта, былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просьбѣ его, приказалъ къ архиву поставить караулъ.

П. Ивановъ [1]).

XIV.

Дезорганизація французской арміи.

Былъ седьмой часъ вечера, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Калужскихъ воротъ. Непріятель взорвалъ пороховой погребъ, что было, повидимому, условнымъ сигналомъ, такъ какъ я увидѣлъ, что тотчасъ взвились нѣсколько ракетъ и полчаса спустя показался огонь въ нѣсколькихъ кварталахъ города. Какъ только я убѣдился, что насъ хотѣли поджарить въ Москвѣ, я тотчасъ рѣшилъ присоединиться къ моей дивизіи, стоявшей бивакомъ, не сходя съ лошадей на Владимірской дорогѣ, подъ стѣнами города; я устроилъ свою главную квартиру на мельницѣ, гдѣ я былъ увѣренъ, что я не буду сожженъ. Вѣтеръ былъ очень сильный; къ тому же было очень холодно. Только слѣпой могъ не видѣть, что это былъ сигналъ къ войнѣ на жизнь и смерть; все подтверждало извѣстія, полученныя мною еще въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ относительно намѣренія русскихъ сжечь свои города и завлечь насъ въ глубь Россіи. Я уже говорилъ, что я предупреждалъ объ этомъ герцога де-Бассано, и что король прусскій, какъ вѣрный союзникъ, предсказалъ императору Наполеону все, что съ нами случилось, и что ожидало насъ впереди.

Лучшіе дома Москвы были покинуты жителями, изъ коихъ иные уѣхали всего за нѣсколько минутъ до нашего вступленія въ городъ.

---

[1]) Этотъ разсказъ записанъ П. Ивановымъ со словъ Налетова, сослуживца Бестужева-Рюмина.

Трудно себѣ представить чисто азіатскую роскошь, коей слѣды мы видѣли въ Москвѣ. Запасы, хранившіеся во дворцахъ и частныхъ домахъ, превзошли всѣ наши ожиданія. Если бы въ городѣ былъ порядокъ, то арміи хватило бы продовольствія на три мѣсяца; но дисциплины болѣе не существовало. Провіантскіе чиновники думали только о себѣ. Раненымъ генераламъ отказывали въ красномъ винѣ подъ предлогомъ, будто его не было, когда же, шесть недѣль спустя, герцогъ Тревизскій взорвалъ Кремль, то онъ приказалъ перебить хранившіяся тамъ двѣ тысячи бутылокъ вина для того, чтобы солдаты молодой гвардіи не перепились. Для того, чтобы получить куль овса, надобно было имѣть разрѣшеніе генералъ-интенданта, а его было довольно трудно получить, а когда мы ушли изъ Москвы, то въ магазинахъ осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20 тысячъ лошадей въ теченіе шести мѣсяцевъ. Уѣзжая изъ Москвы, я видѣлъ неимовѣрной длины складъ, подъ сводами котораго хранились кули съ превосходной крупичатой мукою; складъ этотъ былъ преданъ разграбленію, а между тѣмъ за недѣлю передъ тѣмъ я съ трудомъ получилъ мѣшокъ самой грубой муки. Если бы чиновники и въ особенности низшіе служащіе выказали болѣе дѣятельности и старанія, армія была бы лучше обмундирована и накормлена. Болѣе третьей части города осталось нетронутой, и въ ней было въ изобиліи все то, въ чемъ мы нуждались. Въ городѣ не было только сѣна и соломы, и принцъ Невшательскій посылалъ за ними по окрестнымъ деревнямъ. Казаки нерѣдко уводили у насъ лошадей; захватывали экипажи. Жителямъ Москвы надоѣли безобразія, чинимыя нашими слугами; потерявъ терпѣніе, они стали убивать ихъ или бѣжали просить помощи у казаковъ въ то время, какъ наши люди пировали и нагружали всякимъ добромъ повозки и лошадей. Мнѣ кажется, что наши дѣла были бы гораздо лучше, если бы мы дѣйствовали осторожнѣе.

Мнѣ удалось обставить дѣло такъ, что мои фуражиры возвращались всегда благополучно, дня черезъ 4—5, и приносили мнѣ яйца, картофель, а иногда и дичь, благодаря тому, что мною было отдано строжайшее приказаніе ничего не брать даромъ кромѣ фуража, а за все остальное платить.

Одинъ сержантъ, человѣкъ весьма порядочный, сопровождалъ всегда моихъ слугъ съ нѣсколькими вооруженными солдатами. Онъ не допускалъ никакихъ злоупотребленій, и эта мѣра дала прекрасные результаты. Однажды жители деревни, въ которую мои люди часто являлись за покупками, вышли къ нимъ навстрѣчу, неся двухъ куръ и яйца, и совѣтовали имъ не входить въ деревню, такъ какъ у нихъ были казаки, что оказалось совершенно справедливо.

Мнѣ послужилъ также на пользу слѣдующій случай. Я встрѣтилъ двухъ солдатъ, нагруженныхъ серебряными вазами и церковной утварью; это было въ двухъ шагахъ отъ маленькой церкви, находившейся возлѣ занятаго мною дома; я подумалъ, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передалъ всѣ вещи священнику, открывшему мнѣ двери.

Солдаты продавали за безцѣнокъ великолѣпныя шубы. Въ Кремлѣ, въ комнатахъ, предназначенныхъ для императорской гвардіи, хранились серебряныя вызолоченыя блюда, брилліанты, жемчугъ, шелковыя ткани и т. п. Я представлялъ себѣ мысленно картину Самарканда при нашествіи Тамерлана. Пылавшій городъ напомнилъ мнѣ также пожары, истребившіе на моихъ глазахъ часть Константинополя и Смирны; на этотъ разъ зрѣлище было величественнѣе: это было самое потрясающее зрѣлище, какое мнѣ довелось видѣть. Я никогда не забуду четвертую ночь по вступленіи нашемъ въ городъ, когда императоръ былъ вынужденъ покинуть Москву и искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ. Я выступилъ наканунѣ со своей дивизіей по Владимірской дорогѣ, но страданія, которыя я испытывалъ послѣ взятія Смоленска, вслѣдствіе полученной мною сильной контузіи, такъ усилились, что я не могъ болѣе сидѣть на лошади и былъ вынужденъ просить у короля неаполитанскаго позволеніе уѣхать для пользованія въ Москву, сдавъ временно командованіе бригадою. Пламя пожара освѣщало дорогу на разстояніи болѣе двухъ верстъ отъ города; подъѣзжая къ Москвѣ, я увидѣлъ цѣлое море огня, и такъ какъ вѣтеръ былъ очень сильный, то пламя волновалось, какъ разъяренное море. Я радъ былъ добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ, зло-

вѣщимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественнымъ зрѣлищемъ. Пожаръ Смоленска былъ еще величественнѣе: глядя на высокія стѣны и толстыя башни, по которымъ съ яростью взвивалось пламя, я представлялъ себѣ Иліонъ (Трою) въ роковую ночь, такъ высоко-художественно описанную Виргиліемъ. Пожаръ Москвы, обнимавшій собою гораздо большее пространство, былъ менѣе поэтиченъ.

Баронъ Дедемъ.

XV.

На пепелищѣ.

Какъ я вошла въ Москву, такой ужасъ! По улицамъ валяются мертвыя тѣла, такія уже черныя, что просто страшно на нихъ глядѣть, да тутъ же валяются мертвыя лошади, не прибираютъ ихъ, смрадъ такой распустили по улицѣ.

До своего дома добралась я хорошохонько, прошла набережной да Каменнымъ мостомъ, вхожу на дворъ... вижу, ни живой души: домъ обгорѣлъ, нашихъ тамъ никого нѣтъ. Должно-быть, всѣ уже перебрались въ подмосковную. Вспомнила я про кладовую въ подвалѣ, хотѣлось мнѣ посмотрѣть, цѣло ли наше добро—дверь выломана; думаю: „ничего, у насъ стѣна тамъ выложена да замазана, хоть и взошли—авось, не догадались“. Какъ я спустилась по ступенькамъ, мнѣ пухъ въ лицо!.. Ничего не видать, утерлась; вижу, вся въ пуху и попала въ пухъ по колѣни, а стѣна новая, вижу, разломана. Они, должно-быть, пухъ и перья высыпали, а въ пустыя наволочки набили всякаго добра, да и вытаскали. Не осталось ничего, ни барскаго, ни нашего. Я всплеснула руками, да какъ взвою: стала припоминать, что я туда сама запрятала и французовъ-то принялась честить по-своему.

А какъ я послѣ узнала, вытаскали не французы, а наши русскіе. Пока нашъ домъ не горѣлъ, въ немъ стоялъ какой-то начальникъ; наши домашніе тамъ оставались и разсказывали, что съ французами жить было очень хорошо; они жили тихо, смирно, никого не обижали, только иногда пошлютъ что-нибудь имъ принести, и мальчишки наши тоже были у нихъ на посылкахъ. А коли добудутъ чего много, сами подѣлятся и ребятишекъ чѣмъ-нибудь приласкаютъ за то, что въ посылки ходятъ.

Да еще кто укралъ-то! Нашъ знакомый сосѣдъ... онъ просилъ къ намъ его добро спрятать. Онъ былъ отъ Шульгиныхъ, его Ѳедотомъ звали. Такъ приставалъ, что мы его пожалѣли; кирпичей двадцать скинули, потому что стѣна была почти докладена, а его сундукъ не проходилъ. Онъ-то намъ за наше доброе дѣло и заплатилъ зломъ. А что онъ укралъ, это вѣрно, потому что послѣ разоренія видѣли у него и наши платья, и наши одѣяла, и кое-что другое... Постояла я тутъ, погоревала. Какъ быть—ночевать одной страшно, и спѣшила выйти, пока еще не смеркалось. Дни-то ужъ коротки были, того и гляди, что будетъ смеркаться, а мнѣ надобно было пробираться къ загородному двору... По той же дорогѣ назадъ пошла, нельзя: на Каменномъ мосту стоитъ бикетъ [1])—все французы, и никого не пропускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Утромъ ходи сколько хочешь, а около вечеренъ разставляли вездѣ бикеты. Я торопилась дойти до Москворѣцкаго моста. Москворѣцкій мостъ былъ снесенъ. Я пошла плутать по улицамъ; я улицъ и такъ не знала, а тутъ ужъ ихъ никакъ не узнаешь и примѣтъ не найдешь. Вездѣ все голо, вездѣ черно, только торчатъ трубы да печи обгорѣлыя, да виднѣются своды да подвалы; а жилье все сгорѣло.

Плутала я долго, и зашла, сама не знаю куда; поутру и къ мосту дороги не найду. Опять цѣлый день ходила, все дороги не найду, и устала, и проголодалась, другія сутки не ѣмши, насилу ноги таскаю; опять смеркалось, ночлега себѣ не придумаю—стоитъ пень обгорѣлый, я на него сѣла; думаю, вотъ тебѣ, Дуняша, и ночлегъ—воздушнымъ плетнемъ обнесу да небомъ покроюсь. Мнѣ кажется, я весь этотъ пенушекъ облила своими слезами.

Стало уже совсѣмъ темно; слышу, идутъ двое; я испугалась и прижалась—авось, меня не разглядятъ. Идутъ прямо ко мнѣ и увидали. Одинъ спрашиваетъ: „Кто ты?“ — „Я, батюшка“.—„Да кто ты такая?“—„Соймоновыхъ господъ, говорю, батюшка, вотъ другія сутки плутаю не ѣмши: макова зерна въ ротъ не пропустила“.—„Поди за мною“. Я встала и пошла...

Онъ меня проводилъ и довелъ до самой калитки загород-

---

[1]) Пикетъ.

наго двора; мы съ нимъ дорогой разговорились; онъ былъ купецъ богатый—у него одинъ домъ сгорѣлъ, а въ другомъ домѣ стоялъ французскій генералъ; отъ того-то онъ ничего не боялся.

Ну, пришла я на загородный дворъ, сказала Настасьѣ, что своихъ никого не нашла... а потомъ и стала сбираться съ Андреемъ въ наше Теплое [1]), всего 80 верстъ отъ Москвы. Дорогу-то я знала. Тутъ была старушка старенькая-старенькая; вижу, она сбирается въ дорогу—я къ ней. „По какой дорогѣ ты пойдешь?“—„Въ Тверскую заставу прямо на Воскресенскъ“.—„Мнѣ тоже въ Воскресенскъ, и потомъ своротить въ сторону, зайти къ своимъ роднымъ, узнать, всѣ ли живы да здоровы. Хоть половину дороги пойду не одна, а оттуда меня родные къ мужу проводятъ“.

Только у меня не было ни гроша денегъ на дорогу, а у старухи было 25 рублей, все мѣдными въ мѣшкѣ; гдѣ-то она ихъ набрала. „Слушай, голубушка,—говоритъ мнѣ старушка,—ты помоложе меня; пособи мнѣ деньги нести; зато я тебя буду дорогой поить да кормить, да за ночлегъ платить“. Мѣшокъ тяжелый такой, что дѣлать, пришлось на себѣ нести.

Вышли мы раненько изъ Москвы въ самый Покровъ день. Слышимъ, ударяютъ къ заутренѣ. Перекрестились и пошли. Заутрени уже служили и часы, и вечерни, а обѣдни еще нигдѣ не служили, затѣмъ, что антиминсовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя еще остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну, такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймаютъ дьякона на мѣсто попа—все равно и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить. А вѣдь французу все равно, ничего не понимаетъ! Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ всѣмъ доволенъ, лишь бы только была служба, а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить и по церквамъ службу справлять. Подошли мы къ Каменному мосту еще рано, только что бикетъ сняли. (А бикетъ ставили только въ вечерню на ночь, чтобы въ Кремль никого не про-

---

[1]) Имѣніе Соймоновыхъ около Воскресенска.

пускать). Идутъ къ намъ навстрѣчу такіе все молодцы, все французы, такіе бравые, такъ одѣты хорошо—на шапкахъ у нихъ хвосты изъ гривы, длинные, распредлинные!.. А изъ себя-то какіе молодцы, весело смотрѣть, даромъ что французы. А ужъ эти новобранцы ихъ! Бывало, норовятъ ограбить да отколотить. Они спросили, куда мы. „Домой“.—„Карашо, аленъ“—да еще и поклонились намъ, такіе славные, а „аленъ“ по-ихнему значитъ: проходи домой (мы уже понимали). Дошли мы до Тверской заставы, старушка, я да Андрюшка-деверь, да за нами еще шли человѣкъ 70 все по одной дорогѣ. У заставы караулъ, французы спрашиваютъ, куда мы. Мы опять говоримъ: домой. Пропустили было совсѣмъ, да солдатъ увидалъ у меня полхлѣба, не то что бѣлый, а просто ржаной (они и ржаному-то рады были). Онъ у меня хлѣбъ отнимаетъ; я ему показываю на Андрея и говорю, что это мальчику на дорогу, и что мальчикъ мой. А онъ-то мнѣ: „ты нѣтъ мадамъ, а мамзель“. А я спорю: „мадамъ и мальчикъ мой“. Эти французы такіе добрые! Самъ голоденъ, отломилъ себѣ только кусочекъ, а хлѣбъ отдалъ Андрею.

Вышли мы изъ Тверской заставы—тутъ всѣ разсыпались, кто пошелъ вправо, кто влѣво. Во всѣхъ деревняхъ все солдаты, ужъ мужиковъ нѣтъ, выбрались по-добру, по-здорову. Шли мы своей дорогой, насъ не трогали...

Разсказъ дворовой женщины.

XVI.

Ворона и курица [1]).

Когда Смоленскій князь
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,

---

[1]) Въ „Сынѣ Отечества“ (1812, № 7, стр. 44) находимъ слѣдующую замѣтку: „Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: „попалъ, какъ куръ во щи“, а лучше говорить: „попалъ, какъ ворона во французскій супъ“. Къ

Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что-жъ, кумушку, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь, говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло;
Вотъ ваши сестры—какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.
Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

И. Крыловъ.

XVII.

Уходъ французовъ изъ Москвы.

Въ южной части Москвы, у заставы, одно изъ ея главныхъ предмѣстій примыкаетъ къ двумъ большимъ дорогамъ; объ онѣ ведутъ въ Калугу. Одна изъ нихъ, что лѣвѣе, самая старая, другая проложена позднѣе. На первой изъ нихъ Кутузовъ только что разбилъ Мюрата. И по этой же дорогѣ Наполеонъ вышелъ изъ Москвы 19 октября [1]), объявивъ своимъ офицерамъ, что онъ пойдетъ къ границамъ Польши черезъ

тому же времени относится и каррикатура Ивана Теребенева, приложенная къ 7 № „Сына Отечества“: французскій вороній супъ; подъ каррикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ,
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то похлебаемъ же хоть вороній супъ.

Князь Кутузовъ, названный въ баснѣ Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ.

---

[1]) Нов. стиля.

Калугу, Медынь, Юхновъ, Ельню и Смоленскъ. Одинъ изъ нихъ, Раппъ, замѣтилъ: „Уже поздно и зима можетъ захватить насъ дорогой“. Императоръ отвѣтилъ, что онъ долженъ былъ дать солдатамъ время поправиться, а раненымъ, находившимся въ Москвѣ, Можайскѣ и Колотскомъ—добраться до Смоленска. Затѣмъ, указавъ на небо, по-прежнему безоблачное, сказалъ: „Развѣ вы не узнаете моей звѣзды въ этомъ сверкающемъ небѣ?“ Но этотъ призывъ къ счастью противорѣчилъ мрачному выраженію его лица и обнаруживалъ лишь дѣланное спокойствіе.

Наполеонъ, вступившій въ Москву съ 90 тысячами строевыхъ солдатъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ, выходя изъ нея, имѣлъ больше 100 тысячъ здоровыхъ солдатъ, оставивъ въ Москвѣ 1,200 раненыхъ. Пребываніе Императора въ Москвѣ, несмотря на ежедневныя потери, дало ему возможность: предоставить отдыхъ пѣхотѣ, пополнить провіантъ войска и увеличить свои силы на 10 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, удалось помѣстить часть раненыхъ въ госпиталѣ, а остальныхъ заблаговременно вывести изъ города. Но съ перваго же дня выступленія Наполеонъ замѣтилъ, что его кавалерія и артиллерія едва волочили ноги.

Ужасное зрѣлище увеличило печальныя предчувствія нашего вождя. Армія, еще наканунѣ вышедшая изъ Москвы, двигалась безъ перерыва. Въ этой колоннѣ, состоящей изъ 140,000 человѣкъ и приблизительно 50,000 лошадей всѣхъ породъ, сто тысячъ строевыхъ солдатъ, шедшихъ впереди въ полномъ снаряженіи съ пушками и артиллерійскими повозками, еще могли напоминать своимъ видомъ прежнихъ всемірныхъ побѣдителей, что же касается остальныхъ, то они походили скорѣе на татарскую орду послѣ удачнаго нашествія. На безконечномъ разстояніи въ три или четыре ряда тянулась пестрая вереница каретъ, фуръ, богатыхъ экипажей и всевозможныхъ повозокъ. Тутъ были и трофеи въ видѣ русскихъ, турецкихъ и персидскихъ знаменъ и гигантскій крестъ съ колокольни Ивана Великаго, и бородатые русскіе крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть ея; многіе изъ нашихъ собственноручно везли тачки, наполненныя всѣмъ, что имъ удалось захватить; эти безумцы не хотѣли думать, что уже къ вечеру имъ придется

отказаться отъ своей непосильной ноши: охваченные безсмысленной жадностью, они забыли и о восьмистахъ миляхъ пути, и о предстоящихъ сраженіяхъ.

Особенно бросалась въ глаза среди идущей въ походъ арміи толпа людей всѣхъ національностей, безъ формы, безъ оружія и слугъ, громко ругавшихся на всѣхъ языкахъ и подгонявшихъ криками и ударами плохенькихъ лошаденокъ, впряженныхъ веревочной упряжью въ элегантные экипажи, наполненные добычей, уцѣлѣвшей отъ пожара, или съѣстными припасами. Въ этихъ экипажахъ ѣхали со своими дѣтьми французскія женщины, которыя когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убѣгали отъ ненависти москвичей,—армія являлась для нихъ единственныхъ убѣжищемъ.

Нѣсколько русскихъ дѣвокъ слѣдовали за нами въ качествѣ добровольныхъ плѣнницъ. Можно было подумать, что двигался какой-то караванъ кочевниковъ или одна изъ армій древнихъ временъ, возвращавшаяся послѣ великаго нашествія съ рабами и добычей.

Трудно было себѣ представить, какъ сможетъ регулярное войско тянуть за собой и сохранять такое количество тяжелыхъ экипажей въ теченіе столь длиннаго перехода.

Несмотря на ширину дороги и крики свиты, Наполеону съ трудомъ удавалось пробираться сквозь эту невообразимую толкотню. Безъ сомнѣнія, достаточно было попасть въ узкій проходъ, ускорить движеніе или подвергнуться нападенію казаковъ, чтобы избавиться отъ этой поклажи; но лишь судьба или непріятель могли облегчить насъ отъ нея. Императоръ же отлично сознавалъ, что онъ не имѣетъ права ни упрекнуть своихъ солдатъ за захватъ этой съ трудомъ пріобрѣтенной добычи, ни тѣмъ болѣе отнять ее у нихъ. Кромѣ того, такъ какъ награбленныя вещи были спрятаны подъ съѣстными припасами, а Императоръ не имѣлъ возможности выдавать своимъ солдатамъ должный паекъ, то могъ ли онъ запретить имъ уносить все это съ собою? Наконецъ, въ виду того, что не хватало военныхъ повозокъ, эти экипажи служили единственнымъ спасеніемъ для больныхъ и раненыхъ.

Поэтому Наполеонъ безмолвно миновалъ длинный хвостъ

своей арміи и выѣхалъ на старую калужскую дорогу. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ двигался въ этомъ направленіи, объявивъ, что онъ идетъ поразить Кутузова на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ русскій полководецъ только-что одержалъ побѣду. Но въ серединѣ дня, взобравшись на высоту Краснопахрскаго села, гдѣ онъ остановился, Императоръ неожиданно повернулъ направо вмѣстѣ со всей своей арміей и, двигаясь черезъ поля, въ три перехода достигъ новой калужской дороги.

Во время этого маневра полилъ дождь, испортилъ поперечныя дороги и принудилъ Наполеона остановиться. Это было большимъ несчастьемъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось извлечь изъ грязи наши орудія.

Несмотря на это, Императоръ удачно скрылъ свое движеніе, при помощи корпуса Нея и остатковъ кавалеріи Мюрата, стоявшихъ позади рѣки Мочи и въ Вороновѣ. Кутузовъ, введенный въ заблужденіе этой уловкой, продолжалъ ждать Великую Армію на старой дорогѣ, въ то время, какъ она 23 октября, передвинувшись цѣликомъ на новую дорогу, должна была сдѣлать всего лишь одинъ переходъ, чтобы, благополучно миновавъ русскихъ, опередить ихъ на пути къ Калугѣ...

23-го октября, въ половинѣ второго ночи, воздухъ былъ оглашенъ ужаснымъ взрывомъ; обѣ арміи были первое время удивлены, хотя всѣ уже давно перестали удивляться, готовые ко всему.

Мортье выполнилъ приказъ Императора: Кремля не стало. Во всѣ залы царскаго дворца были заложены бочки съ порохомъ, точно такъ же, какъ и подъ своды, находившіеся подъ дворцомъ. Этотъ маршалъ, во главѣ восьми тысячъ человѣкъ, остался возлѣ вулкана, который могъ взорваться отъ одной русской гранаты. Такимъ образомъ, онъ прикрывалъ выступленіе арміи къ Калугѣ и—различныхъ пѣшихъ обозовъ къ Можайску.

Изъ числа этихъ восьми тысячъ человѣкъ, Мортье могъ положиться едва на двѣ тысячи; остальная часть, состоявшая изъ спѣшившихся кавалеристовъ, изъ людей, стекшихся изъ разныхъ полковъ и изъ разныхъ странъ, не имѣвшихъ ни одинаковыхъ привычекъ, ни общихъ воспоминаній, не

связанныхъ, однимъ словомъ, никакой общностью интересовъ,—представляла собою скорѣе безпорядочную толпу, чѣмъ организованное войско: они неминуемо должны были разсѣяться.

Инженерная сторона этого дѣла была поручена храброму и ученому полковнику Депрэ. Этотъ офицеръ прибылъ изъ самой Испаніи; онъ только что, въ началѣ сентября, былъ свидѣтелемъ отступленія нашихъ изъ Мадрида въ Валенсію, въ слѣдующій мѣсяцъ ему пришлось видѣть новое отступленіе французовъ изъ Москвы въ Вильну. Повсюду наши силы слабѣли.

На герцога Тревизскаго смотрѣли, какъ на человѣка, обреченнаго на гибель. Прочіе полководцы, его старые сотоварищи по походамъ, разстались съ нимъ со слезами на глазахъ, а Императоръ, прощаясь съ нимъ, сказалъ, что расчитываетъ на его счастье, но что, впрочемъ, на войнѣ нужно быть готовымъ ко всему. Мортье повиновался безъ колебанія. Ему былъ отданъ приказъ охранять Кремль, затѣмъ, при выступленіи, взорвать его и поджечь уцѣлѣвшія зданія города. Эти послѣднія распоряженія были посланы Наполеономъ изъ села Красная Пахра. Выполнивъ ихъ, Мортье долженъ былъ направиться къ Вереѣ и, соединившись съ арміей, составить ея арьергардъ...

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Великая Армія покидала Москву, казаки проникали въ ея предмѣстья, а Мортье удалился въ Кремль. Эти казаки состояли развѣдчиками у десяти тысячъ русскихъ, которыми командовалъ Винцингероде. Этотъ иностранецъ, воспламененный ненавистью къ Наполеону и обуреваемый желаніемъ вернуть Москву и такимъ выдающимся геройскимъ подвигомъ снискать себѣ въ Россіи новую родину, въ своемъ увлеченіи, оставилъ своихъ далеко за собой; миновавъ Грузины, онъ устремился къ Китай-городу и Кремлю; презирая наши аванпосты, онъ попалъ въ засаду и, видя, что его самого захватили въ этомъ городѣ, который онъ пришелъ отнимать, онъ сразу перемѣнилъ роль: замахавъ платкомъ, онъ объявилъ себя парламентеромъ.

Его привели къ герцогу Тревизскому. Тутъ русскій генералъ сталъ дерзко возставать противъ совершеннаго надъ нимъ насилія. Мортье отвѣчалъ ему, „что любого генералъ-

аншефа, являющагося такимъ образомъ, можно принять за слишкомъ отважнаго солдата, а никакъ не за парламентера, и что ему придется немедленно отдать свою шпагу". Тутъ, не расчитывая болѣе на обманъ, русскій генералъ покорился и призналъ свою неосторожность.

Наконецъ, послѣ четырехъ дней сопротивленія, французы навсегда покинули этотъ зловѣщій городъ. Они увезли съ собой четыреста человѣкъ раненыхъ, но, удаляясь, наши заложили въ скрытое и вѣрное мѣсто искусно изготовленное вещество, которое уже пожирало медленное пламя; все было разсчитано: былъ извѣстенъ часъ, когда огню суждено было достичь огромныхъ кучъ пороха, скрытыхъ въ фундаментѣ этихъ, обреченныхъ на гибель, дворцовъ.

Мортье поспѣшно удалился, но въ то же время жадные казаки и грязные мужики, привлеченные, какъ говорили, жаждой добычи, стали стекаться со всѣхъ сторонъ; они стали прислушиваться и, такъ какъ внѣшнее безмолвіе, царившее въ крѣпости, придало имъ наглости, они отважились проникнуть въ Кремль; они стали подниматься, ихъ руки, искавшіе добычи, уже протягивались, какъ вдругъ всѣ они были уничтожены, раздавлены, подброшены въ воздухъ, вмѣстѣ со стѣнами дворцовъ, которые они пришли грабить, и тридцатью тысячами ружей, оставленныхъ тамъ; затѣмъ, перемѣшавшись съ обломками стѣнъ и оружія, оторванныя части ихъ тѣлъ падали далеко на землю, подобно ужасному дождю.

Подъ ногами Мортье земля дрожала. На десять миль дальше, въ Фоминскомъ, Императоръ слышалъ этотъ взрывъ.

Графъ де-Сегюръ.

Глава VIII.

Русское общество и армія во время пребыванія французовъ въ Москвѣ.

I.

Изъ письма Растопчина — женѣ.

Деревня Люберцы.

Вчера, другъ мой, я покинулъ Москву, не жалѣя ни домовъ, ни того, что въ нихъ. Ты была въ безопасномъ мѣстѣ,

а Сергѣй, въ добромъ здоровьѣ, рядомъ со мной на конѣ. Я покинулъ несчастную нашу столицу; она предана нашему врагу, сдержавшему, такимъ образомъ, свое слово: 27-го числа, на другой день послѣ большого сраженія, онъ объявилъ солдатамъ, что раньше вступленія въ Москву битвъ уже не будетъ. Кутузовъ обманулъ меня, сказавъ, что будетъ биться. Я сдѣлалъ переходъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что называютъ арміей. Чтобы дать тебѣ понятіе о безпорядкѣ: одни экипажи, въ три ряда, двигаются 36 часовъ. Императоръ, запрещающій офицерамъ имѣть лошадей, не знаетъ, что ихъ въ арміи до 60,000. Солдаты изнурены, падаютъ отъ усталости и говорятъ: „Въ концѣ концовъ мы придемъ въ Сибирь; Императоръ желаетъ, чтобы мы предоставили всю нашу землю врагу, который провозгласитъ свободу; Императоръ и самъ хотѣлъ бы этого, да не рѣшается“. Адъютанты Кутузова кричатъ, что стыдно носить мундиръ, послѣ того, какъ Москва была такъ подло брошена. Солдаты грабятъ на глазахъ у генераловъ. Вчера я самъ видѣлъ, какъ въ одномъ домѣ были разломаны двери, и все расхищено. Здѣсь, въ окрестностяхъ, всѣ деревни за ночь опустошены, и я вижу, что жители меньше боятся непріятелей, чѣмъ собственныхъ защитниковъ. Короче говоря, на мой взглядъ, все кончено. Кутузовъ—старая, упрямая баба. Завтра онъ намѣренъ расположиться на Владимирской дорогѣ, не зная зачѣмъ. Уже не знаютъ, откуда добывать муки. Въ Калугѣ есть большіе запасы, но они достанутся непріятелю...

II.

Графъ Мишо у Александра I.

Графъ Мишо—къ флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому о разговорѣ съ Императоромъ Александромъ въ 1812 году.

Мой дорогой полковникъ!

Послѣ нашего вчерашняго разговора о событіяхъ войны 12-го года, я думаю, мой дорогой, что доставлю вамъ удовольствіе передачей небольшого разговора, который я имѣлъ честь вести съ Его Величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ Императоромъ 8-го сентября 1812 года. Онъ долженъ былъ бы составить эпоху въ исторіи, показывая силу души нашего Монарха, плохо понятаго тѣми, кто думалъ, что онъ готовъ заключить миръ послѣ потери Москвы.

Вы знаете, мой дорогой рыцарь, что я былъ посланъ маршаломъ Кутузовымъ отвезти извѣстіе Его Величеству объ оставленіи Москвы, огни которой освѣщали мнѣ путь вплоть до самаго Мурома; никогда сердце путешественника не было затронуто ощутительнѣе, чѣмъ мое въ этотъ разъ; русскій сердцемъ и душою, хотя и иностранецъ, вѣстникъ одного изъ печальнѣйшихъ событій лучшему изъ Монарховъ, проѣзжающій черезъ страну среди болѣе полу-милліона жителей всѣхъ классовъ, которые выселяются, унося съ собой только любовь къ отечеству, надежду на отмщеніе и безграничную преданность своему уважаемому Монарху, поражаемый поочередно то тягостью своей миссіи и скорбью обо всемъ, что я видѣлъ, то радостью, испытываемою мной, при видѣ повсюду вокругъ себя народнаго энтузіазма, я прибылъ 8-го утромъ въ столицу, исполненный скорби о тѣхъ печальныхъ извѣстіяхъ, которыя мнѣ предстоитъ передать. Принявъ меня тотчасъ же по моемъ прибытіи въ своемъ кабинетѣ, Его Величество уже по моему виду понялъ, что я не привезъ ничего утѣшительнаго...

„Вы привезли мнѣ печальныя извѣстія, полковникъ?“—сказалъ онъ мнѣ.—„Очень печальныя“,—отвѣтилъ я ему:—„Оставленіе Москвы“.—„Неужели же отдали мою древнюю столицу безъ боя?“—„Ваше Величество, окрестности Москвы не представляютъ никакой позиціи, чтобы можно было отважиться на сраженіе, имѣя военныя силы въ меньшемъ числѣ, чѣмъ у непріятеля; маршалъ расчитывалъ сдѣлать лучше, сохраняя Вашему Величеству армію, потеря которой безъ спасенія Москвы могла бы быть ужаснымъ результатомъ сраженія, но которая, благодаря только что доставленнымъ Вашимъ Величествомъ подкрѣпленіямъ, встрѣчаемымъ мною со всѣхъ сторонъ, вскорѣ окажется даже переходящею въ наступленіе и заставитъ непріятеля раскаяться въ томъ, что онъ проникъ въ нѣдра ея государства“...—„Непріятель вошелъ въ городъ?“—„Да, Ваше Величество, и городъ обратился въ пепелъ тотчасъ по его входѣ туда; я оставилъ его весь въ пламени“. При этихъ словахъ глаза Монарха повѣдали мнѣ о состояніи его души, которое меня такъ взволновало, что я еле сдерживался... „Я вижу, полковникъ, по всему, происходящему съ нами, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ

жертвъ; я вполнѣ готовъ всецѣло подчиниться Его волѣ. Но скажите мнѣ, Мишо, какимъ вы оставили духъ арміи, видящей мою древнюю столицу, покидаемую безъ кровопролитія; развѣ это не повліяло на умы солдатъ? Не замѣтили ли вы упадка духа?“—„Ваше Величество, вы мнѣ позволите,—отвѣтилъ я ему:—говорить съ вами откровенно, какъ подобаетъ военному человѣку“...—„Полковникъ, я этого требую всегда, а въ настоящій моментъ, въ особенности, я прошу васъ говорить со мной такъ, какъ вы дѣлали это въ другое время; не скрывайте отъ меня ничего, я хочу знать безусловно все то, что есть“.—„Ваше Величество, я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата включительно, въ ужасномъ, чрезвычайномъ страхѣ“...—„Какъ это“,—возразилъ Монархъ съ негодующимъ видомъ:—„откуда могутъ рождаться страхи? Развѣ когда-либо мои русскіе позволяли какимъ-либо несчастіямъ сломить себя?“...—„Никогда, Ваше Величество, они боятся только, какъ бы Ваше Величество по добротѣ сердечной не рѣшились бы заключить миръ; они сгораютъ отъ нетерпѣнія вступить въ бой и доказать Монарху свое мужество и преданность ему цѣною своей жизни“...—„Ахъ, вы меня успокаиваете, полковникъ (при этомъ онъ меня похлопалъ по плечу); итакъ, возвращайтесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ, всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ, всюду, гдѣ только вы будете проѣзжать, что, если у меня не останется ни одного солдата, я самъ стану во главѣ моего дорогого дворянства, моихъ дорогихъ крестьянъ и употреблю всѣ до послѣдняго средства моей имперіи; она мнѣ предлагаетъ ихъ еще больше, чѣмъ расчитываютъ мои враги; но, если только Судьбы Божіи предопредѣлили моей династіи прекращеніе царствованія на престолѣ моихъ предковъ, то я, истощивъ всѣ до послѣдняго средства, находящіяся въ моей власти, отращу себѣ бороду до сихъ поръ (при этомъ онъ показалъ рукой по поясъ) и пойду ѣсть картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ скорѣе, чѣмъ подпишу миръ, позорный для моего отечества и для моего дорогого народа, всѣ жертвы котораго, приносимыя для меня, я умѣю цѣнить“... Затѣмъ, ушедши въ глубину кабинета и вновь возвратившись быстрыми шагами съ оживленнымъ лицомъ, онъ сказалъ мнѣ, сжимая мою руку въ своей: „Полковникъ

Мишо, не забывайте того, что я вамъ здѣсь говорилъ; можетъ быть, мы когда-либо вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я, но вмѣстѣ—онъ и я, мы царствовать не можемъ; я ужъ выучился понимать его; онъ меня больше не обманетъ"... Мнѣ не удалось, мой дорогой, описать вамъ здѣсь состояніе моей души при мысли о томъ счастіи, которое я готовился возвѣстить арміи.

„Ваше Величество!"—отвѣтилъ я ему, восхищенный всѣмъ, что только что слышалъ,—„Ваше Величество въ настоящій моментъ возвѣщаете славу своего народа и спасеніе Европы".

Графъ Мишо.

III.

Въ Петербургѣ послѣ сдачи Москвы.

Прощаясь съ Государемъ, генералъ Кутузовъ увѣрялъ его, что онъ скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допуститъ непріятеля къ Москвѣ (это его собственное выраженіе). Мы знали, что московскій главнокомандующій графъ Растопчинъ принималъ самыя сильныя мѣры для того, что бы древняя столица государства, если бы овладѣлъ ею непріятель, содѣлалась ему могилою. Можно же представить себѣ всеобщее удивленіе и въ особенности удивленіе Государя, когда заговорили въ Петербургѣ, что французы вступили въ Москву и что ничего не было сдѣлано для обороны ея. Государь не получалъ никакихъ прямыхъ извѣстій ни отъ Кутузова, ни отъ Растопчина, и потому не рѣшался остановиться на соображеніяхъ, представлявшихся уму его. Я видѣла, какъ Государыня, всегда склонная къ высокимъ душевнымъ движеніямъ, измѣнила свое обращеніе съ супругомъ и старалась утѣшить его въ горести. Убѣдившись, что онъ несчастенъ, она сдѣлалась къ нему нѣжна и предупредительна. Это его тронуло, и во дни страшнаго бѣдствія пролился въ сердца ихъ лучъ взаимнаго счастія. Сильный ропотъ раздавался въ столицѣ. Съ минуты на минуту ждали волненія раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра въ государственномъ бѣдствіи, такъ что въ разговорахъ рѣдко кто рѣшался его извинять и оправдывать. Государыня знала о томъ. Она поручила мнѣ бывать въ обществѣ и опровергать нелѣпые

слухи и клеветы, распространяемые про дворъ. Горячо взявшись за это порученіе, я не пренебрегала никакимъ средствомъ, чтобы успокаивать умы и опровергать безсмысленные и вредные толки, и къ счастію моему иной разъ мнѣ это удавалось. Между тѣмъ, Государь, хотя и ощущалъ глубокую скорбь, усвоилъ себѣ видъ спокойствія и бодраго самоотреченія, которое сдѣлалось потомъ отличительною чертою его характера. Въ то время, какъ всѣ вокругъ него думали о гибели, онъ одинъ прогуливался по Каменностровскимъ рощамъ, а дворецъ его по-прежнему былъ открытъ и безъ стражи. Забывая про опасности, которыя могли грозить его жизни, онъ предавался новымъ для него размышленіямъ, и это время было рѣшительнымъ для нравственнаго его возрожденія, какъ и для внѣшней его славы. Воспитанный въ эпоху безвѣрія, наставникомъ, который самъ былъ проникнутъ идеями того вѣка, Александръ признавалъ лишь религію естественную, казавшуюся ему и разумною, и удобною. Онъ проникнутъ былъ глубокимъ уваженіемъ къ божеству и соблюдалъ внѣшніе обряды своей церкви, но оставался деистомъ. Гибель Москвы потрясла его до глубины души; онъ не находилъ ни въ чемъ утѣшенія и признавался товарищу своей молодости, князю Голицыну, что ничто не могло разсѣять мрачныхъ его мыслей. Князь Голицынъ, самый легкомысленный, блестящій и любезный изъ царедворцевъ, передъ тѣмъ незадолго остепенился и сталъ читать Библію съ ревностью новообращеннаго человѣка. Робко предложилъ онъ Александру почерпнуть утѣшенія изъ того же источника. Тотъ ничего не отвѣчалъ; но черезъ нѣсколько времени, придя къ Императрицѣ, онъ спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ новый для него кругъ понятій. Онъ сталъ подчеркивать карандашемъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ собственному положенію и когда перечитывалъ ихъ вновь, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣивалъ его заблужденія. Пламенная и искренняя вѣра проникла къ нему въ сердце и, сдѣлавшихъ христіаниномъ, онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ. Про эти подробности

я узнала много времени спустя, отъ него самого. Они будутъ занимательны для людей, которые его знали и которые не могли надивиться внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ. Его умственныя и нравственныя способности пріобрѣли новый, болѣе широкій разбѣгъ; сердце его удовлетворилось, потому что онъ могъ полюбить самое достолюбезное, что есть на свѣтѣ, т.-е. Богочеловѣка. Чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ.

Приближалось 15-е сентября, день коронаціи, обыкновенно празднуемый въ Россіи съ большимъ торжествомъ. Онъ былъ особенно знаменателенъ въ этотъ годъ, когда населеніе, приведенное въ отчаяніе гибелью Москвы, нуждалось въ ободреніи. Уговорили Государя на этотъ разъ не ѣхать по городу на конѣ, а прослѣдовать въ соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Императрицами. Тутъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни онъ уступилъ совѣту осторожной предусмотрительности; но поэтому можно судить, какъ велики были опасенія. Мы ѣхали шагомъ въ каретахъ о многихъ стеклахъ, окруженные несмѣтною и мрачно-молчаливою толпою. Взволнованныя лица, на насъ смотрѣвшія, имѣли вовсе не праздничное выраженіе. Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы вступали, слѣдуя посреди толпы, ни единымъ возгласомъ не заявлявшей своего присутствія. Можно было слышать наши шаги, а я была убѣждена, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на Государя, поняла, что происходило въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣна подо мною подгибаются...

Графиня Эделингъ.

IV.

Обозъ [1]).

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.

---

[1]) Цѣль басни—оправдать медлительность дѣйствій Кутузова, которому самъ Императоръ поставлялъ въ вину то, что онъ не далъ вторичнаго сраженія подъ Москвою; Государь въ рескриптѣ на имя главнокомандующаго высказался такъ: „...казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ

Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая:
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчекъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ вбокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

И. Крыловъ.

Наполеона), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ въ Петербургъ,... ибо съ ввѣренной вамъ арміей, дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ“...

V.

Изъ переписки Вел. Кн. Екатерины Павловны съ Александромъ I.

Ярославль, 3 сентября 1812 года.

Москва взята. Это невѣроятно. Не забудьте своего рѣшенія: ни въ какомъ случаѣ не заключать мира, и у васъ еще останется надежда возстановить свою честь. Если вы будете въ затрудненіи, вспомните вашихъ друзей, которые готовы летѣть къ вамъ и которые будутъ счастливы помочь вамъ; располагайте ими.

Дорогой другъ, не надо мира, даже, если бы вы были въ Казани, не надо мира.

Ярославль, 6 сентября 1812 года.

Дорогой другъ мой, я не могу больше молчать, несмотря на страданья, которыя причиню вамъ. Взятіе Москвы довершило всеобщее раздраженіе; недовольство дошло до высшей точки, и васъ совсѣмъ не щадятъ. Если это доходитъ до меня, судите объ остальномъ. Васъ громко обвиняютъ въ несчастьяхъ имперіи, въ общемъ и частномъ разореніи, наконецъ, въ безчестіи страны и вашемъ личномъ. И это не одинъ классъ, всѣ объединились, чтобы васъ безславить. Не вдаваясь въ способы веденія войны, я скажу, что главнымъ обвиненіемъ противъ васъ является нарушеніе слова, даннаго вами Москвѣ, которая нетерпѣливо ждала васъ, и еще безпомощность, въ которой вы ее покинули: вы кажетесь предателемъ по отношенію къ ней. Не бойтесь катастрофы вродѣ революціи, нѣтъ! Но судите сами о положеніи вещей въ странѣ, главу которой всѣ презираютъ; все можно сдѣлать для возстановленія своей чести, но къ желанію все отдать для спасенія родины примѣшиваются вопросы: Къ чему это, когда все испорчено и разрушено глупостью вождей? Къ счастью, мысль о мирѣ является не у всѣхъ: даже наоборотъ, стыдъ отъ потери Москвы пробуждаетъ желаніе отмстить. Всѣ громко жалуются на васъ; я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ это, такъ какъ это очень важно. Не мнѣ указывать, что вамъ дѣлать, но спасите вашу честь — она въ опасности. Ваше присутствіе можетъ привлечь къ вамъ умы; не пренебрегайте ничѣмъ и не думайте, что я

преувеличиваю: ничуть, къ сожалѣнію, я говорю правду, и сердце обливается кровью у той, которая вамъ такъ обязана и которая цѣною тысячи жизней хотѣла бы спасти васъ изъ положенія, въ которомъ вы находитесь.

Отвѣтъ Александра I.

18 сентября 1812 года.

Вотъ вамъ, дорогой другъ, мой обстоятельный отвѣтъ.

Нечего дивиться, когда на человѣка, постигнутаго несчастіемъ, нападаютъ и его терзаютъ. Я никогда не обманывался на этотъ счетъ и зналъ, что со мною поступятъ также, чуть судьба перестанетъ мнѣ благопріятствовать. Мнѣ суждено, быть можетъ, лишиться даже друзей, на которыхъ я всего больше разсчитывалъ. Все это, по несчастію, въ порядкѣ вещей въ здѣшнемъ мірѣ!

Мнѣ всегда претило, а особенно при несчастіи, утомлять кого бы то ни было подробностями о себѣ самомъ; но, по моей къ вамъ искренней привязанности, я дѣлаю надъ собой усиліе и изложу вамъ дѣла въ томъ видѣ, какъ они мнѣ представляются.

Что можетъ быть лучше, какъ руководиться своими убѣжденіями? Имъ только и слѣдовалъ я, назначая Барклая главнокомандующимъ 1-й арміей, помня его заслуги въ прошлыя войны съ французами и шведами. Я убѣжденъ, что онъ превосходитъ Багратіона въ знаніяхъ. Грубыя ошибки, сдѣланныя симъ послѣднимъ, и бывшія отчасти причиною нашихъ неудачъ, только подкрѣпили меня въ этомъ убѣжденіи, и я меньше, чѣмъ когда-либо, могъ считать его способнымъ быть во главѣ обѣихъ армій, соединенныхъ подъ Смоленскомъ. Хотя я и не вынесъ большого удовлетворенія изъ немногаго высказаннаго въ мое присутствіе Барклаемъ, но все же считаю его менѣе несвѣдующимъ въ стратегіи, чѣмъ Багратіонъ, который ничего въ ней не смыслитъ. Да, наконецъ, у меня тогда, по тому же убѣжденію, никого не было лучшаго для назначенія.

Слухъ, дошедшій и до васъ, будто мой адъютантъ Кутузовъ доставилъ мнѣ очень сильныя представленія отъ генераловъ арміи, совершенно ложенъ. Кутузовъ просто привезъ

мнѣ отчетъ о дѣлахъ, происходившихъ подъ Витебскомъ, на мой же собственный вопросъ онъ отвѣчалъ, что въ арміи считаютъ Багратіона и Барклая одинаково неспособными распоряжаться такимъ большимъ войскомъ, а что всѣмъ желателенъ Петръ Паленъ. Не говоря уже объ его вѣроломномъ и безнравственномъ характерѣ и преступленіяхъ, вспомните только, что онъ около 18—20 лѣтъ не видѣлъ непріятеля и былъ только бригаднымъ генераломъ, когда въ послѣдній разъ участвовалъ въ сраженіи. Какъ же я могъ положиться на такого человѣка, и чѣмъ онъ выказалъ свои воинскія дарованія или доблести?

Въ Петербургѣ я нашелъ всѣхъ за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова — это было единодушное желаніе. То, что я знаю объ этомъ человѣкѣ, заставляло меня сначала противиться его назначенію; но, когда Растопчинъ, въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 5 августа, извѣстилъ меня, что и въ Москвѣ всѣ за Кутузова, не считая Барклая и Багратіона годными для главнаго начальства, и когда, какъ нарочно, Барклай дѣлалъ глупость за глупостью подъ Смоленскомъ, мнѣ не оставалось ничего другого, какъ сдаться на общее желаніе. И въ настоящую минуту я думаю, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, мнѣ нельзя было не выбрать изъ трехъ, одинаково не подходящихъ въ главнокомандующіе, генераловъ того, за котораго были всѣ.

Перейдемъ теперь къ предмету, касающемуся меня гораздо ближе: къ моей личной чести. Признаюсь, что дотрогиваться до этой струны мнѣ еще тяжелѣй, и что по крайней мѣрѣ въ вашихъ глазахъ я считалъ ее безупречною. Мнѣ не вѣрится даже, что вы говорите въ вашемъ письмѣ о той личной храбрости, которую умѣетъ проявлять каждый солдатъ и въ которой я не вижу никакой заслуги. Впрочемъ, если я настолько униженъ, что долженъ останавливаться и на этомъ, то скажу вамъ, что гренадеры Малорусскаго и Кіевскаго полковъ могутъ засвидѣтельствовать вамъ, что я не хуже всякаго другого спокойно выдерживаю огонь непріятеля. Но, повторяю, мнѣ не вѣрится, чтобы рѣчь шла о подобной храбрости, и я полагаю, что вы говорите о храбрости духа: ей можно придать цѣну, когда призванъ къ чему-нибудь болѣе выдающемуся. Останься я

при арміи, можетъ быть, мнѣ удалось бы убѣдить васъ, что я не обдѣленъ и такимъ мужествомъ. Но вотъ чего я не могу понять. Вы писали Георгію въ Вильну о желаніи вашемъ, чтобъ я уѣхалъ изъ арміи; вы писали ко мнѣ въ письмѣ, которое привезъ Вельяшевъ: „Ради Бога, не принимайте рѣшенія лично командовать арміей, такъ какъ, немедленно нуженъ главнокомандующій, къ которому войско имѣло бы довѣріе, а вы, въ этомъ отношеніи, не можете вселить никакого; кромѣ того, неудачи, понесенныя вами, были бы непоправимымъ зломъ, по чувству, которое онѣ вызвали бы". Послѣ того, какъ рѣшено положительно, что я не могу вселять никакого довѣрія, не понимаю, говорю я, что хотите вы сказать мнѣ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ: „Спасите вашу затронутую честь! Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ умы". Подразумѣваете ли вы подъ этимъ мое нахожденіе при арміи? И какимъ образомъ согласить эти два совѣта, столь противоположные одинъ другому?

Послѣ того, что я пожертвовалъ для пользы моимъ самолюбіемъ, оставивъ армію, гдѣ полагали, что я приношу вредъ, снимая съ генераловъ всякую отвѣтственность, не внушаю войску никакого довѣрія и дѣлаю болѣе прискорбными поставленныя мнѣ въ вину пораженія, чѣмъ тѣ, которыя зачли бы за генералами: судите, дорогой другъ, какъ мнѣ должно быть мучительно услышать, что моя честь подвергается нападкамъ. Вѣдь я поступилъ, какъ того желали; я же только и желалъ быть съ арміей и, до назначенія Кутузова, я твердо рѣшилъ вернуться къ ней, отказался же отъ этого лишь послѣ, отчасти вспоминая то, что произошло въ Аустерлицѣ отъ лживаго характера Кутузова, отчасти по совѣтамъ вашимъ и многихъ другихъ, согласныхъ съ вами.

Если вы спрашиваете, почему я не поѣхалъ въ Москву, скажу въ отвѣтъ, что я не говорилъ никому на счетъ этой поѣздки и никому ничего не обѣщалъ. Растопчинъ въ своихъ письмахъ очень просилъ меня пріѣхать въ Москву; но писалъ онъ объ этомъ до отступленія отъ Смоленска, слѣдовательно во время моей поѣздки въ Финляндію, когда я не могъ этого сдѣлать. А затѣмъ, въ письмѣ отъ 14-го августа, онъ пишетъ, напротивъ: „Теперь Ваше Величество, перехожу къ самому важному, т.-е. къ вашему прибытію сюда. Нѣтъ никакого со-

мнѣнія, что ваше присутствіе возбудитъ еще больше восторженности, но, если до вашего пріѣзда дѣла не будутъ къ нашей выгодѣ, общая тревога только увеличится отъ вашего присутствія; и такъ какъ вамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя рисковать собою, то лучше будетъ, если вы рѣшитесь отложить вашъ отъѣздъ изъ Петербурга до полученія какихъ-нибудь извѣстій, которыя измѣнятъ къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ".

Разберемте же, могъ-ли я поѣхать въ Москву? Разъ было очевидно установлено, что я собою приношу арміи больше вреда, чѣмъ пользы, приличествовало-ли мнѣ быть тамъ, куда стягивалась армія, отступивъ отъ Смоленска? Для меня недопустима была мысль, что Москва будетъ оставлена такимъ недостойнымъ образомъ; но я долженъ былъ, однако, допустить эту возможность послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій. Каково было бы мнѣ въ Москвѣ, и не за тѣмъ-ли бы я пріѣхалъ туда, чтобъ, вмѣстѣ съ другими, собрать пожитки и убираться изъ нея?...

Въ Петербургъ я вернулся съ 21-го на 22-е. Предположимъ, что я выѣхалъ-бы на другой же день, я прибылъ-бы въ Москву только 26-го; слѣдовательно, я не имѣлъ бы даже возможности остановить гибельное отступленіе, сдѣланное въ ночь сраженія и погубившее все. Судите, чѣмъ бы я былъ тогда въ Москвѣ? Не сдѣлали-бы меня одного и справедливо отвѣтственнымъ за всѣ событія, происшедшія отъ этого отступленія, разъ я былъ такъ близко, а, между тѣмъ, могъ-ли я помѣшать случившемуся, когда пренебрегли воспользоваться побѣдою и потеряли благопріятныя минуты? Я бы, значитъ, пріѣхалъ для того только, чтобъ на меня легла тяжесть позора, до котораго довели другіе.

Напротивъ, мое намѣреніе было воспользоваться первой минутой дѣйствительнаго преимущества нашей арміи надъ непріятельской, которую она принудила бы отступить, и дѣйствительно, пріѣхать въ Москву. Даже послѣ извѣстія о битвѣ 26-го я выѣхалъ бы тотчасъ, не напиши мнѣ Кутузовъ, въ томъ же рапортѣ, что онъ рѣшилъ отступить на шесть верстъ, чтобъ дать отдыхъ войскамъ. Эти роковыя шесть верстъ, отравившія мнѣ всю радость побѣды, выну-

дили меня подождать слѣдующаго рапорта; изъ него я увидѣлъ ясно, что были только одни бѣдствія.

Вотъ точное изложеніе обстоятельствъ, дорогой другъ. Прибавлю къ этому и другія свѣдѣнія, которыя, можетъ быть, поразятъ васъ.

Нынѣшней весной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Вильну, я былъ предупрежденъ изъ надежнаго источника, что непрестанный трудъ секретныхъ агентовъ Наполеона былъ направленъ къ подорванію, всевозможными способами, народнаго довѣрія къ правительству, чтобъ тѣмъ самымъ поставить его въ прямое противорѣчіе съ народомъ; что Наполеонъ, для достиженія этой цѣли, рѣшилъ, если я буду при арміи, приписывать мнѣ всѣ могущія случиться потери и выставлять меня честолюбцемъ, пожертвовавшимъ безопасностію государства, лишивъ болѣе опытныхъ полководцевъ возможности одерживать побѣды надъ врагомъ, и что, напротивъ, если меня не будетъ съ арміей, то отнести это къ недостатку храбрости моей. Но это еще не все; по тѣмъ же самымъ свѣдѣніямъ, адскій этотъ замыселъ имѣлъ цѣлью вселить раздоръ въ нашей семьѣ.

Не удивитесь-ли вы, когда я вамъ скажу, что дней за 8 за 10 до моего отъѣзда, меня предупредили, что именно съ васъ и начнутъ дѣйствовать, употребивъ всѣ усилія, чтобъ выставить меня передъ вами въ самыхъ невыгодныхъ краскахъ? Но помня вашу ко мнѣ дружбу, открывавшую вамъ постоянно мое сердце и всѣ мои помыслы, я былъ совершенно спокоенъ, и не придалъ этому никакого значенія. Точно также хотѣли сдѣлать попытку вселить и во мнѣ нѣкоторое безпокойство относительно васъ, но вскорѣ же убѣдились, что это будетъ напрасная трата времени. Для успѣха этихъ адскихъ каверзъ, люди, совершенно къ нимъ непричастные, но напуганные доходившимъ до ихъ слуха, должны были, не сознавая того, и думая выказать даже свое усердіе, сдѣлаться эхомъ этихъ толковъ, распространенныхъ первоначально агентами Наполеона, чтобъ этимъ путемъ толки дошли, наконецъ, и до насъ, а дѣйствительные ихъ выдумщики остались бы скрытыми. Время, когда всѣ эти пружины особенно предполагалось пустить въ ходъ, приноравливалось къ занятію непріятелемъ одной или обѣихъ столицъ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, я ежедневно имѣю случай убѣждаться, какъ точны были предупрежденія, полученныя мною весною, а ваше послѣднее письмо только подтверждаетъ это. Пока я первый согласенъ признать, что, при тѣхъ несчастныхъ теперь обстоятельствахъ, въ которыхъ мы теперь находимся, подобные подвохи всевозможными способами достигаютъ успѣха, а распространители такого рода толковъ имѣютъ, естественно, много послѣдователей.

Что до меня, то единственно, за что я могу ручаться, это, что мое сердце, всѣ мои намѣренія, мое рвеніе будутъ клониться къ тому, что, по моему убѣжденію, можетъ служить на благо и на пользу отечеству. Относительно таланта, можетъ, у меня его недостаточно; но вѣдь таланты не пріобрѣтаются, они—даръ природы. Чтобъ быть справедливымъ, долженъ признать, что ничего нѣтъ удивительнаго въ моихъ неудачахъ, когда я не имѣю хорошихъ помощниковъ, терплю недостатокъ въ дѣятеляхъ по всѣмъ частямъ, призванъ вести такую громадную машину, въ такое ужасное время и противъ врага адски вѣроломнаго, и высоко талантливаго, котораго поддерживаютъ соединенныя силы всей Европы и множество даровитыхъ людей, образовавшихся за 20 лѣтъ войнъ и революціи. Вспомните, какъ часто въ нашихъ съ вами бесѣдахъ мы предвидѣли эти неудачи, допускали даже возможность потерять обѣ столицы, и что единственнымъ средствомъ противъ бѣдствій этого жестокаго времени мы признали твердость. Я далекъ отъ того, чтобъ упасть духомъ подъ гнетомъ сыплющихся на меня ударовъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда-либо, я рѣшилъ упорствовать въ борьбѣ, и къ этой цѣли направлены всѣ мои заботы.

Признаюсь вамъ откровенно, что мнѣ гораздо менѣе тяжело, когда меня не понимаетъ народная толпа или множество людей, мало меня знающихъ или даже вовсе не знающихъ, нежели когда это непониманіе я вижу въ тѣхъ немногихъ лицахъ, которымъ я отдалъ всѣ мои привязанности. Но, клянусь вамъ Богомъ, если подобное горе присоединится къ всему, что я теперь переношу, я не стану обвинять этихъ людей, а отнесу это къ обычной участи людей несчастныхъ, которыхъ всѣ покидаютъ.

Простите, добрый мой другъ, что такъ утомилъ ваше терпѣніе и длиннымъ моимъ посланіемъ, и временемъ, на него употребленнымъ, а времени очень мало въ моемъ распоряженіи, при моихъ ежедневныхъ работахъ...

По привычкѣ писать вамъ обоимъ вмѣстѣ, скажу вамъ, дорогой Георгій, что, въ настоящую минуту, вы мнѣ гораздо болѣе полезны во главѣ вашихъ трехъ губерній и въ вѣдомствѣ путей сообщеній, нежели въ главной квартирѣ. Въ такое время, когда непріятель всевозможными способами хочетъ привести въ разстройство внутреннія дѣла, никакія средства не будутъ лишними, чтобъ помѣшать ему въ этомъ и поддержать порядокъ. Никогда ваше генералъ-губернаторство надъ этими тремя губерніями не было такъ важно. Нашъ единственный способъ сообщенія съ прочими частями Имперіи проходитъ теперь черезъ Ярославль; половина Москвы въ немъ, да есть еще много другихъ уважительныхъ причинъ. Если вы поддержите порядокъ и спокойствіе въ трехъ вашихъ губерніяхъ, вы сдѣлаете этимъ величайшую пользу и мнѣ, и государству.

Итакъ, я кончаю, призывая васъ обоихъ къ стойкости и твердости. Вы такъ часто присовѣтовали мнѣ ихъ, а теперь именно для васъ самихъ представляется случай высказать ихъ; и вѣрьте, что противъ внутреннихъ смутъ гораздо больше нужно той и другой, чѣмъ противъ врага...

VI.

Кн. С. Волконскій у Александра I.

Я не разъ уже подтверждалъ, что правиломъ, нами принятымъ, было беречь продовольственные способы, въ тылу у насъ находящіеся, употребляя то, что находилось въ чертѣ расположенія нашихъ войскъ, и это производилось реквизиціоннымъ способомъ самими командирами отдѣльныхъ частей, въ силу даваемыхъ ежедневно изъ дежурства свѣдѣній, что такихъ-то продуктовъ выдать изъ такихъ-то мѣстъ и такимъ-то начальствомъ для войскъ, въ ихъ командѣ состоящихъ, столько-то. Когда вся Россія жертвовала послѣдней копейкой, и, можно сказать, послѣднимъ взрослымъ человѣкомъ, что тутъ было беречь барскіе выгоды, доходы,—

тѣмъ болѣе, что по вѣроятностямъ того времени и малозначительности нашего отряда, надо было брать то, чтобъ оное не поступало назавтра въ пользу непріятеля.

Въ одинъ день получилъ я отъ подполковника Розенберга извѣщеніе, что по назначенной реквизиціи фуража и людского продовольствія командуемаго имъ Изюмскаго гусарскаго полка изъ имѣній генералъ-адъютанта Балашева,— управляющій этимъ имѣніемъ не только что отказался въ выдачѣ по ассигновкѣ, но выгналъ фуражировавшую команду и отправилъ нарочнаго въ Тверь, чтобъ оттуда послать эстафету съ жалобой на дѣйствія военнаго управленія. Розенбергъ былъ, по содержанію его записки ко мнѣ, видимо испуганъ и просилъ моего совѣта.

Я, зная образъ сужденія Винцингероде въ отношеніи общихъ тогдашнихъ обстоятельствъ, понесъ прямо записку Розенберга къ Винцингероде, доложилъ о содержаніи оной и получилъ приказаніе передать Розенбергу, чтобъ онъ, если не хотятъ ему дать назначенное мирнымъ путемъ, взялъ бы вдвое силою. Къ этому же Винцингероде еще сказалъ, что впослѣдствіи отъ Царя зависитъ платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодахъ помѣщичьихъ, и что грустно будетъ, если приближенные къ Царю не будутъ давать примѣра пожертвованіями, и особенно въ предстоящихъ обстоятельствахъ, потому что зачѣмъ было беречь теперь русскимъ то, что завтра, если сохранно будетъ, можетъ быть взято французами. Но вопль чиновниковъ, которымъ препятствовалъ Винцингероде дѣлать за-

Ф. Винцингероде.

купы по французскимъ цѣнамъ, и таковый же вопль господъ помѣщиковъ, которые, какъ тогда, такъ и теперь, и всегда будутъ это дѣлать, кричатъ объ ихъ патріотизмѣ, но изъ того, что можетъ поступить въ ихъ кошелекъ, не дадутъ ни алтына,—этотъ вопль нашелъ пріютъ въ Питерѣ, и на эти жалобы, хотя въ выраженіяхъ весьма учтивыхъ, отъ графа Аракчеева былъ присланъ Винцингероде запросъ.

Имѣя рыцарскія чувства, Винцингероде, получивъ это, вспылилъ, не отвѣчалъ графу, но написалъ письмо прямо Государю, приказалъ мнѣ немедленно отправиться съ этимъ письмомъ въ Петербургъ и далъ мнѣ собственную записку, въ чемъ объясниться съ Царемъ, какъ по предмету нанесенной на него жалобы, такъ и по многимъ другимъ обстоятельствамъ. Сборы мои не были долги; занимаемую мною должность передалъ я Нарышкину, сѣлъ на тройку и помчался въ Питеръ. По тогдашнему заведенному порядку, пріѣзжіе курьеры прямо привозились къ графу Аракчееву и оттоль, смотря по лицамъ и обстоятельствамъ, онъ, или одинъ, взявши депеши, или съ прибывшимъ, ѣхалъ во дворецъ, и тогда прибывшій допускался до Царя. Графъ Аракчеевъ повезъ меня во дворецъ, и я лично и безъ него былъ допущенъ къ Государю. Подавъ ему депешу, доложилъ, что имѣю записку о личномъ докладѣ ему содержанія оной. Онъ и ту взялъ и, переговоривъ со мною о содержаніи всего врученнаго, сказалъ мнѣ: „Ты немного отдохнешь, а потомъ получишь отправленіе отъ графа“. Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ слѣдующіе вопросы:

1) — Каковъ духъ арміи? — Я ему отвѣчалъ: „Государь! Отъ главнокомандующаго до всякаго солдата, всѣ готовы положить свою жизнь къ защитѣ отечества и Вашего Императорскаго Величества“.

2) — А духъ народный? — На это я ему отвѣчалъ: „Государь, вы должны гордиться имъ; каждый крестьянинъ — герой, преданный отечеству и Вамъ“.

— А дворянство? — „Государь! — сказалъ я ему, — стыжусь, что принадлежу къ нему, — было много словъ, а на дѣлѣ ничего“.

Государь тогда взялъ меня за руки и сказалъ: „Радъ, что вижу въ тебѣ эти чувства; спасибо, много спасибо“. И кон-

чилъ разговоръ тѣмъ: „Передъ отправленіемъ я съ тобою увижусь и передамъ тебѣ порученіе къ Винцингероде отъ меня прямо къ нему“, прибавивъ: Nous nous comprenons avec lui [1]).Этотъ разговоръ такъ мнѣ памятенъ, что завѣряю, что слово въ слово передаю его теперь моимъ перомъ.

Жду день, жду два, жду три моего отправленія, жду четыре, пятый, все нѣтъ о томъ вѣсти; живу пріятно, лелѣянъ всѣми старыми знакомыми и даже незнакомыми; въ военное время, и особенно тогда всякій, привезенный изъ арміи, обращалъ на себя вниманіе. Провожу время пріятно, но совѣстно было оставаться въ мирномъ бытѣ, когда другіе подъ пулями, да и боялся, чтобъ Винцингероде не подумалъ, что я попался въ Новую Капую. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ моего возвращенія, я рѣшился, чтобъ выйти изъ этого положенія, воспользоваться дружеской связью Анны Антоновны Нарышкиной съ Винцингероде, и просилъ ее, чтобъ она мнѣ помогла въ безотлагательномъ отправленіи къ нему; объяснивъ ей и мой долгъ, и мои опасенія, я просилъ ее доложить о томъ Государю. — „Нынче же скажу“,—отвѣтила она мнѣ. Я поблагодарилъ ее и пустился по городу.

Вечеромъ былъ у Маріи Антоновны Нарышкиной, которая еще болѣе прежняго была расположена ко мнѣ, какъ нынѣшнему сослуживцу ея сына Льва. Уже около полуночи мнѣ докладываютъ, что фельдъегерь, присланный отъ Государя, имѣетъ надобность меня видѣть. Я вышелъ, и онъ мнѣ сказалъ: „Государь приказалъ вамъ завтра въ 6 часовъ утра быть во дворцѣ, но приказалъ мнѣ подтвердить вамъ, чтобъ вы не опоздали“.

Разумѣется, я еще ранѣе шести часовъ былъ во дворцѣ и извѣстилъ камердинера Государя, что я тутъ, и чтобъ онъ, когда можно будетъ, доложилъ обо мнѣ Государю. Недолго я подождалъ и былъ призванъ въ кабинетъ Государя; принявъ очень благосклонно меня, онъ мнѣ сказалъ: „Вотъ тебѣ письмо къ Винцингероде; онъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе и довѣріе къ нему,

---

[1]) Мы съ нимъ понимаемъ другъ друга.

но въ ходѣ дѣлъ административныхъ, надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впредь могутъ быть ему не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ, и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винцингероде". Я указываю на эти послѣднія слова, какъ странный фактъ того, что Государь себя подчинялъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ доказательство силы Аракчеева у Государя. Вскорѣ я былъ потребованъ къ Аракчееву, получилъ отправленіе и приготовился къ отъѣзду нѣсколько часовъ послѣ.

Кн. С. Волконскій.

VII.

Въ провинціи.

Всю осень, по крайней мѣрѣ у насъ въ Пензѣ, въ самыхъ мелочахъ старались высказывать патріотизмъ. Дамы отказались отъ французскаго языка. Пожертвованіе жестокое! А вышло на повѣрку, что по-русски говорить имъ легче, что на нашемъ языкѣ изъясняются онѣ лучше, и что онъ весьма способенъ къ употребленію въ гостиныхъ. Многія изъ нихъ, почти всѣ, одѣлись въ сарафаны, надѣли кокошники и повязки; поглядѣвшись въ зеркало, нашли, что нарядъ сей къ нимъ очень присталъ, и не скоро съ нимъ разстались. Что касается до насъ, мущинъ, то, во-первыхъ, члены комитета, въ коемъ я находился, яко принадлежащіе нѣкоторымъ образомъ къ ополченію, получили право, подобно ему, одѣться въ сѣрые кафтаны и привѣсить себѣ саблю; однихъ эполетъ имъ дано не было. Губернаторъ не могъ упустить случая пощеголять новымъ костюмомъ: онъ нарядился, не знаю съ чьего дозволенія, также въ казацкое платье, только темнозеленаго цвѣта съ свѣтлозеленою выпушкой. Изъ гу-

бернскихъ чиновниковъ и дворянъ всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Въ столь смутное время, гдѣ было собираться большому обществу? Кому была охота дѣлать званые вечера? Однако же туземные и проѣзжіе, на столь небольшомъ пространствѣ скопившіеся, скоро ознакомились и, чтобы раздѣлить горе свое, а иногда и забыть о немъ, часто за-просто навѣщали другъ друга и ѣздили изъ дома въ домъ; и оттого вездѣ можно было найти толпы людей.

Ф. Вигель.

VIII.

Въ деревнѣ.

По донесенію Тверского гражданскаго губернатора Кологривова ген.-губернатору Тверской, Новгородской и Ярославской губерній отъ 19 сентября 1812 года, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, оставшемся безъ начальственнаго надзора, нѣкоторыхъ помѣщиковъ и экономическіе крестьяне Никольской волости, обольщенные вредными внушеніями непріятеля, вышли изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ, приказчикамъ и старостамъ; при чемъ въ имѣніяхъ господъ учинили грабежъ: хлѣбъ растащили, рогатый скотъ и лошадей убили; изъ погребовъ одного имѣнія вина и библіотеку отдали священнику, который, не удовольствуясь награбленнымъ имуществомъ, свелъ съ господскаго двора даже послѣднюю лошадь. Бунтуя, крестьяне говорили, что отнынѣ они принадлежатъ французамъ, поэтому и повиноваться будутъ имъ, а не русскимъ властямъ. Чтобы прекратить бунтъ, онъ, Кологривовъ, обратился за военною силою къ Винцингероде, стоявшему съ полками по трактамъ близъ Волоколамскаго уѣзда. Видимо, не дождавшись отъ Тыртова никакихъ распоряженій относительно прикрытія Волоколамской дороги, губернаторъ съ той же просьбой обратился къ Винцингероде, который и прислалъ два полка.

IX.

Изъ писемъ Поздѣева.

1.

Къ Сергѣю Степановичу Ланскому.

19 сентября 1812 г.

Дорога отъ Москвы въ Петербургъ открыта; вы на такомъ же призѣ, какъ Москва: войскъ отъ Москвы до Петербурга нѣтъ, кромѣ мужиковъ съ рогатинами, какъ противъ медвѣдей, кои суть жертвы, да и тѣ (т.-е. мужики) отягощены наборомъ рекрутъ и налогами до крайности. Одни дворяне и ихъ прикащики побуждаютъ къ повиновенію къ Государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности и все это поддерживалось головами французскими и изъ русскихъ, а нынѣ и паче французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, и именно связь Государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборомъ рекрутъ, милиціей и такъ названнымъ ополченіемъ нынѣ и особливо съ Московской губерніи, которая уже теперь не наша. И, слышу, пишутъ теперь изъ подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовыхъ всѣхъ въ однѣхъ рубашкахъ вонъ теперь; а нынѣ уже зима—куда идти безъ хлѣба и одежды? Въ лѣса? Замерзнутъ и погибнутъ съ голоду. Вотъ состояніе Россіи! А сердце государства—Москва взята, сожжена! Войска мало, предводители пятятся назадъ, научились на разводахъ только, а далѣе не смыслятъ; войска потеряли прежній духъ, а французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ, то и ожидай всеобщаго (возстанія); при этакомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго бунта противъ Государя и дворянъ и прикащиковъ, кои власть Государя подкрѣпляютъ.

Теперь множество и наѣхало, и ѣдетъ въ Вологду, которая имъ кажется далѣе отъ французовъ. А принцъ въ Ярославлѣ и своихъ подчиненныхъ городахъ отдалъ повелѣніе: коли французы будутъ приближаться, то все зажигать; а селенія и города зажигать, а послѣ отъ стужи умирать!...

2.

Къ графу А. К. Разумовскому.

Сентября 21-го, 1812 г.

Всѣ эти происшествія учатъ насъ, чтобы къ мѣсту не привязывались, какъ Священное Писаніе говоритъ и учитъ, что не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Жизнь наша и по лѣтамъ уже не долга, и вотъ дожили до какихъ перемѣнъ! Вотъ строенья наши! Вотъ украшенія наши! Не знаю, что съ нашими морскими будетъ, гдѣ они будутъ? Гдѣ Богъ велитъ оканчивать и вамъ дни свои? Ибо гдѣ теперь безопасность? Потому что и мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности; хотя и видятъ разореніе совершенное, но очаровательное слово вольности кружитъ ихъ, ибо мало смыслящихъ, а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды.

Религія, искаженная наружностью, пьянствомъ и прочими пороками, до того испортилась въ нашемъ духовенствѣ, что за день до входа непріятелей въ Москву и наканунѣ не слышно было въ воскресный день колокола ни заутренняго, ни обѣденнаго, а попы толпами бѣжали изъ Москвы отъ своихъ церквей. Кто повѣритъ, что въ короткое время все это произошло? Афишками отъ г. Растопчина и князя Кутузова обманывали весьма часто, на день раза по два: что никакой опасности нѣтъ, что наши весьма разбиваютъ французовъ; сами все назадъ пятились и Москву оставили французамъ и огню. Афишками увѣряли, что 26 августа разбили французовъ тѣмъ, что наши не уступили ни шагу назадъ, и князь Кутузовъ все пятился назадъ...

X.

Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

30-го сентября.

Про армію мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и если бы не вѣсти московскихъ бѣглецовъ, да не французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро

насъ будятъ тысячи крестьянъ: они плачутъ, пока имъ не забреютъ лбы, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ Рязанской и Владимірской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются...

XI.

Изъ письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу.

Изъ Нижняго-Новгорода, октябрь 1812 г.

Здѣсь Карамзины, Пушкины, здѣсь Архаровы, Апраксины, однимъ словомъ—вся Москва; но здѣсь для меня душевнаго спокойствія нѣтъ и, конечно, не будетъ. Ужасныя происшествія нашего времени, происшествія, случившіяся какъ нарочно передъ моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли во всѣхъ видахъ, на всѣхъ людей, такъ меня поразило, что я насилу могу собраться съ мыслями и часто спрашиваю себя: гдѣ я? что я?

Не думай, любезный другъ, чтобы я по старому предался моему воображенію, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю.

Отъ Твери до Москвы и отъ Москвы до Нижняго, я видѣлъ, видѣлъ цѣлыя семейства всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ въ самомъ жалкомъ положеніи; я видѣлъ то, чего ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи видѣть не могъ: переселеніе цѣлыхъ губерній! Видѣлъ нищету, отчаяніе, пожары, голодъ, всѣ ужасы войны, и съ трепетомъ взиралъ на землю, на небо и на себя. Нѣтъ, я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству, чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ или французовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ. Ахъ, мой милый, любезный другъ, зачѣмъ мы не живемъ въ счастливѣйшія времена, зачѣмъ мы не отжили прежде общей погибели!

При имени Москвы, при одномъ названіи нашей доброй, гостепріимной, бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ,

и тысячи воспоминаній, одно другого горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія, мщенія! Варвары, вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны! Хорошо и они намъ заплатили!

Можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о ихъ неистовыхъ поступкахъ. Но я еще не хочу умирать; итакъ, ни слова. Но скажу тебѣ мимоходомъ, что Алексѣй Николаевичъ совершенно правъ; онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей, подобныхъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра, а я прибавлю: ихъ головы—гильотины...

XII.

Русская Шарлотта Кордэ.

Мы пріѣхали въ **, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякій день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка „Бивакъ“ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Растопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти нелѣпыя и новости неосновательныя, она томилась, впала въ глубокое уныніе. Она отчаивалась въ спасеніи Россіи. Казалось ей, что Россія быстро приближается къ своему паденію, военныя реляціи усугубляли ея безнадежность — политическія гр. Растопчина выводили ее изъ терпѣнія — шутовской слогъ ихъ казался ей верхомъ неприличія, а мѣры, имъ принимаемыя, варварствомъ нестерпимымъ. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили

ей. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ. Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія,—но мысль о Шарлоттѣ Кордэ долго ее не оставляла.

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ théâtre de société, гдѣ разыгрывались французскія proverbes, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ — и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны,—правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій: мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностью. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же безпокоило Наполеона, какъ и ожесточало русскихъ. „Но вы,—спросила его Полина,—„развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора?“ Синекуръ (назову-жъ его именемъ, даннымъ ему г-мъ Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. „Конченъ“, — возразила Полина, — „а Наполеонъ все еще идетъ впередъ а мы все отступаемъ“.— „Тѣмъ хуже для насъ“,—отвѣтилъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и

глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами. „Признайся“,— говорила она,—„что твой Алексѣй препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего незначущія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейной жизни?“ Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ, самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ, одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ шепотомъ объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущихъ нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку.

„Нѣтъ“,—сказалъ мнѣ Синекуръ,—„княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество“. Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи; мы пошли къ ней навстрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила. „Москва взята!“—сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза. „Благородные, просвѣщенные французы“,—продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія,—„ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву—Москва горитъ уже два дня“.—„Что вы говорите“,—закричалъ Синекуръ,—„не можетъ быть!“—„Дождитесь ночи“,—отвѣчала она сухо:—„можетъ быть увидите зарево“.—„Боже мой! Онъ погибъ!“—сказалъ Синекуръ:—„какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону негдѣ, нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ, разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушіе. Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ императоромъ!“ Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. „Неужели“, — сказала она, — „Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы—нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно—честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу“. Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество. „Ты знаешь?“—сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ:—„твой братъ.... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну—радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи“. Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія“.

А. Пушкинъ.

XIII.

Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

15-го октября.

Намъ говорятъ, что между тѣмъ, какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ и что въ Петербургѣ въ Русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, какъ русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе изъ далека, разсказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосу нѣту...

XIV.

Въ глуши Россіи.

Замѣчательно, что въ самыхъ захолустьяхъ, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ мерещились уже вездѣ французы. Разъ мы остановились для стирки бѣлья въ одной деревнѣ Вологодской уже губерніи. Едва вымыли бѣлье и развѣсили его, какъ на колокольнѣ раздался набатъ и крикъ: „Французы“. Какъ сумасшедшій выбѣжалъ засѣдатель, схватилъ меня на руки и, приказавъ нести и другихъ дѣтей, посадилъ въ незаложенную еще карету. Мигомъ запрягли какихъ-то лошадей, и мы поскакали. Затѣмъ скомкали кое-какъ сырое бѣлье, и его, и невымытую посуду, и все побросали въ повозки и также увезли, перебивъ при этомъ много посуды и переломавъ вещей. Вся суета оказалась потомъ напрасною, а что подало къ ней поводъ,—не могли никакъ дознаться.

Дорога была утомительная и трудная, особенно въ Грязовецкомъ уѣздѣ по бревенчатой мостовой, и наши люди, помню, все говорили, что, когда поймаютъ Бонапарта, то осудятъ его, проклятаго, на то, чтобы катать безпрестанно — взадъ и впередъ по этой мостовой. Вездѣ мы видѣли страшное отчаяніе. Церкви были полны народомъ, молились на колѣняхъ, плача и рыдая. Рѣдко проходило, чтобы женщины

не падали въ обморокъ или въ истерику. Въ которомъ домѣ имѣлась Библія славянская, туда бѣгали справляться о предсказаніяхъ, вездѣ толковали о томъ, что будетъ съ Россіей, что сдѣлаетъ съ ней Бонапартъ.

Наконецъ, добрались мы до Вологды, гдѣ назначено было намъ остановиться для отдыха въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ Вологдѣ намъ наняли очень хорошую квартиру у соборнаго діакона, но мы развѣ утро проводили только дома, а то постоянно бывали у губернатора или у начальника инженернаго округа. Живо помню сцены у Спаса Обыденнаго, какъ бывало не только церковь, но и вся площадь была полна народомъ, какъ губернаторъ выходилъ и читалъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, какъ вся площадь оглашалась рыданіями колѣнопреклоненнаго народа.

Отдохнувъ недѣлю, мы отправились черезъ Тотьму въ Великій Устюгъ, откуда должны были уже отправиться по зимнему пути въ Архангельскъ. Но черезъ три дня по прибытіи въ Устюгъ курьеръ привезъ намъ приказаніе возвратиться въ Вологду вслѣдствіе выхода французовъ изъ Москвы [1]).

Д. Завалишинъ.

XV.

Въ арміи.

1.

Письмо Гр. Ѳ. Растопчина къ женѣ.

Деревня Кутузово, въ 35 вер. отъ Москвы, 9 сентября.

Мы ходимъ кругомъ Москвы и завтра расположимся по дорогѣ въ Вороново, верстахъ въ 35 отъ Москвы, въ деревнѣ по названію Пахра. Есть мысль занять Калужскую дорогу и оттуда мѣшать сношеніямъ непріятеля съ Смоленскомъ и т. д. Мы все еще льстимъ себя надеждою, что онъ придетъ сражаться съ нами; но я убѣжденъ, что въ ту минуту, когда

---

[1]) Когда получено было это извѣстіе, то разсказы объ измѣнѣ приняли другой видъ. Пресерьезно увѣряли, что Бонапартъ то тамъ, то тутъ былъ будто бы пойманъ казаками, что Бонапартъ подкупалъ генераловъ, обманывая ихъ боченками съ пуговицами, прикрытыми червонцами и отзываясь, поэтому, будто бы такъ о русскихъ, что у нихъ стѣны крѣпки, да столбы слабы

этого всего менѣе ожидаютъ, онъ пойдетъ на Тверь, гдѣ собраны большіе запасы, а оттуда черезъ Порѣчье вторгнется въ Бѣлоруссію, гдѣ будетъ готовиться къ новой кампаніи, и вернется, какъ завоеватель Москвы, въ Парижъ, чтобы наслаждаться новыми своими злодѣяніями.

Москва болѣе не существуетъ. Ночью 2-го числа, въ день наступленія непріятеля, огонь занялся въ хлѣбныхъ лавочкахъ и магазинахъ. На другой день къ вечеру, огонь показался въ нѣсколькихъ мѣстахъ и свирѣпствовалъ въ теченіе трехъ сутокъ. Трудно сказать, что уцѣлѣло отъ пламени. Обѣ Басманныя, Покровка, Мясницкая, Лубянка, Тверская, Никитская, Моховая, Арбатъ, Пречистенка, Остоженка, все Замоскворѣчье, Таганка, Воспитательный домъ, Голицынская больница—все это болѣе не существуетъ; одинъ пепелъ покрываетъ все это громадное пространство. Я хорошо зналъ, что пожаръ неизбѣженъ. 30,000 французскихъ разбойниковъ, да нѣсколько тысячъ русскихъ мародеровъ пустились на грабежъ домовъ. Церкви были опустошены; одинъ священникъ, не хотѣвшій впустить грабителей въ свою церковь, былъ тутъ же зарѣзанъ. Имъ досталось мало добычи, такъ какъ купцы все увезли, а огонь уничтожилъ остатки. Бонапартъ помѣстился у заставы. При въѣздѣ Мюрата, какой-то крестьянинъ на Арбатѣ выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ полковника, бывшаго подлѣ короля. Въ разныхъ мѣстахъ народъ хотѣлъ собраться и ударить на французовъ, но послѣ нѣсколькихъ картечныхъ залповъ разсѣялся. Въ настоящее время въ Москвѣ всего два полка кавалеріи. Французскіе солдаты недовольны Бонапартомъ. Онъ торжественно и нѣсколько разъ обѣщалъ имъ добычу и миръ, и обѣщанія его не исполнились. Мучительнѣе всего, что наши войска вездѣ имѣли верхъ надъ непріятелемъ; не достаетъ только вождя. Еще вчера Васильчиковъ, командующій небольшимъ отрядомъ, съ 300 казаками и двумя эскадронами гусаръ, побилъ 120 человѣкъ и взялъ въ плѣнъ 230 конныхъ егерей (избранное французское войско) съ ихъ полковникомъ и всѣми офицерами. Настроеніе нашей арміи такъ плохо, что я боюсь мятежа. Кутузовъ не показывается; онъ спитъ и ѣстъ одинъ, возитъ съ собой дѣвочку, одѣтую казакомъ, и предоставляетъ свои обязанности двумъ бездѣльникамъ. Солда-

ты называютъ его то „Предателемъ“, то „Темнѣйшимъ“. Офицеры громко говорятъ, что стыдно носить мундиръ. Солдатъ кричитъ: „Къ чему насъ вели? Чтобы сдать Москву непріятелю? За что станемъ мы теперь биться?“ Безпорядокъ дошелъ до такой степени, что на виду у генераловъ солдаты начинаютъ грабить дома бѣдныхъ мужиковъ, и на 50 верстъ въ окружности страна опустошена. Нельзя вообразить, какіе ужасы они совершаютъ. Интриги между генералами въ полномъ разгарѣ. Бенигсенъ хочетъ замѣстить Кутузова, хотя самъ слишкомъ старъ для этого. Барклай посовѣтовалъ оставить Москву, чтобы забыли о томъ, какъ онъ бросилъ Смоленскъ. Онъ говоритъ, что надо сохранить армію. Но для чего она существуетъ? И эта самая армія въ конецъ распадается. Мое положеніе очень непріятно. Повозки съ моими вещами, бумагами и т. п. пропали вмѣстѣ съ людьми, и я не знаю, гдѣ они.

Вся Москва сожжена, но будущее еще ужаснѣе настоящаго. По деревнямъ разсылаютъ крестьянъ, выпущенныхъ изъ Москвы. Имъ даютъ денегъ и говорятъ имъ: „Кіевъ и Петербургъ взяты; вы принадлежите Наполеону, а Наполеонъ за васъ. Не повинуйтесь болѣе никому и занимайтесь своей работой“. Много мужиковъ вооружилось и совершало чудеса въ борьбѣ противъ французскихъ шаекъ, но наши войска ограбили ихъ и опустошили деревни. Какъ же вы хотите, чтобы они сражались, и что остается имъ защищать? Въ Вороновѣ они перепились, и тамъ произошли безпорядки. Свитина и Юрьевка сожжены Вороновскими крестьянами. Я послалъ туда на постой 12 драгуновъ. Шраммъ остался, но что меня тронуло, это поступокъ Катенькина Прокофія; онъ не пожелалъ покинуть усадьбу. Нашъ городской домъ сгорѣлъ, и я очень тѣмъ доволенъ. Кутузовъ за 26-е назначенъ фельдмаршаломъ; такъ какъ уже думали, что онъ оставилъ Москву по Высочайшему приказу, то можно судить, какое впечатлѣніе произведетъ это повышеніе [1]). Все готово къ мятежу. Армія ничего не дѣлаетъ, не знаетъ ничего о не-

---

[1]) Бородинское сраженіе праздновалось въ Петербургѣ, какъ побѣда; а Кутузову дана вѣчная пенсія въ сто тысячъ рублей. Эту пенсію дѣлятъ нынѣ его потомки, уже третьяго и четвертаго поколѣній, внуки и правнуки четырехъ дочерей его.

пріятелѣ, и я отчаиваюсь въ спасеніи нашей несчастной родины. Прощай, мой другъ, цѣлую твои ножки и обнимаю нашихъ бѣдныхъ дѣтей.

2.

Робертъ Вильсонъ [1]) — императору Александру.

15-го (27-го) сентября 1812 г.

Честь имѣю донести Вашему Величеству, что армія оставила позицію подъ Красной-Пахрой вчерашній день и заняла мѣсто въ семи верстахъ по Калужской дорогѣ; но передовые посты, отъ которыхъ я возвратился теперь, остаются еще на рѣкѣ Пахрѣ и занимаютъ двѣ трети прежняго лагеря.

Сегодня поутру появились нѣсколько сотенъ непріятельской конницы съ пушками, а съ другой—корпусъ показался подалѣе съ нашей правой руки, но безъ пѣхоты. Если бы онъ началъ, то мы атаковали бы его, и атакуемъ завтра, если онъ появится съ какою-нибудь силою—я могу увѣрить Ваше Величество, что симъ намѣреніемъ чрезвычайно довольна вся армія.

Позиція при Красной-Пахрѣ дѣйствительно была невыгодная. Сообщенія были весьма неспособныя и фланги безо всякаго подкрѣпленія; но генералъ Бенигсенъ увѣрилъ меня, что если онъ когда-либо будетъ опять атакованъ, то начнетъ дѣйствовать наступательно въ продолженіе самаго сраженія и потому я надѣюсь, что Ваше Величество изволите услышать о сраженіяхъ, которыхъ послѣдствія будутъ гораздо выгоднѣе, нежели каковыми сопровождались побѣды храбрыхъ войскъ вашихъ и въ нынѣшнюю войну и въ прошедшую. Я желалъ бы умолчать передъ В. В. о нѣкоторыхъ несогласіяхъ, и до нынѣ еще продолжающихся между начальниками. Вашему Величеству, конечно, извѣстно, что съ лѣтами и здоровьемъ кн. Кутузова нельзя ожидать дѣятельнаго начальства [2]); что генералъ Бенигсенъ ищетъ главной команды, и

---

[1]) Вильсонъ былъ великобританскимъ коммисаромъ при арміи и получилъ дозволеніе писать императору обо всемъ, заслуживающемъ вниманія.

[2]) Черезъ нѣсколько времени въ письмѣ отъ 13 октября Вильсонъ писалъ о Кутузовѣ еще слѣдующее:

„Бездѣйствіе фельдмаршала послѣ побѣды надъ Мюратомъ тогда, когда бы должно было двинуться со всею арміею влѣво; медленность его въ присылкѣ

что генералъ Барклай недоволенъ тѣмъ, что подъ командою; но я надѣюсь, что уже недалекъ тотъ день, въ который Москва возвратится Вашему Величеству, и что легко можетъ представиться благопріятный случай сдѣлать новыя распоряженія безъ всякой неудобности для службы Вашему Величеству. Между тѣмъ, генералъ Бенигсенъ, просившій уже паспортовъ, нынѣ рѣшается остаться, получивши власть распоряжаться наступательными дѣйствіями; а какъ и генералъ Барклай, по собственному его отзыву, не почитаетъ себя способнымъ служить, какъ только на полѣ сраженія, то планы генерала Бенигсена не могутъ имѣть никакой остановки съ сей стороны на будущее время.

Я употреблю всѣ возможныя старанія для содѣйствія къ примиренію и на всякій случай къ удаленію явной вражды; но Ваше Величество, конечно, знаете, что на сей разъ можно доставить только временное облегченіе, и что глубоко растравленная язва не подаетъ надежды къ прочному спокойствію.

Я съ сокрушеніемъ долженъ представить Вашему Величеству, что то же нерадѣніе, которое отъ Смоленска подвергло вашу армію опасности, и до сихъ поръ продолжается. Я признаюсь, что когда смотрю на сіе бренное ополченіе, построенное въ ордеръ баталіи, то въ побѣдѣ не сомнѣваюсь, но когда вижу оное въ походѣ, то трепещу за его безопасность.

Необходимо нужно, чтобы Ваше Величество предписали и строго подтвердили бы, чтобы никакой походъ не пред-

---

помощи генералу Дохтурову; личная медленность его въ прибытіи на мѣсто сраженія до 5-ти часовъ вечера, хотя онъ цѣлый день пробылъ въ пяти верстахъ отъ онаго; личная осторожность во всѣхъ дѣлахъ, нерѣшимость его въ совѣтахъ, подверженіе войскъ Вашего Величества пагубнѣйшему безпорядку по недостатку надлежащихъ распоряженій и поспѣшность безъ причины,—суть погрѣшности столь важныя, что я принужденъ употребить таковыя изрѣченія.

Лѣта фельдмаршала и физическая дряхлость могутъ нѣсколько послужить ему въ извиненіе, и потому сожалѣть можно о той слабости, которая заставляетъ его говорить, „что онъ не имѣетъ иного желанія, какъ только того, чтобы непріятель оставилъ Россію“, когда отъ него зависитъ избавленіе цѣлаго свѣта. Но такая физическая и моральная слабость дѣлаютъ его неспособнымъ къ занимаемому имъ мѣсту, отнимаютъ должное уваженіе къ начальству и предвѣщаютъ несчастіе въ то время, когда вся надежда и пламенная увѣренность въ успѣхѣ должны брать поверхность“.

принимался безъ особаго отряда, составленнаго изъ одного офицера съ 20-ю піонерами, разставленными на каждомъ мосту по дорогѣ. Такіе отряды можно набрать изъ піонеровъ разныхъ корпусовъ, но необходимо нужно, чтобы таковое распоряженіе было сдѣлано и исполнялось во всей точности.

Если бы я зналъ по-русски, то я самъ рѣшился бы просить Ваше Величество о возложеніи на меня сей должности, будучи убѣжденъ въ томъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всякое мѣсто, гдѣ можно принести пользу, есть мѣсто почетное; но сіе мѣсто должно возложить на чиновника знающаго, и на нѣкоторое время нужно, чтобъ Вашему Величеству были донесенія, что сія служба исправляется: неудачи г. Лаврова лично могутъ быть оправданы, но если бѣдствіе произошло отъ нерадѣнія, тогда къ несчастію присовокупляется еще посрамленіе.

Я надѣюсь, что Ваше Величество проститъ мнѣ за сіи настоятельныя и повторительныя представленія по сему предмету. Имѣя въ виду столь явную и частую опасность, я не могу умолчать о семъ и побуждаюсь къ тому тѣмъ болѣе, что я не могъ не замѣтить на пути моемъ изъ Петербурга, что Ваше Величество изволили обратить вниманіе на сію черту сообщенія.

Я съ особымъ удовольствіемъ могу увѣрить Ваше Величество, что армія неослабно оживлена воинскимъ духомъ въ высочайшей степени; что подкрѣпленія подходятъ во множествѣ, что она изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и водкою, что 4 тысячи прекрасныхъ и хорошо вооруженныхъ людей присоединились къ ней вчера и что 800 лошадей, въ прекрасномъ состояніи, приведены сегодня поутру для кавалеріи. Погода также поправляется, и я не замѣчаю, чтобы болѣзни усиливались. Я говорю, что не замѣчаю, ибо, не зная о возвращающихся, я могу судить только по тому, что вижу и что слышу, и по симъ только свѣдѣніямъ могу сдѣлать заключеніе о томъ, что должно бы быть сдѣлано арміею по вѣроятной силѣ ея, которая, по моему исчисленію, состоитъ теперь изъ 130 тысячъ человѣкъ, кромѣ ополченія. Вашему Величеству должно быть извѣстнѣе, справедливо ли сіе исчисленіе.

3.

Гр. Ѳ. Растопчинъ — женѣ.

16-го сентября. Вороново.

Я здѣсь со вчерашняго дня и помѣстился надъ конюшнями въ комнатахъ, которыя когда-то занималъ Рашвичъ. Не буду ничего говорить тебѣ о томъ, что происходитъ въ нашихъ имѣніяхъ. Когда гибнетъ все, нечего заботиться о частныхъ дѣлахъ; но невозможно спокойными глазами смотрѣть, какъ орда разбойниковъ въ 120 тысячъ человѣкъ опустошаетъ родину. Болѣе 10,000 человѣкъ бродятъ въ нашихъ лѣсахъ. Ради нищеты много дѣтей брошено. Я не понимаю, какъ несчастные крестьяне не возмутятся противъ нашихъ солдатъ и не перейдутъ на сторону непріятеля. Священникъ здѣсь не служитъ обѣдни, такъ какъ третьяго дня, въ самое время его службы, въ церковь вошло человѣкъ двадцать солдатъ и начали грабить, унося зажженныя свѣчи. Русская армія расположилась въ Мочѣ, въ двухъ верстахъ отсюда, такъ какъ отдѣльный отрядъ, самое большее въ 8,000 человѣкъ, показался справа, а Кутузовъ, имѣя 108 тысячъ подъ ружьемъ, не посмѣлъ атаковать его. Онъ предпочелъ отступить. Солдаты мрутъ, какъ мухи, отъ голода и холода. У Бонапарта тоже нѣтъ припасовъ; недостаетъ имъ и лошадей, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся вспять, страна оставляется ему во власть. Его солдаты имѣютъ убѣжище отъ непогоды, а наши—подъ открытымъ небомъ, ибо въ нашей арміи нѣтъ болѣе палатокъ. Наглость нашихъ офицеровъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Повѣришь ли, что, несмотря на то, что я живу надъ своими конюшнями, люди Браницкаго выгнали моихъ лошадей и поставили своихъ. Одинъ изъ Барклаевскихъ офицеровъ завладѣлъ домикомъ Шрамма и не хотѣлъ впустить туда герцога Виртембергскаго. Въ плѣнъ попался нѣкто графъ Платеръ, камергеръ Русскаго Двора, служащій у Бонапарта въ уланахъ. Онъ подъ попеченіемъ у Бенигсена. Другой дезертиръ полякъ, бывшій конногвардейскій офицеръ, бросившій это положеніе, чтобы служить противъ насъ, остается при главной квартирѣ. Я получилъ собственноручное письмо Императора, въ которомъ онъ говоритъ мнѣ все, что только можно сказать самаго лестнаго.

Оно отъ 5-го числа этого мѣсяца. Императоръ безпокоится, но московскія вѣсти еще до него не доходили.

Мнѣ болѣе нечего дѣлать въ моей губерніи: въ ней производятъ наборъ и разнаго рода поборы, не сообщая мнѣ ничего. Но я считаю постыднымъ удаляться отъ Москвы и отъ арміи въ то время, когда судьба родины рѣшается разъ навсегда. Я вижу измѣну со стороны Бенигсена, глупость Барклая и себялюбіе Кутузова, потерявшаго всякое значеніе.

18-го сентября.

Передъ четырьмя тысячами французовъ отступаютъ 113 тысячъ нашихъ, и я сомнѣваюсь, остановится ли Кутузовъ даже въ Калугѣ. Завтра, въ 17-ти верстахъ отсюда, кончается Московская губернія, вмѣстѣ съ тѣмъ и мои грустныя обязанности. Она будетъ подъ ярмомъ злодѣя. Я посылаю къ Императору курьера, который и доставитъ тебѣ это письмо.

4.

Гр. Ѳ. Растопчинъ — кн. А. Горчакову.

18-го сентября.

Съ симъ фельдъегеремъ пишу къ вамъ, почтенный князь Алексѣй Ивановичъ, съ сердцемъ сокрушеннымъ и до отчаянія доведеннымъ всѣми несчастными происшествіями, коимъ потомки не повѣрятъ, но о коихъ исторія вѣроятно не умолчитъ. Столица отечества предоставлена Кутузову, а онъ спитъ, ѣстъ, ничего не дѣлаетъ и столь равнодушно взираетъ на бѣдственное положеніе арміи, что ни мало не принимаетъ мѣръ для перемѣны онаго. Войска въ лѣтнихъ панталонахъ, безъ обуви и въ разодранныхъ шинеляхъ. Провіанта часто не достаетъ, и Милорадовичевъ корпусъ шесть дней не имѣлъ хлѣба. Духъ у солдатъ упалъ; они и многіе офицеры грабятъ за 50 верстъ отъ арміи. Наказывать всѣхъ невозможно. Замѣшательство въ доставленіи провіанта, коего много въ Калугѣ и Орлѣ, произошло отъ того, что князь Кутузовъ съ 29-го августа не рѣшился, куда онъ, оставя Москву злодѣю, пойдетъ съ арміею, и перемѣнялъ нѣсколько разъ мѣста, слѣдовательно, и направленіе провіанта къ онымъ, о чемъ даже и генералъ-интендантъ не имѣлъ свѣдѣній. Безпорядокъ въ войскахъ такъ

великъ, что онъ вѣрно Бонапарту кажется невѣроятнымъ, а то бы онъ давно могъ истребить насъ на всякомъ походѣ. Четыре дня шеститысячный корпусъ, преслѣдующій нашъ аріергардъ отъ самой Москвы, заставилъ отступать или занимать позиціи и вчера 90 тысячъ человѣкъ стояли въ ружьѣ съ пяти часовъ утра до четырехъ пополудни и корпуса французскаго ни истребить, ни прогнать не смѣли; а третьяго дня въ Красной Пахрѣ, въ домѣ графа Николая Ивановича (Салтыкова), среди дня два эскадрона непріятельскіе взяли было Милорадовича и шесть генераловъ, кои тутъ расположились ночевать, за версту отъ двадцатитысячнаго арріергарда. Французы были въ саду, и ординарецъ вбѣжалъ въ горницу, едва давъ время убѣжать нашему генералитету стремглавъ. Серпуховъ занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и если онъ явится на Калужской дорогѣ, то мы будемъ безъ провіанта. И все это дѣлается въ то время, когда непріятель самъ въ отчаянномъ положеніи и едва можетъ кормить свою гвардію, а остальное пущено все на грабежъ. Они страшно боятся зимы и что не будетъ мира. Но мы, бывъ превосходнѣе числомъ, не смѣемъ атаковать и пятимся назадъ. Замѣтьте, что сонъ Кутузова есть отъ слабости, а остатокъ разсудка его не здѣсь, а ползаетъ по переднимъ въ Петербургѣ. Суворова нѣтъ, а Россія погибаетъ, — подумайте о томъ, что къ вамъ пишетъ вамъ преданный графъ Растопчинъ.

5.

Изъ письма кн. М. Барклай-де-Толли имп. Александру I.

24-го сентября.

Я не нахожу выраженій, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая точитъ мое сердце, когда я нахожусь вынужденнымъ оставить армію, съ которой я хотѣлъ и жить и умереть. Если бы не болѣзненное мое состояніе, то усталость и нравственныя тревоги должны меня принудить къ этому. Настоящія обстоятельства и способъ управленія этою храброю арміею ставятъ меня въ невозможность съ пользою дѣйствовать для службы, однимъ словомъ дѣлаютъ меня совершенно безполезнымъ для арміи. Эти только обстоятельства могутъ оправдать мой поступокъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи.

Послѣ того, что я перенесъ, государь, и что дѣлается въ арміи, которой я называюсь главнокомандующимъ, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ, потому что дюжина лицъ ею командуетъ, — мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы получить окончательную отставку отъ службы. Я умоляю ваше величество сдѣлать мнѣ это благодѣяніе, какъ единственную милость, которую прошу себѣ. Если вы когда-нибудь сочтете полезнымъ воспользоваться моею службою, то благоволите дать мнѣ назначеніе не въ этой арміи, которая при настоящемъ состояніи дѣлъ находится не подъ моимъ начальствомъ, но подъ начальствомъ неопытныхъ лицъ, причисленныхъ къ свитѣ двухъ слабыхъ стариковъ, которые не знаютъ другого высшаго блага, какъ только удовлетвореніе своего самолюбія, изъ которыхъ одинъ, довольный тѣмъ, что достигъ крайней цѣли своихъ желаній, проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, и которымъ руководятъ всѣ молодые люди, его окружающіе; другой — разбойникъ, котораго присутствіе втайнѣ тяготитъ перваго, производитъ только зло своею нерѣшимостію и путаницею, которую водворяетъ во всѣхъ частяхъ управленія войсками. Впрочемъ, оба весьма довольны тѣмъ, что видятъ во мнѣ лицо, на которое можно свалить отвѣтственность за всѣ могущія послѣдовать несчастія.

6.

Кн. М. Барклай-де-Толли — кн. М. Кутузову.

21-го сентября.

Съ сердцемъ, исполненнымъ горести, я былъ принужденъ какъ по причинѣ разстроеннаго здоровья, такъ и по обстоятельствамъ, которыя буду имѣть честь объяснить, усердно просить вашу свѣтлость освободить меня отъ командованія арміею.

Рѣшимость оставить армію, съ которой я желалъ жить и умереть, мнѣ стоитъ многихъ сожалѣній. Но я считалъ это своею обязанностью для пользы моему государю и для личнаго моего успокоенія просить, какъ милости, позволенія удалиться. Во время рѣшительное, когда грозная опасность отечества вынуждаетъ отстранить всякія личности, вы по-

зволите мнѣ, князь, говорить вамъ со всею искренностію и обратить ваше вниманіе на все дурное, которое незамѣтно вкралось въ армію или безъ вашего соизволенія, или не могло быть вами замѣчено. Управленіе арміею, такъ хорошо установленное, въ настоящее время не существуетъ. Ваша свѣтлость начальствуете и даете приказанія, но генералъ Бенигсенъ, и всѣ тѣ, которые васъ окружаютъ, также даютъ приказанія и отдѣляютъ по своему произволу отряды войскъ, такъ что тотъ, кто носитъ названіе главнокомандующаго и его штабъ не имѣютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній до такой степени, что въ послѣднее время я долженъ былъ за полученіемъ свѣдѣній о различныхъ войскахъ, которыя были отдѣлены отъ первой арміи, обратиться къ вашему дежурному генералу, но и онъ самъ ничего не зналъ...

Обѣ арміи, зная только, что надо слѣдовать большою дорогою, шли безъ порядка; экипажи, артиллерія, кавалерія, пѣхота, часто изломанные мосты останавливали движеніе, о починкѣ которыхъ не прилагалось никакихъ стараній. Приходя, послѣ утомительнаго перехода, на назначенное мѣсто, войска бродили остатокъ дня вправо и влѣво, не зная, гдѣ остановиться, и наконецъ останавливались по сторонамъ большой дороги въ колоннахъ, безъ биваковъ и продовольствія; я самъ нѣсколько дней тому назадъ не имѣлъ при себѣ никого изъ квартирмейстерскаго корпуса, который могъ бы дать мнѣ свѣдѣнія о переходахъ и стоянкахъ...

Двѣ трети арміи со всею кавалеріею, хотя она такъ разстроена, что не можетъ болѣе служить, находятся въ аріергардѣ и исключены изъ всякой зависимости отъ главнокомандующаго арміею, потому что они получаютъ приказанія только отъ генерала Бенигсена и ему представляютъ донесенія, и я долженъ иногда выпрашивать, такъ сказать, какъ милостыни, свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ аріергардѣ.

Три раза въ одинъ день отдаются приказанія атаковать непріятельскіе аванпосты и три раза отмѣняются. Наконецъ, приводятся безполезно въ исполненіе около вечера безъ цѣли и основанія, потому что ночь заставляетъ прекратить дѣйствія. Подобные поступки заставляютъ опасаться, что

армія потеряетъ всякое довѣріе къ своимъ начальникамъ и даже храбрость.

Вотъ, князь, вѣрная картина арміи, положеніе того, кто послѣ заслугъ, оказанныхъ отечеству, находится въ несчастномъ состояніи подпасть отвѣтственности и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ и не имѣлъ никакой власти предупредить ихъ.

При этихъ обстоятельствахъ, которыя еще усиливаетъ враждебная партія своимъ смертельнымъ ядомъ, когда величайшее несчастіе можетъ послѣдовать для арміи, пользы службы требуютъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, не ронять достоинства главнокомандующаго. Моя честь, мое имя вынуждаетъ меня, какъ честнаго человѣка, на этотъ рѣшительный шагъ. Армія, которая находится не подъ начальствомъ одного, но многихъ, не можетъ не приблизиться къ совершенному разложенію.

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности разстроили мое здоровье и сдѣлали меня неспособнымъ продолжать службу.

7.

Робертъ Вильсонъ — императору Александру.

28 сентября (10-го октября) 1812 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ благополучнымъ исполненіемъ наступательнаго дѣйствія, которымъ непріятель прогнанъ изъ его позиціи, и которое увѣнчано достопамятными происшествіями во славу вашего оружія и нравственными послѣдствіями, чрезвычайно благопріятными для пользы Вашего Величества.

Я желалъ бы, чтобы отъ меня зависѣло ограничить мои замѣчанія только похвалою войскъ, бывшихъ въ семъ дѣлѣ, и того неограниченнаго усердія, коимъ всѣ здѣсь одушевляются; но долгъ мой есть донести Вашему Величеству, что несогласіе между фельдмаршаломъ и генераломъ Бенигсеномъ, по случаю вчерашнихъ происшествій, достигло высокой степени огорченія. Генералъ Бенигсенъ жалуется, что фельдмаршалъ не подкрѣпилъ его и не позволилъ преслѣдовать непріятеля съ настойчивостью, какъ можно бы было

съ сугубою пользою для Вашего Величества, и я долженъ сказать, что хотя много сдѣлано, но гораздо болѣе могло бы быть пріобрѣтено, ибо нападеніе было совершенно нечаянное для непріятеля, разныя атаки сзади лѣваго крыла и въ центрѣ привели его въ крайнее смятеніе и не должны были дать ему ни минуты къ сопротивленію, но онъ отступилъ довольно далеко, чтобы обезпечить свои сообщенія.

Планъ былъ превосходный, но исполненіе не довольно быстрое, или не довольно настойчивое для пріобрѣтенія всѣхъ блистательныхъ трофей, коихъ ожидать было можно.

Я находился при корпусѣ генерала Багговута (который одинъ только былъ въ настоящемъ дѣлѣ) и съ казаками. Я могу судить только о послѣдствіяхъ, не зная о причинахъ, побудившихъ фельдмаршала къ таковой осторожности.

Но никакое объясненіе не можетъ примирить возникшаго несогласія, и я долженъ просить Ваше Величество, чтобъ Вы благоволили прекратить, какъ можно поспѣшнѣе, примѣры раздора, несовмѣстнаго съ бодрымъ порядкомъ, и который долженъ много повредить службѣ Вашего Величества...

8.

Гр. Л. Бенигсенъ и кн. М. Кутузовъ.

Насталъ бѣдственный, священный, славный, великій 1812 годъ. Бенигсенъ сильно домогался командованія арміи; онъ употреблялъ самыя низкія средства, чтобъ оклеветать передъ государемъ Кутузова, и кто знаетъ, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ, если-бъ князь П. А. Зубовъ, Кнорринтъ, Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ не отстояли его въ Тайномъ Военномъ Совѣтѣ. Уже поговаривали вслухъ, что князь Зубовъ назначенъ на смѣну старому фельдмаршалу, и Кнорринтъ—въ начальники штаба его. Однажды въ засѣданіи Совѣта обвиняли Кутузова, что онъ спитъ по 18 часовъ въ сутки. — „Слава Богу, что онъ спитъ: каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды“, — замѣтилъ Кнорринтъ. — Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. — „Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло!“.

Сраженіе при Тарутинѣ, которое при всякомъ другомъ предводителѣ (Барклаѣ, Коновницынѣ, Раевскомъ) кончилось бы совершенною гибелью французскаго 35-тыс. авангарда, имѣло для насъ самыя ничтожныя выгоды; потеря же наша была безмѣрна. Это сраженіе разбудило безконечно спавшаго на пеплѣ Москвы Наполеона. И на другой же день, 7 октября, непріятельская армія начала выступать изъ Москвы. Хитрый фельдмаршалъ хотя наружно и показывалъ, что онъ восхищенъ этой побѣдой, а въ самомъ дѣлѣ не могъ простить себѣ того, что послушался краснобая Бенигсена. У нихъ уже дав-
но начались нелады, а тогда они явно разссорились. Вскорѣ послѣ 6 октября Кутузовъ, споря съ начальникомъ своего штаба, очень ласково замѣтилъ ему: „Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобой не согласимся; ты думаешь о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ ко дну моря, я не пикну!“

Гр. Л. Л. Бенигсенъ.

Какъ бы то ни было, однакоже Кутузовъ въ донесеніи своемъ къ государю отнесъ къ Бениг-
сену всю славу побѣды подъ Тарутинымъ; онъ испрашивалъ ему сто тысячъ рублей, шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и бриллiантами. Съ тѣмъ же самымъ курьеромъ Бенигсенъ послалъ государю свой подлый доносъ о томъ же самомъ: въ немъ онъ выставилъ свою побѣду въ лучезарномъ свѣтѣ, хвалилъ храбрость солдатъ, увеличивалъ уронъ и разстройство непріятелей, и позабывъ объ убитомъ подлѣ фельдмаршала ординарцѣ Безобразовѣ, упомянулъ, что онъ за старостью и лѣнью не могъ быть личнымъ свидѣтелемъ битвы. Извѣстно, до какой степени императоръ Александръ ненавидѣлъ всякій низ-

кій поступокъ. Онъ утвердилъ представленіе князя Кутузова, препроводилъ къ нему шпагу съ лаврами и 100 тыс. рублей для Бенигсена и вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ доносъ его.

Главнокомандующій съ изысканною жестокостью отомстилъ ему. Онъ призвалъ къ себѣ Бенигсена, велѣлъ (капитану Скобелеву) громко читать свое представленіе, въ которомъ, поздравляя государя съ славною побѣдою, онъ писалъ, что „поручилъ войско сей экспедиціи маститому вождю, увѣнчанному лаврами, извѣстному опытностью и распорядительностью, и что онъ выполнилъ его предначертаніе съ мужествомъ и искусствомъ, его отличающими“. Чтеніе кончилось; Кутузовъ вручилъ Бенигсену шпагу и 100,000 р.; потомъ приказалъ читать громко вторую бумагу, имъ отъ императора полученную. Бенигсенъ стоялъ, какъ-будто громъ разразилъ его, блѣднѣлъ и краснѣлъ. Кутузовъ, безъ дальнихъ церемоній, прогналъ его изъ арміи. Бенигсенъ очутился подъ Малымъ-Ярославцемъ, распоряжался войсками, какъ начальникъ штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій, бросался въ опасности и присылалъ къ фельдмаршалу съ рапортами. Эту роль разыгрывалъ онъ и подъ Краснымъ. Наконецъ, фельдмаршалъ потерялъ терпѣніе и съ сердцемъ сказалъ второму офицеру, къ нему присланному: „скажи своему генералу, что я его не знаю и знать не хочу, и если онъ пришлетъ ко мнѣ еще разъ, то я велю повѣсить его посланнаго!“ Послѣ такого краснорѣчиваго приказанія, Бенигсенъ пересталъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, а разъѣзжалъ нѣсколько времени за арміею волонтеромъ; но это скоро ему наскучило, и онъ отправился въ Петербургъ.

А. Воейковъ.

9.

Подъ Тарутинымъ.

Кружокъ офицеровъ снова собрался у костра, гдѣ лежалъ трупъ Усаковскаго...

Порѣшили тутъ же, гдѣ онъ палъ, выкопать ему могилу. И могила была выкопана быстро. Копали ее сами офицеры не лопатами, а саблями, въ знакъ особаго сочувствія покойнику. Завернули его въ плащъ всего — съ раздробленной головы до ногъ—не его перваго, не его и послѣдняго хоронили такъ на походѣ. Засыпавъ свѣжую могилку зем-

лей, снова по-прежнему усѣлись тутъ-же вокругъ костра и припомнили все, что кто помнилъ хорошаго изъ жизни покойника; а потомъ скоро перешли и на другое: не такое было время, чтобъ долго вспоминать про убитыхъ товарищей — на это смотрѣли какъ на разлуку, и быть можетъ не надолго...

Разговоръ оживился. Серебряный кубокъ Давыдова переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ дружескомъ кружкѣ виднѣлись новыя лица, въ томъ числѣ и молодое, задумчивое, цыгановатое лицо Жуковскаго въ ополченскомъ костюмѣ.

— Господа! — торжественно произнесъ Бурцевъ, который успѣлъ съ горя хватить больше другихъ и былъ въ возбужденномъ состояніи. — Господа! сегодня на привалѣ, толкаясь межъ московскими ратниками, я набрелъ на слѣдующую картину: подъ кустомъ, закрытый отъ солнца тѣнью березы, сидитъ нѣкій молодой витязь и, положивъ къ себѣ на колѣни записную книжку, строчитъ... И что-же бы вы думали онъ строчилъ! Угадайте!

— Что? Стихи — отозвалось нѣсколько голосовъ, и всѣ обернулись къ Давыдову.

Давыдовъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Бурцева. — „Ты, братъ, перепилъ, кажись“.

— Нѣтъ, я не перепелъ, — скаламбурилъ Бурцевъ: — да ты, братъ, и не туда попалъ... Строчили подъ кустомъ такое, я вамъ доложу...

И онъ коварно, подмигивая и щурясь, взглянулъ на Жуковскаго. Жуковскій давно сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Строчили, господа, вотъ что, — продолжалъ Бурцевъ: „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.

— Кто же это? — спросилъ Давыдовъ.

— А вонъ наша красная дѣвушка, — указалъ Бурцевъ на Жуковскаго.

Жуковскій, который совсѣмъ покраснѣлъ, хотѣлъ было уйти; но его стали упрашивать прочесть стихи, говорили, что нехорошо таиться отъ товарищей, что они всѣ теперь — одна семья. Жуковскій говорилъ на это, что его стихи не кончены, что это только наброски, задуманныя, но не исполненныя картины, что въ нихъ нѣтъ связи, не вездѣ отдѣланъ стихъ; но ничего не помогло: его просили прочесть

хотя отрывки. — Нечего дѣлать: онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда небольшую, темномалиноваго бархата книжечку, вышитую разноцвѣтными бисерами и свѣтлорусыми, словно ленъ, женскими волосами (подарокъ передъ разлукой), подсѣлъ ближе къ костру и несмѣлымъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.

Приступъ былъ удаченъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Давыдовъ сидѣлъ глубоко задумчивый: онъ чутьемъ поэта ощутилъ мастерство стиха: онъ чувствовалъ вѣянье таланта. Бурцевъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на цыгановатое, робкое и скромное лицо поэта, и не шевелился. Дурова сидѣла блѣдная, несмотря на красноватый отблескъ костра. Всѣ ждали — даже въ темнотѣ виднѣлись лица солдатиковъ, на которыхъ падалъ огонь отъ костра — и они слушали. Жуковскій, у котораго дрожали руки, какъ и голосъ, продолжалъ съ большей силой:

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

Онъ взглянулъ на то мѣсто у костра, гдѣ недавно зарыли Усаковскаго; у Дуровой вырвался изъ груди глубокій вздохъ, словно стонъ — всѣ взглянули на нее; но Жуковскій съ силой продолжалъ чтеніе:

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Онъ остановился. Ропотъ одобренія былъ единодушный. Бурцевъ не усидѣлъ и бросился цѣловать поэта, восторженно повторяя: — „Безподобно! безподобно! — Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно, тотъ бодро ищетъ боя! Божественно! — О, всемогущее вино, веселіе героя! Пребожественно! — Выпьемъ же, Вася, другъ, цыпочка!“ — И онъ душилъ бѣднаго поэта; тотъ защищался, краснѣя еще болѣе.

— Перестань, Бурцевъ, — ты задушишь его, — вмѣшался Давыдовъ.

Съ трудомъ усадили забіяку и просили Жуковскаго продолжать. Тотъ снова отговаривался, что далѣе у него не все выправлено; но его попросили — и онъ, повернувъ листокъ, началъ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Отъ этихъ послѣднихъ стиховъ, казалось, дѣйствительно всѣ задрожали. Голосъ читающаго перешелъ въ какой-то молитвенный тонъ, отзывавшійся и плачемъ и восторгомъ. На лицахъ слушавшихъ горѣло и дрожало умиленіе. Дурова, спрятавшись за Бурцева и закрывъ лицо руками, вздрагивала всѣмъ тѣломъ — она глухо рыдала. Всѣ были такъ глубоко потрясены и мелодіею голоса читавшаго, и прелестью и музыкою стиха; мысль, положенная въ этотъ стихъ, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго; всѣмъ, пережившимъ ужасы послѣднихъ дней за эту именно родину, до того она казалась теперь дорогою съ ея полями и родными холмами, политыми кровью ихъ товарищей; этотъ милый свѣтъ родного неба, эти знакомые потоки, замутившіеся отъ родной же крови, и „златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки“ — все это теперь, и именно теперь, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго, что гармоническія строфы, прочитанныя гармоническимъ, полу-плачущимъ голосомъ, вызвали какой-то стонъ восторга. Никто сначала не замѣтилъ за общимъ потрясеніемъ, а когда замѣтили,то не повѣрили, что Бурцевъ, этотъ всесвѣтный повѣса и пьяница — горько плакалъ, сидя на корточкахъ и мотая всклокоченною головою, какъ это обыкновенно и невольно дѣлаютъ люди, когда плачутъ о чемъ-либо безнадежно. Никто не замѣтилъ и того, что изъ-за спинъ

и застывшихъ отъ вниманія лицъ солдатиковъ, которые подвинулись къ костру и, держась нѣсколько въ отдаленіи, въ тѣни, жадно вслушивались въ каждое пѣвучее, знакомое ихъ сердцу слово читавшаго и какъ-то по-дѣтски моргали глазами, боясь шевельнуться и громко дохнуть какъ на смотру,—что изъ-за спинъ солдатиковъ выглядывало худое, морщинистое и загорѣлое лицо съ сѣдыми, нависшими на маленькіе, глубоко сидѣвшіе подо лбомъ глаза, бровями — лицо Платова, котораго хотя солдатики и узнали и посторонились было отъ него, но онъ знакомъ показалъ имъ, чтобъ они не трогались и стояли бы по прежнему смирно, не обращая на него вниманія.

Атаманъ М. Платовъ.

Долго не могли прійти въ себя слушатели; но когда первый нѣмой восторгъ прошелъ, всѣ шумно начали хвалить молодого поэта, благодарили его, жали ему руки, придвигались къ нему все тѣснѣе и тѣснѣе. У Давыдова лицо подергивало—такъ пораженъ онъ былъ неслыханною задумчивостью и неслыханною же мелодіею стиха. Всѣ начали просить:—дальше, ради Бога, дальше!“

Ободренный неожиданнымъ успѣхомъ, Жуковскій сталъ смѣлѣе перелистывать книжку.

— Это еще не кончено — несовсѣмъ гладко — развѣ это? —тихо говорилъ онъ какъ-бы самъ съ собою. — Вотъ это, кажется, кончено — это...

Хвала нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь:
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ—пышутъ села.

Солдаты заворошились и оглянулись. Сквозь ихъ кучку протискивался, торопливо и нервно дергая себя за сѣдой усъ, Платовъ: по лицу атамана текли слезы, и онъ громко, какъ-то сердито сморкался, шагая черезъ ноги сидѣвшихъ у костра офицеровъ и пробираясь къ Жуковскому. При видѣ атамана произошло общее смятеніе; многіе съ изумленіемъ вскочили съ мѣстъ.

— Сидите, пожалуйста, сидите, господа! — торопливо успокаивалъ старикъ. — Я къ вамъ тоже.. я вотъ къ нимъ... не знаю какъ имя-отечество...

И старикъ порывисто обнялъ молодого, окончательно смутившагося поэта, который узналъ Платова.

— Не стою этого, мой другъ, не стою, — говорилъ разчувствовавшійся атаманъ: — я совсѣмъ не стою... Спасибо — похвалили, хоть и не заслужилъ, ей-Богу не заслужилъ...

Жуковскій безсвязно бормоталъ что-то: Давыдовъ вѣжливо подошелъ къ старику и попросилъ не побрезговать ихъ кружкомъ — выкушать съ господами офицерами стаканъ чаю или чару хорошаго вина. Старикъ благодарилъ, жалъ руки, утиралъ глаза, сморкался все такъ-же громко и быстро, какъ быстро онъ все дѣлалъ. Ему очистили мѣсто около Давыдова, который казался хозяиномъ въ этой импровизированной гостиной у костра.

— Что прикажете, ваше превосходительство, — вина?

— Винца, винца, мой другъ, спасибо... Погрѣюсь у васъ и послушаю вотъ ихъ...

Ему отрекомендовали Жуковскаго. Старикъ кой-о-чемъ спросилъ его; снова благодарилъ за лестные стихи, которыхъ онъ не заслужилъ... Старикъ сегодня утромъ былъ огорченъ замѣчаніемъ главнокомандующаго, что будто бы онъ, Платовъ, недостаточно распорядительно дѣйствовалъ при удержаніи непріятеля послѣ выступленія изъ Можайска

нашихъ главныхъ силъ: старика грызло это замѣчаніе, не давало ему покоя — и вотъ эти стихи росой пали на его огорченную душу.

Когда смятеніе улеглось и Платовъ высморкался въ послѣдній разъ такъ энергически, какъ будто бы послалъ свой носъ на штурмъ, Жуковскій снова завелъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
Страшатъ, какъ привидѣнья:
Блистаютъ смертью ихъ мечи,
Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ—гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ, и щитъ,
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы...

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, глубоко потупившійся; рука, въ которой онъ держалъ давно погасшую трубку, дрожала. Старческіе свѣтлые глаза Платова радостно смотрѣли на него. И вдругъ Бурцевъ, словно сорвавшійся съ петли, забывъ и Платова и все окружающее, бросился на своего друга и сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ.

— Дениска! Дениска подлецъ!.. Денисушка мой, вѣдь, это ты, ракалья!—пьяно бормоталъ онъ, теребя озадаченнаго друга.—У! подлецъ, какой ты хорошій...

Офицеры покатились со смѣху. Даже солдаты прыснули. Но въ этотъ моментъ вдали бухнула какъ изъ пустой бочки вѣстовая пушка — и всѣ схватились съ мѣстъ.

Д. Мордовцевъ.

Глава IX.

Отъ Москвы до Нѣмана.

I.

По слѣдамъ отступающей арміи.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о моемъ кратковременномъ пребываніи въ Вильнѣ, упомяну о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилось французское войско. Начиная отъ Вязьмы, преимущественно-же отъ Смоленска до Вильны, дорога была усѣяна непріятельскими трупами. Изъ любопытства счелъ я однажды, сколько ихъ на одной верстѣ лежало, и нашелъ отъ одного столба до другого 101 трупъ; но верста сія въ сравненіи съ другими еще не изобиловала тѣлами: на иныхъ верстахъ валялось ихъ, можетъ быть, и до трехъ сотъ. Кромѣ того мѣста, гдѣ французы ночевали, обозначались грудами замерзшихъ людей и лошадей. Я самъ видѣлъ въ Борисовѣ шалашъ, выстроенный изъ замерзшихъ окостенѣлыхъ тѣлъ, — шалашъ, подъ коимъ умирали сами строители. Корчмы, выстроенныя на большой дорогѣ, были набиты мертвыми и живыми людьми. Отъ разведеннаго среди ихъ огня загоралась корчма, и всѣ въ ней находившіеся погибали въ пламени. Такая была общая, почти безъ исключенія, участь всѣхъ корчемъ и тѣхъ, которые въ нихъ укрывались отъ морозовъ, и по большей части не въ состояніи были выйти по слабости, ранамъ и болѣзни. Когда наша полиція вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, то трупы стали складываться въ костры и, по обложеніи ихъ дровами и навозомъ, сожигались, отчего распространялся отвратительный смрадъ, смѣшанный съ запахомъ жженаго навоза. И теперь, когда я слышу запахъ жженаго навоза, то вспоминаю ужасъ 1812 года. Однажды видѣлъ я нашего драгуна, хладнокровно

грѣвшагося около большого костра мертвыхъ французовъ; уходя, драгунъ взялъ еще изъ костра уголекъ и закурилъ трубку. Зима 1812 года была жестокая. Термометръ Реомюра иногда показывалъ 31 градусъ. Холода эти, можетъ быть, предохранили нашу армію отъ заразительныхъ болѣзней, производимыхъ тлѣніемъ тѣлъ. Но такъ какъ много труповъ оставалось еще подъ снѣгомъ, то весною, когда сдѣлалась оттепель, они стали гнить и произвели эпидемію, которая опустошила тѣ губерніи, черезъ которыя непріятель отступалъ. Я слышалъ, что крестьяне, замѣтивъ какое-нибудь платье получше на мертвомъ тѣлѣ, приносили тѣло въ избу и оттаивали его на печи до состоянія мягкости членовъ, послѣ чего скидывали платье и, обшаривъ карма́ны, иногда находили въ нихъ деньги. Случалось имъ находить деньги даже въ сжатомъ кулакѣ умершаго, причемъ гнилое тѣло заражало всю семью, которая вымирала и передавала заразу сосѣдямъ и такъ далѣе. Ополченія, которыя проходили черезъ сіи мѣста въ 1813 году, лишились во время похода почти половины своего народа. Случалось даже, что, ѣдучи ночью, подвернется замерзшій трупъ между полозьями; отвердѣлыя руки его останавливали сани, такъ что надобно было вылѣзать и вытаскивать мертвеца изъ-подъ саней. Ужасное зрѣлище представляли и различныя положенія, въ которыхъ умирали французы. Нѣкоторые были совсѣмъ вдвое согнуты, у другихъ лица изуродованы отъ ударовъ объ ледъ при паденіи. Снѣгъ заносилъ тѣхъ, которые лежали въ канавѣ, и случалось видѣть руку съ сжатымъ кулакомъ или почернѣвшую ногу, которая торчала изъ-подъ снѣга. Я видѣлъ одного француза, замерзшаго стоя на колѣняхъ, сложа руки въ положеніи просящаго помощи. Казаки наши забавлялись мертвыми: они ихъ втыкали головами въ снѣгъ, ногами вверхъ, врознь, сажали ихъ другъ на друга верхомъ, выставляли ихъ рядами къ стѣнамъ строеній, составляли ихъ нихъ группы, впрягали замерзшія тѣла къ оставленнымъ на дорогѣ французскимъ орудіямъ, сажали ихъ по нѣскольку человѣкъ въ брошенныя коляски и дрожки. Проѣзжая черезъ Ошмяны, я видѣлъ одинъ домъ въ два этажа безъ оконныхъ рамъ и безъ дверей, но во всякомъ окнѣ стояло, опершись на край, человѣка четыре замерзшихъ

французовъ. Голыя тѣла сіи въ отвердѣломъ положеніи своемъ выражали еще страданія, въ которыхъ они умирали. Зрѣлища ужасныя, съ которыми мы тогда свыклись! Въ числѣ замерзшихъ встрѣчались и женщины, тоже нагія...

Пѣхотинцы страдали отъ холода, часто и отъ голода. Старанія ихъ ограничивались только тѣмъ, чтобы поживиться около мертваго шапкой или изорваннымъ кафтаномъ. Когда не могли сего сдѣлать, то хоть спарывали съ нихъ пуговицы. Кавалеристы домогались своего: они сдирали подковы съ палыхъ лошадей. Артиллеристы срывали желѣзо съ брошенныхъ лафетовъ и шины съ колесъ.

Число труповъ, устилавшихъ дорогу, увеличивалось множествомъ французскихъ офицеровъ и солдатъ, болѣе похожихъ на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей, которые брели въ сильнѣйшіе морозы, голые и босые, среди отшедшихъ товарищей своихъ. и къ нимъ по пути валились. На рѣдкомъ изъ нихъ были мундиры, большею частью покрывались они чѣмъ попало. У многихъ были на головахъ ранцы, вмѣсто шапокъ, у иныхъ оставались на головахъ кирасирскія каски съ длинными конскими хвостами; сами-же кирасиры были голые и накрывались рогожей или обвивались соломой. Я видѣлъ одного изъ такихъ, который, опираясь на палку, велъ подъ руку женщину; несчастная чета еле на ногахъ держалась и просила хлѣба у прохожихъ: „Кліеба, кліеба!“ Иные скрывались въ соломѣ въ селеніяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Однажды, случилось мнѣ ночевать въ уцѣлѣвшей деревнѣ; слуга мой пошелъ на крестьянское гумно, дабы достать корма для лошадей и, когда онъ сталъ набирать солому, то изъ оной выскочили два голые француза, которые такъ быстро убѣжали въ лѣсъ, что ихъ не могли остановить. Французы преимущественно толпились тамъ, гдѣ лежала падаль, около которой они дрались и рвали ее на куски. Они обступали нашихъ мимо идущихъ, прося на всѣхъ европейскихъ языкахъ хлѣба, службы или плѣна. Но какое пособіе можно было оказать симъ страдальцамъ, когда мы сами почти бѣдствовали отъ нужды? Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ увѣряли, что они видѣли, какъ французы, сидя у огня, пожирали члены мертвыхъ товарищей своихъ. Самъ я не видалъ этого, но готовъ тому

вѣрить. Многіе французы почти требовали, чтобы мы ихъ брали въ плѣнъ, и говорили, что мы обязаны были призрѣть обезоруженныхъ людей; но они не имѣли права ссылаться на существующіе между воюющими обычаи, когда сами столь явно нарушали ихъ жестокостями, разореніемъ и грабежомъ, которые они въ нашемъ отечествѣ производили. Наполеонъ разстрѣлялъ многихъ нашихъ солдатъ плѣнныхъ, когда не имѣлъ чѣмъ кормить ихъ; отставшимъ же отъ арміи солдатамъ насилія мы не дѣлали: они сами погибали отъ того, что нечѣмъ было ихъ содержать. Изъ нихъ выбирали однако нѣмцевъ, которыхъ привели внутрь Россіи и сформировали изъ нихъ легіоны, присоединившіеся впослѣдствіи въ Германіи къ Прусской арміи. Посылали также казаковъ набирать плѣнныхъ, которыхъ сгоняли въ одно мѣсто и потомъ отсылали во внутреннія губерніи колоннами, состоявшими изъ двухъ и трехъ тысячъ человѣкъ; но продовольствія имъ, за неимѣніемъ онаго, не могли давать. На каждомъ ночлегѣ оставались отъ сихъ партій на снѣгу сотни умершихъ. Нѣкоторые на походѣ отставали. Однажды встрѣтился я съ такой колонной, въ которой сдѣлалась драка. Поссорились за то, что одинъ изъ нихъ нашелъ на дорогѣ отрѣзанную лошадиную ногу и, поднявъ ее, сталъ грызть; голодные товарищи, увидя сіе, бросились на него, чтобы отнять добычу, и задавили бы его, если-бы казаки, въѣхавъ въ толпу, не разняли дерущихся плетьми и пиками.

Жесточе всѣхъ обходились съ плѣнными крестьяне, которые зарывали ихъ живыми въ землю. „Пускай онъ своею смертью помретъ“,—говорили они: „мы не будемъ отвѣчать за убійство передъ Богомъ“. Иные покупали ихъ у казаковъ за нѣсколько грошей, приводили къ себѣ въ деревню и передавали нечистаго врага (какъ они называли французовъ) связаннаго ребятишкамъ на умерщвленіе съ истязаніями всякаго рода, чтобы дѣти ихъ,—говорили они,—разумѣли, какъ истреблять нехристей. Можетъ быть, что дошедшіе до меня разсказы о томъ были преувеличены; но я самъ слышалъ одного крестьянина, говорившаго, что плѣнные вздорожали, къ нимъ приступу нѣтъ, господа казачество прежде продавали ихъ по полтинѣ, а теперь по рублю просятъ...

Въ 1812 году взято нами въ плѣнъ 180 тыс. человѣкъ, изъ коихъ едва-ли 30 тыс. возвратились въ свое отечество. Французы оставили въ Россіи 1,400 орудій и всю казну, отъ которой обогатились преимущественно казаки. Довольно странно, что нѣкоторые изъ бродящихъ по дорогѣ французовъ, забывъ опасность, грабили вмѣстѣ съ казаками казну Наполеона и, въ общей суматохѣ, лазили въ фургоны, отъ коихъ, разумѣется, были отбиты. Инымъ однакоже удавалось вытащить нѣсколько золота, которое у нихъ впрочемъ, на мѣстѣ-же и отбирали.

Н. Муравьевъ.

II.

Бѣдствія французской арміи.

На другое утро, 18-го, дороги уже испортились; повозки, нагруженныя добычей, тащились съ трудомъ; многія оказались сломанными, а съ другихъ возницы, опасаясь, чтобы онѣ не сломались, спѣшили сбросить лишнюю кладь. Въ этотъ день я былъ въ арьергардѣ колонны и имѣлъ возможность видѣть начало безурядицы. Дорога была вся усѣяна цѣнными предметами: картинами, канделябрами и множествомъ книгъ; въ теченіе цѣлаго часа я подбиралъ томы, просматривалъ ихъ, бросалъ, поднималъ другіе, которые въ свою очередь бросалъ, предоставляя кому угодно подымать ихъ...

20-го октября (1-го ноября), какъ и предыдущую ночь, мы провели въ лѣсу, на краю дороги; за послѣдніе дни мы начали питаться кониной. Небольшое количество провіанта, которое мы могли унести съ собой изъ Москвы, уже истощилось, и нужда давала себя чувствовать вмѣстѣ съ усиливающимся холодомъ. Что до меня, то у меня еще оставалось немного рису; я берегъ его на случай крайности, предвидя въ будущемъ нужду еще гораздо большую.

Въ этотъ день я опять находился въ арьергардѣ, состоявшемъ изъ унтеръ-офицеровъ. Дѣло въ томъ, что уже многіе солдаты начали отставать, чтобы отдохнуть и погрѣться у костровъ, оставленныхъ войсками, проходившими раньше насъ. По пути я увидалъ по правую сторону нѣсколькихъ

рядовыхъ изъ разныхъ полковъ, между прочимъ и гвардейскихъ, собравшихся вокругъ большого костра. Меня послалъ майоръ съ приказомъ, чтобы они слѣдовали за нами; подойдя, я узналъ Фламана, моего знакомаго драгуна. Онъ жарилъ кусокъ конины, вздѣтой на остріе сабли, и пригласилъ меня поѣсть съ нимъ. Я передалъ ему распоряженіе слѣдовать за колонной. Онъ отвѣчалъ, что отправится, какъ только утолитъ свой голодъ. Но онъ чувствовалъ себя очень плохо, потому что принужденъ былъ идти пѣшкомъ въ своихъ кавалерійскихъ ботфортахъ: наканунѣ, въ стычкѣ съ казаками, въ которой онъ убилъ троихъ, его лошадь вывихнула себѣ ногу, и онъ долженъ былъ вести ее подъ уздцы. Къ счастью, человѣкъ, находившійся при мнѣ, былъ близкимъ мнѣ лицомъ, и у него была въ ранцѣ запасная пара башмаковъ, которые я и отдалъ бѣдному Фламану, чтобы онъ могъ переобуться и продолжать путь, какъ пѣхотинецъ. Я простился съ нимъ, не думая, что уже больше не увижу его: два дня спустя я узналъ, что онъ былъ убитъ на опушкѣ лѣса въ ту минуту, когда онъ, вмѣстѣ съ другими отсталыми, собирался развести костеръ и отдохнуть...

23-го октября (4-го ноября) мы форсированнымъ маршемъ направились въ Дорогобужъ... Съ большимъ трудомъ мы добрались туда; огромное количество выпавшаго снѣга мѣшало намъ идти. Одно время мы даже заблудились и, чтобы оставшіеся позади люди нагнали насъ, мы больше двухъ часовъ били ночной сборъ, пока не дошли до мѣста, гдѣ когда-то былъ городъ; теперь онъ весь выгорѣлъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ.

Было часовъ 11, когда мы устроились наконецъ на бивакахъ и, благодаря остаткамъ отъ сгорѣвшихъ домовъ, нашли достаточно топлива, чтобы развести костры и погрѣться. Но мы терпѣли во всемъ недостатокъ и были до такой степени измучены, что не могли даже найти лошадь и украсть ее, чтобы потомъ съѣсть,—и вотъ мы рѣшили сперва хорошенько отдохнуть. Одинъ солдатъ роты притащилъ мнѣ для спанья тростниковыя циновки; разостлавъ ихъ передъ костромъ, я улегся, положивъ голову на ранецъ, а ноги протянулъ къ огню...

25-го октября (6-го ноября) стоялъ такой туманъ, что ни

зги не было видно, и трещалъ морозъ свыше двадцати двухъ градусовъ; у насъ губы слипались, внутри носа стыло и самый мозгъ, казалось, замерзалъ. Мы двигались въ ледяной атмосферѣ. Весь день при сильномъ вѣтрѣ падалъ снѣгъ небывало крупными хлопьями; не только не видно было неба, но даже и тѣхъ, кто шелъ впереди насъ...

Мы остановились неподалеку отъ лѣса: чтобы двинуться дальше, надо было долго дожидаться,—дорога была узкая, а скопленіе народа значительное...

За тѣ полчаса, что мы стояли на мѣстѣ, у насъ умерло нѣсколько человѣкъ. Много другихъ свалилось еще, пока колонна была въ движеніи. Словомъ, наши ряды уже начали замѣтно рѣдѣть, а это было еще начало нашихъ бѣдствій! Когда мы останавливались закусить наскоро, то пускали кровь брошеннымъ лошадямъ или тѣмъ, которыхъ удалось стащить незамѣтно.

Кровь собирали въ котелъ, варили ее и ѣли.

Но часто случалось, что только успѣвали развести огонь, какъ приходилось немедля съѣдать это кушанье почти въ сыромъ видѣ, потому что получался приказъ идти дальше или вблизи показывались русскіе. Въ послѣднемъ случаѣ не очень стѣснялись—я не разъ видалъ, какъ часть солдатъ преспокойно себѣ закусывала въ то время, какъ другая отстрѣливалась отъ русскихъ. Но когда являлась настоятельная необходимость и непремѣнно требовалось сниматься съ мѣста, то уносили съ собой котелъ и каждый на ходу черпалъ изъ него пригоршнями и ѣлъ; поэтому у всѣхъ лица были выпачканы въ крови.

Зачастую, когда приходилось бросать заколотыхъ лошадей, потому что некогда было разрѣзать ихъ, люди нарочно отставали и прятались, чтобы ихъ не заставляли слѣдовать за полкомъ. Тогда они накидывались на сырое мясо, какъ хищные звѣри; рѣдко случалось, чтобы эти люди появлялись среди насъ—они или попадали въ плѣнъ къ непріятелю, или замерзали...

Въ этотъ день всѣхъ насъ терзалъ голодъ, а меня еще вдобавокъ съѣдали паразиты, напавшіе на меня наканунѣ. У насъ не было ни кусочка конины, чтобы поѣсть; мы расчитывали на нѣсколькихъ отставшихъ людей нашей роты,

думая, что они отрѣжутъ кусокъ мяса у какой-нибудь павшей лошади. Мучимый голодомъ, я испытывалъ ощущенія, которыхъ невозможно передать...

Я зашагалъ по направленію къ лѣсу, точно въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ встрѣтить тамъ человѣка съ хлѣбомъ. Дойдя до лѣса, я съ четверть часа шелъ по опушкѣ, потомъ круто повернувъ влѣво, по направленію, совершенно противоположному нашему биваку, я увидалъ почти на опушкѣ костеръ и сидѣвшаго надъ нимъ человѣка. Я остановился наблюдать и разсмотрѣлъ, что надъ огнемъ у него виситъ котелокъ, въ которомъ онъ что-то такое варитъ: взявъ ножъ, онъ погрузилъ его туда и, къ великому моему удивленію, вытащилъ картофелину, помялъ ее, но снова положилъ въ котелъ, вѣроятно потому, что она была еще сыра.

Я хотѣлъ подбѣжать и броситься на него, но боясь, что онъ ускользнетъ, опять вошелъ въ лѣсъ и, сдѣлавъ маленькій обходъ, украдкой подошелъ къ незнакомцу сзади. Но въ этомъ мѣстѣ было много хворосту и, подходя, я порядочно нашумѣлъ. Онъ обернулся, но я очутился у котла и, не давъ ему времени заговорить, обратился къ нему: „Товарищъ, у васъ есть картошка, продайте мнѣ или подѣлитесь со мной, иначе я унесу весь котелъ!“ Пораженный такимъ рѣшеніемъ и видя, что я подхожу съ саблей, намѣреваясь поудить въ котлѣ, онъ возразилъ, что картофель не принадлежитъ ему, что это собственность одного польскаго генерала, расположившагося неподалеку, что онъ денщикъ генерала и что ему велѣно было спрятаться, чтобы сварить картофель и запастись имъ на завтра.

Не отвѣчая ни слова, я собирался взять нѣсколько штукъ, подавая ему, однако, деньги въ уплату, но онъ остановилъ меня, сказавъ, что картофель еще не сварился и въ доказательство вынулъ одну штуку, чтобы дать мнѣ пощупать. Я выхватилъ ее у него изъ рукъ и съѣлъ ее. „Вы сами видите, что ихъ ѣсть нельзя,—сказалъ денщикъ,—спрячьтесь на минуту, постарайтесь, главное, чтобы васъ не увидали, покуда картофель не поспѣетъ; тогда я, пожалуй, подѣлюсь съ вами“.

Я поступилъ по его совѣту, засѣлъ въ кусты неподалеку, чтобы не терять его изъ виду. Минутъ черезъ пять-шесть—

не знаю, воображалъ ли онъ, что я ушелъ далеко,—но онъ всталъ, озираясь по сторонамъ, схватилъ котелокъ и побѣжалъ. Но ему не удалось уйти: я тотчасъ настигъ его и пригрозилъ отнять все, если онъ не отдастъ мнѣ половину. Онъ опять отвѣчалъ, что это принадлежитъ его генералу. „Хотя бы самому императору! Мнѣ нуженъ этотъ картофель, я умираю отъ голоду!“ Убѣдившись, что ему отъ меня не отдѣлаться иначе, какъ давъ мнѣ того, что я требую, онъ и ушелъ. Онъ вернулъ мнѣ назадъ и далъ еще пару; картофель еще не совсѣмъ сварился, но я не обратилъ на это вниманія, сталъ ѣсть одну, а остальныя спряталъ въ ягдташъ. Я расчиталъ, что этимъ прокормлюсь три дня, съѣдая по три картофелины въ дополненіе къ куску конины...

Когда я вернулся на мѣсто стоянки нашего полка, многіе товарищи спросили меня, не добылъ ли я чего-нибудь; я отвѣчалъ, что нѣтъ. Занявъ мѣсто у костра, я устроился, какъ и въ предыдущіе дни: вырылъ себѣ ямку, т.-е. ложе въ снѣгу, а такъ какъ у насъ не было соломы, то я разостлалъ свою медвѣжью шкуру, чтобы на ней улечься, и положилъ голову на подбитый горностаемъ воротникъ, которымъ и прикрылся. Но передъ сномъ я могъ съѣсть еще одну картофелину; это я и сдѣлалъ, прячась за своимъ плащемъ и стараясь не жевать громко: я боялся, чтобы не догадались, что я ѣмъ; потомъ, взявъ щепотку снѣгу, я запилъ имъ свой ужинъ и заснулъ, не выпуская изъ рукъ свой ягдташъ съ продовольствіемъ. Нѣсколько разъ ночью я заботливо шарилъ въ немъ рукой, пересчитывая свои картошки. Такъ я и провелъ всю ночь, не подѣлившись съ товарищами, умиравшими съ голоду, тѣмъ немногимъ, что доставилъ мнѣ случай: съ моей стороны это былъ эгоистическій поступокъ, котораго я никогда себѣ не прощу...

Наконецъ, пробили утреннюю зорю, и хотя еще не разсвѣло, но мы двинулись въ путь...

На одну милю дальше, возлѣ лѣса мы остановились на большой привалъ. На этомъ самомъ мѣстѣ ночевала передъ тѣмъ часть артиллеріи и кавалеріи; тамъ нашлось много лошадей, околѣвшихъ и уже изрѣзанныхъ, а еще больше живыхъ, но полузамерзшихъ; онѣ давали себя убивать, не тро-

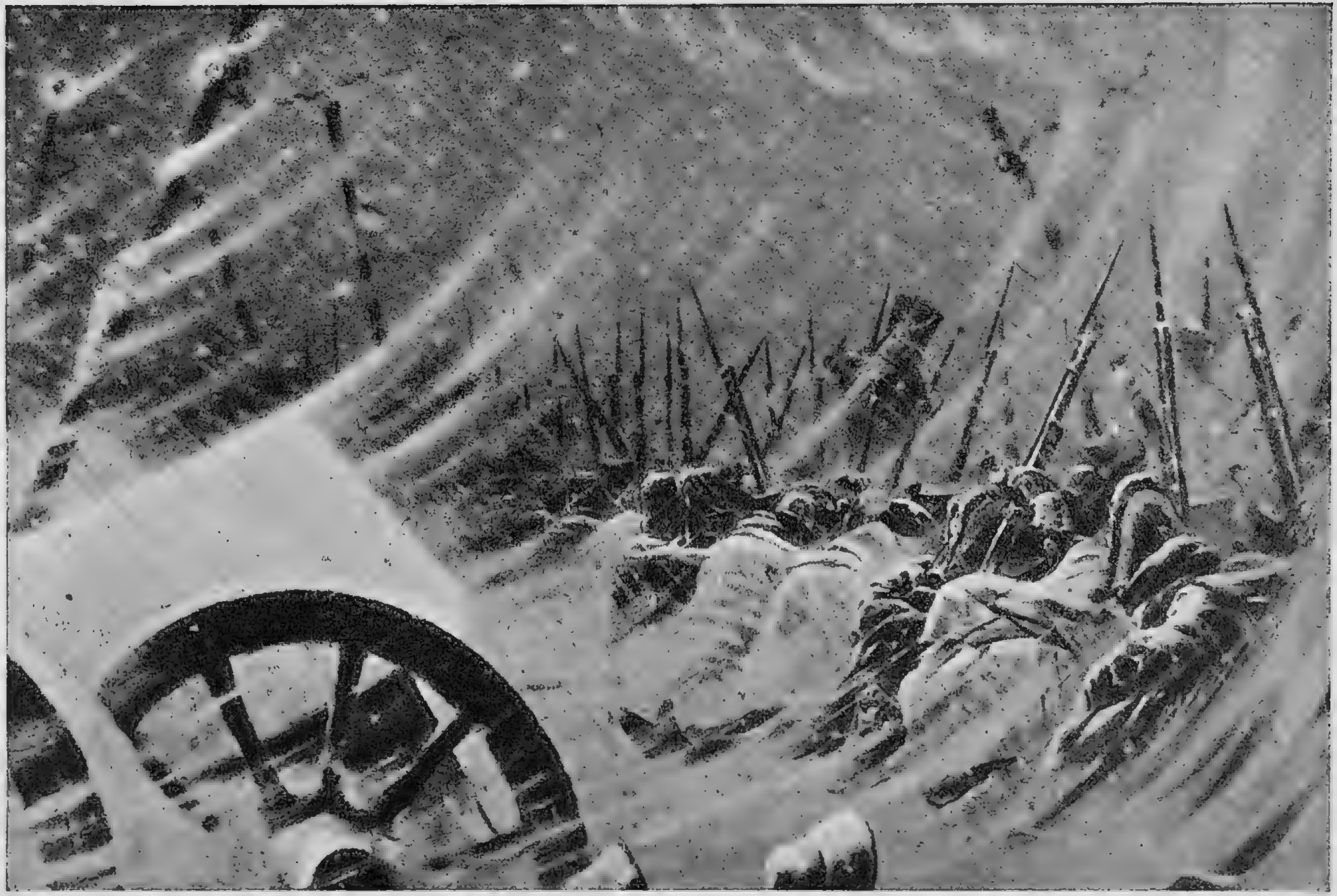
гаясь съ мѣста; тѣ же, которыя пали отъ утомленія и изнуренія, были такъ заморожены, что ихъ невозможно было разрубить на части. Я замѣтилъ за этотъ бѣдственный походъ, что насъ постоянно заставляли идти по возможности слѣдомъ за кавалеріей и артиллеріей, и что мы останавливались на ихъ ночевкахъ съ расчетомъ, чтобы питаться лошадьми, оставленными ими...

Было часовъ около десяти; ночь стояла необыкновенно темная, и уже многіе изъ нашего кружка, какъ и остальныя части злополучной арміи, расположившіяся въ этой мѣстности, стали забываться тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, вслѣдствіе утомленія и голода, у огня, который ежеминутно угасалъ, какъ и жизнь окружавшихъ его людей; мы размышляли о завтрашнемъ днѣ, о прибытіи въ Смоленскъ, гдѣ, какъ намъ обѣщали, должны окончиться наши мученія—вѣдь тамъ мы найдемъ продовольствіе и квартиры.

Я кончилъ свой жалкій ужинъ, состоявшій изъ кусочка печенки отъ лошади, убитой нашими саперами, а вмѣсто питья проглотилъ пригоршню снѣга. Маршалъ Мортье также съѣлъ печенки, зажаренной для него денщикомъ, но только онъ ѣлъ ее съ кускомъ сухаря и запилъ каплей водки; ужинъ, какъ видите, не особенно изысканный для маршала Франціи, но и то было еще недурно при нашемъ злосчастномъ положеніи.

Послѣ ужина онъ вдругъ спросилъ у часового, стоявшаго опершись на ружье, у дверей риги, зачѣмъ онъ тутъ? Солдатъ отвѣчалъ, что онъ стоитъ на часахъ. „Для кого и для чего?—возразилъ маршалъ,—вѣдь все равно, это не помѣшаетъ холоду и нуждѣ вторгнуться сюда и терзать насъ! Ступай лучше, займи мѣсто у огня“. Немного погодя, онъ попросилъ у денщика чего-нибудь подложить себѣ подъ голову; ему подали чемоданъ, онъ завернулся въ плащъ и улегся.

Я собирался сдѣлать то же самое, растянувшись на своей медвѣжьей шкурѣ, какъ вдругъ насъ переполошилъ какой-то странный шумъ; оказывается, сѣверный вѣтеръ забушевалъ по лѣсу, подымая снѣжную метель при 27-градусномъ морозѣ, такъ что люди не могли оставаться на мѣстахъ. Съ криками бѣгали они по равнинѣ, стараясь попасть туда, гдѣ



Ночной привалъ. (Верещагина).

виднѣлись огни, и этимъ облегчить свое положеніе; но ихъ крутилъ снѣжный вихрь, и они не могли двигаться, или если все-таки порывались бѣжать, то спотыкались и падали, чтобы уже больше не подыматься. Нѣсколько сотъ человѣкъ погибло такимъ образомъ; но много тысячъ людей умирало, оставаясь на мѣстѣ, они не надѣялись ни на что лучшее. Что до насъ, то намъ посчастливилось—одна сторона риги была защищена отъ вѣтра; многіе пришли, чтобы пріютиться у насъ и такимъ образомъ избѣгнуть смерти.

Кстати разскажу по этому поводу объ одномъ поступкѣ самоотверженія, совершенномъ въ эту бѣдственную ночь, когда всѣ самыя страшныя стихіи ада, казалось, разъярились противъ насъ.

Въ составъ нашей арміи входилъ принцъ Эмилій Гессенъ-Кассельскій со своимъ войскомъ. Его маленькій корпусъ состоялъ изъ нѣсколькихъ полковъ кавалеріи и пѣхоты. Какъ и мы, онъ расположился на бивакахъ, по правую сторону дороги, съ остатками своихъ несчастныхъ солдатъ, число которыхъ сократилось до пяти или шести сотъ человѣкъ; въ числѣ ихъ находилось приблизительно до полутораста драгунъ, но уже пѣшихъ, такъ какъ ихъ лошади или пали, или были съѣдены. Эти храбрые воины, изнемогая отъ холода и не имѣя силъ оставаться на мѣстѣ въ такую метель и непогоду, рѣшили принести себя въ жертву, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лѣтъ двадцати, не больше, поставивъ его по серединѣ, чтобы защитить отъ вѣтра и холода. Закутанные въ свои длинные бѣлые плащи, они всю ночь простояли на ногахъ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу; на другое утро три четверти этихъ людей были мертвы и занесены снѣгомъ; та же участь постигла почти десять тысячъ изъ разныхъ корпусовъ.

Сержантъ Бургонь.

III.

Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга

Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе разсчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...

И, вспылившн, Императоръ—
«Князь, вы видите!»—воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется—на что же?»
«Государь!»—въ отвѣтъ посланникъ—
«Взять въ разсчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!»
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. И днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ—
Весь народъ!»...
И безнадежно
Въ даль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

А. Майковъ.

IV.

Наказъ партизана [1]).

Узнавъ, что въ село Токарево пришла шайка мародеровъ, мы 2 сентября на разсвѣтѣ [2]) напали на нее и захватили въ плѣнъ девяносто человѣкъ, прикрывавшихъ обозъ съ огра-

---

[1]) Партизанскія дѣйствія начались еще до вступленія французовъ въ Москву, но особенное значеніе они получили во время ихъ пребыванія тамъ, а также при отступленіи великой арміи.

[2]) День вступленія французской арміи въ Москву.

бленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись раздѣломъ между собою добычи, какъ выставленные за селеніемъ скрытые пикеты дали намъ знать о приближеніи къ Токареву другой шайки мародеровъ. Это селеніе лежитъ на скатѣ возвышенности у берега рѣчки Вори, почему непріятель нисколько не могъ насъ примѣтить и слѣдовалъ безъ малѣйшей предосторожности; мы тотчасъ сѣли на коней, скрылись позади избъ и атаковали его со всѣхъ сторонъ съ крикомъ и стрѣльбою; ворвавшись въ середину, мы еще захватили семьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ. Тогда я

Мародеры. (Кар. Феберъ-дю-Форъ).

созвалъ міръ и объявилъ ему о мнимомъ прибытіи большого числа нашихъ войскъ на помощь уѣздовъ Юхновскаго и Вяземскаго, роздалъ крестьянамъ взятые у непріятеля ружья и патроны, уговорилъ ихъ защищать свою собственность и далъ имъ наставленіе, какъ поступать съ шайками мародеровъ, числомъ ихъ превышающихъ: „Примите ихъ,— говорилъ я имъ—дружелюбно, поднесите съ поклонами (ибо, не зная русскаго языка, поклоны они понимаютъ лучше словъ) все, что у васъ есть съѣстного, а особенно питейнаго, уложите спать пьяными, и когда примѣтите, что они точно заснули, бросьтесь всѣ на ихъ оружіе, обыкновенно

кучею въ углѣ избы или на улицѣ поставленное, и совершите то, что Богъ повелѣлъ совершить съ врагами Христовой церкви и вашей родины. Истребивъ ихъ, закопайте тѣла въ хлѣву, въ лѣсу или въ какомъ-нибудь непроходимомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ берегитесь, чтобы мѣста, гдѣ тѣла зарыты, не были примѣтны отъ свѣжей, недавно вскопанной земли; для того разбросайте на этомъ мѣстѣ кучу камней, бревенъ; всю добычу военную, какъ мундиры, каски, ремни и прочее—все жгите или зарывайте въ такихъ же мѣстахъ, какъ и тѣла французовъ. Эта осторожность потому вамъ нужна, что другая шайка басурмановъ, вѣрно, будетъ рыться въ свѣжей землѣ, думая найти въ ней или деньги, или ваше имущество; но, открывши вмѣсто того тѣла своихъ товарищей и вещи, имъ принадлежавшія, васъ всѣхъ побьетъ и село сожжетъ. А ты, братъ староста, имѣй надзоръ надъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ я приказываю, да прикажи, чтобы на дворѣ у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидятъ очень многое число французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы въ разныя стороны искать меня,—я приду къ вамъ на помощь. Богъ велитъ православнымъ христіанамъ жить мирно между собою и не выдавать врагамъ другъ друга, особенно чадамъ антихриста, которые не щадятъ и храмовъ Божіихъ! Все, что я вамъ сказалъ, перескажите сосѣдямъ вашимъ“. Я не смѣлъ дать письменнаго наставленія изъ опасенія, чтобы оно не попалось въ руки непріятеля, который могъ быть увѣдомленъ о мѣрахъ, предложенныхъ мною жителямъ для истребленія мародеровъ.

Д. Давыдовъ.

V.

Давыдовъ и Фигнеръ.

Слѣдуя 26-го окт. къ Дубосищамъ, я примѣтилъ, что авангардъ мой бросился въ погоню за конными французами. Вечернее время и туманная погода не позволили ясно разсмотрѣть силу непріятеля, почему я, стянувъ полки, велѣлъ взять дротики на перевѣсъ и двинулся рысью вслѣдъ за авангардомъ. Но едва вступилъ я въ маленькую деревушку,

имя которой я забылъ, какъ увидалъ нѣсколько авангардныхъ казаковъ моихъ, ведущихъ ко мнѣ лейбъ-жандармовъ французскихъ (Gendarmes d'élite). Они объявили мнѣ, что принадлежатъ къ корпусу Бараге-Дилье, расположенному между Смоленскомъ и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на видъ, что ихъ обязанность не сражаться, а сохранять лишь порядокъ въ арміи. Я отвѣчалъ имъ: „Вы вооружены, французы, и находитесь въ Россіи, слѣдовательно, молчите и повинуйтесь". Обезоруживъ ихъ и приставивъ къ нимъ караулъ, я приказалъ при первомъ удобномъ случаѣ отослать ихъ въ главную квартиру, а такъ какъ было уже поздно, то мы, разставивъ посты, расположились на ночлегъ.

Спустя часъ времени соединились съ нами и Сеславинъ, и Фигнеръ. Я давно слыхалъ о варварскихъ поступкахъ Фигнера, но не могъ вѣрить, чтобы жестокосердіе его доходило до убійства враговъ обезоруженныхъ, особенно въ такое время, когда обстоятельства наши стали, видимо, измѣняться къ лучшему. Казалось, никакое злобное чувство, еще менѣе чувство мщенія, не должно было имѣть мѣста въ сердцахъ нашихъ солдатъ, исполненныхъ священною радостью. Едва узналъ онъ о моихъ плѣнныхъ, какъ поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой дозволить растерзать ихъ какимъ-то новымъ казакамъ, еще, по его мнѣнію, не натравленнымъ. Не могу выразить того, что я почувствовалъ при этихъ словахъ—красивыя черты лица и доброе, пріятное выраженіе глазъ Фигнера, казалось, говорили противное. Вспомнивъ его превосходныя военныя дарованія, отважность, предпріимчивость, дѣятельность, знаніе многихъ иностранныхъ языковъ, всѣ эти качества необыкновеннаго воина, я съ сожалѣніемъ сказалъ ему: „Не выводи меня, Александръ Самойловичъ, изъ заблужденія, оставь мнѣ думать, что героизмъ есть душа твоихъ славныхъ подвиговъ, безъ него они—мертвый капиталъ; я, какъ русскій, желалъ бы, чтобы у насъ было бы побольше славныхъ, но великодушныхъ воиновъ". На это онъ мнѣ отвѣчалъ: „Развѣ ты не разстрѣливаешь?"—„Да,—сказалъ я,—разстрѣлялъ двухъ измѣнниковъ отечеству, изъ которыхъ одинъ былъ грабитель храма Божія".—„Вѣдь ты разстрѣливалъ плѣнныхъ?"—сказалъ онъ.

Я отвѣчалъ: „Никогда, вели хоть тайно разспросить о томъ моихъ казаковъ“.—„Ну, такъ походимъ вмѣстѣ,— сказалъ онъ,—и ты, вѣрно, бросишь эти предразсудки“.—„Если солдатская честь и состраданіе, къ несчастью, суть предразсудки,—сказалъ я,—то я съ ними умру“. Мы замолчали. Опасаясь однако, чтобы онъ не велѣлъ тайно ночью похитить плѣнныхъ, я, подъ предлогомъ отдачи приказаній, вышелъ изъ избы и секретно приказалъ удвоить стражу, поручивъ надзоръ за ними уряднику, а послѣ поспѣшно отослалъ ихъ въ главную квартиру.

Д. Давыдовъ.

VI.

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Вдали Кутузова курень
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стая алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ:
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ, въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой яростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги!
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжный;
Его любовь—кровавый бой,
Родня—Донцы, другъ—конь надежный:
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника приноситъ,

То чутко шевелитъ ушьми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.
Еще ихъ скокъ примѣтенъ былъ
На высяхъ, за преградной Нарой,
Златимыхъ отблескомъ пожара—
Но скоро буйный рой за высь перекатилъ
И скоро слѣдъ его простылъ...

Д. Давыдовъ.

VII.

Старая гвардія отступаетъ.

Между 1 и 4 ноября расположеніе партизановъ было слѣдующее: 2-го графъ Орловъ-Денисовъ, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевскаго въ Толстякахъ; мы продолжали путь въ Хилтичи, куда прибыли къ ночи. Отдохнувъ три часа, мы пошли къ Мерлину. 3-го отрядъ графа Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленная партіею Фигнера, къ Звѣровичамъ. Сего числа, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеснами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашею ордою все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части непріятельской колонны было таково, что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до двухсотъ нижнихъ чиновъ, четыре орудія и множество обоза. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ, всѣми родами смерти испытанныхъ, воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ съ красными султанами и эполетами,

они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля. Будь съ нами нѣсколько ротъ конной артиллеріи и вся регулярная кавалерія, Богъ знаетъ для чего при главной арміи слѣдовавшая, то врядъ ли эти колонны отошли бы съ столь малымъ урономъ, каковой они въ этотъ день потерпѣли. Командуя одними казаками, мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отстававшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимы. Видя, что всѣ наши азіатскія атаки не оказываютъ никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя, я рѣшился подъ вечеръ послать полкъ Чеченскаго впередъ, чтобы ломать мостики, находящіеся на пути къ Красному, заваливать дорогу и стараться затруднить по возможности движеніе непріятеля. Я, какъ теперь, вижу графа Орлова-Денисова, гарцующаго у самой колонны на рыжемъ конѣ своемъ, окруженнаго моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Полковники, офицеры, урядники, многіе простые казаки устремлялись на непріятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозовъ и до 700 плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками.

Д. Давыдовъ.

VIII.

Въ плѣну у французовъ.

„A vos places!“ [1]) вдругъ закричалъ голосъ. Между плѣнными и конвойными произошло радостное смятеніе и ожиданіе чего-то счастливаго и торжественнаго. Со всѣхъ сторонъ послышались крики команды, и съ лѣвой стороны рысью, объѣзжая плѣнныхъ, показались кавалеристы, хорошо одѣтые, на хорошихъ лошадяхъ. На всѣхъ лицахъ

[1]) По мѣстамъ.

было выраженіе напряженности, которая бываетъ у людей при близости высшихъ властей. Плѣнные сбились въ кучу, ихъ столкнули съ дороги; конвойные построились.

— L'Empereur! l'Empereur! Le maréchal! Le duc! [1]).

И только что проѣхали сытые конвойные, какъ прогремѣла карета цугомъ на сѣрыхъ лошадяхъ. Пьеръ мелькомъ увидалъ спокойное, красивое, толстое и бѣлое лицо человѣка въ треугольной шляпѣ. Это былъ одинъ изъ маршаловъ. Взглядъ маршала обратился на крупную, замѣтную фигуру Пьера, и въ томъ выраженіи, съ которымъ маршалъ этотъ нахмурился и отвернулъ лицо, Пьеру показалось состраданіе и желаніе скрыть его.

Генералъ, который велъ депо, съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ, погоняя свою худую лошадь, скакалъ за каретой. Нѣсколько офицеровъ сошлись вмѣстѣ, солдаты окружили ихъ. У всѣхъ были взволнованно-напряженныя лица.

— Qu'est ce qu'il a dit? Qu'est ce qu'il a dit?.. [2]) — слышалъ Пьеръ.

Во время проѣзда маршала плѣнные сбились въ кучу, и Пьеръ увидалъ Каратаева, котораго онъ не видалъ еще въ нынѣшнее утро. Каратаевъ въ своей шинелькѣ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности.

Каратаевъ смотрѣлъ на Пьера своими добрыми круглыми глазами, подернутыми теперь слезою, и, видимо, подзывалъ его къ себѣ, хотѣлъ сказать что-то. Но Пьеру слишкомъ страшно было за себя. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто не видалъ его взгляда, и поспѣшно отошелъ.

Когда плѣнные опять тронулись, Пьеръ оглянулся назадъ. Каратаевъ сидѣлъ на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили надъ нимъ. Пьеръ не оглядывался больше. Онъ шелъ, прихрамывая, въ гору.

Сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ, послышался выстрѣлъ. Пьеръ слышалъ явственно этотъ выстрѣлъ, но въ то же мгновеніе, какъ онъ услыхалъ его, Пьеръ вспомнилъ,

---

[1]) Императоръ! Маршалъ! Герцогъ!
[2]) Что онъ сказалъ? Что онъ сказалъ?

что онъ не кончилъ еще начатое передъ проѣздомъ маршала вычисленіе о томъ, сколько переходовъ оставалось до Смоленска. И онъ сталъ считать. Два французскіе солдата, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ снятое, дымящееся ружье, пробѣжали мимо Пьера. Они оба были блѣдны, и въ выраженіи ихъ лицъ—одинъ изъ нихъ робко взглянулъ на Пьера—было что-то, похожее на то, что онъ видѣлъ въ молодомъ солдатѣ на казни. Пьеръ посмотрѣлъ на солдата и вспомнилъ о томъ, какъ этотъ солдатъ третьяго дня сжегъ, высушивая на кострѣ, свою рубаху, и какъ смѣялись надъ нимъ.

Собака завыла сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Карагаевъ. „Экая дура, о чемъ она воетъ?“ подумалъ Пьеръ.

Солдаты-товарищи, шедшіе рядомъ съ Пьеромъ, не оглядывались такъ же, какъ и онъ, на то мѣсто, съ котораго послышался выстрѣлъ и потомъ вой собаки; но строгое выраженіе лежало на всѣхъ лицахъ.

Депо, и плѣнные, и обозъ маршала остановился въ деревнѣ Шамшевѣ. Все сбилось въ кучу у костровъ. Пьеръ подошелъ къ костру, поѣлъ жаренаго лошадинаго мяса, легъ спиной къ огню и тотчасъ же заснулъ....

— Vous avez compris, sacré nom! [1]) — закричалъ голосъ, и Пьеръ проснулся.

Онъ приподнялся и сѣлъ. У костра, присѣвъ на корточкахъ, сидѣлъ французъ, только что оттолкнувшій русскаго солдата, и жарилъ надѣтое на шомполъ мясо. Жилистыя, засученныя, обросшія волосами, красныя руки, съ коротkими пальцами, ловко поворачивали шомполъ. Коричневое, мрачное лицо, съ насупленными бровями, ясно виднѣлось въ свѣтѣ угольевъ.

— Ça lui est bien égal, — проворчалъ онъ, быстро обращаясь къ солдату, стоявшему за нимъ. — Brigand. Va! [2]).

И солдатъ, вертя шомполъ, мрачно взглянулъ на Пьера. Пьеръ отвернулся, вглядываясь въ тѣни. Одинъ русскій солдатъ, плѣнный, тотъ, котораго оттолкнулъ французъ, сидѣлъ у костра и трепалъ по чемъ-то рукой. Вглядѣвшись

---

[1]) Вы поняли, чортъ возьми.
[2]) Ему все равно, разбойникъ! Право!

ближе, Пьеръ узналъ лиловую собаченку, которая, виляя хвостомъ, сидѣла подлѣ солдата.

— А, пришла?—сказалъ Пьеръ.—А, Пла...—началъ онъ и не договорилъ.

Въ его воображеніи вдругъ, одновременно, связываясь между собой, возникло воспоминаніе о взглядѣ, которымъ смотрѣлъ на него Платонъ, сидя подъ деревомъ, о выстрѣлѣ, слышанномъ на томъ мѣстѣ, о воѣ собаки, о преступныхъ лицахъ двухъ французовъ, пробѣжавшихъ мимо его, о снятомъ дымящемся ружьѣ, объ отсутствіи Каратаева на этомъ привалѣ, и онъ готовъ уже былъ понять, что Каратаевъ убитъ; но въ то же самое мгновенье въ его душѣ, взявшись Богъ знаетъ откуда, возникло воспоминаніе о вечерѣ, проведенномъ имъ съ красавицей полькой лѣтомъ на балконѣ своего кіевскаго дома. И все-таки, не связавъ воспоминаній нынѣшняго дня и не сдѣлавъ о нихъ вывода, Пьеръ закрылъ глаза, и картина лѣтней природы смѣшалась съ воспоминаніемъ о купаньи, о жидкомъ колеблющемся шарѣ, и онъ опустился куда-то въ воду такъ, что вода сошлась надъ его головой.

Передъ восходомъ солнца его разбудили громкіе, частые выстрѣлы и крики. Мимо Пьера пробѣжали французы.

Les cosaques! [1])—прокричалъ одинъ изъ нихъ, и черезъ минуту толпа русскихъ лицъ окружила Пьера.

Долго не могъ понять Пьеръ того, что съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики! — плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ.

Гусары и казаки окружили плѣнныхъ и торопливо предлагали кто платья, кто сапоги, кто хлѣба. Пьеръ рыдалъ, сидя посреди нихъ, и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и плача цѣловалъ его.

Долоховъ стоялъ у воротъ разваленнаго дома, пропуская мимо себя толпу обезоруженныхъ французовъ. Французы, взвол-

---

[1]) Казаки!

нованные всѣмъ происшедшимъ, громко говорили между собой; но, проходя мимо Долохова, который слегка хлесталъ себя по сапогамъ нагайкой и глядѣлъ на нихъ своимъ холоднымъ, стекляннымъ, ничего добраго не обѣщающимъ взглядомъ, говоръ ихъ замолкалъ. Съ другой стороны стоялъ казакъ Долохова и считалъ плѣнныхъ, отмѣчая сотни чертой мѣла на воротахъ.

— Сколько? — спросилъ Долоховъ у казака, считавшаго плѣнныхъ.

— На вторую сотню, — отвѣчалъ казакъ.

—Filez, filez, [1]) — приговаривалъ Долоховъ, выучившись этому выраженію у французовъ, и, встрѣчаясь глазами съ проходившими плѣнными, взглядъ его вспыхивалъ жестокимъ блескомъ.

Денисовъ съ мрачнымъ лицомъ, снявъ папаху, шелъ позади казаковъ, несшихъ къ вырытой въ саду ямѣ тѣло Пети Ростова.

Л. Толстой.

IX.

Отрядъ Фигнера.

1.

У Французовъ на привалѣ.

(Изъ писемъ подполковника К. Бискупскаго).

Тутъ явились наши два проводника съ донесеніемъ. Фигнеръ выслушалъ, велѣлъ слѣзать съ коней и дожидаться его; самъ не слѣзалъ, посматривая на меня, то на Чудовскаго, сказалъ: „Садитесь, поѣдемте со мною“. Проводникъ вывелъ на край лѣса, Фигнеръ что-то приказалъ ему и воротилъ, а мы выѣхали изъ лѣса. У насъ въ виду широко раскинутое пространство открытыхъ полей и селеніе, кажется, съ каменною небольшою церковью; почти вокругъ села, особенно съ нашей стороны, лагерь и полно село французовъ, которое отъ насъ версты съ 2 поля. Было прекрасное утро, солнце грѣло. Смотря изъ опушки лѣса, Фигнеръ говоритъ: „Пойдемте въ этотъ лагерь“. Я засмѣялся, и Чудовскій... выпуча глаза, покрутилъ

---

[1]) Проходите, проходите...

головою, сказалъ: „А что-жъ, поѣхать бы хоть поближе“. Фигнеръ—не въ шутку уже на ходу, вперивъ глаза на лагерь и на мѣстность, мы оба то за нимъ, то рядомъ съ нимъ, то поглядываемъ назадъ, то на себя, то впередъ, молча, не вѣря еще, что доѣдемъ до самаго лагеря. Фигнеръ прибавилъ шагу и говоритъ: „Вы, Чудовскій, хоть худо говорите по-французски, если кто спроситъ что-нибудь, выручайте отвѣтомъ Ксаверія Андреевича, но коротко, избѣгая разговора, будто польскіе уланы въ какомъ-то хаосѣ столпившихся въ головѣ мыслей“. Мои глаза разбѣжались по лагерю: кони разсѣдланы у плетней, то ржатъ, то головами машутъ, солдаты полуодѣтые; далѣе направо и выше въ козлахъ блестятъ ружья, пѣхота-то въ кучахъ... Огоньки, дымъ и говоръ во ста шагахъ передъ нами; а крайніе французы смотрятъ и на насъ. Тутъ, вздыхая, я мысленно проклялъ Фигнера; все какъ во снѣ кажется, и мы всѣ трое, уже лавируя промежъ лагерныхъ пожитковъ, меблировки, — гдѣ кучка пера, гдѣ мяса, гдѣ торбы и различные предметы, — пробрались къ одному огню съ горшками и котелками, — ба! вспомнилъ; тутъ лежали и сарафаны и кокошники, и лапти разбросаны. Среди кирасировъ остановились; Фигнеръ стоящихъ тутъ двухъ офицеровъ съ трубками въ зубахъ привѣтствуетъ добрымъ утромъ, и залепетали съ обѣихъ сторонъ. Не мнѣ изобразить это состояніе, въ какомъ была моя внутренность и наружность, только помню, мы оба стояли позади Фигнера; мнѣ показалось, что отъ него, Фигнера, несетъ трупомъ; я взглянулъ на Чудовскаго, — рожа его и глаза, какъ воротникъ изношенный, багрово-малиновая, какъ будто баклажку опорожнилъ, а я (по словамъ послѣ Чудовскаго) былъ то бѣлый слишкомъ, то красный. Офицеры въ фуражкахъ и шинеляхъ, накинутыхъ на плечи, одинъ брюнетъ красивый лицомъ, стоялъ ближе передъ Фигнеромъ, говорилъ скоро, улыбаясь; другой молодой, немного рыжеватый, нѣмецкой физіономіи, часто обращался къ костру, у котораго стояли и жестяныя посудинки, и солдатамъ говорившій, которые тутъ и жарили, и варили. Въ эту минуту одинъ кирасиръ въ жилетѣ, съ русыми огромными бакенами, вошелъ между насъ двухъ и спросилъ меня: какого мы регимента? Я сказалъ: „Нонъ компрене, же сва поліоне“, боясь ему въ глаза смотрѣть, чтобъ

не схватилъ за удила. Чудовскій прервалъ по-французски, а кирасиръ оперся лѣвымъ локтемъ о бокъ коня Чудовскаго и говоритъ съ нимъ, зѣваючи... Не знаю, сколько минутъ все продолжалось. Я видѣлъ, что изъ села выходятъ 3 человѣка офицеровъ, одинъ въ каскѣ; я и подумалъ: если эти догадаются? Наконецъ Фигнеръ распрощался, мы повернули коней во свояси. Фигнеръ еще повернулся къ нимъ, проговорилъ о какомъ-то маршалѣ, а отвѣчали ему, крича: „Вуй! Вуй!“ и еще что-то. Мы отъѣхали шагомъ, принимая не прямо туда, откуда пріѣхали, а гораздо лѣвѣе пошли на рысяхъ къ лѣсу. Фигнеръ сказалъ намъ: „Это вчерашніе кирасиры, что шли ночью, еще поговорилъ бы, да не хотѣлось дождаться прихода еще троихъ офицеровъ, шедшихъ къ намъ“. Въѣхавъ въ лѣсъ, повернули лѣвое плечо впередъ и пріѣхали къ отряду, которому ничего неизвѣстно. У насъ съ Чудовскимъ вся работа циркуляціи человѣческой крови вступила въ обыкновенное свое обращеніе. Слѣзли съ коней...

Фигнеръ и плѣнные французы.

2.

Расправа партизановъ съ плѣнными.

Продолжая прерванное въ 3-емъ письмѣ къ вамъ, говорю: мы пошли далѣе, но гдѣ и какъ эту ночь провели, не могу вспомнить. На другой или третій день проводники, отправленные, два принесли Фигнеру разныя свѣдѣнія, и съ разныхъ сторонъ нѣсколько бородатыхъ пришли кланяться и просить ружей и патроновъ. Фигнеръ обѣщалъ и добычею надѣлить, съ тѣмъ, чтобы они невдалекѣ отъ отряда, а кто и подальше, наблюдая за движеніями нашими, и гдѣ увидятъ французовъ, подходили и увѣдомляли.

Вскорѣ на какой-то дорогѣ, посланными казаками, не упомню съ которымъ офицеромъ, невдалекѣ отъ отряда схвачены и офицеръ и подъ-офицеръ съ депешами. Ночью ихъ привели къ отряду, и Фигнеръ, разспросивши, отобравши депеши, отдалъ плѣнныхъ на убіеніе мужикамъ... Послѣ этого, на другой день утромъ было пасмурно и сыро, и на какой-то дорогѣ мы изъ лѣса вышедшій внезапно отрядъ французовъ окружили, обезоружили и живо потащили, какъ оглушенныхъ, съ дороги въ сторону; прошли лѣсомъ немного и вышли къ деревушкѣ,

лежавшей почти въ болотахъ, окруженной лѣсами, въ которой лежалъ на боку гнилой, черный деревянный высокій двухсторонній домъ господскій, видно, давно въ такомъ состояніи, безъ оконъ, дверей и безъ двора, торчалъ среди мужицкихъ огородовъ... Крестьяне этой деревни по временамъ приходили изъ своей резиденціи въ лѣсъ, и оттого на этотъ разъ въ избахъ изъ трубъ курилось, и сарафаны выглядывали на насъ. Они уже свыклись и съ французами видѣться. Плѣнные, приведенные нами, были сводная команда, шедшая по своему назначенію; тутъ были конной и пѣшей артиллеріи офицеры, нижніе чины, кони и повозки съ три, нагруженныя всячиною, человѣкъ до 180. Остановились посреди короткой, широкой улицы, то-есть между дворами и огородами, возлѣ глубокаго, стараго, давно безъ воды, колодца. Фигнеръ приказалъ нѣсколькимъ гусарамъ и казакамъ слѣзть съ коней, обыскать всѣхъ плѣнныхъ и обобрать, скинуть съ нихъ шинели, мундиры и кивера въ одну кучу; возлѣ повозокъ и коней поставлены часовые, потомъ всѣхъ плѣнныхъ окружили среди улицы тѣснымъ, въ двѣ шеренги, фронтомъ, и такъ сомкнутыхъ, Фигнеръ велѣлъ казакамъ въѣхать въ средину и самъ тутъ, говоря: „жаль нельзя стрѣлять“, офицерамъ велѣлъ выйти изъ круга, которыхъ особо окружили, и скомандовалъ: „Коли пиками, мѣтко, меньше рань!“ Могу ли изобразить этотъ ужасъ! Это даже не мое дѣло, тутъ надо перо; тѣмъ болѣе я не въ состояніи описать, что адское дѣйствіе свершилось очень скоро, оглядываясь, не наскочитъ ли какой отрядъ непріятельскій нечаянно; а говорить объ этомъ надобно долго, скажу коротко: отрядъ и офицеры, исполняя это распоряженіе, сначала почти не знали, къ чему оно идетъ, а французы вѣроятно ожидали, что ихъ перевяжутъ; но когда пики и сабли взвились надъ ними, то вопль крика, ужаса описать невозможно. Солдаты наши сначала дѣйствовали какъ-то нерѣшительно. Помню, что я въ кругу не стоялъ, а сейчасъ осадилъ коня за фронтъ и повернулъ лицомъ въ противоположную сторону; поворачивая голову, поглядывалъ вокругъ на это небывалое каре, сердце стѣснилось, и что я вижу и слышу неизобразимаго вида, напримѣръ, что-нибудь скажу: казакъ вонзаетъ пику, и ему слеза какъ горошина

капъ, капъ; тамъ гусаръ будто рубитъ, бьетъ фруктелемъ, и самъ блѣдный; другой только машетъ и вертится на конѣ. Фигнеръ закричалъ свершить начатое, не упомню словъ его, но помню впечатлѣніе: они показались мнѣ ужасными. Смотрю, гусаръ Орловъ и Чудовскій мой и два мои улана, именно товарищи Березовскій и Суходольскій, принялись за работу. О! подумалъ, — впрочемъ казаки и гусары нѣкоторые отличаются передъ Фигнеромъ, а несчастные? — У иного уже десятки ранъ, весь въ крови, онъ еще не палъ, а хватаетъ за все. Несчастнѣйшіе французы, недавно говорившіе съ Фигнеромъ такъ привѣтливо, покорно, человѣколюбиво сожалѣя, что такъ долго нѣтъ мира между нами, и проч. Французы говорили нашимъ солдатамъ — камрады, досталъ изъ кивера паляницу, подалъ гусару и унтеръ-офицеру, улыбаясь имъ; офицеры, занимая насъ, когда мы вели ихъ, удивляясь нашему здѣсь появленію, и не думали того, что идутъ на эшафотъ; они пали на колѣни, сложивъ руки, то молились, то вознося къ небу руки, просили даровать жизнь; другіе внезапно лишились разсудка, кричали и кидались сами на пики, хватаясь руками за лошадей, за ноги, за руки, цѣлуя стремена, умоляя о пощадѣ; многіе уже лежали одинъ на другомъ, въ страшныхъ положеніяхъ, въ крови; въ иного разомъ по четыре и по десяти пикъ вонзали и пригвождали къ землѣ; руки и ноги умирающаго трепещутъ, кровь на всѣ стороны фонтанами, крикъ пронзительный, — именемъ Христа; въ крови поднялся паръ и въ носъ бьетъ; вдругъ человѣка три выпрямились передъ Фигнеромъ, разорвали рубашки, выпятили груди, страшно нѣкоторыхъ выколотыя черными точками — распятіе и другіе знаки, — кричатъ ему въ бѣшенствѣ всевозможныя ругательства и проклятія, бросаясь на него съ кулаками, говоря, наставляя груди: „Рази самъ, сякой да такой!“ И пики вонзились въ эти груди, и все прочее, никѣмъ невиданное, неслыханное, кончилось въ нѣсколько минутъ. А чтобы изобразить эту картину недостаточно страницы, пусть искусное перо выльетъ всѣ неслыханные ужасы, какіе тутъ были. Отрядъ справа и слѣва заѣхалъ, сталъ во фронтъ, и передъ нами огромная куча труповъ и залитая кровью улица...

Въ эту самую минуту, какъ онъ и всѣ наши офицеры

подъѣхали, кромѣ Алексѣева, къ плѣннымъ артиллерійскимъ офицерамъ; ихъ было, кажется, до 15 человѣкъ; они стояли и сейчасъ заговорили къ Фигнеру умоляющимъ тономъ всѣ; одинъ изъ нихъ красавецъ, стройный, высокій мужчина, лѣтъ 30, говорилъ похоже на рѣчь, вдругъ снимаетъ съ руки широкій, чистаго золота, обручъ, окаймленный горностаемъ, вручая ему этотъ браслетъ, указывая на вырѣзанную надпись, — имя милой своей невѣсты; проситъ одной милости, принять съ честнымъ словомъ, найти средство передать во Францію. Фигнеръ, какъ и самъ артиллеристъ, успокоилъ несчастныхъ, обѣщая имъ, что будутъ отведены въ плѣнъ въ Тарутинъ, съ конвоемъ поселянъ; и сбѣжавшимся тутъ разнаго цвѣта бородамъ и старостѣ этой деревушки отдалъ ихъ, приказавъ отвести ихъ на другой конецъ деревни и въ овинѣ крѣпко держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока отрядъ уйдетъ, и тогда убить ихъ непремѣнно, чтобъ ни одинъ не ушелъ, иначе они всѣ отвѣчать будутъ...

Казачій урядникъ доложилъ, что мужики съ бабами сбѣжались, всѣ вещи расхватали, трупами наполнили глубокій колодезь и другую яму, засыпали землею, кочергами и рогатинами еще не умершихъ и волочили до колодца, ругая по своему ахти... Явились новые мужики, сдѣлавшіеся нашими агентами. Мы замѣтили, что въ эти дни, вѣроятно, на дальнее пространство разнесся слухъ объ нашемъ отрядѣ, предоставлявшемъ имъ добычи. Пришельцы это сами сказали, что по слуху пришли, и говорятъ: „Ваше сіятельство, не угодно ли вашей милости, вотъ тутъ да тамъ то, къ Москвѣ, въ ту сторону, отсюда верстъ за десятокъ, лѣсомъ, да и гористо, есть большой прудъ и водяныя двѣ мельницы; тамъ хранцузы всю мелютъ хлѣбушку“. Фигнеръ: „хорошо, такъ вамъ же надо и проводить до этого мѣста“. — „Извольте, могимъ стараться!“ Тутъ Фигнеръ оставляетъ отрядъ, беретъ съ собою Орлова, донского офицера, — родомъ онъ чеченецъ, звѣрскій забіяка, — отобралъ 15 казаковъ; и уже смеркалось, поскакали. Тамъ они окружили мельницы, захватили всѣхъ, сколько было французовъ, заперли, зажгли со всѣхъ сторонъ, — все сгорѣло и сами ускакали. На пути къ мельницамъ, еще переѣзжая какую-то большую дорогу, схватили проѣзжающаго курьера съ депешами къ королю Неаполи-

танскому; бумаги Фигнеръ взялъ для доставленія Кутузову, а курьера и товарища при немъ, при распоряженіи мельницами, водворилъ на сожженіе съ прочими. По возвращеніи еще до разсвѣта, Фигнеръ немедленно избралъ одного колонновожатаго изъ старыхъ нашихъ четырехъ, а другого съ той деревни, гдѣ было адское кровопролитіе, обѣщавъ, что они получатъ награжденіе отъ самого свѣтлѣйшаго, только непремѣнно поспѣшили бы скорѣй доставить въ цѣлости бумаги...

К. Бискупскій.

XI.

Ополченцы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 г. графу Николаю Гудовичу поручено было набрать до 40,000 людей въ ополченіе, въ имѣніяхъ помѣщиковъ Черниговской губерніи, и назначитъ офицерами въ этотъ корпусъ нѣсколько дворянъ. Въ то время употреблялись всевозможные способы для отраженія французовъ, и всякій, по желанію, могъ вступить въ партизаны. Такимъ образомъ, братъ Николая Гудовича, генералъ-майоръ Петръ Гудовичъ, вызвался быть его помощникомъ, и назвалъ себя дежурнымъ генераломъ. Какъ ни просты были обмундировка и вооруженіе этого ополченія, однако, все-таки нельзя было его устроить въ очень короткое время; къ тому же, не доставало лошадей. Оттого, когда фельдмаршаломъ Кутузовымъ повелѣно было графу Николаю Гудовичу въ назначенный имъ день быть въ Могилевѣ для того, чтобы помѣшать отступленію французовъ, графъ рѣшился съ 30,000 набранными казаками двинуться по назначенію, предоставляя брату пополнить это число 10 тысячами и затѣмъ присоединиться къ нему. Такъ и было сдѣлано. Но едва младшій Гудовичъ вступилъ съ войскомъ своимъ въ Литву, какъ началъ грабить польскихъ помѣщиковъ, обирая ихъ дочиста и отправляя награбленное въ свое имѣніе, лежавшее за Мглиномъ. Тутъ было все: оружіе, серебро, мебель, экипажи, съѣстные припасы, водка, стада, заводскія лошади, полотна и сукна фабричныя и т. д. Между прочимъ, похищена была дорогая, украшенная брилліантами сабля въ 60 тысячъ руб-

лей, даръ Петра Великаго дѣду Галинскаго, подъ предлогомъ, что она можетъ послужить оружіемъ противъ русскихъ. Офицеры ополченія не отставали отъ своего начальника и также безсовѣстно грабили на свою руку. Г. Галинскій исчислилъ предводителю всѣ свои потери; предлогомъ этого грабежа служило намѣреніе не оставлять ничего въ добычу французамъ и помѣшать полякамъ въ поданіи помощи непріятелю; но вѣдь Галинскій былъ преданъ императору Александру и четверо его сыновей служили въ гвардіи; наконецъ, весь его образъ дѣйствія въ трудномъ положеніи, въ которомъ находились поляки, угрожаемые и французами и русскими, не обнаружилъ и тѣни измѣны съ его стороны. Какъ-бы то ни было, въ настоящихъ обстоятельствахъ для Галинскаго важно было свидѣтельство графа Гудовича, что въ помѣстьяхъ его не было сдѣлано никакихъ приготовленій для пріема французовъ. Но графъ отнѣкивался, не давалъ свидѣтельства, наконецъ, по извѣстной жадности своей, согласился дать его только съ однимъ условіемъ, чтобы Галинскій отдалъ ему десять пудовъ своего серебра. Гудовичъ воображалъ, что Галинскій станетъ просить уступки, и очень удивился, когда тотъ согласился на условіе, не сдѣлавъ ни одного возраженія. Бумага была подписана и серебро доставлено. Когда при вѣшаніи серебра оказался недостатокъ въ нѣсколько фунтовъ, которые графъ требовалъ пополнить, Галинскій заплатилъ деньгами цѣнность недостающаго. Все это происходило въ имѣніи Галинскаго, въ его домѣ, которымъ графъ завладѣлъ. Наконецъ, графъ уѣхалъ, а Галинскій со свидѣтелями отправился въ другое свое имѣніе. Тутъ онъ замѣтилъ, что въ свидѣтельствѣ не доставало какой-то формальности. Предвидя, что графъ и ее даромъ не выполнитъ, онъ надѣлъ на палецъ дорогой перстень въ пять тысячъ рублей, сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ графу. Изъ опасенія какой-нибудь новой плутни, Галинскій, не слѣзая съ лошади, просилъ вызвать графа на балконъ, но графъ, какъ и ожидалъ того Галинскій, не согласился исправить свидѣтельство. Тогда Галинскій обѣщалъ подарить ему перстень, если онъ исполнитъ его просьбу. Графъ взялъ бумагу, а когда вернулся съ нею, не хотѣлъ давать ее Галинскому прежде, нежели этотъ не вручитъ ему

перстня; наконецъ, оба обмѣнялись тѣмъ, что держали въ рукахъ. Галинскій, отъѣхавъ немного, остановился и громко закричалъ Гудовичу: „Прощай, графъ, теперь ты въ моихъ рукахъ: благодаря этой бумагѣ мнѣ воротятъ все то, что ты у меня награбилъ!“. И затѣмъ онъ ускакалъ...

Предводитель, разсказавъ мнѣ, какъ дѣло было, прибавилъ:

„Трудно повѣрить что этотъ графъ, который низостями своими безчеститъ русское дворянство, принадлежитъ къ достойнѣйшей фамиліи, члены которой служили государству съ отличіемъ и преданностью... Но онъ будетъ строго наказанъ. Говорятъ, будто императоръ Александръ сказалъ, что онъ заслуживаетъ висѣлицы; онъ будетъ разжалованъ; изъ имѣнья его будетъ выплачено Галинскому все награбленное, а остальное перейдетъ къ братьямъ его“.

Де-ля-Флизъ.

XII.

Отступленіе Нея.

Наконецъ, 20-го ноября Наполеонъ принужденъ былъ покинуть Оршу; но онъ оставилъ тамъ Евгенія, Мортье и Даву и, остановившись въ двухъ миляхъ отъ этого города, сталъ разспрашивать о Неѣ, все продолжая поджидать его. То же уныніе царило во всей арміи, остатки которой находились въ Оршѣ...

Но къ вечеру четвертаго дня разсѣялась всякая надежда. Ночь принесла лишь изнурительный отдыхъ. Всѣ обвиняли другъ друга въ несчастіи Нея, словно у насъ была какая-нибудь возможность поджидать дольше третій корпусъ, подъ Краснымъ, гдѣ пришлось бы сражаться лишнихъ двадцать восемь часовъ, тогда какъ силъ и боевыхъ припасовъ хватало ровно на одинъ часъ...

Когда истощились всѣ воспоминанія и всѣ догадки, насъ охватило уныніе, какъ вдругъ раздался лошадиный топотъ и послышался радостный крикъ.

— Маршалъ Ней спасенъ, онъ ѣдетъ къ намъ, вонъ его польскіе кавалеристы!

И, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ поспѣшно подъѣхалъ одинъ изъ его офицеровъ и объявилъ намъ, что маршалъ прибли-

жается по правому берегу Днѣпра, и что онъ проситъ о помощи.

Евгеній собралъ четыре тысячи человѣкъ; при одномъ упоминаніи объ опасности, грозящей Нею, всѣ двинулись впередъ; но это ихъ усиліе было послѣднимъ...

Сейчасъ же оба корпуса пошли одинъ навстрѣчу другому. Ней и Евгеній первыми узнали другъ друга; они упали другъ другу въ объятія! Евгеній плакалъ; у Нея вырывались сердитыя восклицанія...

Солдаты, офицеры, генералы — всѣ бросились другъ другу навстрѣчу... Затѣмъ, всѣ вмѣстѣ, они вернулись въ Оршу, горя нетерпѣніемъ, одни — услышать, а другіе—разсказать о пережитыхъ несчастіяхъ!

Маршалъ Ней.

Они разсказали, что 17-го ноября они вышли изъ Смоленска съ двѣнадцатью орудіями, шестью тысячами пѣхоты и тремя стами кавалеріи, оставивъ непріятелю шесть тысячъ раненыхъ; если бы не грохотъ Платовской пальбы, да не взрывъ минъ, ихъ маршалу никогда не удалось бы вырвать изъ этого опустѣвшаго города семь тысячъ пріютившихся въ немъ отставшихъ воиновъ, не имѣвшихъ никакого оружія... Они разсказали, съ какой заботливостью ихъ начальникъ относился къ раненымъ, къ женщинамъ, къ дѣтямъ....

Вначалѣ имъ попадались лишь слѣды злополучнаго отступленія. Но на слѣдующій день все измѣнилось и ихъ охватили мрачныя предчувствія, когда они достигли снѣжной поляны, красной отъ крови и покрытой обломками оружій и изуродованными трупами...

Ней поспѣшно повелъ ихъ дальше отъ этихъ мрачныхъ обломковъ, и они безпрепятственно дошли до того мѣста, гдѣ дорога уходитъ въ глубокій оврагъ, изъ котораго она выходитъ на плоскую возвышенность...

Люди, шедшіе впереди безпорядочными толпами, вернулись назадъ, указывая на равнину, почернѣвшую отъ рядовъ непріятеля, какъ вдругъ одинъ изъ русскихъ, отдѣлившись отъ своихъ, спустился съ возвышенности: онъ предсталъ передъ французскимъ маршаломъ и, изъ желанія ли щегольнуть цивилизаціей, или изъ уваженія къ горю главнокомандующаго, или же опасаясь слишкомъ большого отчаянія съ его стороны, онъ облекъ въ льстивыя выраженія требованіе сдаться!

Онъ говорилъ, что „его послалъ Кутузовъ. Этотъ фельдмаршалъ не дерзнулъ бы сдѣлать столь жестокаго предложенія такому великому генералу, такому прославленному воину, если бы у него оставался хоть малѣйшій шансъ на спасеніе. Но передъ Неемъ и вокругъ него находятся восемьдесятъ тысячъ русскихъ, и, если онъ этому не вѣритъ, то Кутузовъ предлагаетъ ему послать кого-нибудь для того, чтобы объѣхать его ряды и сосчитать его силы“.

Не успѣлъ русскій договорить, какъ вдругъ, съ праваго фланга его арміи былъ пущенъ залпъ картечи, врѣзавшійся въ наши ряды и заставившій умолкнуть изумленнаго парламентера. Въ ту же минуту на него набросился, какъ на измѣнника, готовясь убить его, одинъ французскій офицеръ; но Ней, удерживая его порывъ, воскликнулъ: „Маршалы не сдаются; нельзя вести переговоровъ подъ огнемъ; вы—мой плѣнникъ!“ И несчастный, обезоруженный офицеръ остался среди насъ, подвергаясь выстрѣламъ своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ выпущенъ на свободу только въ Ковнѣ...

Кутузовъ не обманулъ Нея. Съ его стороны было восемьдесятъ тысячъ сытыхъ человѣкъ, стоявшихъ стройными, полными рядами, многочисленные эскадроны, огромная артилерія, занимавшая грозную позицію, однимъ словомъ—все, и даже счастье, замѣняющее собою все; съ нашей стороны было пять тысячъ солдатъ, составлявшихъ еле тащившуюся, раздробленную колонну; у нихъ было далеко не все необходимое

оружіе, да и то было нечищено, поломано и нетвердо державшееся въ ослабѣвшихъ рукахъ!

И, несмотря на это, французскій генералъ не подумалъ ни о сдачѣ, ни даже о смерти: онъ хотѣлъ пробить себѣ путь сквозь непріятельскіе ряды, даже не думая о геройствѣ такой попытки. Самъ не надѣясь ни на что, въ то время какъ всѣ надѣялись на него, онъ повиновался побужденіямъ своей сильной натуры и той гордости побѣдителя, благодаря которой, послѣ цѣлаго ряда невѣроятныхъ удачъ, все считается возможнымъ!...

Первая дивизія скрылась вмѣстѣ съ дорогой на днѣ оврага, вмѣстѣ съ ней же показалась на другой сторонѣ и, смятая первой русской линіей, снова скатилась въ оврагъ.

Нисколько не удивляясь происшедшему и не давая никому времени удивляться, маршалъ соединилъ остальныхъ, составилъ изъ нихъ резервъ и самъ замѣнилъ отступившихъ...

Всѣ послѣдовали за нимъ. Они подошли вплотную къ первой непріятельской линіи, пробили и смяли ея ряды и, не останавливаясь, устремились ко второй, но они не успѣли еще достигнуть ея, какъ на нихъ посыпался цѣлый градъ желѣза и свинца. Въ одно мгновеніе у Нея были ранены всѣ генералы и убито большинство солдатъ; ихъ ряды порѣдѣли; колонна разсыпалась, она содрогнулась, отступила и увлекла за собой Нея.

Тутъ онъ ясно увидалъ, что захотѣлъ невозможнаго; онъ сталъ дожидаться, пока, благодаря бѣгству его солдатъ, оврагъ очутился между ними и непріятелемъ. Тогда, не надѣясь ни на что и ничего не боясь, онъ остановилъ ихъ и вновь сформировалъ ихъ ряды. Двѣ тысячи людей онъ выстроилъ противъ восьмидесяти тысячъ; на огонь двухсотъ жерлъ онъ отвѣтилъ шестью пушками и устыдилъ судьбу, измѣнившую столь храбрымъ воинамъ!

Но тутъ сама судьба, вѣроятно, ослѣпила Кутузова какимъ-то туманомъ бездѣйствія....

Полагаясь больше на свои пушки, чѣмъ на своихъ солдатъ, онъ добивался побѣды издали...

Застигнутые этимъ смертоноснымъ градомъ, солдаты Нея стояли на одномъ мѣстѣ и съ удивленіемъ смотрѣли на своего начальника, какъ бы ожидая его послѣдняго слова, чтобы

считать себя погибшими; они все еще надѣялись на что-то или, по выраженію одного изъ его офицеровъ, они не падали духомъ, потому что въ этомъ крайне опасномъ положеніи, они чувствовали, что душа Нея оставалась безмятежной и покойной, словно среди свойственной ей стихіи. Онъ былъ безмолвенъ и сосредоточенъ; онъ слѣдилъ за непріятельской арміей.., развернувшей вширь оба свои фланга, для того, чтобы отрѣзать французамъ всякій путь къ спасенію.

Вечерній мракъ начиналъ заволакивать все окружающее: это было единственное преимущество, которое давала зима нашему отступленію—сумерки наступали очень рано. Ней ихъ-то и дожидался. Онъ воспользовался перерывомъ для того, чтобы отдать приказъ о возвращеніи назадъ, къ Смоленску. Всѣ разсказывали, что его подчиненные окаменѣли отъ удивленія; услышавъ такое приказаніе, даже его адъютантъ не повѣрилъ своимъ ушамъ; онъ устремилъ на своего начальника растерянный взглядъ и молча стоялъ, не понимая ни слова. Тогда маршалъ повторилъ приказаніе; они повиновались и безъ колебанія оборотились спиной къ родной арміи, къ Наполеону, къ Франціи и снова углубились въ Россію, принесшую имъ столько страданій...

Они слѣдили глазами за всѣми движеніями своего начальника: что же онъ предприметъ? И, каковы бы ни были его намѣренія, куда же направится онъ, безъ проводника, въ невѣдомой странѣ? Онъ же, движимый инстинктомъ опытнаго воина, остановился на краю большого оврага, на днѣ котораго, какъ онъ и предполагалъ, протекалъ ручей. Ней приказалъ расчистить снѣгъ, покрывавшій ледъ, который сломали также по его приказанію. Тогда, увидѣвъ теченіе ручья, маршалъ воскликнулъ: „Это притокъ Днѣпра! Вотъ нашъ проводникъ! Мы должны слѣдовать за нимъ, онъ приведетъ насъ къ рѣкѣ: мы переправимся на другой берегъ—тамъ наше спасенье!“ И онъ немедленно послѣдовалъ по этому направленію.

Но вблизи большой дороги, покинутой ими, они остановились въ какой-то незнакомой имъ деревнѣ... Тамъ Ней соединилъ войска и велѣлъ развести бивуачные огни, словно намѣреваясь остаться тамъ на продолжительное время. Ка-

заки, ѣхавшіе слѣдомъ за нимъ, повѣрили этому и очевидно дали знать Кутузову о мѣстѣ, гдѣ на слѣдующій день французскій маршалъ отдастъ свое оружіе, такъ какъ вскорѣ послышалась пушечная пальба...

Въ то же время его поляки объѣзжали всѣ окрестности. Единственнымъ человѣкомъ, котораго имъ удалось разыскать, былъ хромой крестьянинъ; ему несказанно обрадовались. Онъ объявилъ, что Днѣпръ находится на разстояніи лишь одной мили, но что въ бродъ перейти его нельзя и что онъ, вѣроятно, еще не замерзъ. „Онъ замерзнетъ!“—воскликнулъ маршалъ; когда же ему указали на наступившую оттепель, онъ прибавилъ:

— Какъ бы тамъ ни было, мы должны переправиться: это наша послѣдняя надежда!

Наконецъ, часамъ къ восьми мы прошли какую-то деревню и хромой мужикъ, шедшій впереди насъ, остановился, указывая на рѣку... Зимняя стужа подморозила рѣку окончательно только въ этомъ мѣстѣ; но выше и ниже, поверхность ея была подвижна.

Вмѣсто недавней радости, всѣми овладѣла тревога. Быть можетъ, поверхность этой враждебной рѣки была обманчива? Одинъ офицеръ рѣшился пожертвовать собой. Онъ съ трудомъ достигъ противоположнаго берега. Вернувшись къ своимъ, онъ объявилъ, что людямъ и, можетъ быть, нѣкоторымъ лошадямъ есть возможность переправиться, но что все остальное придется покинуть, при чемъ необходимо торопиться, такъ какъ вслѣдствіе оттепели ледъ начинаетъ таять...

Ней увидѣлъ, что лишь часть колонны находится возлѣ него: не обращая на это вниманія, онъ имѣлъ бы возможность переправиться на другой берегъ, гдѣ онъ надѣялся найти спасеніе и подождать тамъ отставшихъ. Но эта мысль не пришла ему даже въ голову; кто-то подсказалъ ему ее, но онъ тотчасъ же отвергъ ее! Онъ положилъ три часа на то, чтобы всѣ снова соединились; затѣмъ, его приближенные увидѣли, что онъ, спокойно и не волнуясь опасностью ожиданія, закутался въ свой плащъ и проспалъ глубокимъ сномъ всѣ три часа ожиданія на берегу рѣки: у него былъ уравновѣшенный темпераментъ великихъ людей, изумительно

сильная душа обитала въ этомъ тѣлѣ, отличавшемся крѣпкимъ здоровьемъ, безъ котораго не бываетъ героевъ.

Наконецъ, около полуночи, началась переправа. Но тѣ, кто первыми отдѣлились отъ берега, закричали остальнымъ, что ледъ опускается подъ ихъ тяжестью и что имъ приходится итти по колѣна въ водѣ; а вскорѣ было слышно, какъ стала ломаться эта ненадежная подпора съ ужаснымъ трескомъ, раздававшимся вдали, словно во время ледохода. Всѣ остановились, охваченные ужасомъ!

Ней приказалъ переправляться по-одиночкѣ; всѣ осторожно двинулись впередъ, не зная порой, среди темноты, ступаютъ ли они на льдину или же попадаютъ въ какую-нибудь расщелину, такъ какъ встрѣчались такія мѣста, гдѣ приходилось переходить черезъ большія трещины, перепрыгивая съ одной льдины на другую, рискуя упасть между ними и навѣки исчезнуть. Сначала они колебались, но тѣ, кто шелъ позади, крикнули, чтобы они торопились.

Когда же наконецъ, послѣ долгихъ страданій они достигли противоположной стороны и считали себя уже спасенными, то передъ ними предсталъ такой крутой и обледенѣлый берегъ, что не было возможности взобраться на него... Разсказчики содрагались при одномъ воспоминаніи о толпахъ людей, тѣснившихся надъ этой пропастью, о непрерывномъ отзвукѣ паденій, о крикахъ утопавшихъ и, главнымъ образомъ, при воспоминаніи о слезахъ и отчаяніи раненыхъ, лежавшихъ въ повозкахъ, которыхъ нельзя было переправить по такому хрупкому пути; раненые эти протягивали руки къ своимъ товарищамъ, умоляя не покидать ихъ.

Тогда ихъ начальникъ попытался переправить нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ этими несчастными; но когда повозки достигли средины рѣки, то ледъ сталъ опускаться и наконецъ проломился. Стоявшіе на берегу услыхали сначала долетавшіе до нихъ изъ бездны душу раздирающіе отчаянные крики, затѣмъ заглушенные и прерывавшіеся стоны, затѣмъ наступило ужасное молчаніе — все исчезло!...

Въ теченіе этихъ послѣднихъ сутокъ погибло и заблудилось четыре тысячи отставшихъ людей и три тысячи—солдатъ; колонна лишилась артиллеріи и обоза. У нея оставалось около трехъ тысячъ строевыхъ и столько же людей, шед-

шихъ безпорядочными толпами. Наконецъ, послѣ стольких жертвъ и послѣ того, какъ удалось кое-какъ соединить тѣхъ, кто смогъ переправиться, всѣ двинулись въ дальнѣйшій путь, и покоренный Днѣпръ сталъ союзникомъ и проводникомъ французовъ.

Солдаты неувѣренно подвигались на-удачу, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ, упавъ, замѣтилъ проторенную дорогу. Дорога эта, увы! оказалась даже слишкомъ наѣзженой, такъ какъ тѣ, которые шли впередъ и, нагнувшись, стали ощупывать ее руками, въ ужасѣ закричали, что они различаютъ свѣжіе слѣды, оставленные многочисленными пушками и лошадьми. Итакъ, они ушли отъ одной непріятельской арміи лишь для того, чтобы попасть въ руки другой! И имъ, едва двигавшимся, придется снова сражаться! Значитъ, война была повсемѣстно! Но Ней приказалъ имъ итти впередъ и довѣрился грознымъ слѣдамъ, которые привели его къ Гусиному, куда они неожиданно проникли; тамъ они захватили все. Въ Гусиномъ они встрѣтили все то, чего были лишены съ минуты выступленія изъ Москвы: жителей, съѣстные припасы, покой, теплыя помѣщенія и около сотни казаковъ, проснувшихся плѣнными. Переговоры съ этими послѣдними, а также необходимость дать подкрѣпиться солдатамъ, задержали Нея на нѣкоторое время въ этой деревнѣ.

Около десяти часовъ они встрѣтили двѣ новыя деревни и стали располагаться въ нихъ на отдыхъ, какъ вдругъ они замѣтили, что окрестные лѣса охвачены движеніями. Пока всѣ перекликались, переглядывались и сосредоточивались въ той изъ двухъ деревень, которая была ближе къ Днѣпру, изъ-за всѣхъ деревьевъ показались тысячи казаковъ и окружили несчастное войско своими копьями и пушками.

То былъ Платовъ со своими ордами, слѣдовавшими по берегу Днѣпра....

Спокойная сдержанность Нея сдерживала русскихъ; онъ одинъ, во главѣ нѣсколькихъ солдатъ находился на-сторожѣ; остальнымъ онъ велѣлъ даже продолжать подкрѣпляться до самой ночи. Тогда онъ приказалъ безшумно выступать, предупреждая тихимъ голосомъ другъ друга и подвигаясь сомкнутыми рядами. Затѣмъ они всѣ разомъ пустились въ

путь; но ихъ первый шагъ послужилъ словно сигналомъ для непріятеля: грянули всѣ его орудія и разомъ двинулись всѣ его эскадроны....

Нею удалось выстроить отсталыхъ между собой и русскими...

Защитивъ свой правый флангъ оградой изъ этихъ несчастныхъ, маршалъ вернулся къ берегу Днѣпра, который послужилъ прикрытіемъ его лѣвому флангу; онъ сталъ подвигаться дальше, отъ лѣса къ лѣсу, отъ оврага къ оврагу, пользуясь малѣйшими изгибами и неровностями почвы. Но ему нерѣдко приходилось удаляться отъ рѣки; тогда Платовъ окружалъ его со всѣхъ сторонъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ дней и на протяженіи двадцати миль, шесть тысячъ казаковъ разъѣзжало вдоль обоихъ фланговъ колонны Нея, въ которой оставалось всего полторы тысячи вооруженныхъ людей....

Немного успокоенная, несчастная колонна подвигалась, словно ощупью, по темному густому лѣсу, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ показался яркій свѣтъ и грянула пушка передъ самымъ лицомъ тѣхъ, что шли въ первыхъ рядахъ. Охваченные страхомъ, они подумали, что пришелъ ихъ конецъ, что они попали въ засаду, и въ ужасѣ они всѣ попадали на землю. Шедшіе позади нихъ смѣшивались и опрокидывались въ безпорядкѣ. Видя, что все погибло, Ней бросился къ нимъ; онъ приказалъ бить атаку, и какъ будто бы это нападеніе не было для него неожиданнымъ, онъ воскликнулъ:

— Товарищи, теперь пора, впередъ! Они въ нашихъ рукахъ!

При этихъ словахъ, пораженные солдаты, полагавшіе, что ихъ застигли врасплохъ, захотѣли въ свою очередь застичь врасплохъ непріятеля. Упавши на земь побѣжденными, они поднялись побѣдителями; они бросились къ непріятелю, котораго они больше нигдѣ не нашли; лишь по лѣсу раздавался шумъ его поспѣшнаго бѣгства!....

На слѣдующій день, 19 ноября, начиная съ полуночи и кончая десятью часами утра, они подвигались впередъ, не встрѣчая другихъ препятствій, кромѣ гористой почвы; но тутъ колонны Платова появились снова; Ней защищался отъ нихъ, пользуясь прикрытіемъ лѣса. Въ продолженіе всего дня его

солдатамъ пришлось видѣть, какъ падали подъ непріятельскими ядрами деревья, защищавшія ихъ и ихъ биваки; у французовъ оставалось одно лишь мелкое оружіе, которымъ не было возможности сдерживать казачью артиллерію на достаточномъ разстояніи.

Когда наступила ночь, маршалъ подалъ знакъ и всѣ двинулись къ Оршѣ. Еще наканунѣ туда былъ посланъ за подмогой Пшебендовскій и пятьдесятъ кавалеристовъ; они должны были прибыть уже въ этотъ городъ, если, впрочемъ, непріятель еще не занялъ его.

Въ заключеніе, офицеры Нея сказали, что, хотя и въ дальнѣйшемъ пути они встрѣтили немало жестокихъ препятствій, но о нихъ не стоило разсказывать!...

Орша находится на разстояніи пяти переходовъ отъ Смоленска. И въ такой короткій промежутокъ времени Ней создалъ себѣ такую славу! Какъ мало требуется времени и пространства для того, чтобы обезсмертить себя!

Когда Наполеонъ, находившійся въ двухъ миляхъ отъ Орши, узналъ, что Ней появился снова, онъ вскочилъ отъ радости и громко воскликнулъ:

— Значитъ, мои орлы спасены! Я отдалъ бы триста милліоновъ изъ своей казны для того, чтобы откупиться отъ потери такого человѣка!

Графъ де-Сегюръ.

XIII.

Французская армія передъ Березиной.

Настало 13-е (25-е) ноября, было часовъ семь утра, и еще не совсѣмъ разсвѣло. Я сидѣлъ, погруженный въ черныя думы, какъ вдругъ увидалъ вдали голову колонны и указалъ на нее Пикару.

Первые, кого мы увидѣли, были генералы; нѣкоторые ѣхали верхомъ, но большинство шли пѣшкомъ, какъ и многіе другіе высшіе офицеры, остатки священныхъ эскадрона и батальона, которые были сформированы 10-го (22-го) и отъ которыхъ теперь, черезъ три дня, остались лишь жалкіе слѣды. Они плелись съ трудомъ, у всѣхъ почти были отморожены ноги и завернуты въ тряпье или куски овчины; всѣ умирали съ голоду. Затѣмъ шелъ императоръ, тоже пѣшій, съ

Отсіупленіе. (Кратке).

палкой въ рукѣ. Онъ былъ закутанъ въ длинный плащъ, подбитый мѣхомъ, а на головѣ у него была шапка малиноваго бархата, отороченная кругомъ чернобурой лисицей. По правую руку отъ него шелъ, также пѣшкомъ, король Мюратъ, по лѣвую—принцъ Евгеній, вице-король Италіи; далѣе маршалы Бертье, принцъ Нефшательскій, Ней, Мортье, Лефевръ и другіе маршалы и генералы, чьи корпуса были большею частью истреблены.

Миновавъ насъ, императоръ сѣлъ на коня, какъ и часть сопровождавшей его свиты; у большинства генераловъ уже не было лошадей. За императорской группой слѣдовали семь или восемь сотъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, двигавшихся въ глубочайшемъ безмолвіи съ значками полковъ, къ которымъ они принадлежали и которыхъ столько разъ водили въ побѣдоносныя сраженія. То были остатки отъ шестидесятитысячной слишкомъ арміи. Далѣе шла пѣшая императорская гвардія въ образцовомъ порядкѣ—впереди егеря, а за ними старые гренадеры.

Мой бѣдный Пикаръ, цѣлый мѣсяцъ не видавшій арміи, наблюдалъ все это, не говоря ни слова, но по его судорожнымъ движеніямъ можно было догадаться, что происходитъ въ его душѣ. Нѣсколько разъ онъ стучалъ прикладомъ ружья о землю и билъ себя кулаками въ грудь. Крупныя слезы катились по его щекамъ на обледенѣвшіе усы.

Повернувшись ко мнѣ, онъ промолвилъ: „Ей Богу, землякъ, мнѣ кажется, что все это сонъ. Не могу удержать слезъ, видя, что императоръ идетъ пѣшкомъ, опираясь на палку—онъ, этотъ великій человѣкъ, которымъ всѣ мы такъ гордимся!“ При этомъ Пикаръ опять стукнулъ ружьемъ объ землю. Этимъ движеніемъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ придать больше выразительности своимъ словамъ.

— А замѣтили вы, какъ онъ взглянулъ на насъ?—продолжалъ Пикаръ. Дѣйствительно, проходя мимо, императоръ повернулъ голову въ нашу сторону. Онъ взглянулъ на насъ такъ, какъ всегда глядѣлъ на солдатъ своей гвардіи, когда встрѣчалъ ихъ идущими въ одиночку, а тутъ, въ эту злополучную минуту, онъ, вѣроятно, желалъ своимъ взглядомъ внушить намъ мужество и довѣріе. Пикаръ увѣрялъ, будто императоръ узналъ его — вещь весьма возможная...

Наконецъ, показались старые гренадеры...

За гренадерами слѣдовало болѣе 30 тысячъ войска; почти всѣ были съ отмороженными руками и ногами, большею частью безъ оружія, такъ какъ они все равно не могли бы владѣть имъ. Многіе шли, опираясь на палки. Генералы, полковники, офицеры, солдаты, кавалеристы, пѣхотинцы всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ нашей арміи, шли всѣ вперемежку, закутанные въ плащи, подпаленныя, дырявыя шубы, въ куски сукна, въ овчины, словомъ—во что попало, лишь бы какъ-нибудь защититься отъ стужи.

Шли они не ропща и не жалуясь, готовясь, какъ могли, къ борьбѣ, еслибъ непріятель сталъ противиться нашей переправѣ. Присутствіе императора воодушевляло насъ и внушало довѣріе; онъ всегда умѣлъ находить новые способы, чтобы извлечь насъ изъ бѣды. Это былъ все тотъ же великій геній, и какъ бы мы ни были несчастны, всюду съ нимъ мы были увѣрены въ побѣдѣ.

Это множество людей на ходу оставляло за собой мертвыхъ и умирающихъ. Мнѣ пришлось подождать съ часъ, пока прошла вся колонна. Дальше тянулась длинная вереница еще болѣе жалкихъ существъ, слѣдовавшихъ машинально, на значительныхъ промежуткахъ. Эти шли, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ,—имъ не суждено было даже перейти черезъ Березину, отъ которой мы были такъ близко. Минуту спустя я увидалъ остатки молодой гвардіи, стрѣлковъ, фланкеровъ и нѣсколько волтижеровъ, спасшихся въ Красномъ, когда полкъ, командуемый полковникомъ Люрономъ, былъ на нашихъ глазахъ смятъ и изрубленъ русскими кирасирами.

Эти полки, смѣшавшись, шли все-таки въ порядкѣ. За ними слѣдовала артиллерія и нѣсколько фургоновъ... Минуту спустя я увидалъ правую колонну, идущую двумя рядами по обѣ стороны дороги, чтобы присоединиться къ лѣвой фузильеровъ-егерей. Полковой адъютантъ, майоръ Рустанъ, первый увидавшій меня, сказалъ: „Вы ли это, мой бѣдный Бургонь? Васъ считали мертвымъ въ аріергардѣ, а вы живы и впереди! Ну, и прекрасно! Не встрѣчали ли вы позади людей нашего полка?“ я отвѣчалъ, что трое сутокъ я бродилъ съ однимъ гренадеромъ по лѣсу, чтобы не быть захваченнымъ въ плѣнъ русскими. Наконецъ, подошла наша рота; я успѣлъ

занять свое мѣсто на правомъ флангѣ, а товарищи еще не замѣтили меня; они шли понуривъ головы и уставивъ глаза въ землю, почти ничего не видя, до такой степени морозъ и бивачный дымъ испортилъ имъ зрѣніе. Узнавъ, что я вернулся, они подошли ко мнѣ и засыпали меня вопросами, на которые я не въ силахъ былъ отвѣчать, до того я былъ растроганъ, очутившись среди нихъ, точно я вернулся въ свою родную семью! Они говорили мнѣ, что не постигаютъ, какъ это я могъ отстать отъ нихъ, и что этого не случилось бы, еслибъ они во-время замѣтили, что я боленъ и не могу слѣдовать за ними. Окинувъ глазами роту, я увидалъ, что она еще значительно убыла. Капитана не было съ ними: всѣ пальцы на ногахъ у него отвалились. Въ настоящую минуту не знали, гдѣ онъ; говорятъ, онъ ѣхалъ на плохой клячѣ, съ трудомъ добытой для него.

Двое моихъ друзей, Гранжье и Лебудъ, видя, что я еле держусь на ногахъ, взяли меня подъ руки. Мы присоединились къ фузильерамъ-егерямъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь въ жизни мнѣ такъ сильно хотѣлось спать, но дѣлать было нечего, приходилось маршировать дальше. Мои друзья убѣждали меня подремать немного, пока они ведутъ меня подъ руки, и мы дѣлали это по очереди, такъ какъ ихъ тоже клонило ко сну. Нѣсколько разъ намъ случалось останавливаться совсѣмъ, при чемъ всѣ трое спали. Къ счастью, въ этотъ день холодъ значительно смягчился, иначе нашъ сонъ неминуемо перешелъ бы въ смерть.

Сержантъ Бургонь.

XIV.

Приказъ адмирала Чичагова изъ Минска отъ 7-го ноября 1812 года о поимкѣ Наполеона.

„Наполеонова армія въ бѣгствѣ; виновникъ бѣдствій Европы съ ней. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему будетъ угодно прекратить гнѣвъ свой, предавъ его намъ. Почему желаю, чтобы примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящщей же надежности ловить и приводить ко

мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника. Извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ“.

П. Чичаговъ.

XV.

Катастрофа на мостахъ.

27 ноября *). Всю ночь провелъ императоръ наблюдая за переходомъ войскъ, заставляя ускорять шествіе, и возстановляя на мѣстахъ ежеминутно нарушаемый порядокъ. Когда ему приходилось хотя бы на короткое время удаляться, его замѣнялъ Мюратъ, Бертье или Лористонъ.

Ночью Ней переправился черезъ рѣку, утромъ Клапаредъ присоединился къ нему на правомъ берегу.

Безконечные переходы послѣднихъ дней сдѣлались гораздо затруднительнѣй, вслѣдствіе усилившагося холода, и слабыя силы войска вновь подверглись испытанію, такъ что количество солдатъ все уменьшалось, а число бѣглецовъ прибавлялось. Въ ночь съ 26-го на 27-е нужда обратила людей въ варваровъ. Люди чуть не на смерть дрались за краюху хлѣба, за щепотку муки, за кусокъ лошадинаго мяса или за охапку соломы. Когда кто-нибудь, весь продрогшій, хотѣлъ подойти къ огню, его грубо отталкивали, говоря: „Пойди, самъ тащи себѣ дровъ“. Иной, страдая отъ жажды, тщетно вымаливалъ у товарища, который несъ цѣлое ведро воды, хоть одинъ глотокъ, получая въ отвѣтъ оскорбительныя слова и отказъ въ самой грубой формѣ. И все это происходило между людьми порядочными, которые до сихъ поръ питали другъ къ другу чувство искренней дружбы. Надо сказать правду, что этотъ походъ (въ чемъ заключался весь его ужасъ) убилъ въ насъ всѣ человѣческія чувства и вызвалъ пороки, какихъ въ насъ раньше не было!

Среди ночи мы должны были покинуть высоты Нѣманицы; большинство отставшихъ, будучи слишкомъ слабо, чтобы слѣдовать за нами, разбѣжалось и принуждено было остаться, а потомъ уже присоединиться къ дивизіи Партоно. Эта дивизія должна была выйти изъ Лошницы и быть теперь слѣдомъ за нами, на пути въ Борисовъ...

---

*) По нов. стилю.

Въ 1 часъ пополудни Наполеонъ, въ сопровожденіи своего штаба, императорской гвардіи, дивизіоновъ Жирара и Денделя и корпуса Виктора перешелъ мостъ и перенесъ главную квартиру въ маленькую деревушку Занивки, лежащую среди лѣса, въ одной милѣ отъ моста и по близости отъ дороги на Борисовъ.

Благодаря тому, что эти войска вышли изъ расположенной налѣво отъ дороги деревни, многія хижины освободились, и въ одной изъ нихъ вице-король устроилъ свою главную квартиру, въ остальныхъ же постарался размѣстить оставшихся въ полкахъ солдатъ.

Въ 3 часа дня прибылъ Даву и занялъ на возвышенностяхъ ту позицію, которую мы только что покинули. Наши солдаты мирно отдыхали, какъ вдругъ, около четырехъ часовъ дня, на дорогѣ къ Дубену, появился отрядъ изъ корпуса Витгенштейна, съ нѣсколькими пушками позади, и внезапно сталъ надвигаться на тяжелую артиллерію Виктора, стоявшую на равнинѣ подъ нами. Мы бросились къ оружію и, кинувшись навстрѣчу непріятелю, послѣ короткой и сильной схватки, стоившей жизни многимъ храбрецамъ, мы побѣдили.... Послѣ этого мы возвратились въ наши хижины, но онѣ оказались занятыми толпой бѣглыхъ и только при помощи кулаковъ намъ удалось отвоевать себѣ мѣсто для отдыха.

Во время этихъ споровъ наступила ночь.

Эта новая битва, а главное—далекое разстояніе, въ какомъ находилась отъ насъ дивизія Партоно, сильно обезпокоила императора, который боялся за безопасность мостовъ. Онъ вернулъ на лѣвый берегъ дивизію Жирара и поручилъ Виктору организовать, для охраны перехода, очередное дежурство и разослать по всѣмъ направленіямъ сторожевые пикеты, во избѣжаніе всякихъ неожиданностей. Вице-король подошелъ уже близко и возвѣстилъ черезъ своего штабнаго офицера, что 4-й корпусъ можетъ перейти мостъ, приблизительно около 8 часовъ вечера. Приказъ этотъ не былъ объявленъ во всѣхъ хижинахъ, такъ что многіе по невѣдѣнію, а другіе по лѣни и безпечности остались.

Остатокъ королевской гвардіи около 500 человѣкъ послѣдовалъ тотчасъ же за принцемъ....

Нѣкоторое время, приблизительно двадцать минутъ, мостъ

оставался свободенъ. Потомъ подошли вмѣстѣ первая и вторая дивизіи и перешли мостъ повзводно, по 5 или по 6 человѣкъ въ рядъ. Спустя четверть часа мостъ опять былъ свободенъ, а затѣмъ уже пришла дивизія Пино. По собраннымъ мною документамъ, составъ нашей арміи въ наличности былъ тогда около 32,500 пѣхотинцевъ и 4,000 кавалеріи.

Зембинъ, 28-го ноября. Почва позади сожженной деревни, гдѣ мы стояли лагеремъ, была сплошнымъ болотомъ до самой рѣки. Чтобы пройти, не увязнувъ и не провалившись, приходилось выискивать болѣе замерзшія мѣста. Такая была темь, такой вѣтеръ, снѣгъ, сырость и холодъ, что мы принуждены были все время двигаться и бѣгать, чтобы не замерзнуть...

Въ остальную часть ночи съ 27-го на 28-е Даву съ своей артиллеріей и съ артиллеріей итальянской арміи перешелъ на правый берегъ. На лѣвомъ же берегу и въ Борисовѣ оставалась только дивизія Партоно и бригада кавалеріи Далейтра. На высотахъ Студянки стояла дивизія Жирара и бригада легкой кавалеріи подъ командой Фурнье—всего было 6,700 пѣхотинцевъ и 900 кавалеріи, огромное количество отставшихъ солдатъ и наконецъ повозки, которые, не успѣли или не желали перейти рѣки.

Цѣлью императора было, главнымъ образомъ, привлечь вниманіе противниковъ на низовья Березины и свободно соорудить мосты у Студянки, достигнувъ же этого, императоръ нашелъ не нужнымъ оставлять французскій арьергардъ въ Борисовѣ и далъ приказъ всѣмъ соединиться съ передовыми отрядами.

Установивъ, насколько было возможно, нѣкоторый порядокъ въ толпѣ отсталыхъ солдатъ и тѣхъ лѣнтяевъ, которыхъ нельзя было никакъ принудить выступить въ походъ и перейти мосты, которые были свободны въ теченіе части ночи, Партоно вчера въ 2 часа дня уже собрался выступить, какъ вдругъ явился офицеръ генеральнаго штаба и, по своему ли побужденію или въ силу даннаго приказанія, объявилъ ему, что онъ долженъ ночевать въ Борисовѣ. Несчастная ошибка! Это поставило вскорѣ въ самое отчаянное положеніе французскаго генерала.

Слыша все время пушечные выстрѣлы со стороны дороги,

по которой мы должны были отступать, и видя кучу возовъ и множество солдатъ, быстро бѣгущихъ, мы подумали, что Партоно захватили врасплохъ и отрѣзали отъ арміи. Тѣмъ болѣе, что бѣгущіе разсказывали, что тамъ прошелъ слухъ, что всѣ войска перешли мосты и ихъ уже сожгли, а эта злополучная дивизія была предназначена Наполеономъ заранѣе, въ жертву, чтобы дать своей арміи возможность своевременно отступить. Черезъ нѣсколько минутъ мы узнали, что русскіе въ огромномъ числѣ заставили Партоно сдаться.

Сегодня утромъ, 28-го, на разсвѣтѣ сраженіе завязалось на обоихъ берегахъ. До сихъ поръ переходы черезъ мосты совершались въ большомъ порядкѣ, но когда услыхали пушечные выстрѣлы и получили извѣстіе, что дивизія Партоно попала въ руки непріятеля, а Витгенштейнъ приближается, то женщины съ поклажей, мужчины, фуры, пушки — все бросилось на узкіе проходы мостовъ и сразу загромоздило ихъ. Нельзя описать того смятенія, шума и безпорядка, какой произошелъ тамъ.

Тщетно старались офицеры и солдаты успокоить обезумѣвшихъ людей и заставить выслушать ихъ. Всѣ усилія были напрасны, и это только еще болѣе мѣшало и задерживало толпу. Сумятица и толкотня были невообразимыя... Угрозы офицеровъ и уговоры ни къ чему не привели.

Въ это же время, на правомъ берегу непріятель напалъ на Нея и на Удино. Большинство французскихъ и польскихъ генераловъ были ранены. Всѣ подвергались опасности одинаково съ послѣднимъ солдатомъ и часто видѣли, какъ офицеры хватались быстро за ружье и шли въ ряды замѣнить павшихъ товарищей. Потери были громадныя съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ на опушкѣ лѣса, окруженный своей гвардіей, смотрѣлъ, какъ проходили мимо него одинъ за другимъ двѣ тысячи русскихъ военноплѣнныхъ.

На лѣвомъ берегу, Викторъ въ это время боролся за каждый шагъ около Студянки, поддерживаемый дивизіями Жирара и Денделя. Несмотря на жестокую картечь, они принудили непріятельскія батареи прекратить огонь...

Наступившая ночь не прекратила боя и стрѣльба главнымъ образомъ направилась на мосты, на обезумѣвшую толпу бѣглецовъ, гдѣ царили смерть и полное отчаяніе...

Бѣда тѣмъ, кто ближе стоялъ къ краю. Сильные толчки сталкивали ихъ внизъ и несчастные падали стремглавъ, хватаясь руками за перекладины, за обледенѣлый берегъ, но толпа отталкивала ихъ, и они летѣли прямо въ рѣку, погружались, вновь выплывали и блѣдные, какъ привидѣнія, исчезали на вѣки.

Экипажи, воза и фуры, стараясь освободиться другъ отъ друга, опрокидывались на несчастныхъ, находившихся вблизи. Вопли бѣгущихъ, стоны раненыхъ, хромыхъ, задавленныхъ и умирающихъ; голоса солдатъ, крики затерявшихъ свои полки, куча всякой одежды, всякаго оружія, повсюду валяющіеся трупы, гулъ толпы, грохотъ возовъ; ярость, страданіе, сумятица, содроганіе смѣшиваются въ одну ужасную, величественную картину.

Нѣкоторые, видимо, рѣшались отказаться отъ всего, бросали всѣ свои воза, предоставляя себя волѣ Божіей, шли, садились поодаль и глядѣли тупымъ взоромъ на этотъ снѣгъ — будущую ихъ могилу.

Только поздно ночью, когда уже пылъ сраженія утихъ, порядокъ на мостахъ началъ понемногу возстановляться.

Въ 9 часовъ вечера войска Виктора, а за ними артиллерія, начали переходить рѣку.

Генералъ Эбле, заслуги котораго всегда будутъ вызывать восхищеніе, съ своими храбрыми понтонерами выполнилъ съ изумительной стойкостью всѣ повелѣнія императора [1]).

Ц. Ложье.

XV.

Народная пѣсня.

Какъ повыше было Смоленска города,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею подъ зеленою,
Надъ березою кудрявою,
На большомъ зеленоемъ лугу,
Стоялъ тутъ лагерь русской арміи,

---

[1]) Только 29-го въ 9 часовъ утра генералъ Эбле, видя приближеніе непріятельскихъ войскъ, по приказанію Императора поджогъ мосты, вслѣдствіе чего послѣдовали опять сцены ужаса, потому что пять тысячъ человѣкъ всякаго возраста, пола и сословія не успѣли или не могли еще перейти.

Переправа черезъ Березину. (Нѣмец. лубоч. карт.).

Русской арміи, гвардейскихъ солдатъ.
Призадумавшись сидятъ, на Смоленскъ городъ глядятъ:
Овладѣли славнымъ городомъ непріятельски полки,
Ужъ досталось все святое непріятельскимъ рукамъ.
«Какъ бы, братцы, намъ приняться, Смоленскъ городъ свободить,
«Смоленскъ городъ свободить, непріятеля побить?»
Вдругъ послышалась тревога
У палатки командирской:
Всѣ солдаты встрепенулися,
Ружья взявши, въ ряды становилися.
Какъ и вышелъ передъ войско Волконскій князь,
Волконскій князь, командиръ этихъ солдатъ,
Ужъ и взговоритъ солдатамъ Волконскій князь:
«Охъ вы, храбрые солдаты, государю вѣрные,
«Государю вѣрные, командиру послушные!
«Мы пойдемъ къ непріятелямъ гостить,
«Къ непріятелямъ гостить, Смоленскъ городъ свободить!»
Какъ пошли-то солдатушки Смоленскъ городъ свобождать,
Смоленскъ городъ свобождать, французовъ выгонять.
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, въ непріятеля палили,
Много били, истребили, остальныхъ-то полонили,
Полонивши ихъ топили во Березонкѣ рѣкѣ,
Потопивши отдыхали на зеленомъ на лугу,
На зеленыемъ лугу пѣсни пѣли во кругу!

XVI.

Русскіе у Березины.

Ведя, такимъ образомъ, непрестанную борьбу съ поздникъ временемъ года и съ тысячью лишеній, мы дошли до Березины. У насъ въ каждомъ эскадронѣ было не болѣе сорока или пятидесяти человѣкъ способныхъ сражаться. Лошади выбились изъ силъ, такъ какъ онѣ давно уже страдали отъ недостатка фуража, истребленнаго непріятелемъ, который, подобно саранчѣ, уничтожалъ все по пути; единственнымъ кормомъ для нашихъ лошадей служила солома съ крышъ, за которой приходилось ѣздить верстъ за десять или пятнадцать. Фельдмаршалъ изрѣдка посылалъ намъ транспортъ овса или сухарей; это было всегда для насъ настоящимъ праздникомъ; безъ этой поддержки у насъ было бы погибшихъ не менѣе, чѣмъ у французовъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-е число, мы прибыли съ генера-

ломъ Ермоловымъ въ Борисовъ, гдѣ застали корпусъ Витгенштейна, уничтожившій передъ тѣмъ дивизію Партоно. Въ этомъ славномъ дѣлѣ участвовали: атаманъ Платовъ, полковникъ Чернозубовъ и мой товарищъ Сеславинъ. Имъ однимъ принадлежитъ честь истребленія непріятельской арміи. Но если они могли подоспѣть во-время, то почему-же другіе не могли этого сдѣлать, это—вопросъ.

Адмиралъ Чичаговъ не могъ остановить Наполеона, который успѣлъ выбрать пунктъ для переправы, такъ какъ наша армія не преслѣдовала его по пятамъ. Успѣшное сраженіе при Борисовѣ и взятіе графомъ Ламбертомъ тетъ-депона не помѣшали переправѣ французовъ черезъ Березину.

Наполеонъ былъ спасенъ, но его армія не могла быть спасена и погибла частями по пути отъ Березины до Вильны; геройская преданность этой арміи своему вождю не только не принесла пользы, но была причиною ея окончательнаго истребленія. Надобно отдать справедливость Наполеону: его поведеніе при переправѣ черезъ Березину заслуживаетъ величайшаго удивленія. Угрожавшая ему неминуемая гибель возбудила его военный геній, притупившійся за послѣднее время. Онъ не потерялъ голову въ трудную минуту. Окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ обманулъ нашихъ генераловъ искусными демонстраціями и совершилъ переправу у нихъ подъ носомъ. Плохое состояніе мостовъ было единственною причиною тѣхъ потерь, какія понесли по этому случаю французы.

Безпорядокъ былъ такъ великъ, что, когда Наполеонъ подошелъ къ рѣкѣ, чтобы перейти черезъ мостъ, то пришлось силою проложить ему дорогу. Главная квартира императора была устроена въ деревушкѣ, лежавшей въ лѣсу въ разстояніи одной версты отъ Студянки.

Всѣ мы были увѣрены, что Наполеонъ будетъ взятъ въ плѣнъ живымъ или мертвымъ. Я до сихъ поръ не могу забыть мрачнаго, убитаго лица Михаила Орлова, когда онъ первый подтвердилъ намъ извѣстіе о переправѣ непріятеля. Фельдмаршалъ могъ упрекнуть себя въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и осмотрительно.

Каково должно быть было разочарованіе императора Александра, когда онъ узналъ, что его прекрасный планъ, передан-

ный на операціонныя линіи умнымъ и смѣлымъ Черышевымъ, былъ такимъ образомъ искаженъ. Напрасно было бы возражать, что дальнѣйшія событія доказали, что окончательный результатъ не могъ быть блестящѣе. Разумѣется, мы не вступили бы дважды въ Парижъ. Но такова была воля Провидѣнія! Люди были тутъ не при чемъ; Кутузовъ лишилъ армію лишней славы!

Борисовъ горѣлъ; французы грѣлись и даже буквально поджаривались у его пылавшихъ развалинъ и умирали со всѣми признаками умственнаго разстройства, богохульствуя и проклиная Наполеона передъ смертью.

Между тѣмъ дивизія Партоно, не входившая въ составъ великой арміи, находилась въ наилучшемъ состояніи; ея кавалерія, состоявшая изъ саксонцевъ и изъ подданныхъ герцогства Бергскаго, была превосходна. Саксонцы были въ отчаяніи по поводу того, что имъ приходилось разстаться съ ихъ прекрасными лошадьми; одинъ престарѣлый вахмистръ плакалъ навзрыдъ, когда ему пришлось бросить свою лошадь, на которой никто кромѣ него не ѣздилъ.

Мой братъ Григорій спасъ нѣсколько сотъ офицеровъ, укрывшихся въ одной конюшнѣ отъ крестьянъ, которые хотѣли ихъ ограбить...

Мы имѣли роздыхъ въ Борисовѣ и простояли тамъ 36 часовъ. Городъ былъ на половину разрушенъ; большая часть зданій еще пылала.

Въ одной ригѣ было заперто 500 или 600 женщинъ, взятыхъ при переправѣ черезъ Березину. Онѣ провели въ этой ригѣ нѣсколько дней безъ пищи, и такъ какъ въ это время настали сильные морозы, то въ живыхъ осталось всего восемь женщинъ; матери и дѣти погибли вмѣстѣ.

Несчастными жертвами овладѣвало какое-то оцѣпенѣніе, какой-то столбнякъ. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты, раздѣвшись до нага, жарились у огня и полуобгорѣвшими сидѣли съ блаженной улыбкою на устахъ...

Надобно было видѣть всѣ эти ужасы своими собственными глазами, чтобы повѣрить этому. Самое благоразумное было итти впередъ съ тѣми, у кого горѣлъ еще въ груди священный огонь, а остальнымъ дать время подкрѣпить свои силы.

Война прекратилась за неимѣніемъ сражающихся. Правда, солдаты грабили еще брошенные французами фургоны, но мы не брали болѣе плѣнныхъ; морозъ сдѣлалъ свое дѣло, погубивъ этихъ несчастныхъ. Дорога была усѣяна трупами людей и лошадей. Я насчиталъ на разстояніи одной версты 76 замерзшихъ лошадей и 148 человѣческихъ труповъ, погибшихъ отъ холода; вся дорога вплоть до Вильны представляла подобное печальное зрѣлище.

Масса бѣглецовъ шла небольшими партіями человѣкъ по 8 или по 10. У нихъ не было иныхъ желаній, какъ поѣсть и обогрѣться; единственные враги, съ которыми имъ приходилось бороться, были голодъ и морозъ. Каждый боролся за себя и при томъ въ одиночку. Несчастные ни на что не надѣялись и почти ни о чемъ не сожалѣли: никто не былъ свидѣтелемъ того, какъ они упали духомъ, и никто не могъ судить ихъ за это: всѣ были одинаково жертвами войны.

Страданія французскихъ солдатъ возрастали съ каждымъ шагомъ. Казалось, будто Провидѣніе приберегло самыя ужасныя бѣдствія для послѣдняго періода этой непостижимой кампаніи: по мѣрѣ того какъ армія приближалась къ Вильнѣ, морозъ крѣпчалъ, унося ежедневно тысячи жертвъ.

Мы продолжали подгонять остатки его арміи и, наконецъ, дошли до Вильны. Какое ужасное зрѣлище представилось тутъ снова моимъ глазамъ! На улицахъ валялись грудами голые трупы, съ которыхъ евреи сняли одежду.

В. Левенштернъ.

XVII.

Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— „Такъ въ добрый часъ пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ,
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить [1]).

И. Крыловъ.

XVIII.

Березина.

Адмирала Чичагова считали главнымъ виновникомъ того, что Наполеонъ ускользнулъ отъ русской арміи при переправѣ черезъ Березину. Отраженіемъ нападокъ на него была басня Крылова: „Щука и Котъ“. Мы приводимъ слѣдующіе отрывки изъ записокъ самого Чичагова, въ которыхъ онъ изображалъ обстоятельства, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать у Березины.

Я оставилъ берега Дуная съ 35,000 человѣкъ. Присоединивъ къ себѣ армію Тормасова, (въ которой по письму военнаго министра Барклая-де-Толли считалось 80,000), я нашелъ въ ней только 23,000 человѣкъ. Слѣдуя на Минскъ и

---

[1]) Поводомъ къ сочиненію этой басни была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. „Нельзя изобразить общаго на него негодованія“, пишетъ Вигель „всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ“.

Борисовъ, я вынужденъ былъ раздѣлить войска на двѣ части, оставивъ часть изъ нихъ Сакену, стоявшему противъ Шварценберга, и часть Эссену, стоявшему у Пружанъ, между Шварценбергомъ, Сакеномъ и мною; затѣмъ у меня осталось 25,000 человѣкъ. Но маршъ отъ береговъ Буга до Березины, болѣзни, битвы по дорогѣ къ Минску, взятіе приступомъ Борисова и неудачи Палена сократили мою армію до 20,000 человѣкъ. Въ этомъ числѣ было 9,000 кавалеріи, которая не могла мнѣ быть полезна въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березины. Съ этимъ-то слабымъ войскомъ я долженъ былъ бороться противъ Наполеона, который могъ располагать силами втрое больше моихъ. На пространствѣ 20 фр. миль (50 верстъ) между Веселовымъ и Березинымъ, мнѣ нужно было удерживать берега Березины по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходили дороги къ значительнымъ магазинамъ минскимъ и виленскимъ...

Адмиралъ П. Чичаговъ.

Впрочемъ, императоръ Александръ обнадежилъ меня содѣйствіемъ гр. Витгенштейна и обѣщалъ присоединить къ моей арміи въ мое распоряженіе 35,000 Штейнгеля и 15,000 Эртеля. Съ этими-то соединенными силами мы должны были ожидать Наполеона на правомъ берегу. Въ это же самое время Кутузовъ долженъ былъ атаковать его на лѣвомъ берегу. Если-бы планъ этотъ удался, Наполеонъ очутился бы между Кутузовымъ и нами, стѣсненный въ болотахъ и лѣсахъ береговъ Березины. Но Наполеонъ приближался, а о Кутузовѣ и о генералѣ Витгенштейнѣ, Штейнгелѣ и Эртелѣ не было и слуху. Ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ предполагаемаго плана. Кутузовъ оставался позади; Витгенштейнъ же и Штейнгель двинулись по лѣвому берегу, вмѣсто того,

чтобы, перейдя на правый и соединившись со мною, защищать переправу. Что касается до Эртеля, то онъ остался въ Мозырѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что падежъ скота помѣшалъ ему итти далѣе...

Всѣ генералы мои были поражены неудобствомъ моей позиціи. Многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить ее и двинуться налѣво, къ Лепелю, гдѣ предполагали найти армію гр. Витгенштейна. Несмотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ всякаго предложенія, несогласнаго съ важною цѣлью, которая состояла въ томъ, чтобы удерживать мостовое укрѣпленіе у Борисова. Я велѣлъ исправить нѣкоторыя поврежденія, сдѣланныя въ брешахъ во время атаки. Продолживъ оборону, я надѣялся дать Кутузову средство притти къ Березинѣ въ одно время съ Наполеономъ, за которымъ онъ (какъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ-ли я тогда вообразить себѣ, что онъ останется на Днѣпрѣ въ 25 миляхъ назади [1]), въ то время, когда Наполеонъ подойдетъ къ Березинѣ!

Гр. П. Х. Витгенштейнъ.

Въ ожиданіи прибытія нашихъ войскъ, я весь день 11-го числа занимался наблюденіемъ непріятеля, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Бивачные огни у него горѣли на большомъ пространствѣ, и сквозь облако дыма, покрывавшаго горизонтъ, я могъ замѣтить движеніе войскъ, которыя этимъ средствомъ и пожарами, произведенными на разныхъ пунктахъ, можетъ быть, хотѣли скрыть отъ меня настоящую численность и намѣренія. Я спокойно смотрѣлъ на эти движенія и ожидалъ болѣе опредѣленныхъ.

---

[1]) 175 верстъ.

Рѣшившись поставить посты по берегу рѣки въ надлежащихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого и держать главныя силы въ центрѣ, у Борисова и Веселова, я готовъ былъ итти, смотря по надобности, на угрожаемые пункты. Огромное зарево надъ непріятельскими биваками, видѣнное нами ночью, достаточно убѣждало насъ, что тамъ было много войскъ. Они были замѣтны въ трехъ или четырехъ разныхъ мѣстахъ.

Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ захочетъ переправляться черезъ Березину у города Березина, потому что путь этотъ былъ дальнѣйшій и подвергалъ его опасности столкнуться съ нашею большою арміей, которая должна была слѣдовать на его флангъ; но со всѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не обращать вниманія на предписаніе главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что его предположенія подтверждались извѣстіями, доставленными Витгенштейномъ и Кноррингомъ. Кромѣ того, Наполеонъ могъ желать взять направленіе немного къ югу, для того, чтобы въ неистощенныхъ еще уѣздахъ прокормить голодныхъ солдатъ своихъ, которые шли отъ самой Москвы по дорогѣ, опустошенной войсками. Вслѣдствіе сего я подумалъ, что Наполеону весьма удобно оставить два небольшіе корпуса, одинъ противъ Витгенштейна, чтобы прикрыть свое движеніе, а другой, чтобы удержать меня у Борисова: тогда бы онъ пошелъ на Бобруйскъ, а князь Шварценбергъ могъ бы поспѣть во-время, чтобы защищать переправу его и прикрывать отступленіе. Отсутствіе Кутузова, казалось, оправдывало эти догадки. Реляціею извѣщали, что онъ почти уничтожилъ непріятельскую армію, а прежнія бумаги увѣдомляли, что онъ слѣдовалъ за нею по пятамъ. А между тѣмъ французы четыре дня уже стояли передо мною, а Кутузовъ не показывался. Я не могъ иначе истолковать его отсутствія, какъ предположеніемъ, что Наполеонъ измѣнилъ маршрутъ свой, и что Кутузовъ преслѣдуетъ его по другому направленію.

Нужно было принять мѣры среди этой неизвѣстности. Я не хотѣлъ однако оставить вовсе первый мой планъ: наблюдать берегъ Березины, на тѣхъ пунктахъ, по которымъ пролегаютъ два важные пути въ Минскъ и Вильну, черезъ Зембинъ. Чтобы все это согласовать, я приказалъ Ланжерону

наблюдать въ центрѣ Борисовское мостовое укрѣпленіе, а Чаплицу — защищать съ сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею Войнова, взялъ бы направленіе къ югу, на мѣстечко Шебашевичи, находящееся на Березинѣ, въ 6 слишкомъ миляхъ ниже Борисова...

Наступило 15 (27) ноября. Семь дней какъ мы стояли на Березинѣ; въ продолженіе пяти дней сражались мы съ авангардомъ, потомъ съ разными корпусами большой французской арміи. Ни Витгенштейнъ, ни Кутузовъ не являлись. Они оставили меня одного съ ничтожными силами противъ Наполеона, его маршаловъ и арміи, втрое меня сильнѣйшей, тогда какъ сзади были Шварценбергъ и возставшее польское населеніе. Условленное наше соединеніе, съ тѣмъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ непріятелю, очевидно, не удалось. Пока Наполеонъ оканчивалъ постройку мостовъ и продолжалъ переправлять войска свои, мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ скорѣе собирать всѣ отряды, которые я разставилъ вдоль берега Березины, и переформировать корпуса, потерпѣвшіе въ битвѣ 14 числа. Я хотѣлъ соединить всѣ мои войска для того, чтобы атаковать Наполеона при его отступленіи и сдѣлать ему, какъ можно болѣе вреда, или же защищать до послѣдней крайности дорогу въ Минскъ. Съ этою цѣлью и были сдѣланы всѣ мои распоряженія... Войска мои не были въ совокупности, и требовался цѣлый день, 15-го числа, для сбора ихъ. Вслѣдствіе сего, мнѣ мало оставалось надежды на удачу, если бы я даже и тотчасъ атаковалъ французовъ. Это былъ бы безразсудный поступокъ, который могъ бы повести къ уничтоженію моихъ войскъ; между тѣмъ какъ, выждавъ нѣсколько часовъ, я могъ надѣяться на помощь Кутузова или Витгенштейна, которыхъ ожидалъ. Поэтому я рѣшилъ отсрочить нападеніе. Я отдалъ въ распоряженіе Чаплица еще два полка и велѣлъ ему, на другой день, 16-го числа, на разсвѣтѣ, атаковать непріятеля, обѣщавъ поддержать эту атаку остальными моими войсками; самъ же немедленно возвратился въ Борисовъ, чтобы все это устроить скорѣе.

Наступила ночь, какъ вдругъ услышали мы нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ на той сторонѣ Березины, сзади французской арміи. Наконецъ, дождались мы Витгенштейна.

Я сейчасъ же отправилъ, для открытія съ нимъ сообщенія, нѣсколько отрядовъ черезъ рѣку, которую очень удобно было перейти подъ Борисовымъ, велѣвъ одному пѣхотному полку взять Борисовъ, который былъ тогда занятъ французскою дивизіею Партоно. Генералъ этотъ вскорѣ очистилъ городъ.

Въ сумерки разсмотрѣли мы, что войска его потянулись вверхъ по Березинѣ, къ Студянкѣ, для соединенія съ Наполеономъ; потомъ, услышавъ съ противной стороны отъ меня пушечные выстрѣлы Витгенштейна, они въ недоумѣніи остановились неподвижно среди поля.

Вскорѣ послѣ того, другіе выстрѣлы послышались съ правой стороны ихъ: то былъ Платовъ съ своими казаками. Такимъ образомъ французская дивизія, сбившись съ дороги, наткнулась на корпусъ Витгенштейна и, положивъ оружіе, сдалась въ плѣнъ.

Около 10 часовъ вечера, явился ко мнѣ отъ гр. Витгенштейна одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ. Онъ спросилъ меня, какъ я буду дѣйствовать, — такимъ тономъ, который ясно мнѣ доказывалъ, что Витгенштейнъ почиталъ себя совершенно независимымъ и намѣренъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Итакъ, кромѣ того, что помощь опоздала своимъ прибытіемъ, но здѣсь вмѣшалось еще и мелочное самолюбіе, которое должно было вредить совокупности нашихъ дѣйствій! Я отвѣчалъ полковнику, что намѣренъ атаковать правый берегъ на разсвѣтѣ, и что, полагая непріятеля вчетверо сильнѣе меня, я приглашалъ графа Витгенштейна атаковать французовъ въ одно время со мною на лѣвомъ берегу. Я письменно просилъ также прислать ко мнѣ на подкрѣпленіе пѣхотныя дивизіи. На это мнѣ ничего не отвѣчалъ; но обѣщалъ атаковать на другой день на разсвѣтѣ, чего однако не исполнилъ. Онъ атаковалъ четыре часа позднѣе.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Государя подполковникъ Михаилъ Орловъ. Его отправилъ Кутузовъ, съ отрядомъ казаковъ, узнать о моемъ мѣстопребываніи, что ему казалось необходимымъ, чтобы приблизиться къ Борисову. Къ сожалѣнію моему, узналъ я отъ его посланнаго, что фельдмаршалъ находился отъ меня и отъ

непріятеля въ шести переходахъ. По этому можно судить, какъ онъ неутомимо преслѣдовалъ: это называется итти по пятамъ непріятеля на благородной дистанціи...

Около 2 часовъ пополудни, 16-го числа, пріѣхалъ ко мнѣ Витгенштейнъ одинъ безъ войска, тогда какъ Чаплицъ началъ атаковать въ 5 часовъ утра. Витгенштейнъ, прибывъ въ Борисовъ, безъ затрудненія переправился черезъ Березину, возлѣ уничтоженнаго моста. Когда я разсказалъ ему о нашемъ положеніи и опять началъ просить подкрѣпленій, которыя впрочемъ уже не могли прибыть къ намъ во-время, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Но что вы хотите дѣлать? Непріятель будетъ продолжать пальбу до ночи и потомъ, по обыкновенію, отступитъ“. Какъ ни старался я увѣрить его, что мы не должны довольствоваться одною пальбою и преслѣдованіемъ, и что дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить непріятеля, мои увѣщанія не подѣйствовали на него. Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ большею частью силъ своихъ и хладнокровно смотрѣлъ на битву, которая должна была бы рѣшить судьбу французской арміи. Между тѣмъ, какъ мы съ 5 часовъ утра, съ малыми силами, дрались на правомъ берегу съ большею частью войскъ Наполеона, онъ ввелъ въ дѣло на лѣвомъ берегу только ничтожныя силы противъ маршала Виктора, который командовалъ арьергардомъ. Давъ слово атаковать въ одно время съ нами, въ 5 часовъ утра, онъ началъ атаку только въ 10 часовъ, и не помѣшалъ Виктору стоять на позиціи цѣлый день. Онъ ввелъ въ дѣло всего 14,000 человѣкъ, тогда какъ у него было 45,000, и вмѣстѣ съ тѣмъ не согласился подкрѣпить меня двумя дивизіями; остальныя войска его стояли въ отдаленіи, безъ всякаго дѣла. Къ Императору Александру писалъ онъ, что заставилъ Наполеона переправиться черезъ Березину. Какъ мнѣ кажется, ему вмѣнено было въ обязанность помѣшать этой переправѣ.

Такимъ образомъ, вмѣсто 160,000, которыя, по расчету Императора Александра, должны были собраться на правомъ берегу Березины, оказалось только моихъ 20,000 человѣкъ для встрѣчи и задержанія Наполеона, котораго Кутузовъ долженъ былъ тѣснить сзади. Никто не исполнилъ предписаній Императора; никто, кромѣ меня, не явился къ назначенному мѣсту.

Непріятель уходилъ въ продолженіе всей ночи. Я отправилъ Чаплица съ авангардомъ преслѣдовать его со всевозможною быстротою, подкрѣпивъ отрядами легкихъ войскъ, съ которыми генералъ-майоръ Оруркъ защищалъ берегъ на правомъ флангѣ Березины.

Когда наканунѣ, во время боя, Наполеонъ узналъ, что всѣ люди, могущіе носить оружіе, переправились черезъ рѣку, онъ приказалъ переправиться и маршалу Виктору и тотчасъ же уничтожить мосты, оставивъ, такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу огромный обозъ экипажей и фуръ.

Тогда началось такое замѣшательство, которое трудно описать: пѣхота, конница, отсталые и все, что слѣдовало за арміею, женщины, дѣти, все это бросилось толпою на мостъ, который уничтожался.

Ужасное зрѣлище представилось намъ, когда мы 17 ноября пришли на то мѣсто, которое наканунѣ занималъ непріятель, и которое онъ только что оставилъ: земля была покрыта трупами убитыхъ и замерзшихъ людей; они лежали въ разныхъ положеніяхъ. Крестьянскія избы вездѣ были переполнены, рѣка была запружена множествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей; около мостовъ валялись цѣлые эскадроны, которые бросались въ рѣку. Среди этихъ труповъ, возвышавшихся надъ поверхностью воды, видны были стоявшіе, какъ статуи, окоченѣлые кавалеристы на лошадяхъ, въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть.

Эта картина не производила большого впечатлѣнія на нашихъ казаковъ, которые только и думали, какъ бы воспользоваться случаемъ поживиться; имъ однако не такъ много досталось добычи, какъ казакамъ Платова и Витгенштейна на лѣвомъ берегу, которые взяли повозки съ золотыми, серебряными и другими драгоцѣнными вещами, награбленными непріятелемъ въ Москвѣ. Поэтому мои казаки вытаскивали изъ рѣки тѣла и обирали платье ихъ, часы и кошельки. Такъ какъ этотъ промыселъ казался имъ недовольно выгоднымъ, то они снимали платье съ оставшихся въ живыхъ французовъ. Эти несчастные громко кричали; имъ было очень холодно, и ночью, отдыхая въ крестьянской избѣ, я слышалъ вопли ихъ. Многіе въ борьбѣ со смертью силились перелѣзать ко мнѣ черезъ заборъ, но это послѣднее

усиліе окончательно убивало ихъ; такъ что, при выходѣ моемъ, я нашелъ ихъ замерзшими: однихъ съ поднятыми руками, другихъ съ поднятыми ногами.... Курьеры, которыхъ я посылалъ на саняхъ, часто останавливались, очищая себѣ дорогу отъ множества мертвыхъ тѣлъ, которыя часто попадали и между полозьями. Впослѣдствіи, чтобы предупредить заразу, приказано было минскому губернатору собрать всѣ мертвыя тѣла и сжечь. По донесенію его, сожжено было имъ 24,000 труповъ, найденныхъ на мѣстахъ битвы и въ окрестностяхъ переправы.

П. Чичаговъ.

XIX.

Крестьяне и армія въ концѣ войны.

Во время войны 1812 года произошло одно обстоятельство, которое всячески старались замять. Вотъ оно: при появленіи врага деревни поднимались добровольно и крестьяне повсюду вели партизанскую войну, сражаясь съ удивительной храбростью. Послѣ бѣгства врага они вполнѣ справедливо думали, что заслужили себѣ свободу геройскимъ сопротивленіемъ, опасностями, которымъ подвергались, и перенесенными лишеніями для общаго избавленія. Поэтому во многихъ мѣстахъ они не хотѣли больше признавать власти своихъ господъ... Правительство, мѣстныя власти и помѣщики вели себя при этомъ очень осторожно; вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ насилію, этому единственному аргументу крѣпостниковъ, они воздерживались, откладывая до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ возвращеніе своихъ правъ. Можетъ быть, отчасти имъ мѣшала совѣсть поступить сурово съ людьми, принесшими такія великія жертвы своей родинѣ. Спустя долгое время, когда первое волненіе крестьянъ улеглось само собой, и когда административная машина заработала правильно, все вернулось къ обычному порядку, къ сожалѣнію, похожему на царившій въ Варшавѣ послѣ послѣдняго польскаго возстанія. Если бы русская армія глубже пропиталась элементами прогресса, зачатки которыхъ она проявила, то, быть можетъ, попытка освобожденія послѣдовала не только со

стороны однихъ крестьянъ—такъ русскій народъ былъ проникнутъ чувствомъ своей силы и достоинства.

Императоръ прибылъ въ армію лишь послѣ перехода черезъ Березину. Александръ, и въ особенности его братъ Константинъ, фельдфебель по натурѣ, не обладавшій, подобно императору, высокими качествами души, были сильно шокированы внѣшнимъ видомъ арміи, совсѣмъ не соотвѣтствовавшимъ уставу, на что въ то время обращалось главное вниманіе. Обыкновенно, одежда русскаго солдата разсчитывалась только для парадовъ, въ походѣ же онъ несъ на себѣ большую часть аммуниціи,—кожаные сапоги, брюки, гренадерскій султанъ и т. п. Война же должна была сильно измѣнить эту одежду. На границѣ она была приспособлена къ утомительнымъ, длиннымъ переходамъ и къ суровости климата и была очень похожа на простую одежду крестьянъ. Видя проходящій церемоніальнымъ маршемъ пѣхотный, гвардейскій, стрѣлковый полкъ, покрытый славой, Константинъ возмутился видомъ солдатъ; болѣе же всего ему не понравилась толстая и грубая обувь. Онъ высказалъ сильное неудовольствіе на неправильность строя и вскричалъ съ досадой: „Эти люди умѣютъ только драться!“

Въ его устахъ это была горькая критика.

Н. Тургеневъ.

XX.

Отъѣздъ Наполеона изъ арміи.

Наполеонъ прибылъ въ Сморгоны съ толпою умиравшихъ, изнеможденныхъ страданіями солдатъ; но онъ не позволилъ себѣ выказать ни малѣйшаго волненія при видѣ бѣдствій этихъ несчастныхъ людей, которые со своей стороны не роптали, чтобы не тревожить его. Дѣйствительно, возмущеніе было немыслимо: для этого требовалось новое усиліе, а силы всѣхъ были уже истощены борьбой съ голодомъ, холодомъ и усталостью. Для этого требовалось также сойтись, сговориться, согласиться, а голодъ и цѣлый рядъ другихъ несчастій отдѣляли и изолировали всѣхъ другъ отъ друга, сосредоточивая всякаго въ самомъ себѣ. Они были далеки отъ того, чтобы утомлять себя вызовами или даже

жалобами и шли молча, сохраняя всѣ свои силы для борьбы съ враждебной имъ природой; необходимость двигаться и постоянное страданіе изгоняли всякія мысли. Тѣлесныя нужды подавляли всѣ душевныя силы; жизнь сохранялась только въ ощущеніяхъ и была подчинена по старой памяти ряду впечатлѣній, сохраненныхъ отъ лучшихъ временъ, чести и любви къ славѣ, возбужденной двадцатью годами постоянныхъ тріумфовъ, жившей еще и дышавшей въ ихъ сердцахъ.

Сверхъ того, еще оставался цѣлымъ и незапятнаннымъ авторитетъ вождей; въ немъ всегда было что-то отеческое; всегда опасности, побѣды и пораженія были общими. Это было несчастное семейство, въ которомъ больше всего приходилось, пожалуй, плакаться его главѣ. Такимъ образомъ, и императоръ, и Великая Армія хранили благородное молчаніе: были слишкомъ горды, чтобы жаловаться, и слишкомъ опытны, чтобы не сознавать безплодность такихъ жалобъ.

Наполеонъ стремительно вошелъ въ свою послѣднюю главную квартиру: онъ написалъ тамъ свои послѣднія инструкціи и двадцать девятый и послѣдній бюллетень о состояніи своей умирающей арміи. Были приняты предосторожности, чтобы вплоть до завтрашняго дня не стало извѣстнымъ что-либо изъ того, что происходило въ его внутреннихъ покояхъ.

Но предчувствіе послѣдняго несчастья охватило всѣхъ офицеровъ; всѣ хотѣли бы за нимъ послѣдовать. Они страстно хотѣли снова увидать Францію, очутиться въ лонѣ своихъ семействъ и бѣжать отъ этого жестокаго климата; однако никто не осмѣливался обнаружить своего желанія; ихъ удерживалъ отъ этого долгъ и честь.

Пока они дѣлали видъ, что они отдыхаютъ,—отъ чего на самомъ дѣлѣ они были далеки,—наступила ночь и приблизилось время, назначенное императоромъ для объявленія начальникамъ арміи о его рѣшеніи. Были созваны всѣ маршалы. По мѣрѣ того, какъ они приходили, ихъ вызывали каждаго отдѣльно, и онъ склонялъ ихъ сначала къ своему плану выраженіями своего довѣрія къ нимъ...

Онъ былъ ласковъ со всѣми; потомъ, собравъ ихъ у себя за столомъ, онъ началъ восхвалять ихъ за эту кампанію. Что касается его самого, то онъ отозвался о своемъ дерзкомъ

предпріятіи только слѣдующими словами: „Если бы я былъ рожденъ на тронѣ, если бы я былъ Бурбономъ, то мнѣ было бы легко не дѣлать ошибокъ“.

Когда обѣдъ былъ оконченъ, онъ приказалъ принцу Евгенію прочитать имъ свой 29-й бюллетень, послѣ чего, объявивъ во всеуслышаніе о томъ, что онъ сообщилъ уже каждому въ отдѣльности, онъ сказалъ: „Сегодня ночью я отправлюсь съ Дюрокомъ, Колэнкуромъ и Лобо въ Парижъ; мое присутствіе тамъ необходимо для Франціи такъ же, какъ и для остатковъ несчастной арміи. Только оттуда я смогу сдержать австрійцевъ и пруссаковъ. Несомнѣнно, эти страны не рѣшатся объявить мнѣ войну, когда я буду во главѣ французской націи и новой арміи въ 1.200,000 человѣкъ!“

Онъ сказалъ еще, что онъ посылаетъ впередъ Нея въ Вильну, чтобы онъ все тамъ реорганизовалъ, что ему въ этомъ будетъ помогать Раппъ, который отправится вслѣдъ затѣмъ въ Данцигъ; Лористонъ—въ Варшаву; Нарбоннъ—въ Берлинъ; что его гвардія останется при арміи, но что придется выдержать сраженіе подъ Вильной и задержать тамъ непріятеля; что тамъ они найдутъ Луазона, де-Вреде, подкрѣпленія, продовольствіе и всѣ боевые запасы; что послѣ этого расположатся на зимнія квартиры за Нѣманомъ, и что онъ надѣется, что русскіе не перейдутъ черезъ Вислу до его прибытія.

„Я оставлю, — добавилъ онъ, — короля Неаполитанскаго командовать моей арміей. Я надѣюсь, что вы будете ему повиноваться, какъ мнѣ самому, и что между вами будетъ царить полнѣйшее согласіе“.

Было десять часовъ вечера. Онъ поднялся, пожалъ имъ сердечно руки, поцѣловалъ ихъ всѣхъ и отправился...

Наполеонъ прошелъ черезъ толпу своихъ офицеровъ, выстроившихся на его пути, и дарилъ имъ на прощаніе грустныя, вынужденныя улыбки. Онъ увозилъ съ собою ихъ нѣмыя мольбы, сквозившія въ нѣсколькихъ почтительныхъ жестахъ. Онъ сѣлъ съ Колэнкуромъ въ закрытую карету; его мамелюкъ и Вонсовичъ, капитанъ его гвардіи, сѣли на козлы; Дюрокъ и Лобо слѣдовали за ними въ саняхъ.

Сначала ихъ конвоировали поляки, потомъ ихъ смѣнили неаполитанцы королевской гвардіи. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 600 человѣкъ, когда онъ прибылъ изъ Вильны къ императору. Они погибли почти всѣ за этотъ краткій переходъ; ихъ единственнымъ врагомъ была зима...

Дальше путешествіе Наполеона совершилось безпрепятственно. Онъ обогнулъ Вильну черезъ ея пригороды, проѣхалъ черезъ Вильковишки, гдѣ онъ смѣнилъ свою карету на сани, остановился 10-го въ Варшавѣ, чтобы потребовать отъ поляковъ отряда въ 10,000 казаковъ, чтобы даровать имъ кое-какія льготы и обѣщать имъ свое скорое возвращеніе во главѣ 300,000-ной арміи. Оттуда, быстро проѣхавъ черезъ Силезію, онъ прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ встрѣчу съ королемъ, потомъ въ Ганау, Майнцъ и, наконецъ, добрался до Парижа, куда онъ явился внезапно, 19-го декабря, черезъ два дня по опубликованіи его 29-го бюллетеня.

Отъ Малоярославца до Сморгонъ этотъ повелитель Европы былъ только генераломъ умирающей и дезорганизованной арміи. Отъ Сморгонъ до Рейна это былъ неизвѣстный бѣглецъ, стремившійся перейти черезъ непріятельскія земли. За Рейномъ онъ вдругъ снова оказался повелителемъ и побѣдителемъ Европы! Послѣдній порывъ вѣтра благоденствія надувалъ еще его парусъ!

Графъ де-Сегюръ.

XXI.

ИСКУПЛЕНІЕ.

(1812 годъ).

Медленно падаетъ снѣгъ. Снѣгъ побѣдителей гонитъ.
Старый имперскій орелъ гордую голову клонитъ.
Сумрачны горькіе дни. Левъ отступаетъ, гонимъ.
Сзади—горящей Москвы къ небу возносится дымъ.
Медленно падаетъ снѣгъ. Выше и выше сугробы.
Всюду поля, да поля, арміи бѣлые гробы.
Нѣтъ ни вождей, ни знаменъ, знаковъ прошедшихъ побѣдъ.
Движется тихо толпа. Арміи больше ужъ нѣтъ.
Медленно падаетъ снѣгъ. Видишь бивакъ опустѣлый?
Мертвый остался трубачъ. Весь онъ отъ инея бѣлый.
Пушекъ покинутыхъ рядъ къ небу вздымаетъ жерло.
Вотъ гренадеры бредутъ. Снѣгомъ усы занесло.

Медленно падаетъ снѣгъ. Воронъ пророчитъ печали.
Вскинется вѣтеръ ночной, плачетъ въ невѣдомой дали.
Призраки идутъ во мглѣ. Это ли дѣти побѣдъ?
Скупо струятъ небеса слабый таинственный свѣтъ.
Здѣсь, одиночество, ты, геній безкрайныхъ просторовъ,
Мщеніемъ встало нѣмымъ, выше людскихъ приговоровъ,
Каждому саванъ сплело, саванъ изъ снѣга и льдинъ!
Каждый въ послѣдній свой часъ будетъ съ тобою одинъ.
Два настигаютъ врага: Царь и Владычица—стужа.
Намъ ли бояться Царя! Холодъ для арміи хуже.
Ружья бросаютъ въ пути. Жгутъ изъ лафетовъ костры.
Всякій, кто ляжетъ, погибъ. Спи до весенней поры!
Горе! Бѣгущихъ найдетъ мщеньемъ пустыня суровымъ.
Видишь, полки полегли, спятъ подъ холоднымъ покровомъ.
Это ль, Аттила, твой день! Это ль твой день, Аннибалъ!
Сроки побѣды прошли, срокъ пораженья насталъ.
Вотъ на походномъ мосту кони въ стремительномъ скокѣ,
Люди, орудья, обозъ сбились въ безумномъ потокѣ.
Падаютъ, давятъ, кричатъ... Дрогнули балки моста.
Тысяча ночью уснетъ, утромъ не встанетъ и ста.
Бѣгствомъ спасается Ней. Чуть не схватили казаки.
Ночью тревога, пальба... Тѣни мелькаютъ во мракѣ.
Это гортанный вашъ крикъ, коршуны русскихъ степей:
Мчится въ атаку орда страшныхъ косматыхъ людей.
Армія гибнетъ во тьмѣ, въ дикомъ полночномъ смятеньи.
Самъ императоръ былъ здѣсь, молча стоялъ въ отдаленьи.
Такъ многолиственный дубъ, слава лѣсовъ вѣковыхъ,
Видя топоръ при корняхъ, ждетъ, чтобы палъ онъ на нихъ.
Горе, сѣдой дровосѣкъ, мѣрно сѣкиру возноситъ,
Вѣтви, одну за другой, сталь равнодушная коситъ.
Падаютъ люди во мглѣ. Каждому вѣрный чередъ.
Возлѣ палатки вождя собранъ послѣдній оплотъ.
Смотрятъ, какъ движется тѣнь, тѣнь на тугой парусинѣ.
Тише! Ни шагу, судьба! То—оскорбленье святынѣ.
Дрогнулъ смущенной душой самъ императоръ въ тотъ мигъ,
Божью десницу тогда онъ надъ собою постигъ.
Кесарь склонился къ землѣ. Это за грѣхъ искупленье.
Спятъ легіоны въ снѣгу. «Кончено ль, Боже, отмщенье?
Слышишь ли, Господи Силъ?» Ждетъ онъ послѣдній отвѣтъ.
Нѣкто стоящій въ ночи молвилъ склоненному: «Нѣтъ».

Викторъ Гюго.

Переводъ *Сергѣя Кречетова.*

XXII.

Обратно черезъ Нѣманъ.

Вмѣстѣ со всѣми Ней прибылъ въ Ковно. Это былъ послѣдній городъ въ русской имперіи. Наконецъ, 13-го декабря, пройдя въ теченіе 46 часовъ подъ ужаснымъ ярмомъ, наши увидали дружественную землю. И тотчасъ, не останавливаясь, не обращая взора назадъ, большинство углубилось и разсѣялось въ лѣсахъ польской Пруссіи. Но нашлись и такіе, которые, придя къ союзнымъ берегамъ, обернулись назадъ. Тамъ, бросивъ послѣдній взглядъ на эту страну страданія, изъ которой они вырвались, увидѣвъ то самое мѣсто, откуда пять мѣсяцевъ тому назадъ ихъ безчисленные орлы побѣдоносно устремились впередъ, они стояли со слезами на глазахъ и испускали скорбные крики.

„Такъ вотъ тотъ берегъ, который былъ покрытъ, словно щетиной, ихъ штыками! Такъ вотъ та союзная земля, которая—не прошло еще пяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ!—уходила подъ ногами ихъ громадной союзной арміи, и представлялась имъ тогда превратившейся, какъ по мановенію волшебнаго жезла, въ движущіеся долины и холмы, покрытые людьми и лошадьми! Вотъ тѣ самыя лощины, изъ которыхъ выступали при свѣтѣ жгучаго солнца три длинныя колонны драгунъ и кирасировъ, подобно тремъ рѣкамъ, сверкавшимъ сталью и мѣдью! А теперь все исчезло: люди, оружіе, орлы, лошади, само солнце и даже сама пограничная рѣка, которую они перешли, полные смѣлости и надежды! Нѣманъ превратился теперь только въ сплошную массу ледяныхъ глыбъ, схваченныхъ и скованныхъ одна на другой удвоившей свою ярость зимою! На мѣстѣ трехъ французскихъ мостовъ, которые были привезены за 500 миль и переброшены съ такою смѣлою быстротою, единственно цѣлымъ оставался русскій мостъ. И, наконецъ, вмѣсто тѣхъ безчисленныхъ бойцовъ, ихъ 400,000 товарищей, столько разъ торжествовавшихъ побѣду вмѣстѣ съ ними, устремившихся съ такою радостью и гордостью на русскія земли, выходили изъ этой сумрачной и ледяной пустыни только тысяча вооруженныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, девять пушекъ и 20,000 жалкихъ созданій, покрытыхъ тряпками, съ опущен-

ной головой, потухшимъ взоромъ, багрово-краснымъ лицомъ и длинною взъерошенною бородою! Одни изъ нихъ боролись въ молчаніи за узкій проходъ на мостъ, который, несмотря на ихъ небольшое число, оказался недостаточнымъ для ихъ поспѣшнаго бѣгства; другіе бѣжали тамъ и сямъ по льдинамъ, громоздившимся на рѣкѣ, съ трудомъ перебираясь съ одной на другую. И это была вся Великая Армія! И многіе изъ этихъ бѣглецовъ были еще новыми рекрутами, которые присоединились къ ней впослѣдствіи!"

Два короля, одинъ принцъ, восемь маршаловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, генералы, безпорядочно шедшіе пѣшкомъ; и, наконецъ, нѣсколько сотенъ солдатъ старой гвардіи, сохранявшихъ еще свое вооруженіе,—это было все, что оставалось; они представляли собою Великую Армію!

Или скорѣе она все еще держалась въ маршалѣ Неѣ... Ней въ то время вошелъ въ Ковно одинъ со своими адъютантами, потому что всѣ его подчиненные отступили или пали...

Онъ нашелъ въ Ковно отрядъ артиллеріи, триста нѣмцевъ, составлявшихъ гарнизонъ этого города, и генерала Маршана съ 400 солдатъ; онъ принялъ начальство надъ ними. Сначала онъ прошелъ по всему городу, чтобы ознакомиться со своей позиціей и собрать еще нѣсколько солдатъ; но онъ нашелъ только раненыхъ, которые съ плачемъ стремились за нашей отступавшей арміей. Въ восьмой разъ, послѣ выхода изъ Москвы, пришлось покинуть ихъ всѣхъ въ госпиталяхъ, какъ ихъ покидали по всему пути, на всѣхъ поляхъ битвы и на всѣхъ бивакахъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ было на площади и на прилегавшихъ къ ней улицахъ, но они лежали замерзшіе передъ винными магазинами, которые они разгромили; они нашли смерть тамъ, гдѣ они искали жизнь! Это было единственное подкрѣпленіе, которое было ему оставлено Мюратомъ; Ней видѣлъ себя одинокимъ въ Россіи съ 700-ми иностранныхъ рекрутовъ....

14-го, рано утромъ, началась атака русскихъ. Въ то время, какъ одна колонна появилась внезапно на дорогѣ изъ Вильны, другая русская колонна перешла ниже города по льду рѣки, вступила на прусскія земли и, гордясь тѣмъ, что она первая перешла черезъ границу, направилась къ ковенскому

мосту, чтобы запереть этотъ выходъ и отрѣзать Нею всякое отступленіе.

Послышались первые выстрѣлы у виленскихъ воротъ; Ней бросился туда; онъ хотѣлъ удалить пушки Платова выстрѣлами изъ своихъ орудій, но нашелъ свои пушки забитыми. Артиллеристы бѣжали....

Покинутый всѣми, Ней не лишился самообладанія и не оставилъ своего поста. Послѣ безплодныхъ попытокъ остановить этихъ бѣглецовъ, онъ подобралъ ихъ заряженныя ружья, обратился къ солдатамъ и самъ-пятъ сталъ лицомъ къ лицу съ тысячами русскихъ. Его отвага ихъ остановила; она заставила покраснѣть нѣсколькихъ артиллеристовъ, которые послѣдовали примѣру своего маршала; она дала время адъютанту Геймесу и Жерару собрать тридцать солдатъ и привезти два-три легкихъ орудія, а генераламъ Ледрю и Маршану собрать единственный батальонъ, который у нихъ оставался.

Но въ этотъ моментъ началась за Нѣманомъ, около ковенскаго моста, вторая атака русскихъ. Было половина третьяго. Ней послалъ Ледрю и Маршана съ ихъ 400-ми человѣкъ отбить и сохранить этотъ выходъ. Что же касается его самого, то, не отступая ни на пядь, не думая о томъ, что происходитъ за его спиною, во главѣ тридцати солдатъ онъ держался до наступленія ночи у воротъ виленской дороги. Потомъ онъ перешелъ черезъ Ковно и Нѣманъ, все время сражаясь, отступая, но не обращаясь въ бѣгство, и шелъ вмѣстѣ съ остальными, поддерживая до послѣдняго момента честь нашего оружія и въ сотый разъ за эти сорокъ дней и сорокъ ночей рискуя своей жизнью и свободой, чтобы только спасти еще нѣсколько французовъ. Онъ вышелъ послѣднимъ изъ этой роковой Россіи, показавъ міру безпомощность слѣпого счастья передъ великой смѣлостью, доказавъ, что для героевъ все ведетъ къ славѣ, даже самыя великія пораженія!

Было восемь часовъ вечера, когда онъ перешелъ на союзный березъ. Тогда, видя, что катастрофа завершилась, что Маршанъ оттѣсненъ къ самому мосту, а вильковишская дорога, по которой шелъ Мюратъ, вся покрыта врагами, онъ бросился направо, углубился въ лѣсъ и исчезъ.

———— *Графъ де-Сегюръ.*

Глава X.

Послѣ выхода французовъ изъ Москвы.

I.

Въ Москву.

По пріѣздѣ нашемъ изъ Краснаго въ Ростовъ, извѣстія, привозимыя казакомъ, каждый день становились благопріятнѣе. Дурныя для непріятеля обстоятельства отъ часу умножались по осеннему времени года и усиленію нашихъ войскъ, какъ въ дорогѣ, такъ и на пунктахъ сообщеній. Лучшія войска началъ онъ въ это время приготовлять къ обратному походу и на нашемъ трактѣ оставались кое-какія, и то мало, что казакамъ дало возможность оттѣснить ихъ до Ростокина, въ чемъ способствовали имъ и окружные мужики, которыхъ корысть дѣлала храбрыми. Такія пріятныя вѣсти удерживали насъ въ Ростовѣ день за день. Потомъ тотъ же казакъ извѣстилъ, что они доходили до заставы, тамъ до Сухаревой башни; потомъ привезъ извѣстіе, что дрались у самыхъ Никольскихъ воротъ, что непріятелей въ Москвѣ мало и что вѣроятно они выходятъ; потомъ рѣшительно извѣстилъ насъ, что непріятель Москву оставилъ.

Это случилось между 7 и 10 числами. Радостная эта вѣсть тотчасъ разнеслась повсюду и заставила насъ поѣздку въ Красное оставить совершенно. Вслѣдъ за этими извѣстіями нѣкоторые московскіе жители и двое изъ нашихъ гражданъ, Михаилъ Матвѣевичъ Кайдаловъ и Дмитрій Ѳед. Симоновъ, поѣхали въ Москву узнать о судьбѣ своего имущества, кое было оставлено; но часть его сгорѣла, а болѣе того окрестные жители разграбили. Сами они это видѣли, но остановить были не въ силахъ, да и не смѣли: буйство народа въ сіе время было неописанное. Народъ только лишь узналъ о выходѣ непріятеля, то цѣлыми обозами ринулся для грабежа, и чего не истребили въ Москвѣ непріятели, то разграбили окрестные поселяне. Полиція московская была во Владимірѣ и вступила въ Москву поздно. По разсказамъ нашихъ гражданъ, Кайдалова и Симонова, Москва тогда представляла зрѣлище ничѣмъ неизобразимое, могущее привести самаго безстрашнаго человѣка въ ужасъ и содроганіе. Отъ самой Крестовской

заставы вплоть до Кремля, по большимъ улицамъ и переулкамъ лежали въ безпорядкѣ груды мертвыхъ тѣлъ непріятельскихъ и лошадей, такъ что пройти пѣшкомъ не было возможности. Церкви всѣ, кои они видѣли, были растворены, и въ нихъ были конныя стойла. Кремль представлялъ зрѣлище, возмущавшее душу: святыня поругана до такой степени, что языкъ не можетъ выговорить и перо написать, не чувствуя смятенія совѣсти. Между труповъ и развалинъ блуждали жители Москвы, тутъ проживавшіе съ непріятелемъ; блѣдныя, тощія и закоптѣлыя лица ихъ являли всѣ страданія; но взоры звѣрскіе наводили невольный ужасъ, и обликъ людей сихъ такъ измѣнился, что самыхъ родныхъ узнать было трудно. Безпрерывное страданіе, напряженіе отъ ужаса, сдѣлало ихъ самихъ свирѣпыми и ужасными.

М. Маракуевъ.

II.

Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской.

22-го октября.

Французы оставили Москву. Растопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ намѣренъ вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепелъ отъ дорогого города, но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по пер-

вому санному пути, посмотрѣть, что съ ней сталось, и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится на вѣки отказаться отъ счастія вновь увидѣть ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ, словомъ все, что такъ дорого каждому существу, одаренному душой и разумомъ. Растопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, зато въ немъ все вдребезги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ипполитъ [1]), котораго ты вѣрно встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Растопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Растопчину; не то что отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ дома остались неприкосновенными потому, что у дверей разставлены были часовые, лишь только французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебѣ прокламація Растопчина, привѣшанная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ, какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія французовъ, графъ сжегъ все, что ему такъ дорого стоило, всѣ избы крестьянскія, отправилъ крестьянъ въ Воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каковъ Наполеонъ, и что онъ самъ сжегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человѣка, который такъ вѣрно его цѣнитъ.

III.

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужъ близко. Передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.

---

[1]) Подчасскій.

Ахъ, братцы! Какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

А. Пушкинъ.

IV.

Возвращеніе русскихъ въ Москву.

Генералъ-интендантъ дѣйствующей арміи поручилъ мнѣ охрану огромныхъ магазиновъ Воспитательнаго Дома. Потребовались неимовѣрныя усилія, чтобы спасти домъ отъ пожара. Я уничтожилъ всѣ смежные заборы, уединилъ магазины, день и ночь поливалъ стѣны громаднаго зданія и только этимъ спасъ его. Въ магазинахъ хранился провіантъ на шесть мѣсяцевъ. Этимъ не ограничились, однако, мои заботы о Воспитательномъ Домѣ. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, мнѣ было поручено собрать всѣхъ раненыхъ и больныхъ въ Воспитательный Домъ, и вотъ, когда всѣ здоровые спѣшатъ покинуть Москву, я свожу въ домъ больныхъ и раненыхъ со всѣхъ концовъ Москвы. Наконецъ, и маршалъ Мортье, командовавшій арьергардомъ, ушелъ изъ Москвы, и я остался охранять больныхъ и раненыхъ французской арміи въ городѣ, покинутомъ французскою арміею. Взрывъ

Кремля, послѣдовавшій въ 2 часа ночи, былъ ужасенъ. Въ Воспитательномъ Домѣ всѣ окна были выбиты. Какъ только французская армія удалилась изъ Москвы, русскіе стали входить въ столицу и, прежде всего, перебили всѣхъ раненыхъ французовъ, находившихся въ частныхъ домахъ. Такихъ раненыхъ было убито до двухъ тысячъ. Почти столько же находилось въ Воспитательномъ Домѣ. Опасаясь за ихъ участь, я собралъ до 600 выздоравливающихъ и роздалъ имъ оружіе, какое только могъ добыть. Русскіе нападали на насъ три раза, и три раза мы отгоняли ихъ. Наше сопротивленіе заслужило намъ уваженіе даже въ глазахъ врага: генералъ Бенкендорфъ предложилъ мнѣ положить оружіе, обѣщая щадить госпитальное населеніе. Мы, конечно, согласились на это условіе. Только 30 солдатъ не пожелали сдаться, и едва они вышли изъ Воспитательнаго Дома, какъ были окружены казаками и изрублены на нашихъ глазахъ. Все это происходило 27-го октября. Съ этого дня мы стали военноплѣнными.

Императрица-мать, узнавъ о нашемъ поведеніи, прислала намъ тысячу франковъ. Иначе отнесся къ намъ московскій генералъ-губернаторъ гр. Растопчинъ. Ему было сообщено о нашихъ заботахъ относительно французскихъ раненыхъ, о храбрости, съ какою мы ихъ защищали, наконецъ, о средствахъ, употребленныхъ нами для содержанія 2,000 раненыхъ въ теченіе десяти дней, и онъ пожелалъ видѣть меня и моего зятя, находившагося при мнѣ въ качествѣ помощника. Когда мы представились ему, я тотчасъ же замѣтилъ, что онъ не можетъ даже слышать имени французовъ. Онъ спросилъ насъ кое-о-чемъ и, получивъ отвѣты, закончилъ свиданіе самою неприличною бранью.

Мы честно исполнили свою обязанность относительно своихъ земляковъ, раненыхъ, больныхъ и слабыхъ,—развѣ русскіе, хотя и враги французовъ, могли наказывать насъ за это? Однако, отданъ былъ приказъ объ удаленіи насъ отъ нашихъ страдальцевъ-соотечественниковъ. Труды, лишенія и усталость подорвали и наше здоровье; мы представляли, просили, умоляли разрѣшить намъ остаться съ ними, но не удостоились даже отвѣта. Тогда мы написали гр. Растопчину письмо, въ которомъ представили ему печальное положеніе

раненыхъ плѣнниковъ: они были перемѣщены изъ Воспитательнаго Дома въ какія-то подземелья, куда не проникалъ даже и свѣтъ, и гдѣ они умирали по 30 человѣкъ ежедневно [1]). Мы умоляли графа разрѣшить намъ остаться въ Воспитательномъ Домѣ еще дней восемь, до возстановленія нашего здоровья; мы просили его принять насъ и выслушать, полагая, что только клевета и злословіе вооружили его противъ насъ, просили во имя человѣколюбія. Вотъ отвѣтъ графа Растопчина, писанный его рукою.

„Графъ Растопчинъ разрѣшаетъ г. Газо-отцу остаться на время, необходимое для поправленія его здоровья, послѣ чего онъ и его зять должны отправиться въ Вологду. Свиданіе, котораго онъ желаетъ, не приведетъ ни къ чему; ни клевета, ни злословіе не руководятъ графомъ Растопчинымъ; но нація, презирающая всѣ законы, отвергающая религію и въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ живущая только преступленіями и злодѣяніями, никогда не должна свидѣтельствоваться Всевышнимъ Существомъ, справедливость котораго не признается разбойниками“.

Докторъ Газо.

V.

Посланіе къ Дашкову.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары,
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,

---

[1]) „Воспитательный домъ цѣлъ. Тамъ околѣваетъ ежедневно человѣкъ по 50 французовъ“. Изъ письма А. Я. Булгакова, отъ 25 октября, въ Русскомъ Архивѣ, 1866 г., 729.

Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! Пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

К. Батюшковъ.

VI.

Москва обстраивается.

Такъ же, какъ трудно объяснить, для чего, куда спѣшатъ муравьи изъ раскиданной кучи, одни прочь изъ кучи, таща соринки, яйца и мертвыя тѣла, другіе—назадъ въ кучу; для чего они сталкиваются, догоняютъ другъ друга, дерутся,—такъ же трудно было бы объяснить причины, заставлявшія русскихъ людей, послѣ выхода французовъ, толпиться въ томъ мѣстѣ, которое прежде называлось Москвою. Но такъ же, какъ,—глядя на разсыпанныхъ вокругъ разоренной кучи муравьевъ, несмотря на полное уничтоженіе кучи,—видно, по цѣпкости, энергіи, по безчисленности копошащихся насѣкомыхъ, что разорено все, кромѣ чего-то неразрушимаго, невещественнаго, составляющаго всю силу кучи,—такъ же и Москва, въ октябрѣ мѣсяцѣ, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святыни, ни богатствъ, ни домовъ, была тою же Москвою, какою была въ августѣ. Все было разрушено, кромѣ чего-то невещественнаго, но могущественнаго и неразрушимаго.

Побужденія людей, стремящихся со всѣхъ сторонъ въ Москву послѣ ея очищенія отъ врага, были самыя разнообразныя, личныя и въ первое время большей частью—дикія, животныя. Одно только побужденіе было общее всѣмъ—это стремленіе туда, въ то мѣсто, которое прежде называлось Москвою, для приложенія тамъ своей дѣятельности.

Черезъ недѣлю въ Москвѣ уже было 15 тысячъ жителей, черезъ двѣ было 25 тысячъ и т. д. Все возвышаясь и возвышаясь, число это къ осени 1813 года дошло до цифры, превосходящей населеніе 12-го года.

Первые русскіе люди, которые вступили въ Москву, были казаки отряда Винцингероде, мужики изъ сосѣднихъ деревень и бѣжавшіе изъ Москвы и скрывавшіеся въ ея окрестностяхъ жители. Вступившіе въ разоренную Москву русскіе, заставъ ее разграбленною, стали тоже грабить. Они продолжали то, что дѣлали французы. Обозы мужиковъ пріѣзжали въ Москву съ тѣмъ, чтобы увозить по деревнямъ все, что было брошено по разореннымъ московскимъ домамъ и улицамъ. Казаки увозили, что могли, въ свои ставки; хозяева

домовъ забирали все то, что они находили въ другихъ домахъ, и переносили къ себѣ подъ предлогомъ, что это была ихъ собственность.

Но за первыми грабителями пріѣзжали другіе, третьи, и грабежъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ увеличенія грабителей, становился труднѣе и труднѣе и принималъ болѣе опредѣленныя формы.

Французы застали Москву хотя и пустою, но со всѣми формами органически правильно жившаго города, съ его различными отправленіями торговли, ремеслъ, роскоши, государственнаго управленія, религіи. Формы эти были безжизненны, но онѣ еще существовали. Были ряды, лавки, магазины, лабазы, базары,—большинство съ товарами; были фабрики, ремесленныя заведенія; были дворцы, богатые дома, наполненные предметами роскоши; были больницы, остроги, присутственныя мѣста, церкви, соборы. Чѣмъ долѣе оставались французы, тѣмъ болѣе уничтожались эти формы городской жизни, и подъ конецъ все слилось въ одно нераздѣльное, безжизненное поле грабежа.

Грабежъ французовъ, чѣмъ больше онъ продолжался, тѣмъ больше разрушалъ богатства Москвы и силы грабителей. Грабежъ русскихъ, съ котораго началось занятіе столицы, чѣмъ дольше онъ продолжался, чѣмъ больше было въ немъ участниковъ, тѣмъ быстрѣе возстановлялъ онъ богатство Москвы и правильную жизнь города.

Кромѣ грабителей, народъ самый разнообразный, влекомый кто любопытствомъ, кто долгомъ службы, кто расчетомъ,—домовладѣльцы, духовенство, высшіе и низшіе чиновники, торговцы, ремесленники, мужики—съ разныхъ сторонъ, какъ кровь къ сердцу, приливалъ къ Москвѣ.

Черезъ недѣлю уже мужики, пріѣзжавшіе съ пустыми подводами для того, чтобы увозить вещи, были останавливаемы начальствомъ и принуждаемы къ тому, чтобы вывозить мертвыя тѣла изъ города. Другіе мужики, прослышавъ про неудачу товарищей, пріѣзжали въ городъ съ хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ, сбивая цѣну другъ другу до цѣны ниже прежней. Артели плотниковъ, надѣясь на дорогіе заработки, каждый день входили въ Москву, и со всѣхъ сторонъ рубились новые и чинились старые, погорѣлые дома. Купцы въ бала-

ганахъ открывали торговлю. Харчевни, постоялые дворы устраивались въ обгорѣлыхъ домахъ. Духовенство возобновило службы во многихъ непогорѣвшихъ церквахъ. Жертвователи приносили разграбленныя церковныя вещи. Чиновники прилаживали свои столы съ сукномъ и шкафы съ бумагами въ маленькихъ комнатахъ. Высшее начальство и полиція распоряжались раздачею оставшагося послѣ французовъ добра. Хозяева тѣхъ домовъ, въ которыхъ было много оставлено свезенныхъ изъ другихъ домовъ вещей, жаловались на несправедливость своза всѣхъ вещей въ грановитую палату; другіе настаивали на томъ, что французы изъ разныхъ домовъ свезли вещи въ одно мѣсто, и оттого несправедливо отдавать хозяину дома тѣ вещи, которыя у него найдены. Бранили полицію; подкупали ее; писали вдесятеро смѣты на погорѣвшія казенныя вещи; требовали вспомоществованій. Графъ Растопчинъ писалъ свои прокламаціи.

Л. Толстой.

VII.

Новобранецъ 1812 года.

Въ роковыя двадцатыя числа рокового 12-го года находился я въ Москвѣ. Вышедши только-что изъ-подъ опеки гувернеровъ, Messieurs Beaulieu и маркизовъ Жульекуровъ, еще недавно архивный юноша, проглотившій съ двѣнадцатилѣтняго возраста не мало пыли при разборѣ полусгнившихъ столбцовъ, перешедши потомъ въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора Обрескова, по приглашенію его, для узнанія службы, я, однако-жъ, оставался въ Москвѣ не по служебнымъ обязанностямъ. Въ то время дана была каждому воля итти на всѣ четыре стороны. Паспортовъ не выдавалось, потому что всѣ дѣла канцеляріи были выпровожены на Владимірскую дорогу. Въ Москвѣ же задерживало меня ожиданіе письма отъ моего отца, который жилъ въ деревнѣ, за восемьдесятъ верстъ отъ Москвы, въ сторонѣ Коломны. Я рвался въ ряды военные и ждалъ на это разрѣшенія. Сердце мое радостно билось при одной мысли, что я скоро опоясшусь мечемъ и крупно поговорю съ непріятелемъ за обиды моему отечеству. Въ войну 12-го года, истинно народ-

ную, патріотизмъ воспламенялъ и старцевъ и юношей. Порою рисовалось моему юношескому воображенію зарево бивакокъ, опасное участіе въ ночномъ пикетѣ, къ которому вѣтерокъ доноситъ жуткій говоръ непріятеля, жаркая схватка, отважная выручка. Не скрою, что порой прельщали меня и красный ментикъ съ золотымъ украшеніемъ, и лихой конь, на которомъ буду гарцовать передъ окнами дѣвушки, любимой мною страстно... до первой новой любви. Но, увы! мои надежды недолго тѣшили меня. Вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія, получаю отъ отца приказъ немедленно къ нему явиться. Я плакалъ, какъ ребенокъ, но скоро одумался. „Чего бъ ни стоило,—сказалъ я самъ себѣ,—а буду военнымъ, хоть бы солдатомъ“. Мыслію уже ослушникъ воли родительской, я тотчасъ сдѣлался ослушникомъ и на дѣлѣ, и не очень спѣшилъ выѣхать изъ Москвы.

Между тѣмъ, какъ дядька мой устраивалъ дорожные сборы, поѣхалъ я за городъ, къ Филямъ и на Поклонную гору, куда народъ стекался смотрѣть на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ въ дѣлѣ бородинскомъ. Солнце уже западало, но далеко не доходя до земной черты, скрывалось въ туманномъ горизонтѣ, который образовали жаръ и пыль, поднятые тревожною жизнью между городомъ и отступающимъ войскомъ. Въ Филяхъ нашелъ я дѣйствительно много плѣнныхъ разнородныхъ націй. Въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ французы казались въ это время не плѣнниками нашими, а передовыми великой арміи, посланными занять для нея квартиры въ Москвѣ.

Когда я выѣхалъ изъ Филей, по Смоленской дорогѣ показался въ клубахъ пыли обозъ, которому не видно было конца. Везли раненыхъ. Поѣздъ тянулся въ нѣсколько рядовъ, и затруднился у Драгомиловскаго моста. Сдѣлалась остановка. Надо было видѣть въ это время усердіе москвичей къ воинамъ, пролившимъ кровь свою за отечество. Калачи летѣли въ повозки, сыпались деньги пригоршнями, то и дѣло опорожнялись стаканы и кувшины съ квасомъ и медами; продавцы распоряжались добромъ своихъ хозяевъ, какъ своею собственностью, не только не боясь взысканія, но еще увѣренные въ крѣпкомъ спасибо; восклицаніямъ сердечнаго участія, благословеніямъ, предложеніямъ услугъ не было конца. Об-

лако пыли большею частію заслоняло это зрѣлище, и только изрѣдка, когда вѣтерокъ смахивалъ ее или густой лучъ прорѣзывалъ, видно было то добродушное лицо бородача, который подавалъ свою лепту, то лицо воина, истомленное, загорѣлое, покрытое пылью, то печальныя черты старушки, которая, облокотясь на телѣгу, разспрашивала о своемъ сынѣ служивомъ. Въ одинъ изъ этихъ просвѣтовъ палъ на меня болѣзненно-унылый взоръ раненаго офицера. Ему могло быть лѣтъ двадцать пять съ небольшимъ; смертная блѣдность покрывала прекрасное и благородное лицо его; одна рука была у него въ перевязи, другою опирался онъ на задокъ телѣги, гдѣ лежало нѣсколько солдатъ. Невольное чувство увлекало меня къ нему. „Неужели не сыскалось для васъ повозки?“— спросилъ я его.—„Была,—отвѣчалъ онъ,—но случились раненые тяжелѣе меня... Слава Богу, я могу еще дойти“. При этихъ словахъ съ трудомъ приподнялся изъ телѣги одинъ изъ солдатъ, лежавшихъ въ ней, и сказалъ со слезами на глазахъ: „Его благородіе—нашъ ротный командиръ; намъ четверымъ раненымъ было тѣсно въ одной телѣгѣ... онъ уступилъ намъ свою“. Тутъ онъ не могъ продолжать и опустился въ повозку.

Возвратившись домой, я сталъ собираться въ путь, къ отцу въ деревню... Я простился съ Москвой, какъ прощаемся съ родною, которую опускаемъ въ землю. При выѣздѣ изъ заставы, я пріобрѣлъ себѣ дорожныхъ товарищей, шесть или семь дюжихъ мужичковъ. Они не преминули упрекнуть меня за оставленіе первопрестольной столицы, и если бы не бы-строта лошадей въ моей повозкѣ, мнѣ пришлось бы плохо.

На берегу Москвы-рѣки, въ виду сельскаго крова, подъ которымъ провелъ я лучшія лѣта дѣтства, встрѣтили меня родные со слезами радости. Въ ожиданіи меня сколько страху испытали они: не попался ли я въ плѣнъ французамъ, не убили ли меня недобрые люди!

Черезъ нѣсколько дней узнали мы, что Москва занята непріятелями. Въ первый вечеръ, слѣдовавшій за печальной вѣстью, въ сѣверной сторонѣ отъ нашей деревни разостлалось по небу багровое зарево: то горѣлъ, за восемьдесятъ верстъ отъ насъ, первопрестольный городъ, и всѣмъ намъ казалось, что горитъ наше родное пепелище. Нѣсколько дней

сряду, каждый вечеръ, Москва развертывала для насъ эту огненную хоругвь. При свѣтѣ ея сельскіе жители собирались толпою передъ господскимъ домомъ или передъ церковью, молились и вздыхали о потерянномъ Сіонѣ. Тяжкимъ свинцомъ пало уныніе на душу нашу; казалось, всѣ ждали послѣдняго часа. Поплакавъ нѣсколько дней надъ пепломъ Москвы, стали однакожъ думать о спасеніи своемъ. Никто не помышлялъ о покорности непріятелю, о томъ, чтобы оставаться въ своихъ домахъ, бить ему челомъ. Ожидали его только съ тѣмъ, чтобы въ виду его спалить свои жилища. Имущество поцѣннѣе хоронили въ погребахъ, подъ овинами и подъ клѣтями, въ лѣсахъ, но топоры и косы приберегали на случай подъ рукою. Стали къ намъ приближаться переселенцы съ тѣхъ мѣстъ, которыя занялъ уже непріятель. Толпы, большею частію дѣти, женщины; старики переходили съ мѣста на мѣсто, нерѣдко по ночамъ освѣщаемое кострами, воздвигаемыми изъ собственныхъ домовъ. Гдѣ могло оставаться это переселеніе? Никто не вѣдалъ; знали только, что къ восходу солнечному, къ Сибири, шелъ народъ. Въ эту тяжкую годину всѣ дѣлились между собою, какъ братья; каждый, кто бы онъ ни былъ, садился за чужой столъ, какъ семьянинъ; многіе богачи сравнялись съ бѣдняками, и часто бѣднякъ изъ сумы своей одолжалъ вчерашняго богача. Все это казалось въ годину общаго бѣдствія дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Въ это время сталъ я вновь проситься у родителей своихъ вступить въ ряды военные, и опять напрасно.

Казаки прискакали съ вѣстью, что французы скоро появятся. Въ казенномъ селеніи Новлянскомъ, на противоположномъ отъ насъ берегу Москвы-рѣки, ударилъ роковой набатъ: это былъ народный сигналъ зажигать свои домы. Къ счастію, тревога тотчасъ оказалась ложною, и селеніе уцѣлѣло. Но какъ непріятель дѣйствительно перешелъ уже Бронницы (въ 27-ми верстахъ отъ насъ), то мы и рѣшили по-добру по-здорову выбраться изъ своего гнѣзда. Меня повезли, какъ плѣнника; по крайней мѣрѣ, я считалъ себя такимъ. Я помышлялъ уже освободиться изъ этого плѣна, но покуда не видѣлъ къ тому возможности. Передъ Коломной присоединился къ намъ огромный караванъ помѣщиковъ съ ихъ домочадцами. Въ числѣ послѣднихъ была стая собакъ, съ кото-

рыми владѣлецъ ихъ, чудакъ и охотникъ страстный, не хотѣлъ разставаться. Съ разсвѣтомъ были мы ужъ на дорогѣ къ Рязани. Близъ первой почтовой станціи (не помню названія деревни) расположили мы свой таборъ, для полдневанія. Раскинутыя по лугу безчисленныя палатки, табунъ коней, оглашающихъ воздухъ ржаніемъ своимъ, зажженные костры, многолюдство, пестрота возрастовъ и одеждъ, немолчное движеніе,—все это представляло зрѣлище прекрасное, но могло ли это зрѣлище восхищать насъ? Я пошелъ съ нѣсколькими помѣщиками и купцами прогуляться по деревнѣ. Когда мы подходили къ станціонному дому, возлѣ него остановилась колясочка; она была откинута. Въ ней сидѣлъ — Барклай-де-Толли. Его сопровождалъ только одинъ адъютантъ. При этомъ имени почти все, что было въ деревнѣ, составило тѣсный и многочисленный кругъ и обступило экипажъ. Смутный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ... Не мудрено... отступленіе къ Москвѣ расположило еще болѣе умы противъ него...

Въ Рязани пробыли мы недолго. Здѣсь вскорѣ узнали, что французамъ не поздоровилось въ Москвѣ, и что они, какъ журавли къ осени, начали потягивать на теплыя мѣста, и потому мы возвратились въ Коломну. Здѣсь я сталъ вновь проситься у родителей моихъ позволить мнѣ итти въ военную службу, и получилъ опять тотъ же отказъ. Тогда я далъ себѣ клятву исполнить мое намѣреніе, во что бы то ни стало, бѣжать изъ дому родительскаго, и какъ я не имѣлъ служебнаго свидѣтельства, итти хоть въ солдаты. Намѣренію моему нашелъ я скоро живое поощреніе. Въ городѣ остановился отставной (помнится, штабъ-офицеръ) кавалеристъ Беклемишевъ, посѣдѣлый въ бояхъ, который, записавъ сына въ гусары, собирался отправить его въ армію. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ ѣхалъ туда же гусарскій юнкеръ Ардал., сынъ богатаго армянина. Я открылъ имъ свое намѣреніе: старикъ благословилъ меня на святое дѣло, какъ онъ говорилъ, и обѣщался доставить въ главную квартиру рекомендательное письмо, а молодые люди дали мнѣ слово взять меня съ собою. За душой не было у меня ни копейки: коломенскій торговецъ-аферистъ купилъ у меня шубу, стоющую рублей 300, за 50 рублей, подозрѣвая, что я продаю ее тайно... Съ этимъ богатствомъ и дѣдовскою мѣховою курткою, покрытою зе-

ленымъ рытымъ бархатомъ, шелъ я на службу боевую. Назначенъ былъ день отъѣзда. Всѣ приготовленія хранились въ глубочайшей тайнѣ. Роковой день наступалъ — сердце было у меня не на мѣстѣ. Въ одиннадцатомъ часу вечера простился я съ матерью, расточая ей самыя нѣжныя ласки; съ трудомъ удерживалъ я слезы, готовыя упасть на ея руку; я сказалъ ей, что хочу ранѣе лечь спать, потому что у меня очень разболѣлась голова. И она, будто по предчувствію, необыкновенно ласкала меня и раза два принималась меня благословлять. Въ своей спальнѣ я усердно молился, прося Господа простить мнѣ мой самовольный поступокъ и облегчить горесть и страхъ моихъ родителей, когда они узнаютъ, что я ихъ ослушался и бѣжалъ отъ нихъ. Меньшому брату, который спалъ со мною въ одной комнатѣ, сказалъ я, что пойду прогуляться по саду, и чтобы онъ не безпокоился, если я долго не приду. Помолившись еще разъ, я вышелъ въ сѣни. Условный колокольчикъ зазвенѣлъ за воротами; я видѣлъ, какъ ямщикъ на лихой тройкѣ промчался мимо нихъ, давая мнѣ знать, что все готово къ отъѣзду. Еще нѣсколько шаговъ въ кремль, гдѣ жилъ Беклемишевъ, и я на свободѣ. Но въ сѣняхъ встрѣтилъ меня дядька мой Ларивонъ. „Худое, баринъ, затѣяли вы, — сказалъ онъ мнѣ съ неудовольствіемъ, — я знаю всѣ ваши продѣлки. Оставайтесь-ка дома, да ложитесь спать, не то я сейчасъ доложу папенькѣ, и вамъ будетъ нехорошо“. Точно громовымъ ударомъ ошибли меня эти слова. Я обидно сталъ упрекать дядьку, что онъ выдумываетъ на меня небылицу, завѣряя его, что я только хочу пройтись по городу. Но Ларивонъ былъ неумолимъ. „Воля ваша, — продолжалъ онъ, — заднія сѣни въ садъ у меня заперты на замокъ; я стану на караулѣ въ нижнихъ сѣняхъ, что на дворъ, и не пропущу васъ, а если вздумаете бѣжать силою, такъ я тотчасъ подниму тревогу по всему дому. У воротъ поставилъ я караульнаго, и онъ тоже сдѣлаетъ, въ случаѣ удачи вашей вырваться отъ меня“. Тутъ я перемѣнилъ упрекъ на моленія; я слезно просилъ его выпустить меня, и нѣжно цѣловалъ его. Но дядька былъ неумолимъ. Дѣлать было нечего; надо было оставаться въ заключеніи. Отчаяніе мое было ужасно; можно сравнить это положеніе только съ состояніемъ узника, который подпилилъ свои цѣпи и рѣшотку у тюрьмы, готовъ былъ бѣ-

жать, и вдругъ пойманъ... Дядька мой преспокойно сошелъ внизъ. Проклиная его и судьбу свою, я зарыдалъ, какъ ребенокъ. Вся эта сцена происходила въ верхнемъ этажѣ очень высокаго дома. Изъ дверей сѣней виденъ былъ, сквозь проломъ древняго кремля, огонь въ квартирѣ стараго гусара, который собирался посвятить меня въ рыцари. Я вошелъ на балконъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ завѣтный огонекъ и проститься навсегда съ прекрасными мечтами, которыя такъ долго тѣшили меня. Вдругъ, съ правой стороны балкона, на столѣтней ели, растущей подлѣ него, зашевелилась птица. Какая-то невѣдомая сила толкнула меня въ эту сторону. Вижу, довольно крѣпкій сукъ отъ ели будто предлагаетъ мнѣ руку спасенія. Не разсуждая объ опасности, перелѣзаю черезъ перила балкона, бросаюсь внизъ, цѣпляясь проворно за сучокъ, висну на немъ и упираюсь ногами на другой, болѣе твердый сучокъ. Тутъ, какъ векша, сползаю проворно съ дерева, обдираю себѣ до крови руки и колѣна, становлюсь на землѣ и пробѣгаю минуты въ три довольно обширный садъ, бывшій за домомъ, на углу двухъ переулковъ. Отъ переулка, ближайшаго къ моей цѣли, былъ заборъ сажени въ полторы вышины: никакая преграда меня не останавливаетъ. Перелѣзаю черезъ него, какъ искусный волтижеръ. Если бы заставили меня это сдѣлать въ другое время, у меня не достало бы на это ни довольно искусства, ни довольно силы. Но таково могущество воли, что оно удесятеряетъ всѣ способности душевныя и тѣлесныя. Перебѣжать переулокъ и площадь, раздѣлявшую домъ нашъ отъ кремля, и влетѣть въ домъ, гдѣ ожидали меня, было тоже дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я прибѣжалъ задыхаясь, готовый упасть на полъ; на головѣ у меня ничего не было, волосы отъ поту липли къ разгорѣвшимся щекамъ. Мои друзья уже давно ждали меня, сильно опасаясь, не случилось ли со мною какой невзгоды. Старый гусаръ благословилъ меня образомъ, передъ которымъ только что отслужили напутственный молебенъ; на меня нахлобучили первый попавшійся на глаза картузъ; мы сѣли въ повозки и промчались, какъ вихорь, черезъ городъ, берегомъ Коломенки и черезъ Запрудье. Кормили лошадей за 40 верстъ, потомъ въ Островцахъ. Нѣсколько разъ дорогою казалось мнѣ, насъ догоняютъ; въ ушахъ отзывался то-

потъ лошадиный, насъ преслѣдующій; въ темнотѣ за мной гнались какія-то видѣнія. Сердце трепетало въ груди, какъ голубь. Въ Москву въѣхали мы поздно вечеромъ. Непріятель уже оставилъ городъ: у заставы на караулѣ были изюмскіе гусары; они грѣлись около зажженныхъ костровъ. Русскіе солдаты, русскій станъ были для насъ отрадными явленіями. Мы благоговѣйно перекрестились, въѣзжая въ заставу, и готовы были броситься цѣловать караульныхъ, точно въ заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенія. И было чему радоваться, было съ чѣмъ братьямъ поздравить другъ друга: Россія была спасена! Москва представляла совершенное разрушеніе: почти всѣ дома были обгорѣлые, безъ крышъ; нѣкоторые еще дымились; однѣ трубы безобразно высились надъ ними; оторванные желѣзные листы жалобно стонали; кое-гдѣ въ подвалахъ мелькали огоньки. Мы проѣхали весь городъ до Калужской заставы, не встрѣтивъ ни одного живого существа. Только видѣли два-три трупа французскихъ солдатъ, валявшихся на берегу Яузы.

Мы остановились въ селеніи Троицкомъ (имѣніи моего товарища Ардал.), помнится, верстахъ въ трехъ отъ Москвы. Въ домѣ нашли мы величайшій безпорядокъ; казалось, непріятель только-что его оставилъ. Зеркала были разбиты, фортепьяно разломано, уцѣлѣвшее платье, въ томъ числѣ и мальтійскій мундиръ покойнаго помѣщика, которое не годилось въ дѣло, валялось на полу. Въ Троицкомъ прожили нѣсколько дней; здѣсь, казалось, укрывался я въ совершенной безопасности отъ поисковъ. Мы ѣздили разъ въ Москву посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Народъ съ каждымъ днемъ прибывалъ въ нее; строились противъ гостинаго двора и на разныхъ рынкахъ балаганы и досчатыя лавочки; торговля зашевелилась. Дымились на улицахъ кучи навоза, зажженныя для огражденія отъ заразы мертвыхъ тѣлъ.

Намъ съ товарищами надо было еще объѣхать деревни Ардал., которыя находились въ Московской губерніи, въ ближайшихъ уѣздахъ, помнится, Звенигородскомъ и Дмитровскомъ, и собрать оброки, потому что молодой помѣщикъ, отправлявшійся въ армію, былъ совершенно безъ денегъ. Казалось, время для такого сбора, по случаю военной невзгоды, тяжело налегшей на эти края, было самое неблагопріятное.

Напротивъ того, крестьяне этихъ уѣздовъ собрали богатую дань съ непріятелей, взявшихъ ее изъ Москвы: почти у каждаго мужичка были деньги, серебряные или золотые часы, богатыя матеріи, сукна, головы сахару и пр. Крестьяне вездѣ встрѣчали своего молодого господина съ хлѣбомъ и солью, и немедленно вносили ему оброкъ, даже часть впередъ. Только въ одной деревнѣ они немного заупрямились, но мы, трое юношей (и на меня надѣли гусарскій ментикъ, и меня опоясали саблей), на сходкѣ загремѣли саблями, и буйныя головы немедленно съ повинной преклонились передъ грозными воинами, у которыхъ еще усъ не пробивался. Морозы уже наступали; разъ, въ дорогѣ, желая согрѣться, я пошелъ пѣшкомъ, и, отставши отъ товарищей, едва не замерзъ въ виду какой-то господской великолѣпной дачи, совершенно опустѣлой. Только что возвратились мы въ Троицкое и собирались уже на другой день отправиться въ главную квартиру арміи (это было поздно вечеромъ), какъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату хозяинъ и объявилъ, что пріѣхалъ мой отецъ. Не зная, что дѣлать, я спрятался въ л ю д с к у ю. Тутъ, подлѣ меня лежала на смертномъ одрѣ какая-то старушка: я слышалъ предсмертный колоколецъ; первый разъ въ жизни видѣлъ я, какъ человѣкъ умираетъ. Лихорадка трясла меня, но не отъ этого зрѣлища, а отъ страху, что отецъ узналъ мое убѣжище и пріѣхалъ исторгнуть меня изъ него, чтобы вновь тѣснѣе связать мою волю. Но вскорѣ я услышалъ его голосъ, нѣжный, выходящій изъ любящей души: — „Пускай покажется Ваня, — говорилъ онъ, — пускай придетъ; я его прощаю, я самъ благословляю его на службу". — Тутъ, не колеблясь ни минуты, бросился я въ его объятія, цѣловалъ его руки, обливалъ ихъ слезами. Съ груди моей свалился камень. Это была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни.

На другой день отецъ повезъ меня въ Москву и представилъ бѣглеца московскому гражданскому губернатору Обрескову, который возвратился въ столицу съ должностными чинами. (Онъ стоялъ тогда въ Леонтьевскомъ переулкѣ). Губернаторъ, въ присутствіи многихъ лицъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что я огорчилъ родителей своихъ побѣгомъ, но приказалъ однакожъ тотчасъ выдать мнѣ служебное свидѣтельство и вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ главному начальнику

московскаго ополченія. Вскорѣ пріѣхалъ я въ московское ополченіе офицеромъ, и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ московскій гренадерскій полкъ. Счастіе мнѣ улыбнулось: начальникъ 2-й гренадерской дивизіи, принцъ мекленбургскій Карлъ, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты. Вотъ какъ 12-й великій годъ завербовалъ меня въ свои новобранцы.

И. Лажечниковъ.

VIII

Москва послѣ пожара.

1812 года декабря 24-го пріѣхалъ я въ Москву. Народу было уже много, но мѣстъ для жительства не доставало совершенно; лавокъ для торговли тоже не было, всѣ сгорѣли, а по площадямъ были настроены временныя, деревянныя; также столики и рогожи замѣняли гостиный дворъ. Тутъ продавалось все нужное и ненужное, дурное и хорошее. Множество вещей хорошихъ въ это время купить было можно не за дорого, но уже все не такъ, какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, тотчасъ по выходѣ непріятеля: тогда рублевую вещь продавали по 5 коп.; опасались покупать, думали, что будутъ разыскивать, хозяева отберутъ купленное и станутъ преслѣдовать судомъ; но какъ отъ правительства было опубликовано, что ни за какія вещи слѣдствія не начинать, чьи бы они ни были и у кого бы ни находились, а кто владѣетъ, тотъ имъ и хозяинъ; тогда все вдругъ приняло цѣну близко настоящей.

Въ Кремль и тогда еще никого не пускали. Спасскія ворота какъ были перерыты непріятелемъ въ аркѣ, струбомъ деревяннымъ и землею въ него насыпанною, такъ и оставались; Никольскія повреждены были отъ взрыва арсенала, и удивительное дѣло: крѣпкая башня надъ воротами не могла устоять отъ силы удара и сняло ее, какъ по чертѣ по самую икону Св. Николая, у которой между тѣмъ самое стекло осталось цѣло; истинное чудо, которое угодно было Богу показать во славу великаго Своего угодника. Взорванный арсеналъ представлялъ картину совершеннаго ужаса; на великое около него пространство кирпичи и камни покрываютъ улицы, особенно Моховую и Неглинную. Между грудами камней торчатъ огромныя бревна, концами вверхъ; все это болѣе

чѣмъ на полвершка было покрыто сѣдою пылью. Боровицкая башня взорвана до самой подошвы, такъ что и слѣдовъ ея не осталось; Кремлевская стѣна отъ Москвы-рѣки также взорвана въ двухъ мѣстахъ, и отъ чрезмѣрной силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плитъ и желѣзная рѣшетка скинуты въ рѣку. Кремлевскій дворецъ и Грановитая Палата стояли обгорѣлые и представляли болѣзненную для сердца картину; а Иванъ Великій стоялъ, какъ сирота, лишенный подпоръ своихъ. Въ какомъ видѣ тогда остались и были Кремлевскіе соборы, я не видалъ; но разсказываютъ ужасы ужасовъ, отъ которыхъ сердце обливается кровью. Что же касается прочихъ храмовъ, то, кромѣ всеобщаго ихъ поруганія, самовидцы разсказываютъ такіе анекдоты, которые благоразуміе и благопристойность повелѣваютъ, со слезами горести, сокрыть въ глубинѣ сердца. Замоскворѣчье все было выжжено и кромѣ церквей представляло гладкое поле, покрытое пепломъ и развалинами. Воздухъ во всей Москвѣ былъ смраденъ и душенъ.

Все время народъ толпился еще только около Кремля, а по прочимъ мѣстамъ вездѣ было пусто, и было небезопасно вечеромъ и ночью. Страшныя и сопрѣлыя лица московскихъ жителей, проживавшихъ съ непріятелемъ въ Москвѣ, были еще разительнѣе отъ противоположности съ вновь пріѣхавшими изъ бѣгства гражданами Москвы, которые во время наступившей зимы помѣщались въ подвалахъ и погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара и разрушенія; дома отъ сильнаго жару большею частію были повреждены, а другіе и совсѣмъ разрушились.

М. Маракуевъ.

IX.

1812 годъ.

(Планъ драмы [1]).

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Боро-

[1]) Этотъ планъ драмы Грибоѣдова любопытенъ основной мыслью, въ которой отразились его личныя наблюденія и общественные взгляды. Среди современ-

динской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ—Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи,—если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный,—что бы онъ могъ произвести?

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Галлерея въ домѣ Познякова.

Входитъ офицеръ R., изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки

ной преувеличенной патріотической реторики, которая совершенно не затрагивала оборотной стороны событій 12-го года, Грибоѣдовъ едва ли не одинъ изъ русскихъ писателей подошелъ къ главному злу русской жизни того времени—тяжелому положенію крѣпостного крестьянства, которое послѣ жертвъ и подвиговъ Отечественной войны должно было снова вернуться „подъ палку“ своихъ господъ.

пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галлереи; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ.—R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязанія R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село, или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... самоубійство.

А. Грибоѣдовъ.

X.

Учитель изъ плѣнныхъ.

Францъ Иванычъ Лежень (Lejeune), мой сосѣдъ и орловскій помѣщикъ, не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ достигъ почетнаго званія русскаго дворянина. Родился онъ въ Орлеанѣ, отъ французскихъ родителей, и вмѣстѣ съ Наполеономъ отправился на завоеваніе Россіи, въ качествѣ барабанщика. Сначала все шло, какъ по маслу, и нашъ французъ вошелъ въ Москву съ поднятой головой. Но на воз-

вратномъ пути бѣдный m-r Lejeune, полузамерзшій и безъ барабана, попался въ руки смоленскимъ мужичкамъ. Смоленскіе мужички заперли его на ночь въ пустую сукновальню, а на другое утро привели къ проруби, возлѣ плотины, и начали просить барабанщика „de la grrrrande armée“ уважить ихъ т.-е. нырнуть подъ ледъ. M-r Lejeune не могъ согласиться на ихъ предложеніе и, въ свою очередь, началъ убѣждать смоленскихъ мужичковъ, на французскомъ діалектѣ, отпустить его въ Орлеанъ. „Тамъ, messieurs“,—говорилъ онъ,—„мать у меня живетъ, une tendre mère“. Но мужички, вѣроятно, по незнанію географическаго положенія города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествіе внизъ по теченію извилистой рѣчки Гнилотерки и уже стали поощрять его легкими толчками въ шейные и спинные позвонки, какъ вдругъ, къ неописуемой радости Леженя, раздался звукъ колокольчика, и на плотину въѣхали огромныя сани съ пестрѣвшимъ ковромъ на преувеличенно-возвышенномъ задкѣ, запряженныя парой саврасыхъ вятокъ. Въ саняхъ сидѣлъ толстый и румяный помѣщикъ въ волчьей шубѣ.

— Что вы тамъ такое дѣлаете? — спросилъ онъ мужиковъ.

— А французя топимъ, батюшка.

— А! — равнодушно возразилъ помѣщикъ и отвернулся.

— Monsieur! monsieur! — закричалъ бѣднякъ.

— А, а! съ укоризной заговорила волчья шуба: — съ двунадесятью языкъ на Россію шелъ, Москву сжегъ, окаянный, крестъ съ Ивана Великаго стащилъ, а теперь — мусье, мусье! а теперь и хвостъ поджалъ! По дѣламъ вору мука... Пошелъ, Филька-а!—Лошади тронулись.

— А, впрочемъ, стой! — прибавилъ помѣщикъ... Эй, ты, мусье, умѣешь ты музыкѣ?

— Sauvez moi, sauvez moi, mon bon monsieur!— твердилъ Леженъ.

— Вѣдь вишь народецъ! и по-русски то ни одинъ изъ нихъ не знаетъ! Мюзикъ, мюзикъ, савэ мюзикъ ву? савэ? Ну, говори-же! Компрэнэ? савэ мюзикъ ву? на фортепьяно жуэ савэ?

Лежень понялъ, наконецъ, чего добивается помѣщикъ, и утвердительно закивалъ головой.

— Oui, monsieur, oui, oui je suis musicien; je joue tous les instruments possibles! Oui, monsieur... Sauvez moi, monsieur!

— Ну, счастливъ твой Богъ, — возразилъ помѣщикъ... Ребята, отпустите его; вотъ вамъ двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Леженя посадили въ сани. Онъ задыхался отъ радости, плакалъ, дрожалъ, кланялся, благодарилъ помѣщика, кучера, мужиковъ. На немъ была одна зеленая фуфайка съ розовыми лентами, а морозъ трещалъ на славу. Помѣщикъ молча глянулъ на его посинѣвшіе и окоченѣлые члены, завернулъ несчастнаго въ свою шубу и привезъ его домой. Дворня сбѣжалась. Француза на-скоро отогрѣли, накормили и одѣли. Помѣщикъ повелъ его къ своимъ дочерямъ.

— Вотъ, дѣти, — сказалъ онъ имъ: — учитель вамъ сысканъ. Вы все приставали ко мнѣ: выучи-де насъ музыкѣ и французскому діалекту: вотъ вамъ и французъ, и на фортопьянахъ играетъ... Ну, мусье, — продолжалъ онъ, указывая на дрянныя фортопьянишки, купленныя имъ за пять лѣтъ у жида, который, впрочемъ, торговалъ одеколономъ: — покажи намъ свое искусство: жуэ!

Лежень съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ на стулъ: онъ отъ роду и не касался фортопьянъ.

— Жуэ-же, жуэ-же! — повторялъ помѣщикъ.

Съ отчаяніемъ ударилъ бѣднякъ по клавишамъ, словно по барабану, заигралъ, какъ попало... „Я такъ думалъ“, — разсказывалъ онъ потомъ, — „что мой спаситель схватитъ меня за воротъ и выброситъ вонъ изъ дому“. Но, къ крайнему изумленію невольнаго импровизатора, помѣщикъ, погодя немного, одобрительно потрепалъ его по плечу. „Хорошо, хорошо“,—промолвилъ онъ,—„вижу, что знаешь; погоди теперь, отдохни“.

Недѣли черезъ двѣ отъ этого помѣщика Лежень переѣхалъ къ другому, человѣку богатому и образованному, полюбился ему за веселый и кроткій нравъ, женился на его воспитанницѣ, поступилъ на службу, вышелъ въ дворяне, выдалъ свою дочь за орловскаго помѣщика Лобызаньева, отставного драгуна и стихотворца и переселился самъ на жительство въ Орелъ.

И. Тургеневъ.

XI.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито
И самъ императоръ въ плѣну!
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце
И старыя раны горятъ».
Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ,
И мнѣ умереть бы пора,
Но дома жена, малолѣтки—
У нихъ ни кола, ни двора.
Да что мнѣ! Просить Христа ради
Пущу и дѣтей, и жену;
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни-жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И саблей меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!»

Г. Гейне.

Два гренадера. (Коссака).

ЧАСТЬ III.

Послѣ Отечественной войны.

(1813-1816 гг.).

I.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1 января 1813 года.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый,
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь, дымяся, тлѣетъ,
И хладный, какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина.. И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь младой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой.

К. Батюшковъ.

II.

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой [1])
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,

---

[1]) Гробница Кутузова находится въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

А. Пушкинъ.

III.

Изъ итоговъ войны 1812 г.

Приблизился конецъ этого вѣчнопамятнаго года, и все, что въ продолженіе его я перечувствовалъ, имѣло сильное вліяніе на здоровье мое. Я впалъ въ нервную болѣзнь, довольно серьезную, и въ страданіяхъ встрѣтилъ 1813 годъ. Я здѣсь остановлюсь, чтобы бросить взглядъ на сію чудную эпоху въ нашей исторіи...

Какихъ союзниковъ имѣла Россія въ началѣ войны 1812 года, кромѣ Бога, безпредѣльной вѣры въ Его могущество и мужества ею внушеннаго? Она одна встрѣтила напоръ двадесяти языкъ, или, вѣрнѣе сказать, по крайней мѣрѣ десяти народовъ, изнемогала подъ ударами ихъ, но не пала; и ихъ же дружелюбно взявъ за руку, повела на предводительствовавшаго ими. Шести мѣсяцевъ было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переломъ въ судьбахъ цѣлаго міра. Шесть лѣтъ боролась Гишпанія съ нѣсколькими отрядами наполеоновскими, и едва успѣла не одолѣть Франціи, а только освободиться отъ ея ига, и то, благодаря быстротѣ бурнаго потока, какъ-будто на помощь ей съ сѣверовостока текущаго. Гдѣ же тутъ сходство?

Изъ неприступнаго острова своего, какъ съ высоты амфитеатра, смотрѣли англичане на гладіаторовъ, проливающихъ кровь свою будто для ихъ забавы и пользы и, рукоплеская русскимъ, хотѣли сравнить ихъ съ наемниками своими гишпанцами. Даже и тогда, какъ спасительная рать ея явилась посреди Европы, чтобы избавить ее отъ тягости вѣчной

войны, Россія сдѣлалась уже предметомъ зависти для западныхъ народовъ. Извинительно было неправдолюбивой и пристыженной Франціи приписывать неслыханный уронъ свой единственно суровости климата; но мнѣніе сіе, не раздѣляя его, старались также поддерживать англичане и нѣмцы.

Извѣстно, что горячая кровь полуденныхъ людей сильнѣе противится дѣйствію холода, чѣмъ медленнѣе обращающаяся кровь жителей сѣвера. Послѣднимъ сама природа дала защиту, звѣриныя кожи, въ которыя съ малолѣтства, такъ сказать, пеленаясь, они прячутся въ невыносимо-жаркихъ своихъ избахъ. Первые цѣлый вѣкъ любятъ жить на воздухѣ, который при всякой температурѣ, обхватывая весь составъ ихъ, пріучаетъ его къ перенесенію всякихъ непогодъ. Кто не видѣлъ французовъ въ однихъ фракахъ, съ руками въ карманахъ, весело пляшущихъ на морозѣ [1]), когда термометръ показываетъ десять или двѣнадцать градусовъ? Цигане, не погибая, въ кибиткахъ своихъ всю зиму кочуютъ у насъ на сѣверѣ. Отчего же русскіе, преслѣдуя французовъ, подобно имъ не падали какъ мухи? Оттого, что они были въ шапкахъ, въ шубахъ, даже въ лаптяхъ и не съ пустыми желудками; оттого что воины непобѣдимой арміи шли наги, босы и голодны. Въ такомъ состояніи должны бы они были гибнуть и среди лѣта. А кто привелъ ихъ къ нему? Прозорливый, терпѣливый нашъ Фабій, великій русскій вождь все расчелъ, все предугадалъ; умудрилъ его Господь, „насылая слѣпоту на того, кто мысленно дерзалъ уже почитать себя Ему равнымъ“. Съ самыхъ первыхъ шаговъ Наполеона въ Россіи замѣтны были въ немъ нетерпѣливость, самонадѣянность, опрометчивость; замѣтно было, что надежды не столько возлагаетъ онъ на геніальность свою, какъ на счастіе и на сплоченныя имъ массы, огромный запасъ людей. „Двадцать пять тысячъ человѣкъ могу я проживать ежемѣсячно“,—говорилъ онъ, и онъ промотался и бѣжалъ изъ Россіи, какъ должникъ отъ тюрьмы. Не столько храбрость и число солдатъ, сколько искусство полководцевъ даруетъ побѣды. Спрашивается: кто изъ двухъ показалъ тутъ

---

[1]) Подъ Прейсишъ-Эйлау, 27 Января, въ Пруссіи вѣрно было не теплѣе, чѣмъ осенью въ Бѣлоруссіи, а Французы, если и не побѣдили, то и побѣждены не были.

болѣе искусства? Ужъ конечно тотъ, кто съ меньшимъ числомъ войскъ предводительствовавшаго несмѣтными силами заставилъ обратиться въ бѣгство. Все еще толкуютъ о генералѣ-м о р о з ѣ, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе, чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ были въ началѣ октября, и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генералъ этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

Все въ этомъ году было необычайно, неожиданно, чудесно; изображеніе его, по мнѣнію моему, принадлежитъ эпопеѣ еще болѣе, чѣмъ исторіи. Запрятанный въ уголъ той огромной сцены, на которой разыгрывалась великая драма, какъ почти всѣ тогда, былъ и я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ въ ея движеніе, и изъ тогдашнихъ событій могъ собрать нѣкоторыя черты, достойныя вниманія читателя. Какой-же славный трудъ предстоитъ будущему творцу русской Иліады! Но гдѣ онъ? Родился ли онъ,—тотъ, который, соединяя въ себѣ одномъ геніи Карамзина и Пушкина, Тацита и Гомера, былъ бы въ состояніи достойнымъ образомъ начертать потомству величіе его предковъ? Сіи шесть мѣсяцевъ великому писателю едва ли не болѣе представляютъ матеріаловъ, чѣмъ десятилѣтіе Троянской войны. Для кисти его сколько красивыхъ, мужественныхъ лицъ, коимъ въ стихахъ тогда же сдѣланъ былъ обрисъ! И почти у всѣхъ русскія названія: Платовъ и Милорадовичъ, Раевскій и Дохтуровъ, и молодой еще тогда, храбрый Воронцовъ, богатый золотомъ и доблестями, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочелъ забавамъ и пышности двора,— нѣжный, попечительный отецъ для подчиненныхъ, товарищъ, братъ, другъ соратствующимъ. И ты предстанешь тутъ, близнецъ его во славѣ, менѣе его счастливый, но гораздо болѣе чтимый, чудный Ермоловъ, чье имя, священное для русскихъ, почти въ первый разъ тогда имъ прогремѣло. Какъ бы нарочно, во станъ христолюбиваго воинства Провидѣніе послало юношу достойнаго воспѣть его подвиги, чистаго душой и тѣломъ, восторженнаго Жуковскаго. Цари тутъ также сражались подъ знаменами Царя царей, передъ кото-

рымъ Агамемнонъ можетъ казаться Терситомъ. Только изъ пепла нашей Трои возникла гибель новымъ Грекамъ, ибо на нашей сторонѣ былъ опытный, мудрый Несторъ, съ хитростью Улисса и отважностью Ахилла. Неимовѣрное, почти тоже, что баснословное, — его тутъ было вдоволь; и какъ иначе назвать внезапную казнь гордынѣ и спасеніе погибающимъ, съ высоты могущества паденіе исполина, и изъ пучины золъ быстрое вознесеніе народа? У насъ боги, съ человѣческими страстями, непристойнымъ образомъ не мѣшались въ дѣла смертныхъ; за то вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего-то невидимаго и всесильнаго. Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли, и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его.

Ф. Вигель.

IV.

Паденіе кипариса.

Между тѣмъ, какъ мы переѣзжали изъ одного мѣстечка въ другое, останавливаясь въ иномъ одинъ, въ иномъ два дни и болѣе, передовыя войска наши выгоняли французовъ и союзниковъ ихъ изъ польскихъ и прусскихъ городовъ и крѣпостей... Въ промежуткахъ сихъ короткихъ переѣздовъ, имѣя довольно свободнаго времени, занимался я чтеніемъ священныхъ книгъ, и, находя въ нихъ разныя описанія и выраженія, весьма сходныя съ нынѣшнею нашею войною, сталъ я, не перемѣняя и не прибавляя къ нимъ ни слова, только выписывать и сближать ихъ одно съ другимъ. Изъ сего вышло полное, и какъ бы точно о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ сдѣланное повѣствованіе. Для любопытнаго читателя я здѣсь оное прилагаю [1]):

Вшествіе врага въ царство и гордый помыслъ его.
Разореніе Іерусалима.
Молитва Царева.
Гласъ съ небеси.
Воззваніе Царя къ народу.

---

[1]) Мы помѣщаемъ цѣликомъ только одну часть („Паденіе Кипариса“), оставивъ заглавія остальныхъ, чтобы показать общій строй размышленій Шишкова.

Паденіе кипариса.

„ Се кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отрасльми, и высокъ величествомъ, и частъ покровомъ, и средѣ облакъ бысть власть его. Вода воспита его, бездна вознесе его, рѣки приведе окрестъ кореній своихъ, и составы своя испусти во вся древеса полевая. Сего ради вознесеся величество его паче древесъ польныхъ, разширишася вѣтвія его, и вознесошася отрасли его отъ воды многи, егда протяжеся. Сосны не подобны отраслямъ его, и еліе не бысть подобно вѣтвіямъ его; во отрасляхъ его возгнѣздишася вся птицы небесныя, и подъ вѣтвями его раждахуся вси звѣріе польніи. Подъ сѣнію его вселися все множество языковъ. И возгордеся величествомъ своимъ, и вознесеся сердце его, и далъ власть свою въ средину облакъ.—Тогда прогнѣвася на него Богъ, и преда его въ руцѣ Князя, и сотвори ему пагубу, по нечестію его, и погнаша, и потребиша его, и повергоша на горахъ, и во всѣхъ дебрѣхъ падоша вѣтви его, и сотрошася отрасли его на всякомъ полѣ, и снидоша отъ покрова его вси людіе языковъ, и разориша его. Въ паденіи его почиша вся птицы небесныя, и на стебліяхъ быша вси звѣри сельніи, яко да не возносятся величествомъ своимъ вся древеса, яже въ водѣ, и не дадятъ власти своея средѣ облакъ. Плакася о немъ бездна, и померче о немъ Ливанъ. Отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его древеса, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча, и живущіи подъ покровомъ его среди жизни своей погибоша. Таково возліяся на него бездна, и покры его вода многа, яко пустыню вѣчную: да не населится, ниже возстанетъ; да взыщется, и не обрящется во вѣкъ“.

Сблизивъ такимъ образомъ сіи тексты, выбранные изъ разныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, находилъ я ихъ толь ясно и подробно описующими всѣ происходившія съ нами приключенія, что бывши послѣ съ докладами у Государя, попросилъ я позволенія прочитать ему сіи сдѣланныя мною выписки. Онъ согласился, и я прочиталъ ихъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба съ нимъ въ умиленіи сердца довольно поплакали.

А. Шишковъ.

V.

Событія 1813 и 1814 гг.

Послѣ перехода нѣмецкой границы, русская армія была такъ малочисленна, что во время перваго смотра императоромъ въ присутствіи прусскаго короля въ Калишѣ въ ней было немного болѣе 15,000 человѣкъ, остальная часть оставалась позади. Впрочемъ, измѣнилось и положеніе вещей: пока русскіе сражались на своей территоріи, они были одни, теперь же къ нимъ присоединились войска ихъ могущественныхъ союзниковъ. Первая явилась Пруссія; невольные союзники Наполеона, пруссаки, только радовались успѣхамъ Россіи. Ихъ симпатія открыто выразилась уже въ прусскомъ военномъ корпусѣ, начавшемъ кампанію съ французами подъ начальствомъ генерала Іорка. При этомъ Фридрихъ-Вильгельмъ вовсе не зналъ распоряженій этого генерала совмѣстно съ Дибичемъ, начальникомъ главнаго штаба у Витгенштейна; онъ сохранилъ даже навсегда злобу къ генералу Іорку за ту независимость, съ которой велъ себя тотъ въ этомъ дѣлѣ: короли прежде всего любятъ послушаніе.

Первое воззваніе къ пруссакамъ вышло также безъ участія короля. Иниціативу взялъ на себя баронъ Штейнъ, и голосъ его нашелъ себѣ откликъ въ сердцахъ нѣмцевъ. Не обращая вниманія на настроеніе короля, пруссаки готовились къ сраженію, и скоро неудержимое рвеніе, вызванное чувствомъ мести и патріотизма, овладѣло всѣми безъ различія: возстали всѣ, и народы, и короли. Не всѣ ли они были одинаково угнетены и не для общаго ли освобожденія они взялись за оружіе? Нѣмецкіе монархи не давали уже больше своимъ подданнымъ лживыхъ обѣщаній; воздерживаясь отъ нихъ, они по крайней мѣрѣ избѣгали позора клятвопреступленія...

Судя по извѣстному мнѣ въ то время о событіяхъ, Александръ долженъ былъ преодолѣвать массу препятствій. Командующимъ союзной арміи былъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, и императору потребовалось много такта и ловкости, чтобы заставить его дѣйствовать по своему желанію, а не по желанію вѣнскаго кабинета. Блюхеръ, со своей арміей изъ русскихъ и прусскихъ войскъ,

подвергаясь опасности и терпя пораженіе, неуклонно шелъ впередъ, этимъ заставляя подвигаться и Шварценберга. Онъ же, желая показать, что все идетъ по его приказанію, или по другимъ соображеніямъ, всячески показывалъ, что ему ничего неизвѣстно о нахожденіи по сосѣдству съ нимъ императора Александра, который и былъ истиннымъ виновникомъ всѣхъ событій. Однако онъ самъ не могъ отдавать приказанія, а долженъ былъ торговаться въ полномъ смыслѣ этого слова. Иногда онъ вставалъ по ночамъ и, въ сопровожденіи своего адъютанта, съ фонаремъ въ рукахъ, шелъ переговорить съ Шварценбергомъ, находилъ его въ постели и, не поднимая его, садился самъ на стулъ и такъ разговаривалъ. Подобными визитами Александръ удостоивалъ и генерала Лангенау.

Узнавъ о движеніи Наполеона къ С. Дизье, Александръ ночью же передалъ Шварценбергу свое рѣшеніе итти на Парижъ. Пораженный этимъ, австрійскій генералъ возсталъ противъ желанія императора, но послѣдній заявилъ, что онъ пойдетъ одинъ со своими войсками, если фельдмаршалъ не согласится съ нимъ. Послѣдній—невольно уступилъ, и союзныя войска направились къ столицѣ Франціи. Безъ сомнѣнія, любовь всей Европы и слава, окружавшая имя царя, въ это время придавали особый авторитетъ его рѣшеніямъ, но нельзя поручиться, что онъ такъ же выполнилъ бы свою задачу, если бы дѣйствовалъ, подчиняясь правиламъ этикета.

Прусскій король помогалъ Александру съ полной готовностью, хотя не всегда раздѣлялъ взглядовъ послѣдняго и иногда не одобрялъ поведенія фельдмаршала Блюхера. Говорятъ даже, что во время переговоровъ въ Шатильонѣ онъ горячо оспаривалъ императора, настаивавшаго на продолженіи войны, но тотчасъ же добавилъ, что Александръ можетъ дѣлать для славы оружія, какъ найдетъ нужнымъ, и что всѣ прусскія войска вполнѣ находятся въ его распоряженіи. Блюхеръ и Гнейзенау, дѣйствовавшіе въ духѣ Александра, не боялись прогнѣвить своего государя, увѣренные, что ихъ поддержитъ и защититъ русскій императоръ.

По вступленіи союзниковъ во Францію стали подумывать о низложеніи Наполеона. Трудно сказать, поднимался ли

этотъ вопросъ до перехода черезъ Рейнъ, хотя, конечно, эмигранты всегда агитировали въ пользу Бурбоновъ...

Что касается монарховъ, то только одинъ Александръ серьезно и сильно желалъ низложенія Наполеона.

Во время переговоровъ въ Шатильонѣ всѣ союзныя державы, исключая Англіи, сильно склонялись къ заключенію мирнаго договора, и только Александръ не хотѣлъ и слышать о мирѣ, несмотря на всѣ совѣты окружающихъ...

Одно незначительное обстоятельство косвенно послужило въ пользу Бурбонамъ, именно—увѣренность населенія провинцій, занятыхъ союзными войсками, что монархи желаютъ ихъ возстановить. Дѣло въ томъ, что въ началѣ войны главная квартира союзниковъ представляла большое разнообразіе костюмовъ и формъ; случалось даже, что во время стычекъ, особенно подъ Лейпцигомъ, казаки принимали нѣкоторыхъ офицеровъ союзной арміи за враговъ и ранили ихъ копьями. Во избѣжаніе подобныхъ непріятностей Александръ приказалъ своимъ войскамъ носить на правой рукѣ бѣлую повязку, чему послѣдовали и другіе союзники. Очень вѣроятно, что французы видѣли въ этомъ знакъ расположенія къ Бурбонамъ.

Послѣ ихъ реставраціи ходило много толковъ о причинахъ, способствовавшихъ этому событію, и при всемъ своемъ различіи они были близки къ истинѣ. Такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что Александръ, вступая въ Парижъ, избѣгалъ брать на себя иниціативу, а хотѣлъ, чтобы французы дѣлали хоть видъ, что сами вспомнили о внукахъ Людовика XV; онъ позволялъ Талейранамъ, Прадтамъ, Дальбергамъ давать себѣ совѣты, которыми потомъ они такъ гордились, но достовѣрно, что реставрація имъ была рѣшена еще задолго до занятія Парижа...

Людовикъ XVIII, при видѣ Франціи сказалъ, что послѣ Бога тономъ предковъ онъ больше всего обязанъ принцу регенту. Однако при всемъ интересѣ англійскаго министра къ направленію тогдашней политики, онъ никогда особенно не настаивалъ ни на низложеніи Наполеона, ни на реставраціи Бурбоновъ. Все сказанное по этому поводу въ парламентѣ и въ печати не оправдываетъ словъ Людовика XVIII. Скорѣе

поэтому можно было сказать, что послѣ Бога Людовикъ больше всего былъ обязанъ Александру, которому помогали Штейнъ и Потцо, но самолюбіе мѣшало Людовику признаться въ этомъ; возможно, что онъ считалъ это чувствомъ собственнаго достоинства, изъ-за котораго однажды онъ не пропустилъ Александра впередъ къ столу, а въ другой разъ сѣлъ самъ на кресло, а Александру предложилъ только стулъ, но съ такимъ человѣкомъ, какъ императоръ, онъ могъ бы обойтись и безъ подобныхъ выходокъ. Лагарпъ, часто видѣвшійся въ императоромъ, находилъ въ поступкѣ Людовика недостатокъ уваженія: „Я васъ предупреждалъ,—говорилъ онъ,—что эти Бурбоны всегда были такими“.—„Это меня удивляетъ болѣе всего,—съ улыбкой отвѣчалъ императоръ,—но я стою гораздо выше подобныхъ мелочей“. Впрочемъ, я нисколько не желаю ставить Александру въ заслугу возстановленіе Бурбоновъ. Если сражаться и побѣдить могущественнаго врага—великій и прекрасный поступокъ, то, конечно, нельзя считать таковымъ желаніе навязать народу, безъ крайней необходимости, какое-нибудь правленіе и династію. Надо, однако, согласиться, что послѣ прокламаціи Александра, въ которой онъ объявлялъ, что союзныя державы не будутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его семейства, не оставалось ничего, какъ призвать братьевъ Людовика XVI. Страной, наводненной войсками послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, управлять могли только одни Бурбоны.

Стратеги расходятся во мнѣніяхъ относительно рѣшающаго момента кампаніи 1814 года. Судя по ходу событій, таковымъ можно считать походъ императора Наполеона къ С. Дизіе, когда онъ хотѣлъ, обойдя союзныя арміи, приблизиться къ крѣпости; онъ-то по всей вѣроятности и рѣшилъ участь Франціи и всей Европы. Удаляясь изъ столицы, Наполеонъ открылъ ее для враговъ и было совсѣмъ нелогично предполагать, что они предпочтутъ преслѣдовать его, а не пойдутъ къ Парижу. Штейнъ очень скоро понялъ всю важность этого предположенія, считая его очень хорошимъ предзнаменованіемъ, и радость, которую онъ выражалъ по этому поводу, лишній разъ доказываетъ справедливость и мѣткость взглядовъ этого необыкновеннаго человѣка...

Этотъ огромный городъ имѣлъ очень странный видъ. Съ оружіемъ въ рукахъ враги входили въ столицу страны, и масса народа привѣтствовала ихъ, какъ освободителей. И это было въ то время, когда слава французскаго имени наполняла весь міръ! Правда, обстоятельства если и не совсѣмъ оправдывали помѣшательство французовъ, то многое въ немъ объясняли. Во-первыхъ—всѣ слишкомъ устали воевать, а во-вторыхъ—побѣдители всячески старались заставить забыть о своей побѣдѣ. Императоръ Александръ проявилъ въ эту минуту истинное благородство, и едва ли въ исторіи мы найдемъ другой примѣръ столь великодушнаго побѣдителя и столь честнаго человѣка.

Онъ болѣе всего возбуждалъ энтузіазмъ парижанъ, другихъ же государей они почти не замѣчали. При видѣ его всѣ кричали: „Да здравствуетъ императоръ!“ Однажды при этихъ крикахъ въ оперѣ Александръ отвѣтить на привѣтствія заставилъ показаться императора Франца, но публика, чтобы не могло больше произойти ошибки, начала кричать: „Да здравствуетъ императоръ Александръ!“ Часто при всеобщемъ увлеченіи я съ удовольствіемъ слушалъ эти крики, но зато иногда они угнетали меня. Такъ, напримѣръ, мнѣ, съ моими Геттингенскими воспоминаніями, при благоговѣніи къ истиннымъ ученымъ, апостоламъ цивилизаціи, было мучительно присутствовать въ одномъ засѣданіи ученаго общества (французскаго института) при чествованіи Александра. Я полагаю, что талантъ литератора не можетъ служить восхваленію побѣдителя, и что было бы гораздо лучше избѣжать этой профанаціи въ храмѣ Музъ.

Однако общественное мнѣніе, которое, повидимому, выяснилось по отношенію къ Бурбонамъ, настойчиво требовало свободнаго представительнаго учрежденія. Каждый день появлялись брошюры съ этими требованіями, и Франція получила Хартію лишь потому, что ей не могли въ этомъ отказать. Такъ изъ полнаго безпорядка французы сумѣли извлечь для себя политическій порядокъ, который, если и не былъ для нихъ достаточнымъ возмѣщеніемъ, то все же былъ драгоцѣннымъ завоеваніемъ для человѣческаго рода и цивилизаціи. Они просили и получили представительное правленіе, гарантировавшее имъ права и независимость, конституцію,

которую они сумѣли сохранить и затѣмъ усовершенствовать, тогда какъ тріумфаторы отправились по домамъ, чтобы покорно надѣть на себя привычное ярмо.

Вѣроятно, въ силу пословицы: „одолжаютъ только богатымъ“—многіе приписываютъ Талейрану дарованіе Франціи новой конституціи, но я спрашиваю, удалось ли бы ему провозгласить Хартію, если бы общественное мнѣніе отнеслось къ ней равнодушно, а императоръ Александръ въ 1814 году держался бы тѣхъ же взглядовъ, какъ 10 лѣтъ спустя?...

Въ 1814 году Александръ покинулъ Парижъ и желалъ посѣтить Англію. Онъ хотѣлъ, чтобы его сопровождала гвардія, удивительной выправкой которой онъ думалъ поразить англичанъ; онъ не предполагалъ, что для восхищенія свободнаго народа нужны не дисциплинированные солдаты, а нѣчто другое. Его совѣтники не умѣли или не осмѣливались показать всю неумѣстность фантазіи продѣлать въ Великобританіи процедуру военнаго смотра. А когда объ этомъ сдѣлали запросъ англійскому министерству, то лордъ Кастлери отвѣтилъ, хотя въ самыхъ умѣренныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ, что онъ не можетъ разрѣшить высадки на англійской почвѣ никакой вооруженной силы безъ парламентскаго билля.

Имѣй совѣтники Александра побольше мужества, они могли бы избавить его отъ этой смѣшной роли.

Н. Тургеневъ.

VI.

Изъ итоговъ заграничныхъ походовъ.

1.

Послѣ великихъ событій 1815 года и тогдашняго трактата Парижскаго, столь различнаго, и по началу и по послѣдствіямъ, съ трактатомъ, заключеннымъ послѣ Крымской войны, пришлось всѣмъ, какъ царямъ [1]), такъ и всей числен-

---

[1]) Ночью на 2-ое (14-е) декабря Государь возвратился въ Петербургъ; наканунѣ этого дня изъ-за границы прибыла Императрица Елизавета Алексѣевна.

Но Петербургъ уже не увидѣлъ прежняго Александра; по свидѣтельству современниковъ, онъ казался скученъ и даже сердитъ. Никакими восторгами столица не встрѣтила его; казалось, Россія какъ бы сознавала, что наступало время тихое, но сумрачное.

ности служебной, воротиться во-свояси; тотъ же исходъ предстоялъ и мнѣ.

Не могу дать себѣ отчета, почему я не исполнилъ своего прежняго намѣренія исколесить всѣ части свѣта и рѣшился возвратиться въ Россію на служебное поприще.

Не буду говорить о безцвѣтномъ моемъ бытѣ въ общественномъ отношеніи, о жизни вахтъ-парадной, выходахъ и даже о частной жизни, просто скучной, тягостной. Зародышъ сознанія обязанностей гражданина сильно уже началъ выказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими.

Мое пребываніе въ Петербургѣ было кратковременно и безцвѣтно для меня по новымъ моимъ убѣжденіямъ; вскорѣ я былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, и отправился въ Новоградъ Волынскій, гдѣ были дивизіонная и моя бригадная квартиры. Поневолѣ надо было заняться дѣломъ служебнымъ, но и въ этомъ дѣлѣ старался я ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: былъ учтивъ съ господами офицерами и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее довѣріе ихъ и любовь, чего можно достичь и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой, грубой и палочной системы.

Кн. С. Волконскій.

2.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ попрежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы

вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По Рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: „Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!“ Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде Витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13-мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставивъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать

И. Якушкинъ.

во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.

Изъ Франціи, въ 14-мъ году, мы возвратились моремъ въ Россію. 1-я гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество.

Въ 14-мъ году существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, восхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ. Въ 15-мъ году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и вторгся во Францію, гвардіи былъ объявленъ походъ, и мы ему обрадовались, какъ неожиданному счастію. Походъ этотъ отъ Петербурга до Вильны и обратно былъ для гвардіи прогулкой. Въ томъ же году мы возвратились въ Петербургъ. Въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происше-

ствіями въ Европѣ,—такое времяпрепровожденіе было рѣшительно нововведеніемъ. Въ 11-мъ году, когда я вступилъ въ Семеновскій полкъ, офицеры, сходившись между собою, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ друга, или пили и кутили напропалую. Полковой командиръ Семеновскаго полка генералъ Потемкинъ покровительствовалъ нашу артель и иногда обѣдалъ съ нами; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ Александръ приказалъ Потемкину прекратить артель въ Семеновскомъ полку, сказавъ, что такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся. Императора однако же все еще любили, помня, какъ онъ былъ прекрасенъ въ 13 и 14 годахъ, и потому ожидали его въ 15-мъ съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, появился флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и въ тотъ же день велѣно всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ быть на выходѣ. Всѣхъ удивило, что при этомъ не было всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ: они пріѣзжали, но ихъ не пустили во дворецъ. Полковникъ Таубе донесъ государю, что офицеры его бригады въ сношеніи съ нимъ позволили себѣ дерзость. Таубе былъ ненавидимъ и офицерами и солдатами; но вслѣдствіе его доноса два князя Горчакова (главнокомандующій на Дунаѣ и бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири) и еще пять отличныхъ офицеровъ были высланы въ армію. Происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всю армію. До слуха всѣхъ безпрестанно доходили изреченія императора Александра, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, при смотрѣ при Вертю, во Франціи, на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, императоръ Александръ во всеуслышаніе отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ онъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ гр. Ожеровскій, родственникъ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, возвратившись однажды изъ дворца, разсказалъ имъ, что императоръ, говоря объ русскихъ вообще, сказалъ, что каждый изъ нихъ или плутъ или дуракъ, и т. д.

По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяцъ отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ графу Аракчееву. Дума его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у раз-

вода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

Служба въ гвардіи стала для меня несносной. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-й егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которымъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторгой; повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частью состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

И. Якушкинъ.

3.

Начало царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло; купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились, чему хотѣли; всѣ говорили, что думали, и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ несчастію, обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились безъ исполненія. Неудачная война 1807 года и другія многостоящія разстроили финансы; но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ, Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то народъ русскій впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ

начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: „свобода, освобожденіе!“ Само разсѣевало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона, и кликъ русскаго монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домы, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. „Мы проливали кровь,—говорили они,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа“. Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что государь императоръ дастъ конституцію, какъ онъ то упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытки нѣкоторыхъ генераловъ освободить рабовъ своихъ еще ласкали многихъ. Но съ 1817 года все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно, и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: „Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? Для того ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?“ Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать, въ безнадежности, о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ропотъ народа, отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей происшедшій, грозилъ кровавою революціею, то общества вознамѣрились отвратить меньшимъ зломъ большее и начать свои дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ.

А. Бестужевъ.

4.

Я возвратился въ Россію въ концѣ 1816 года. Толчекъ, данный умамъ только что совершившимися событіями, или скорѣе волненіе, произведенное ими, были очевидны. Со

времени возвращенія русскихъ войскъ либеральныя идеи усиленно распространялись въ Россіи. Кромѣ регулярныхъ войскъ, за границей была и масса ратниковъ изъ различныхъ слоевъ общества; по переходѣ границы они распускались по домамъ и тамъ разсказывали видѣнное въ Европѣ; но сами событія дѣйствовали сильнѣе разсказовъ и были лучшей пропагандой. Это новое настроеніе умовъ проявилось главнымъ образомъ въ мѣстахъ сосредоточенія военныхъ силъ, и прежде всего въ Петербургѣ,—центрѣ событій, имѣвшемъ громадный гарнизонъ отборныхъ войскъ.

Въ деспотической странѣ, какъ Россія, гдѣ пресса задушена цензурой, судить объ общественномъ мнѣніи можно только изъ разговоровъ, знаніи фактовъ или изъ рукописной литературы, которая была распространена во Франціи до 1789 года въ формѣ новеллъ и пѣсенъ. Эта подпольная литература, замѣчательная по силѣ эпиграммъ и высотѣ политическаго вдохновенія, показывала господствующее направленіе умовъ въ Россіи. Эти небольшія произведенія, неизвѣстныя до тѣхъ поръ, вѣрно опредѣляютъ дни своего появленія, какъ эпоху, полную надеждъ, здороваго смысла и размышленія. Легальная пресса также примкнула къ этому умственному движенію; въ ея серьезныхъ сочиненіяхъ разсматривались недоступные до сихъ поръ для публики предметы. Періодическая печать сильно интересовалась происходившимъ за границей и особенно во Франціи, гдѣ пытались создать новыя учрежденія, такъ что имена ея знаменитыхъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и въ своемъ отечествѣ, и даже русскіе военные, позабывъ павшаго военнаго генія, вполнѣ освоились съ именами Бенжамена Констана и другихъ ораторовъ и писателей, руководившихъ тогда политическимъ воспитаніемъ европейскаго континента.

Люди, не бывшіе нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, по возвращеніи чрезвычайно удивлялись перемѣнамъ, происшедшимъ въ образѣ жизни, разговорахъ и дѣйствіяхъ молодежи этой столицы: казалось, она проснулась для того, чтобы зажить новой жизнью, чтобы воспринять въ себя все благородное и чистое изъ нравственной и политической области; свободой и смѣлостью своихъ выраженій привлекали вни-

маніе главнымъ образомъ гвардейскіе офицеры, мало заботившіеся о томъ, говорятъ ли они въ общественномъ мѣстѣ, или въ салонѣ—передъ своими единомышленниками, или передъ врагами. О шпіонствѣ, которое въ то время было незначительно и почти незнакомо, никто и не думалъ. Правительство не шло въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, напротивъ, оно показывало, что ея симпатіи на сторонѣ здравомыслящей и просвѣщенной части населенія, доказательствомъ чему служитъ поведеніе Александра, который на открытіи сейма въ Варшавѣ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ высказалъ, что у него было намѣреніе даровать представительныя учрежденія также и Россіи.

Н. Тургеневъ.

VII.

Заграничныя впечатлѣнія и русская дѣйствительность.

Духъ свободы, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣйствующія за одно правительства старались всячески унести, повѣялъ и на самодержавную Россію. Молодое ея поколѣніе, которое вступило на гражданское поприще въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра, воспитанное подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ началъ, имъ провозглашаемыхъ, вполнѣ сознавало, какъ далеко Россія отстала отъ Европы въ истинной цивилизаціи, но любя и уважая Александра, она спокойно ожидала отъ него благодѣтельнаго преобразованія, готовясь усердно ему содѣйствовать.

Двѣ неудачныя войны съ Наполеономъ и третья, угрожавшая въ 1812 году независимости Россіи, заставили (молодыхъ) русскихъ патріотовъ исключительно посвятить себя военному званію на защиту отечества. Дворянство, патріотически сочувствуя упадку нашей военной славы въ войнахъ съ Франціею 1805 и 1807 гг. и предвидя скорый разрывъ съ нею, спѣшило вступить въ ряды войска, готоваго встрѣтить Наполеона. Всѣ порядочные и образованные молодые люди (дворяне), презирая гражданскую службу, шли въ одну военную; молодые тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники съ радостію переходили въ армію подполковниками и маіо-

рами передъ 1812 годомъ. Чрезвычайныя событія этого года, славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ,—послѣдовавшія за тѣмъ кампаніи 1813 и 1814 гг. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное (и славное) участіе,—все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

Въ продолженіе двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностію.

М. Фонъ-Визинъ.

Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратилась въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ, — рабство огромнаго (безправнаго) большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendbund), который такъ благотворно приготовилъ возстаніе Пруссіи и содѣйствовалъ ея освобожденію, и съ фран-

цузскими либералами. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ними, наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ.

Возвратясь въ Петербургъ, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнію и скучными мелочными занятіями и подробностями строевой службы, которыя отъ нихъ требовали строго начальники, угождая тѣмъ врожденной склонности Александра и братьевъ къ фрунтоманіи, солдатской вытяжкѣ, одиночному ученію и проч., несмотря на то, что опыты двухлѣтней жестокой войны съ непріятелемъ самымъ искуснымъ могли бы, кажется, убѣдить Александра, что не отъ этихъ мелочей зависитъ побѣда. Притомъ русскихъ оскорбляло явное предпочтеніе, оказываемое императоромъ всѣмъ вообще иностранцамъ передъ его подданными, къ которымъ онъ и не скрывалъ своего неуваженія: присоединенной Польшѣ онъ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною.

Пока осмысленные русскіе патріоты могли еще ожидать отъ самаго Александра благодѣтельныхъ преобразованій, которыя, ограничивъ его самовластіе, сколько-нибудь улучшили бы состояніе народа, они готовы были усердно содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ, но когда они убѣдились въ совершенномъ измѣненіи его прежняго свободолюбиваго образа мыслей послѣ войны, по вредному вліянію на него Меттерниха, когда узнали о политическихъ дѣйствіяхъ его на конгрессахъ Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Лейбахскомъ, Веронскомъ, на которыхъ Александръ со своими союзниками обнаружилъ непріязненное чувство къ свободѣ народовъ, то самые восторженные почитатели его въ блистательную эпоху занятія Парижа совершенно охладѣли къ нему. Но по окончаніи войны ничто столько не возбуждало негодованія общественнаго мнѣнія противъ Александра, не однихъ либераловъ, а цѣлой Россіи, какъ насильственное учрежденіе военныхъ поселеній. Кто первый внушилъ императору эту несчастную мысль, неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе, что, желая первенствовать въ Европѣ, онъ самъ придумалъ ее для того, чтобы сколько возможно болѣе умножить свои военныя силы

съ меньшими издержками для казны. Въ придуманномъ имъ планѣ военной колонизаціи, волости цѣлыхъ уѣздовъ изъ государственныхъ крестьянъ поступали въ военное вѣдомство. Всѣ обыватели этихъ волостей, въ которыя водворялись пѣхотные и конные полки, дѣлались солдатами: ихъ распредѣляли по ротамъ, баталіонамъ и эскадронамъ, которые должны были составлять резервы своихъ полковъ. Насильственно подвергали несчастныхъ поселянъ строгой военной дисциплинѣ, обучали военному строю, и они должны были отправлять военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься сельскими полевыми работами, подъ надзоромъ военныхъ начальниковъ для продовольствія своего и полковъ, въ ихъ волостяхъ водворенныхъ.

Изъ всѣхъ дѣйствій императора Александра послѣ измѣненія его образа мыслей, учрежденіе военныхъ поселеній было самое деспотическое и ненавистное. Введеніе этой тиранической мѣры въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожая благосостояніе поступившихъ въ военные поселяне государственныхъ крестьянъ, встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны ихъ: волости, даже цѣлые уѣзды, обращаемые насильственно въ военныхъ поселянъ, возмутились. Противодѣйствіе ихъ было подавляемо войсками, какъ бунтъ; военныхъ поселянъ усмиряли картечью и ружейными выстрѣлами. Кровь лилась, какъ въ сраженіяхъ, и, послѣ усмиренія, военные суды приговорили многія тысячи несчастныхъ жертвъ къ наказанію сквозь строй и къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу и на поселеніе. Нѣкоторые военные начальники изъ подлаго желанія выслужиться позволяли себѣ жестокія истязанія при розыскахъ для открытія виновниковъ и главныхъ зачинщиковъ возмущенія.

Учрежденіе военныхъ поселеній, на которыя издержаны были многіе милліоны безъ всякой пользы, было предметомъ всеобщаго неодобренія. Даже лица, на которыя Александръ возложилъ приведеніе въ исполненіе этой мѣры, при всякомъ случаѣ увѣряли, что они дѣйствуютъ противъ собственнаго убѣжденія и только въ угодность государю. Главный начальникъ поселеній, генералъ графъ Аракчеевъ,— ненавистный цѣлой Россіи за злобный и свирѣпый нравъ, но любимый

Александромъ, какъ рабъ преданный, готовый отдать душу, чтобы угодить ему,—и Аракчеевъ говаривалъ, что военныя поселенія выдуманы не имъ, что онъ самъ, не одобряя этой мѣры, приводитъ ее въ исполненіе, какъ священную для него волю государя и благодѣтеля своего. Только нашелся праводушный нѣмецъ, который смѣло высказалъ Александру свое неодобреніе военныхъ поселеній (и всѣ пагубныя послѣдствія этой мѣры). Это былъ генералъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли. (Военныя поселенія нанесли послѣдній ударъ популярности Александра).

Гр. А. А. Аракчеевъ.

Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба съ страстью учились и читали преимущественно сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи, весьма естественно, что занимавшіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и была главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи и Германіи, завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество у насъ, съ цѣлью ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816 года эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество съ цѣлію, съ ка-

кою всѣ подобныя общества учреждаются. Сначала они ограничились распространеніемъ такъ-называемыхъ либеральныхъ идей и принятіемъ новыхъ членовъ. Обстоятельства въ первое время благопріятствовали учредителямъ: никогда въ Россіи не бывало такой свободы въ выраженіи своихъ мнѣній, какъ при Александрѣ и особенно послѣ французской войны. Этою свободою пользовались члены тайнаго общества и, явно высказывая свои политическія убѣжденія, нерѣдко заставляли молчать (самыхъ) горячихъ абсолютистовъ очевидностью тѣхъ истинъ, которыя они провозглашали. Надобно отдать справедливость Александру, что хотя, по доносамъ тайной полиціи, ему извѣстны были поборники новыхъ идей, но онъ не преслѣдовалъ ихъ за мнѣнія, которыми они успѣвали пріобрѣтать новыхъ союзниковъ изъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетѣ или лицеѣ, и литераторовъ.

М. Фонъ-Визинъ.

VIII.

Изъ манифеста Александра I [1]).

Кто человѣкъ, или кто люди могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій? Ему, ему единому слава. Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, утучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отрастившее черныя крылья свои, дабы, летая по свѣту, стрясать съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на землю. Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному, да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да постраждетъ и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей. Но положивый тако въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣвающійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ на него взоръ прещенія; тогда власть его мгновенно преходитъ, сила разрушается, очарованіе исчезаетъ, и

---

[1]) Изъ манифеста мы удерживаемъ лишь заключительную его часть, особенно ярко обнаруживающую мистическій взглядъ государя на только-что пережитыя событія Отечественной войны и заграничныхъ походовъ.

оно, повсюду гонимое, растерзанное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло, и отколѣ толь высоко вознесло ядовитую свою главу.

Таковъ былъ конецъ лютой, долговременной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія; престала литься кровь; потухли пожары градовъ и Царствъ. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную. Глава и предводитель сей ужасной войны, Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищеннаго имъ престола, предается въ руки своихъ противуборниковъ. Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику изречь достойное осужденіе: не наказанный рукой смертнаго, да предстанетъ онъ на страшномъ Судѣ, всемірною кровію обліянный, предъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ державъ предложили онѣ безъ всякой мести дружелюбную руку французскому народу, дали въ удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдашняго пребыванія его, островъ Эльбу, и приступили къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ толикими войнами и насильствами европейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ какъ съ одной стороны благонамѣреніе пеклось о возстановленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой злонамѣреніе не преставало помышлять о разрушеніи оныхъ.—Духъ злочестія и гордости не знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ умысловъ: лишенный власти, онъ таится въ сердцахъ развратныхъ людей; обезоруженный вооружается ухищреніями; низверженный силится возстать; пощада рождаетъ въ немъ новую злобу и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и сношеніямъ съ своими единомышленниками, уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ немногими своими приверженцами къ французскимъ берегамъ.—При каждомъ шагѣ находитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и грабительствамъ, королевскія войска, поощряемыя толико же развращенными предводителями къ измѣнѣ законному королю своему, предаются снова беззаконному хищнику. Народъ отчасти буйственный и мятежный, отчасти устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и снова провозглашаетъ императоромъ своимъ низверженнаго и отрекшагося

навсегда отъ обладанія Франціею чужеземца. Король удаляется, и столица Франція отворяетъ врата свои бѣглецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возникаетъ злочестіе, вновь возносится черная злодышущая туча, вновь возгорается толикою кровію и бѣдствіями потушенная война. Но Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость свою: зломысліе, мнившее возстановить прежнюю власть и величіе свое на разногласіи Союзныхъ Державъ, находитъ ихъ противъ чаянія своего единодушными. Всѣ силы ихъ неукоснительно обращаются на потушеніе сего внезапу вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособранныя силы бѣглеца подъ собственнымъ его предводительствомъ поражаются кровопролитнымъ, но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и гордости вторично низлагается и умолкаетъ, послѣднія искры его погасаютъ, народное волненіе утихаетъ, король Людовикъ XVIII возвращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте отвозится въ заточеніе на окруженный пространствомъ океана островъ Святыя Елены, и миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоденствію всѣхъ народовъ, процвѣтаетъ на моряхъ и на земли.

Что изречемъ, Россіяне, любезные Наши вѣрноподанные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей свою силу, простотѣ нашей свою мудрость, слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ

Богомъ, принесетъ намъ честь, славу, и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся. Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, Россійское Христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ Божескою. По краткомъ наказаніи за погрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ намъ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечернимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его является купно и спасительное для насъ поученіе. Да пребываетъ всегда въ памяти и предъ очами нашими претерпѣнное нами наказаніе и приводящая природу въ содроганіе ужасная казнь, постигшая враговъ нашихъ. Она громче небесной трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и безвѣрія! Сія страшная мысль, проницая въ глубину душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣшительное и радостное воспоминаніе о неизреченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проливаетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность къ Богу и любовь къ добродѣтели.

Мы, послѣ толикихъ происшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго Намъ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему Нашей благодарности. Мы видѣли твердость его въ вѣрѣ, видѣли вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ, видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и съ Нами видитъ вся вселенная. Кто, кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ, и что можетъ ему воздать. Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ Нашихъ призывать на него вся благая: да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ Его покровомъ въ роды родовъ!“

Данъ въ С.-Петербургѣ, Генваря 1-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1816, Царствованія же Нашего въ пятоенадесять.

(На подлинномъ подписано): АЛЕКСАНДРЪ.

IX.

Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто, въ думу погружонъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ.
Онъ міру чуждъ былъ; все въ немъ было тайной,—
День возвышенья—и паденья часъ!

М. Лермонтовъ.

X.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ:
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ — и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.
И дѣлу своему владыка самъ дивился:
«Се благо!»—думалъ онъ — и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара, —
Все молча ждетъ удара,
Все пало, подъ яремъ склонились всѣ главы.
«Свершилось!»—молвилъ онъ. «Давно-ль народы міра
Паденье славили великаго кумира?
. . . . . .
Давно ли ветхая Европа свирѣпѣла,
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?
Давно-ль? — И гдѣ же вы, зиждители свободы?

Ну, что жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь — гдѣ же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»
Онъ рекъ — и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо...
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ,
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи.
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари....
Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей —
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.
Нѣтъ: чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи
Владыкѣ Полуночи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.
Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ.....

А. Пушкинъ.

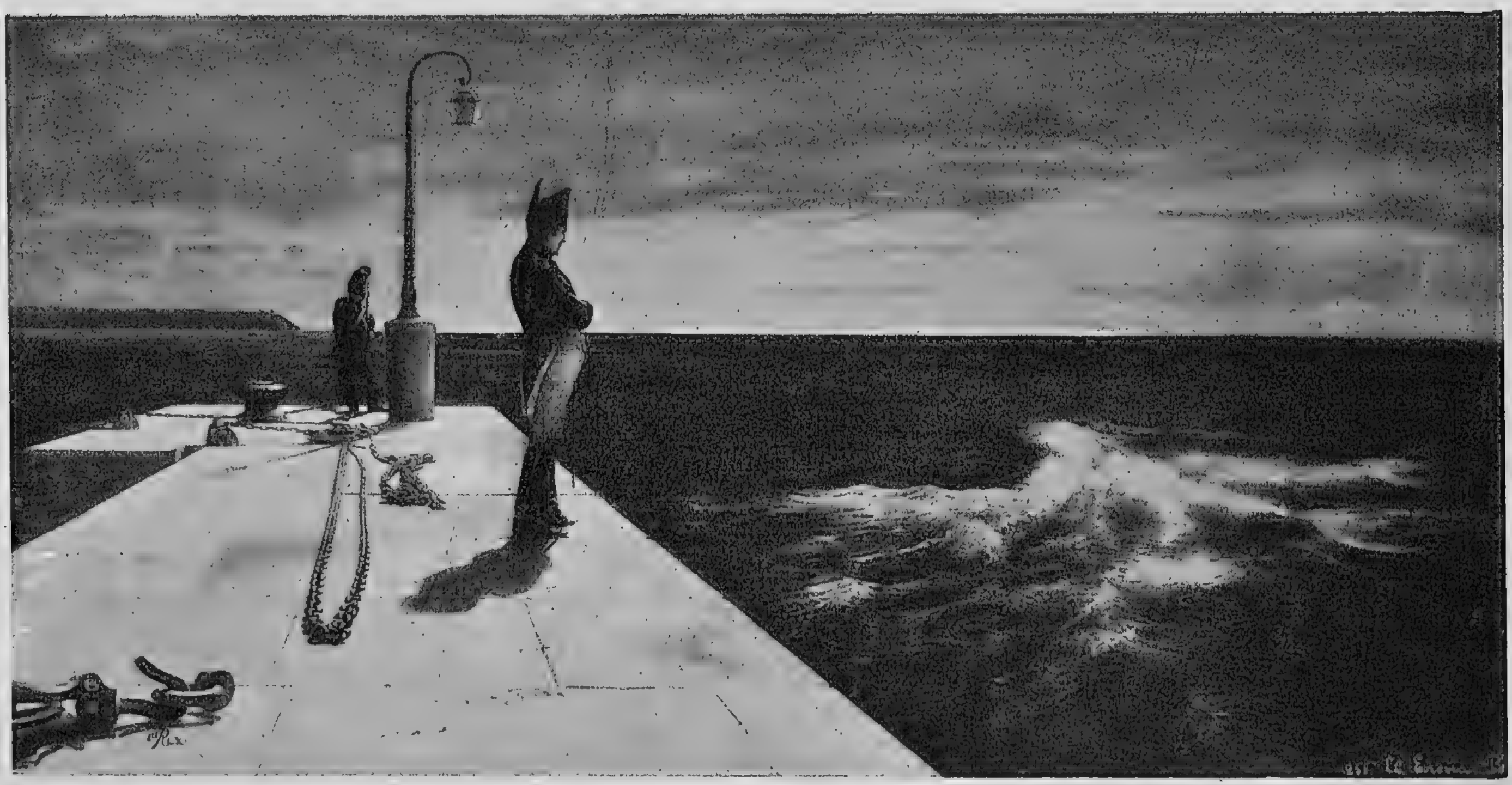
XI.

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Другъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна;
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно



Наполеонъ на островъ Св. Елены. (Ре).

Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнетъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

Другъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда-ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой?
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль,
Войны стремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда-ль, какъ рать герою плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ покрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,

Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Другъ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы — его раздался гласъ,
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

Поэтъ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!

Другъ.

Утѣшься....

А. Пушкинъ.

XII.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ своею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.
Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,—
Свободы яркій день вставалъ;
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Ты жажду власти утолилъ,
Среди рабовъ до упоенья
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
И се! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ (при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ)

Тильзитъ надменнаго Героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ,
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара,
Но поздно русскихъ разгадалъ...
Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ, наконецъ!
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ.
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ.—
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ унынѣ горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ

Его развѣнчанную тѣнь.
Хвала! Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

А. Пушкинъ.

XIII.

Послѣднее новоселье.

Межъ тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
«Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья;
Изъ вольности — орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ сплеча.
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ.
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ святыхъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына —
Вы сына выдали врагамъ![1]).
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ —
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой»....
Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

М. Лермонтовъ.

---

[1]) Онъ воспитывался при австрійскомъ дворѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Стр.

Отъ Тильзита до вторженія Наполеона въ Россію 1—38

I. Тильзитъ—*Л. Толстой.* „Война и миръ“ . . . . . 2—12

II. Въ арміи—*кн. С. Волконскій.* „Записки“ . . . . . 13—15

III. Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ—*гр. Ѳ. Растопчинъ.* „Сочиненія“ . . . . . 15—20

IV. Среди военной молодежи—*кн. С. Волконскій.* „Записки“ . . 20—24

V. Комета 1811 г.—*Д. Завалишинъ.* „Записки декабриста“ . . . 24—26

VI. Московское общество передъ войной:

1) *А. Бестужевъ-Рюминъ*—„Краткое описаніе происшествіямъ въ ст. Москвѣ въ 1812 г.“ Чтенія въ Моск. У-тѣ 1859 г. кн. 2 26

2) *А. Пушкинъ*—„Рославлевъ“ . . . . . 27—29

3) *Д. Благово*—„Разсказы старой бабушки“ . . . . . 30—32

4) Толки о Наполеонѣ въ русскомъ обществѣ—*Г. Данилевскій.* „Сожженная Москва“ . . . . . 32—35

5) Письмо М. А. Волковой къ В. И. Ланской—„Русск. Арх.“ 1872 г. 2 кн. . . . . 5—36

VII. Разрывъ съ Франціей—*М. Фонъ-Визинъ.* „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“ въ сборн. „Общественныя движенія въ началѣ XIX в.“ I . . . . . 36—37

VIII. Кн. Багратіонъ импер. Александру I—*Н. Дубровинъ.* „1812 г. въ письмахъ современниковъ“. Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 43 . . . . . 37—38

ЧАСТЬ II.

Отечественная война.

Глава I. Начало военныхъ дѣйствій.

I. Воззваніе Наполеона къ арміи 10 іюля 1812 г. „Русск. Стар.“ 1877 г. кн. 2 41

II. Приказъ Александра I—*А. Шишковъ.* „Краткія записки адмирала А. Шишкова“ . . . . . 41—43

III. Переходъ черезъ Нѣманъ—*гр. де-Сегюръ.* „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г.“ . . . . . 43—46

Стр.

IV. Переходъ черезъ Нѣманъ—стих. *Я. Полонскаго* 49
V. Народная пѣсня 47
VI. Балашевъ у Наполеона—*Н. Дубровинъ*, см. выше . . . . . 47—51

Глава II. **Настроеніе до взятія Смоленска.**

I. Деревня въ началѣ войны.
1) *Д. Свербеевъ*. „Записки“ . . . . . 51—54
2) Разсказъ смоленскаго дьякона. „Рус. Арх.“ 1881 г. кн. 3 . 54—56
II. Афиша Растопчина 1 іюля „Карнюшка Чихиринъ“ — Растопчинскія афиши . . . . . 57—58
III. Пріѣздъ Александра I въ Москву.
1) *С. Глинка*.—„Записки о 1812 г.“ . . . . . 58—61
2) Ночью въ ожиданіи государя—*А. Хомутова*. „Рус. Арх.“ 1891 г. кн. 3 . . . . . 61—62
3) Въ семьѣ Ростовыхъ—*Л. Толстой*. „Война и миръ“ . . . 62—66
4) Пріемъ въ Слободскомъ дворцѣ — *гр. Ѳ. Ростопчинъ*. „Записки“. „Рус. Ст.“ 1889 г. кн. 12 . . . . . 66—70
5) Откликъ дворянства и купечества на призывъ Александра—*А. Бестужевъ-Рюминъ*. „Краткое описаніе происшествіямъ въ ст. Москвѣ въ 1812 г.“ „Чтенія въ М. У. 1859 г.“ Кн. 2 . . . . . 70—74
Д. Свербеевъ.—„Записки“ . . . . . 74—75
IV. Изъ переживаній русской дѣвушки—*А. Пушкинъ*. „Рославлевъ“ 76—78
V. Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской. „Рус. Арх.“ 1872 г. Кн. 2 . . . . . 78—79
VI. Спектакль 30 іюля въ Москвѣ — *К.* „Вѣстн. Евр.“ 1812 г. Т. XV 79

Глава III. **Смоленскъ.**

I. Въ Смоленскѣ—*Л. Толстой*. „Война и миръ“ . . . . . 80—88
II. Подъ Смоленскомъ — *П. Тучковъ*. „Р. Арх.“ 1873 г. Кн. 10. „Записки“ . . . . . 88—90
III. Наполеонъ въ бесѣдѣ съ плѣннымъ Тучковымъ.—Тамъ же . 90—96
IV. Французы въ Смоленскѣ.
1) *Ц. Ложье*—„Великая армія“ . . . . . 96—97
2) Воззваніе Наполеона къ жителямъ Смоленска и окреснымъ крестьянамъ. — *Слезкинскій*. „Смоленск. партизаны въ 1812 г.“. „Р. Ст.“ 1900 г. Кн. 9 . . . . . 97—98
V. Недовольство Барклаемъ и интриги противъ него.—*И. Жиркевичъ*. „Записки“. „Рус. Ст.“ 1874 г. Кн. 8 . . . . . 98—100
Письмо Багратіона Аракчееву. Бумаги, изд. П. Щукинымъ, томъ VIII 100

Стр.

Письмо Растопчина Александру I. „Рус. Арх." 1892 г. Кн. 8. 101
Письмо Растопчина Багратіону. „Рус. Ст." 1883 г. Кн. 12 . . 101—102
Письмо Багратіона Аракчееву. Бумаги, изд. П. Щукинымъ, т. VIII. Добавленіе къ письму изъ Н. Дубровина см. выше. 103—104
VI. Полководецъ—стих. *А. Пушкина* . . . . . 105—106
Замѣтка *А. Пушкина*. „Современникъ", 36 г. т. IV 107
VII. Изъ московскихъ настроеній — *Г. Данилевскій*. „Сожженная Москва" . . . . . 107—109

Глава IV. **Послѣ взятія Смоленска.**

I. Изъ письма Растопчина Багратіону. „Рус. Ст.", 1883 г., кн. 12. 110
II. Изъ письма Растопчина Александру I. „Рус. Арх." 1892 г., кн. 8 . . . . . 110—111
III. Въ Москвѣ—*гр. Ѳ. Растопчинъ*. „Записки". „Рус. Ст." 1889 г., кн. 12 . . . . . 111—115
IV. Высылка Растопчинымъ французовъ изъ Москвы—*А. Домергъ*. „Воспоминанія о Россіи". „Ист. Вѣстн." 1881 г., кн. 7 . . . 115—120
V. Мистическія настроенія.
1) *Л. Толстой*—„Война и миръ" . . . . . 120—122
2) *А. Шишковъ*—„Краткія записки" 122
3) *Гр. Ѳ. Растопчинъ*—„Записки". „Рус. Ст.", 1889 г., кн. 12 122—123
VI. Раздача оружія въ Москвѣ 25 августа — *Очевидецъ*. „Моск. Вѣд." 1872 г., № 52 . . . . . 123—124
VII. Въ провинціи—*М. Маракуевъ*. „Записки ростовца". „Рус. Арх.", 1907 г., кн. 2 . . . . . 125—127

Глава V. **Бородино—Москва.**

I. Передъ битвой въ русской арміи—*Н. Муравьевъ*. „Записки". „Рус. Арх.", 1885 г.", кн. 3 127
II. Наполеонъ передъ битвой—*гр. де-Сегюръ*. „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г.". Изд. „Образованія" . . . . . 127—133
III. Бородино (Редутъ Раевскаго)—*Л. Толстой*. „Война и миръ" . 133—142
IV. Стихи, написанные 20-лѣтнимъ французскимъ офицеромъ, тяжело раненымъ въ сраженіи Бородинскомъ. Съ фр.—*С. Ивановъ*. „В. Евр." 1819 г., CIII., № 2 . . . . . 142—143
V. Русская армія послѣ битвы—*Н. Муравьевъ*. „Записки". „Рус. Арх.", 1885 г., кн. 3 . . . . . 143—144
VI. Французская армія послѣ битвы — *Ц. Ложье*. „Великая армія" . . . . . 144—146
VII. Поле Бородинскаго сраженія (элегія)—*В. Туманскій* . . . . . 146—148
VIII. Совѣтъ въ Филяхъ—*Л. Толстой*. „Война и миръ" . . . . . 148—152
IX. Отъ Бородина черезъ Москву — *ген. В. Левенштернъ*. „Записки". „Рус. Ст.", 1901 г., кн. 1 . . . . . 152—156

Стр.

Глава VI. **Москва передъ сдачей.**

I. 30 и 31 августа — *А. Бестужевъ-Рюминъ.* „Краткое описаніе происшествіямъ въ ст. Москвѣ въ 1812 г.“ „Чтенія Моск. У-та“. 1859 г., кн. 2. Примѣч. изъ „Мелочей“ *М. Дмитріева* . . . . . 157—160
II. Оставленіе Москвы.
1) *Д. Свербеевъ*—„Записки“ . . . . . 160—163
2) *Ф. Вигель*—„Записки“ . . . . . 163—164
III. Убійство Верещагина — *К. Павлова.* „Воспоминанія“. „Рус. Арх.“ 1875, кн. 10 . . . . . 164—165
IV. Растопчинъ и Верещагинъ—*Л. Толстой.* „Война и миръ“ . . 165—172

Глава VII. **Французы въ Москвѣ.**

I. Въ виду Москвы 2 сентября—*Ц. Ложье.* „Великая армія“ . . 173—174
II. Наполеонъ на Поклонной горѣ—*гр. де-Сегюръ.* „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г.“ см. выше . . . . . 174—176
III. Воробьевы горы—стих. *А. Майкова* . . . . . 176—177
IV. Вступленіе французовъ въ Москву — *А. Бестужевъ-Рюминъ.* „Краткое описаніе происшествіямъ въ ст. Москвѣ въ 1812 г.“ „Чтенія Моск. У-та“ 1859 г., кн. 2 . . . . . 177—179
V. Письмо приказчика Максима Сокова къ И. Р. Баташову. „Рус. Арх.“ 1871 г., кн. 6 . . . . . 179—184
VI. Великая панихида—стих. *Н. Щербина* 184
VII. Пожаръ Москвы въ 1812 г.—*Лордъ Д. Байронъ.* „Бронзовый вѣкъ“ 185
VIII. Первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ—*А. Герценъ.* „Былое и думы“ . . . . . 185—191
IX. Наполеонъ о московскомъ пожарѣ — *О'Мэара.* „Наполеонъ въ изгнаніи“ . . . . . 191—192
X. Уходъ Наполеона изъ Москвы отъ пожара — *гр. де-Сегюръ.* „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г.“ . . . . . 192—195
XI. Разстрѣлъ „поджигателей“—*Л. Толстой.* „Война и миръ“ . . 195—199
XII. „Провозглашеніе“ 19 сентября—*Н. Дубровинъ*, см. выше . . 199—200
XIII. Злоключенія русскихъ въ Москвѣ — *П. Ивановъ.* „Свѣдѣніе о сочинителѣ краткаго описанія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 г.“ „Чтенія Моск. У-та“ 1859 г., кн. 2 . . . . . 200—203
XIV. Дезорганизація французской арміи—*Бар. Дедемъ.* „Рус. Ст.“ 1900 г., кн. 7 . . . . . 203—206
XV. На пепелищѣ. — Разсказъ дворовой женщины о 1812 г. „Рус. Арх.“ 1871 г., кн. 6 . . . . . 206—209
XVI. Ворона и курица—басня *И. Крылова* . . . . . 209—210
XVII. Уходъ французовъ изъ Москвы—*гр. де-Сегюръ.* „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г.“ . . . . . 210—215

Стр.

Глава VIII. Русское общество и армія во время пребыванія французовъ въ Москвѣ.

I. Изъ письма Растопчина женѣ. „Рус. Арх." 1901 г., кн. 5 . . 215—216
II. Графъ Мишо у Александра I.—Графъ Мишо къ флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому о разговорѣ съ импер. Александромъ. — *Шильдеръ*. Имп. Александръ I, т. III, прилож. XVII . . . . . 216—219
III. Въ Петербургѣ послѣ сдачи Москвы—*графиня Эделингъ*. „Записки". „Рус. Арх." 1887 г., кн. 2 . . . . . 219—221
IV. Обозъ—басня *И. Крылова* . . . . . 221—222
V. Изъ переписки Вел. Кн. Екатерины Павловны съ Александромъ I.—„Письма Александра I и Вел. Кн. Екатерины Павловны" . . . . . 223—230
VI. Кн. С. Волконскій у Александра I—*кн. С. Волконскій*. „Записки" . . . . . 230—234
VII. Въ провинціи—*Ф. Вигель*. „Записки" . . . . . 234—235
VIII. Въ деревнѣ—„Народная война въ Смоленской губ. въ 1812 г." „Рус. Арх." 1901 г., кн. 5 235
IX. Изъ писемъ О. Поздѣева:
1) Къ С. Ланскому 236
2) Къ А. Разумовскому 237
„Рус. Арх." 1872 г., кн. 2.
X. Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской. „Рус. Арх." 1872 г., кн. 2 . . . . . 237—238
XI. Изъ письма К. Батюшкова къ Н. Гнѣдичу. Сочиненія Батюшкова . . . . . 238—239
XII. Русская Шарлота Кордэ—*А. Пушкинъ*. „Рославлевъ" . . . . 239—242
XIII. Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской. „Рус. Арх." 1872 г., кн. 2 243
XIV. Въ глуши Россіи—*Д. Завалишинъ*. „Записки декабриста" . . 243—244
XV. Въ арміи:
1) Письмо гр. Ѳ. Растопчина къ женѣ. „Рус. Арх." 1901 г., кн. 5 . . . . . 244—247
2) Робертъ Вильсонъ императору Александру—*Н. Дубровинъ*. „1812 г. въ письмахъ современниковъ". См. выше . 247—249
3) Растопчинъ—женѣ. „Рус. Арх." 1901 г., кн. 5 . . . . . 250—251
4) Гр. Ѳ. Растопчинъ—кн. Горчакову . . . . . 251—252
5) Изъ письма кн. М. Барклая-де-Толли—императору Александру I . . . . . 252—253
6) Кн. М. Барклай-де-Толли—кн. М. Кутузову . . . . . 253—255
7) Р. Вильсонъ — императору Александру. — *Н. Дубровинъ*. „1812 г. въ письмахъ современ." См. выше . . . . . 255—256
8) Гр. Л. Бенигсенъ и кн. М. Кутузовъ — отрывокъ изъ стат. *А. Воейкова*. Бумаги, изд. П. Щукинымъ, т. VII . . . . . 256—258
9) Подъ Тарутинымъ—*Д. Мордовцевъ*. „1812 годъ" . . . . . 258—265

Стр.

Глава IX. **Отъ Москвы до Нѣмана.**

I. По слѣдамъ отступающей арміи — *Н. Муравьевъ*. „Записки". „Рус. Арх." 1885 г., кн. 2 . . . . . 265—269
II. Бѣдствія французской арміи.—*Сержантъ Бургонь*.—„Пожаръ Москвы и отступленіе французовъ". Изд. Суворина . . . . 269—275
III. Сказаніе о 1812 годѣ—стих. *А. Майкова* . . . . . 275—277
IV. Наказъ партизана.—*Д. Давыдовъ*. „Воспоминанія" . . . . . 277—279
V. Давыдовъ и Фигнеръ.—*Д. Давыдовъ*. Тамъ же . . . . . 279—281
VI. Партизанъ.—Стих. *Д. Давыдова* . . . . . 281—282
VII. Старая гвардія отступаетъ.—*Д. Давыдовъ*. „Воспоминанія" . 282—283
VIII. Въ плѣну у французовъ—*Л. Толстой*. „Война и миръ" . . 283—287
IX. Отрядъ Фигнера:
1) У французовъ на привалѣ. Изъ писемъ подполковника *К. Бискупскаго*. Бумаги, изд. Щукинымъ, т. VII . . . . . 287—289
2) Фигнеръ и плѣнные французы. Тамъ же . . . . . 289—293
X. Ополченцы. — *Де-ля-Флизъ*. „Походъ великой арміи". „Рус. Ст." 1892 г., кн. 3 . . . . . 293—295
XI. Отсупленіе Нея—*гр. де-Сегюръ*. „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г." . . . . . 295—304
XII. Французская армія передъ Березиной — *Сержантъ Бургонь*. „Пожаръ Москвы и отступленіе французовъ" см. выше . . 304—307
XIII. Приказъ адмир. Чичагова о поимкѣ Наполеона. „Рус. Стар." 1892 г., т. XII . . . . . 307—308
XIV. Катастрофа на мостахъ—*Ц. Ложье*. „Великая армія" . . . . 308—312
XV. Народная пѣсня . . . . . 312—313
XVI. Русскіе у Березины—*ген. В. Левенштернъ*. „Записки". „Рус. Ст." 1901 г., кн. 1—2 . . . . . 313—316
XVII. Щука и котъ—басня *И. Крылова* . . . . . 316—317
XVIII. Березина—*Адм. Чичаговъ*. „Записки". „Рус. Арх." 1869 г. . 317—325
XIX. Крестьяне и армія въ концѣ войны—*Н. Тургеневъ*. „Россія и русскіе", 1 ч., русск. изд. . . . . 325—326
XX. Отъѣздъ Наполеона изъ арміи—*гр. де-Сегюръ*. „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г." . . . . . 326—329
XXI. Искупленіе—стих. *Виктора Гюго*, переводъ Сергѣя Кречетова. 329—330
XXII. Обратно черезъ Нѣманъ—*гр. де-Сегюръ*. „Исторія Наполеона и великой арміи въ 1812 г." . . . . . 331—333

Глава X. **Послѣ выхода французовъ изъ Москвы.**

I. Въ Москву—*М. Маракуевъ*. См. выше . . . . . 334—335
II. Изъ письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской. См. выше . 335—336
III. Въѣздъ въ Москву—*А. Пушкинъ*. „Евгеній Онѣгинъ" . . . 336—337
IV. Возвращеніе русскихъ въ Москву—докторъ *Газо*. „Рус. Ст." 1893 г., кн. I . . . . . 337—339
V. Посланіе къ Дашкову—стих. *К. Батюшкова* . . . . . 339—340

	Стр.
VI. Москва обстраивается—*Л. Толстой.* „Война и миръ“	341—343
VII. Новобранецъ 1812 г.—*И. Лажечниковъ*	345—352
VIII. Москва послѣ пожара—*М. Маракуевъ.* См. выше	352—353
IX. „1812 г.“—*А. Грибоѣдовъ*	353—355
X. Учитель изъ плѣнныхъ французовъ—*И. Тургеневъ,* „Однодворецъ Овсяниковъ“	355—357
IX. Гренадеры—стих. *Г. Гейне*	358

ЧАСТЬ III.

Послѣ Отечественной войны.

I. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1 января 1813 г.—стих. *К. Батюшкова*	361
II. Къ тѣни полководца—стих. *А. Пушкина*	361—362
III. Изъ итоговъ войны 1812 г.—*Ф. Вигель.* „Записки“	362—365
IV. Паденіе кипариса—*А. Шишковъ.* „Краткія записки“	365—366
V. Событія 1813 и 1814 гг.—*Н. Тургеневъ.* „Россія и русскіе“ .	367—372
VI. Изъ итоговъ заграничныхъ походовъ.	
1) *Кн. С. Волконскій.* „Записки“	372—373
2) *Якушкинъ.* „Записки“	373—377
3) *А. Бестужевъ.* Письмо къ имп. Николаю. Бороздинъ. „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“	377—378
4) *Н. Тургеневъ.* См. выше	378—380
VII. Заграничныя впечатлѣнія и русская дѣйствительность—*Фонъ-Визинъ.* См. выше	380—385
VIII. Манифестъ Александра I.—*А. Шишковъ.* См. выше	385—388
IX. Св. Елена—стих. *М. Лермонтова*	389
X. „Недвижный стражъ дремалъ“...—стих. *А. Пушкина*	389—390
XI. Герой—стих. *А. Пушкина*	390—392
XII. Наполеонъ — стих. *А. Пушкина*	392—395
XIII. Послѣднее новоселье—стих. *М. Лермонтоза*	395—396